

К. В. ОСТРОВИТЯНОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ
ДОСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
ФОРМАЦИЙ

Избранные произведения

**КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ
ОСТРОВИТЯНОВ**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

К. В. ОСТРОВИТЯНОВ

Избранные произведения
в двух томах

ТОМ

1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ
ДОСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
ФОРМАЦИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1972

Первый том избранных произведений академика К. В. Островитянова содержит работы, посвященные вопросам экономики досоциалистических формаций и общеметодологическим проблемам политической экономии. В том вошли работы, раскрывающие развитие В. И. Лениным марксистской экономической теории капитализма. В этих работах дан глубокий анализ вклада В. И. Ленина в политическую экономию капитализма, раскрыто содержание ленинского этапа в развитии марксистской экономической науки.

К. В. Островитянов одним из первых дал подробный анализ борьбы В. И. Ленина с буржуазным народничеством и «легальным марксизмом», раскрыл научное и революционное значение фундаментального труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Один из разделов работы посвящен анализу докапиталистических формаций.

Работа рассчитана на широкие круги читателей, интересующихся проблемами политической экономии.

Редакционная коллегия:

академик А. М. РУМЯНЦЕВ (ответственный редактор),

академик Т. С. ХАЧАТУРОВ,

член-корр. АН СССР В. А. ВИНОГРАДОВ,

член-корр. АН СССР Л. М. ГАТОВСКИЙ,

член-корр. АН СССР А. И. ПАШКОВ,

канд. экон. наук В. Е. МАНЕВИЧ

(ученый секретарь редакционной коллегии)

ОТ РЕДАКЦИИ

Избранные произведения академика К. В. Островитянова публикуются в двух томах. В первом томе даются избранные работы автора по вопросам экономики досоциалистических формаций, во втором — по вопросам политической экономии социализма. В пределах первого тома работы сгруппированы также и по отдельным проблемам, в связи с чем хронологическая последовательность первой публикации материала не соблюдена. Во втором томе материалы расположены в хронологической последовательности их первой публикации.

Работы академика К. В. Островитянова охватывают длительный период развития советской экономической мысли — более четырех десятилетий. За это время понимание автором вопросов экономики социализма развивалось, как развивалась и вся советская экономическая мысль. От толкования некоторых вопросов, относящегося к первым десятилетиям его литературной деятельности, автор позже отказался, а истолкование ряда других вопросов впоследствии им самим было уточнено.

Большая вспомогательная работа по подготовке произведений академика К. В. Островитянова к печати выполнена младшим научным сотрудником Института экономики АН СССР Т. П. Буринской.

Все ссылки на произведения классиков марксизма-ленинизма даются по последним изданиям.

Академик К. В. Островитянов внес большой вклад в развитие политической экономии, изучение и популяризацию теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма, в совершенствование преподавания политической экономии. В течение нескольких десятилетий он работал в области экономической теории, принимал активное участие в теоретических дискуссиях, руководил кафедрами политической экономии, научными учреждениями и журналами. Он был широко известен научной общественности в нашей стране и за рубежом.

Константин Васильевич Островитянов родился '30 (18) мая 1892 г. в селе Бычки Тамбовской губернии в семье священника. С 1902 по 1912 г. он учился в Тамбовском духовном училище, а затем в духовной семинарии. После окончания семинарии он поступил в Киевский и затем в Московский коммерческий институт. Среди профессоров, читавших в то время лекции в Московском коммерческом институте, были видные буржуазные экономисты: Туган-Барановский, Булгаков и др. Уже в студенческие годы сложился глубокий интерес К. В. Островитянова к проблемам экономической теории.

К. В. Островитянов пришел к марксистскому мировоззрению еще в годы учения в Тамбовской семинарии. С той поры он неразрывно соединял верность марксистскому мировоззрению, увлечение марксистской политической экономией с практической революционной борьбой за освобождение рабочего класса.

В 1914 г. К. В. Островитянов вступил в РСДРП(б). В годы первой мировой войны работал в Московской организации, был знаком с М. И. Ульяновой, которая поддерживала связь с заграничным центром партии, с В. И. Лениным. Через М. И. Ульянову Московская партийная организация получала литературу из-за границы: номера центрального органа партии газеты «Социал-демократ», брошюры В. И. Ленина, выходящие за границы, и другие нелегальные издания. К. В. Островитянов получал нелегальную литературу непосредственно от М. И. Ульяновой, активно участвовал в ее распространении, вел революционную пропаганду на заводах, участвовал в организации стачек.

В 1916 г. К. В. Островитянов был избран в Московский комитет партии и на первом же его заседании арестован.

Освобожденный из тюрьмы Февральской революцией, К. В. Островитянов отдает все свои силы партийной работе; он был одним из руководителей Замоскворецкой партийной организации большевиков, избирался в местные органы Советской власти. Впоследствии, в своей книге воспоминаний «Думы о прошлом», К. В. Островитянов осветил историю подготовки революции и хода Октябрьских боев в Москве.

В дни подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Москве К. В. Островитянов находился на посту секретаря военно-революционного комитета Замоскворечья, являлся одним из активных участников восстания.

После Октябрьской революции К. В. Островитянов находился на ответственной партийной и советской работе. В 1918—1919 гг. он был членом исполкома Замоскворецкого районного Совета депутатов, заведовал Отделом народного образования; в 1919—1921 гг. работал секретарем Замоскворецкого райкома РКП(б), секретарем Бауманского райкома, членом бюро Московского комитета партии. С конца 1921 г. он переходит на научно-педагогическую работу.

За годы научной деятельности им было опубликовано более 200 работ, в том числе 36 книг и брошюр, 122 статьи в сборниках, журналах и газетах, 11 рецензий.

Красной нитью через все научное творчество К. В. Островитянова проходит изучение теоретического наследия В. И. Ленина. Уже в 30-х годах он выступил с рядом крупных статей, посвященных развитию В. И. Лениным марксистской политической экономии.

Овладение ленинским наследием было важнейшей задачей советских экономистов в 20—30-х годах, необходимым условием для преодоления антиленинских течений в экономической литературе, для правильного решения коренных вопросов социалистического преобразования страны, для налаживания социалистической экономики. Важную роль в овладении ленинским наследием сыграли работы К. В. Островитянова.

Раскрывая содержание ленинских работ, К. В. Островитянов подчеркивал, что вклад Ленина в марксистскую политическую экономию открывает качественно новый этап ее развития; он показал, что уже в работах Ленина 90-х годов содержатся теоретические и методологические выводы, характеризующие новый этап в развитии марксистской политической экономии.

Изучение К. В. Островитяновым ленинских работ охватывает широкий круг проблем, начиная от вопросов о судьбах капитализма в России и кончая проблемами перерастания социализма в коммунизм. Он одним из первых дал подробный анализ борьбы В. И. Ленина с буржуазным народничеством и «легальным марксизмом», раскрыл научное и революционное значение фундамен-

тального труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» как обоснования программы пролетарской партии в первой русской революции. В работах Островитянова раскрывается роль Ленина в развитии марксистской теории аграрного вопроса, создание Лениным теории империализма, анализируется ленинский план построения социализма в нашей стране. В 1960 г. Островитянов выступил со статьей «Ленин о закономерностях перехода к коммунизму».

Глубоко и последовательно раскрыл К. В. Островитянов роль В. И. Ленина в защите и развитии метода марксистской политической экономии.

Изучение ленинских трудов послужило методологической и теоретической базой для разработки К. В. Островитяновым актуальных вопросов экономической теории социализма.

К. В. Островитянов был автором (совместно с И. А. Липидусом) одного из первых марксистских учебников по политической экономии. Вышедший впервые в 1928 г., этот учебник выдержал 8 изданий на русском языке (последнее издание — в 1934 г.) общим тиражом 2 млн. экземпляров, был переведен на многие иностранные языки.

Учебник Островитянова и Липидуса явился одним из первых учебных курсов, излагавших не только политическую экономию капитализма, в том числе раздел по теории империализма, но и, что особенно важно, закономерности развития советского хозяйства. В первых изданиях учебника вопросы политической экономии социализма рассматривались в качестве приложения к разделам по теории капитализма, а некоторые из них были вынесены в заключительный раздел — «Экономика переходного периода». В пятом издании учебника (1930 г.) весь материал по экономической теории советского хозяйства был сведен в один раздел. Это была одна из первых попыток дать систематическое изложение теории советского хозяйства в учебном курсе. Вместе с тем учебник Островитянова и Липидуса сыграл важную роль в формировании политической экономии социализма.

Большое внимание в книге уделялось вопросам методологии изучения советского хозяйства. Вопросы эти были весьма актуальны в то время, когда экономическая теория социализма находилась в стадии становления, велась активная борьба с антимарксистскими теориями в экономической науке, с ошибочными представлениями о характере и закономерностях советской экономики. Авторы учебника обстоятельно показали направляющую роль социалистического уклада в советской экономике, ведущую роль Коммунистической партии и Советского государства в переходный период, осветили вопрос о регуляторе советского хозяйства. Эти вопросы были остродискуссионными в те годы, и правильная их постановка и решение имели первостепенное значение для развития политической экономии и ее преподавания.

Вопрос о регуляторе советского хозяйства включал в себя проблему использования стоимостных форм в период строительства социализма, проблему соотношения плана и товарно-денежных отношений. Ряд участников дискуссий, преимущественно из рядов буржуазной профессуры, ратовали за развязывание рыночной стихии, объявляли закон стоимости фактором, регулирующим советское хозяйство. Теоретик троцкизма Е. Преображенский выдвинул теорию двух регуляторов: закона стоимости для капиталистического сектора (с которым он отождествлял и мелко-товарный сектор) и так называемого закона «первоначального социалистического накопления» — для социалистического сектора. Ряд экономистов вообще отрицали необходимость учитывать действие закона стоимости при регулировании советского хозяйства.

В отличие от экономистов, тянувших советскую экономику назад, к рыночной стихии, или же пытавшихся перепрыгнуть через ряд этапов, отмахнуться от действия закона стоимости в советском хозяйстве, в учебнике К. В. Островитянова и И. А. Лапидуса и в последующих работах К. В. Островитянова ставилась задача органического сочетания плана с товарными формами, планового регулирования, руководства хозяйством посредством товарных форм: денег, цен, кредита и т. д. «В советском хозяйстве, — говорилось в учебнике, — пропорциональность в распределении труда по отдельным отраслям производства в соответствии с переходным характером этого хозяйства достигается сочетанием планового руководства с законом стоимости. При этом ведущая роль находится на стороне планового руководства»¹.

Стоимостные формы рассматривались в учебнике не как внешние, чуждые советской экономике формы, выполняющие только функции учета, но как формы содержательные, обслуживающие не только учет, но и реальное движение продукта в процессе общественного воспроизводства. Необходимость товарно-денежных форм авторы учебника связывали со спецификой производственных отношений в советском хозяйстве в целом. «Возникает вопрос, — говорилось в учебнике, — какое же... содержание скрывается за этими формами и играет ли какое-либо значение самый факт сохранения этих форм?.. Поскольку двумя основными секторами, определяющими в основном характер производственных отношений советского хозяйства, является социалистический сектор, с одной стороны, и сектор мелкого крестьянского земледелия — с другой, то в основном производственные отношения советского хозяйства могут быть сведены к двум проблемам: во-первых, к проблеме взаимоотношения между рабочим классом в целом, организованным в государство, и отдельными рабочими как частями этого целого, а также проблеме взаимоотношений между отдельными группами рабочих, во-вто-

¹ И. А. Лапидус и К. В. Островитянов. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М., 1928, стр. 473.

рых, к проблеме взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством»².

Таким образом, необходимость товарно-денежных форм авторы учебника связывали, во-первых, с отношениями между обществом и отдельными трудящимися, во-вторых, с отношениями между коллективами трудящихся и, в-третьих, между секторами переходной экономики.

В учебнике делалась попытка проанализировать категории заработной платы, прибыли, кредита, денежного обращения в советском хозяйстве. При этом подчеркивалось коренное отличие содержания этих категорий в советском хозяйстве от одноименных категорий при капитализме, планомерный характер их использования в советском хозяйстве.

Заработная плата определялась в учебнике как доля общественного продукта, идущая на потребление работников сферы материального производства; подчеркивалась прямая связь роста заработной платы с ростом производительности труда как особенность и преимущество социалистического производства, анализировались формы заработной платы.

В учебнике давался анализ денег и денежного обращения в советском хозяйстве, делался вывод, что в советском хозяйстве функционируют кредитные деньги, имеющие реальное золотое содержание. Говоря о деньгах и денежном обращении, авторы учебника не ограничивали их роль только обслуживанием распределения предметов потребления (что было характерно для экономической литературы 20—30-х годов), а указывали и на обслуживание деньгами кругооборота «капиталов» государственной промышленности.

Развитие социалистической экономики выдвигало перед экономической наукой ряд коренных теоретических проблем, прежде всего вопрос о характере действия экономических законов при социализме, требовало от экономической науки раскрытия содержания важнейших экономических законов, разработки приемов и методов их планомерного использования. К. В. Островитянов постоянно обращался к проблеме сущности экономических законов социалистического общества и их использования, рассматривая эту проблему и как общеметодологическую, применительно ко всем законам социализма, и применительно к отдельным законам — об основном экономическом законе социализма, о законе планомерного развития, о законе стоимости и др.

Проблема объективности экономических законов социализма обсуждалась в советской экономической литературе уже в 30—40-х годах. В те годы было распространено мнение, что государство диктатуры пролетариата само способно творить экономические законы. В статье «К вопросу об изучении закономерностей советской экономики» (1933 г.) К. В. Островитянов решительно

² И. А. Ланидус и К. В. Островитянов. Указ. соч., стр. 367.

подчеркивал объективный характер экономических законов социализма, необходимость их научного познания. Вопреки распространенным ошибочным утверждениям, что диктатура пролетариата господствует над экономическими законами в смысле их произвольного создания или уничтожения, Островитянов писал: «Мы всю нашу экономическую политику строим на учете объективных возможностей, на основе глубокого знания экономических закономерностей. Но мы не подчиняем нашу волю этим закономерностям, а господствуем над ними в том смысле, что сознательно их применяем и используем сообразно нашим интересам, интересам построения социализма»³.

В 1946 г. К. В. Островитянов выступил со статьей: «О роли экономических рычагов в организации социалистического производства и распределения»⁴. В этой статье он подверг анализу такие важные вопросы, как заработная плата, хозяйственный расчет, цены, кредит и т. д., рассматривал их как звенья единой системы хозяйствования, стимулирующие дальнейшее развитие социалистического производства, рост производительности труда и жизненного уровня трудящихся. Проблема использования экономических законов освещалась К. В. Островитяновым и в последующих работах: «Роль Советского государства в развитии социалистической экономики» (1947 г.), «Манифест Коммунистической партии» (1948 г.), «Использование экономических законов социализма в практике коммунистического строительства» (1955 г.). Одним из первых К. В. Островитянов исследовал действие экономических законов социализма в масштабе мировой социалистической системы, выступив со статьей «Победа социализма в СССР и образование социалистической системы мирового хозяйства» (1957 г.).

Методологические проблемы политической экономики К. В. Островитянов разрабатывал в течение всей своей научной деятельности. Он принимал участие в дискуссиях конца 20-х годов о предмете политической экономии, выступая совместно с другими экономистами против механистических извращений марксистской методологии политической экономии.

Работы К. В. Островитянова во многом способствовали овладению советскими экономистами марксистско-ленинской методологией политической экономии. В 1954 г. вышла в свет его брошюра «Предмет политической экономии», представлявшая систематическое изложение марксистско-ленинского учения о предмете и методе политической экономии, обогащенного опытом социалистического строительства и создания политической экономии социализма.

Целый ряд методологических вопросов необходимо было разрешить в связи с подготовкой нового учебника политической экономии.

³ «Вестник Коммунистической академии», 1933, № 4.

⁴ «Деньги и кредит», 1946, № 11—12.

Работа над созданием нового учебника политической экономии, который призван был дать цельное изложение политической экономии в широком смысле слова — от первобытного общества до социалистического включительно, — велась по заданию ЦК партии с конца 30-х годов большим коллективом экономистов, руководство которым после войны было возложено на К. В. Островитянова. Макет учебника обсуждался в ЦК КПСС и дорабатывался; широкое обсуждение макета учебника состоялось в 1951 г. в ходе Всесоюзного совещания экономистов. В 1954 г. учебник вышел под маркой Института экономики АН СССР. Учебник политической экономии отразил и обобщил достижения советской экономической науки, сделанные к тому времени; вместе с тем, созданный группой ведущих экономистов, он во многом продвинул вперед разработку теоретических проблем. Учебник выдержал четыре издания на русском языке, причем в каждое новое издание были внесены существенные улучшения и дополнения. Учебник был переведен на многие языки народов СССР, народов социалистических стран и стран капитализма.

Раздел учебника, охватывающий систему производственных отношений социализма, должен был базироваться на научном анализе взаимосвязи этих отношений, на выделении основных, определяющих моментов в экономическом строе социализма. В учебнике в качестве важнейшего исходного отношения выделена социалистическая форма собственности на средства производства. Именно форма собственности определяет характер труда при социализме, присущие ему неантагонистические противоречия; на основе общественной формы собственности возникают и действуют экономические законы социализма: основной экономический закон, закон планомерного развития и др. Общественная социалистическая собственность обуславливает необходимость товарного производства и обращения, действие закона стоимости при социализме; с товарным производством, обусловленным социалистической формой собственности, необходимо связаны стоимостные формы и категории, присущие социалистической экономике: деньги, цены, кредит и т. д.

Положение об определяющей роли формы собственности для всей системы производственных отношений социализма, о ее значении как исходной категории политической экономии социализма К. В. Островитянов развивал и отстаивал в целом ряде своих статей и устных выступлений в ходе дискуссии по методологическим проблемам в 1963—1964 гг. Он защищал марксистское понимание собственности как экономической, а не только юридической категории. Категория собственности может быть до конца раскрыта лишь на основе изучения всего данного способа производства, всей системы производственных отношений; однако отсюда не следует, что форма собственности тождественна этой системе, так как «без выделения экономической категории собственности из всей совокупности производственных отношений и

определения ее сущности невозможно не только раскрыть ее роль в развитии экономической системы социализма, но и приступить к такому исследованию», — подчеркивал К. В. Островитянов в своем выступлении на дискуссии в МГУ по проблемам методологии политической экономии, проходившей в 1964 г.

Разрабатывая методологические вопросы, К. В. Островитянов неизменно исходил как из единства предмета и метода всей политической экономии в широком смысле слова, так и из специфических черт предмета и метода политической экономии социализма, определяемых спецификой социалистических производственных отношений. Политической экономии социализма, — подчеркивал он, — присуща своя внутренняя логика, в корне отличная от внутренней логики политической экономии капитализма; если частная собственность на средства производства порождает раздробленные, атомистические отношения производителей, то общественная собственность объединяет производителей в масштабе всего народного хозяйства. Поэтому и исходные категории политической экономии социализма носят народнохозяйственный, а не атомистический характер.

К. В. Островитянов подверг глубокой критике утверждение ряда экономистов о том, что исходной категорией политической экономии социализма является не форма собственности, а плановость. Он показал несостоятельность абсолютизации плановости, упрощенно представлявшую социализм как царство всеобщей плановости, а капитализм — как анархию и стихийность. В условиях монополистического капитализма стихийность капиталистического производства сочетается с целой системой государственного воздействия и регулирования в интересах монополистической буржуазии. С другой стороны, плановость в социалистическом обществе нельзя рассматривать вне реальной практики хозяйствования, необходимо предполагающей творческую инициативу, самостоятельность коллективов и предприятий, товарно-денежные формы связей между предприятиями. Противопоставление плановой и товарной форм экономических связей как полярно противоположных экономических «клеточек» не обосновано ни логически, ни фактически, писал К. В. Островитянов.

Значительное место в научном творчестве К. В. Островитянова занимала разработка вопроса о товарном производстве и законе стоимости при социализме, исследование стоимостных форм социалистического хозяйства: денег, цены, кредита, хозяйственного расчета и т. д.

Уже в конце 20-х годов К. В. Островитянов подчеркивал, что товарно-денежные формы в советской экономике в корне отличаются от товарно-денежных форм при капитализме. Им было сформулировано и развито положение о том, что товарные формы в советском хозяйстве переходного периода выражают не столько присутствующие в этом хозяйстве элементы стихии, но главным образом они выражают и опосредствуют плановое движение

общественного продукта, планомерный ход воспроизводства. Положения, выдвинутые К. В. Островитяновым в 20—30-х годах, сыграли важную роль в формировании правильного понимания вопроса о товарно-денежных отношениях и законе стоимости при социализме.

Разработка вопроса о товарном производстве и законе стоимости при социализме была продолжена К. В. Островитяновым в 40—50-х годах. В ряде статей в журналах «Плановое хозяйство», «Вопросы экономики» К. В. Островитянов развил объяснение причин товарного производства при социализме, хотя нужно отметить, что на трактовке товарно-денежных форм тогда еще сказывалось влияние так называемой учетно-распределительной версии, в дальнейшем преодоленной советской экономической наукой. Основное внимание К. В. Островитянов сосредоточивал на проблеме использования товарно-денежных отношений в социалистическом строительстве, последовательно отстаивая необходимость учета действия закона стоимости в ценообразовании, денежном обращении, организации хозяйственного расчета.

В 1957—1958 гг. К. В. Островитянов принял активное участие в развернувшихся в тот период дискуссиях по проблемам товарного производства и действия закона стоимости при социализме. В докладе на дискуссии в Институте экономики АН СССР и в выступлении на дискуссии в МГУ К. В. Островитянов подверг критике утверждения, что средства производства, произведенные и реализованные в рамках государственного хозяйства, не являются товарами. Он решительно выступил против наметившихся тогда концепций, отрицавших товарное производство при социализме или заменявших трудовую теорию стоимости теорией «оценок оптимального плана».

В последующие годы К. В. Островитянов продолжал вести полемику с последователями названных концепций, выступив с рядом работ, где развивал и углублял понимание категорий товарного производства при социализме. В книге «Строительство коммунизма и товарно-денежные отношения» (1962 г.) глубокой, убедительной критике подверг К. В. Островитянов рассуждения Малышева и Соболя, отрицавших товарное производство особого рода и закон стоимости при социализме; Островитянов показал непонимание ими творческого духа марксистско-ленинской экономической науки.

Опираясь на исторические факты и теоретические положения, К. В. Островитянов вновь глубоко аргументировал важное положение марксизма о том, что товарное производство нельзя отождествлять с капитализмом; товарно-денежные отношения существуют при самых различных способах производства, их социальное содержание определяется господствующей системой производственных отношений, прежде всего — формой собственности на средства производства. В последней из опубликованных при жизни работ «За исторический подход к теории товарного

производства при социализме» К. В. Островитянов вновь со всей энергией выступил против догматизма и начетничества, за творческое развитие марксистско-ленинской экономической науки, за неразрывную связь экономической теории с практикой народного хозяйства.

Большое практическое значение имеет исследование К. В. Островитяновым проблем ценообразования. Он выступил с убедительной критикой концепции, распространявшей на процесс социалистического ценообразования форму цены производства. Отстаивая необходимость максимально точного исчисления стоимости и приближения цен к стоимости для совершенствования планирования, правильного исчисления эффективности капитальных вложений, развития хозяйственного расчета, он выдвинул ряд конкретных мер для решения этой задачи.

К. В. Островитянов внес важный вклад не только в развитие политической экономии социализма, но и в разработку проблем докапиталистических способов производства. В 1934 г. он опубликовал статью о закономерностях развития докапиталистических формаций. Затем, начиная с 1935 г., издаются его лекции, посвященные отдельным формациям: первобытнообщинному строю, рабовладельческому строю, феодализму. Итогом многолетних исследований производственных отношений докапиталистических формаций явилась книга К. В. Островитянова «Очерки экономики докапиталистических формаций» (1945 г.).

Важную роль в преподавании политической экономии, в подготовке учебников сыграли лекции К. В. Островитянова по политической экономии капитализма, издававшиеся в течение многих лет: «Производство и присвоение прибавочной стоимости — основа капитализма» (1936 г.), «Три основные исторические стадии развития капитализма в промышленности» (1936 г.), «Заработная плата» (1938 г.), «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала» (1938 г.), «Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве» (1941 г.) и др.

В годы Великой Отечественной войны К. В. Островитянов выступил с брошюрой «Фашизм под маской национал-социализма» (1942 г.), где разоблачил фашистскую демагогию о некоем «социализме» в условиях нацистской диктатуры, показал, что сущность экономической системы, созданной нацистами в Германии, состоит в соединении элементов государственно-монополистического капитализма с возрождением рабства и крепостничества.

Литературное наследие К. В. Островитянова не исчерпывается только экономическими произведениями; оно отразило его многогранную общественную деятельность. Перу К. В. Островитянова принадлежат книга «Думы о прошлом» (М., 1967 г.), посвященная истории революционного подполья и Октябрьских боев в Москве, воспоминания о В. И. Ленине, публицистические статьи.

Наряду с исследованиями в области политической экономики К. В. Островитянов вел большую научно-организационную работу. Он был в первых рядах строителей советской высшей школы. В 1922—1929 гг. К. В. Островитянов работал в Институте народного хозяйства им. Плеханова в качестве заведующего первым рабочим факультетом и затем заместителя ректора института. В течение ряда лет К. В. Островитянов руководил кафедрами политической экономики в институтах Красной профессуры, Институте массового заочного обучения партактива при ЦК ВКП(б), в Промышленной академии, в Военно-юридической академии, Московском университете, Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б). С его активным участием были составлены первые учебные программы курса политической экономики.

В 1930 г. К. В. Островитянов был избран действительным членом и членом президиума Коммунистической академии; он состоял членом президиума Государственного ученого совета и членом президиума Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОНа). В 1947—1953 гг. он был директором Института экономики Академии наук СССР.

В 1939 г. К. В. Островитянов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1953 г. — действительным членом Академии наук. В том же году он был избран вице-президентом Академии наук СССР. Академик К. В. Островитянов был председателем правления Общества советско-чехословацкой дружбы. Он вел большую работу по укреплению братских связей ученых социалистических стран. В течение ряда лет К. В. Островитянов руководил гуманитарными отделениями Академии наук, принимал непосредственное участие в руководстве Редакционно-издательским советом Академии наук, являлся главным редактором журналов «Вестник Академии наук СССР» и «Вопросы экономики».

До последних дней, несмотря на тяжелую болезнь и почти полную потерю зрения, К. В. Островитянов продолжал напряженно работать.

Константин Васильевич Островитянов был ученым-коммунистом, ученым-борцом, сочетавшим глубокий гуманизм с твердостью убеждений, с постоянной практической борьбой за идеалы коммунизма. Как подлинный ученый, он отличался терпимостью и честностью в полемике, решительно и смело боролся против косности, узости, за атмосферу творческой дискуссии в экономической науке, направленной на решение важнейших народно-хозяйственных задач. Многими своими успехами и достижениями советская экономическая наука обязана теоретической и организаторской деятельности К. В. Островитянова.

Редакционная коллегия

**ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АКАДЕМИКА К. В. ОСТРОВИТЯНОВА**

Константин Васильевич Островитянов родился 30 (18) мая 1892 г. в селе Бычки Тамбовской губернии в семье священника.

- 1912 г. Окончил Тамбовскую духовную семинарию.
- 1912— Студент Киевского коммерческого института.
- 1913 гг.
- 1913— Студент Московского коммерческого института.
- 1917 гг.
- 1914 г. Принят в члены РСДРП (большевиков) парторганизацией Московского коммерческого института.
- (ноябрь).
- 1914 г. Делопроизводитель Союза городов (Москва).
- 1915— Делопроизводитель Отдела беженцев Земско-городского союза.
- 1916 гг.
- 1916 г. Избран в состав МК РСДРП (большевиков) и на первом заседании (у себя на квартире)¹ декабря арестован.
- Секретарь органа надзора Московского союза потребителей.
- 1917 г. Освобожден из тюрьмы Февральской революцией.
- (1 марта).
- 1917 г. Окончил Московский коммерческий институт.
- (октябрь). Избран по списку большевиков в IV Калужскую думу (Москва).
- Секретарь заводского комитета завода Густава Листа (ныне завод «Красный факел», Москва).
- В дни Великой Октябрьской революции — секретарь Замоскворецкого военно-революционного комитета.
- 1917— Член управы IV Калужской районной думы, заведующий
- 1918 гг. Отделом народного образования.
- 1918— Член Исполкома Замоскворецкого совета, заведующий
- 1919 гг. Отделом народного образования.

- 1919 г. — Секретарь Замоскворецкого райкома РКП(б).
- 1920 — Секретарь Бауманского райкома РКП(б).
- 1921 гг. Член бюро Московского комитета РКП(б).
- 1922 — Заведующий Рабфаком Института народного хозяйства
1925 гг. им. Г. В. Плеханова.
- Преподаватель политической экономии на Рабфаке
Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова,
в Губсовпартшколе и в Высшей школе военной маски-
ровки.
- 1924 г. Депутат Московского городского совета депутатов тру-
дящихся.
- 1925 — Заместитель ректора и одновременно преподаватель
1929 гг. политической экономии Института народного хозяйства
им. Г. В. Плеханова.
- 1929 — Член Центрального комитета Профсоюза работников
1930 гг. просвещения.
- Ответственный секретарь Центрального бюро Секции
научных работников.
- Редактор журнала «Научный работник».
- Руководитель кафедры политической экономии Про-
мышленной академии.
- 1930 г. Избран действительным членом и членом Президиума
Коммунистической академии.
- 1930 — Ученый секретарь Президиума Коммунистической ака-
1936 гг. демии.
- Главный редактор журнала «Вестник Коммунистиче-
ской академии».
- 1931 — Руководитель кафедры политической экономии Инсти-
1937 гг. тута массового заочного обучения партактива при
ЦК ВКП(б). В эти же годы (в разное время) руково-
дил кафедрами политической экономии в институтах
красной профессуры: советского права, мирового хозяй-
ства и мировой политики и аграрного.
- 1932 г. Московским советом присвоено звание бывшего красно-
гвардейца.
- 1936 г. Президиумом Коммунистической академии присуждена
ученая степень доктора экономических наук.
- 1936 — Профессор, член кафедры политической экономии Выс-
1939 гг. шей школы пропагандистов им. Я. М. Свердлова при
ЦК ВКП(б).

- 1936—
1947 гг. Заведующий Сектором политэкономии Института экономики Академии наук СССР.
- 1938—
1941 гг. Руководитель кафедры политической экономии Военно-юридической академии.
- 1939 г. Избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.
- 1939—
1950 гг. Профессор, член кафедры политической экономии Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б).
- 1941—
1942 гг. Во время эвакуации вместе с Институтом экономики Академии наук СССР находился в Алма-Ате, где руководил кафедрой политической экономии Финансового института.
- 1943—
1944 гг. Руководитель кафедры политической экономии Инженерно-экономического института (Москва).
- 1943—
1948 гг. Руководитель кафедры политической экономии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- 1943—
1958 гг. Профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- 1944 г. Награжден орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в деле подготовки специалистов для народного хозяйства и культурного строительства¹.
- 1944—
1946 гг. Руководитель кафедры политической экономии Высшей школы парторганизаторов и Ленинских курсов при ЦК ВКП(б).
- 1945 г. Награжден орденом Красной Звезды за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии наук СССР².
- Высшей аттестационной комиссией утвержден в звании профессора.
- 1946 г. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»
- 1947—
1948 гг. Профессор, член кафедры политической экономии Академии общественных наук при ЦК ВКП(б).
- 1947—
1949 гг. Заместитель академика-секретаря Отделения экономики, философии и права Академии наук СССР.
- 1947—
1953 гг. Директор Института экономики Академии наук СССР.
- 1948 г. Награжден медалью «В память 800-летия Москвы».

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 23.XI 1944, № 62.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 11.VIII 1945, № 46.

- 1948—
1954 гг. Главный редактор журнала «Вопросы экономики».
- 1949 г. Председатель Экспертной комиссии по политэкономии Комитета по делам высшей школы при Совете Министров СССР.
- 1949—
1953 гг. И. о. академика-секретаря Отделения экономики, философии и права Академии наук СССР.
- 1949—
1958 гг. Член Главной редакции Большой Советской Энциклопедии (2-е изд.).
- 1950—
1951 гг. Член Комиссии по составлению учебника политической экономии.
- 1951 г. Командирован в Чехословакию (Прага) и Данию (Копенгаген) для подготовки Международного экономического совещания.
- 1952 г. На XIX съезде КПСС избран кандидатом в члены ЦК КПСС.
- 1952—
1969 гг. Член Советского комитета защиты мира.
- 1952—
1953 гг. Председатель комиссии ЦК КПСС по улучшению проекта учебника политической экономии.
- 1953 г. Избран действительным членом Академии наук СССР.
- Награжден орденом Ленина за выслугу лет и безупречную работу.
- Депутат Московского областного Совета депутатов трудящихся.
- 1953—
1962 гг. Вице-президент Академии наук СССР.
- 1953—
1969 гг. Главный редактор трехтомника «История Академии наук СССР».
- 1953—
1963 гг. Главный редактор журнала «Вестник Академии наук СССР».
- Заместитель председателя Редакционно-издательского совета Академии наук СССР.
- 1953—
1968 гг. Председатель Библиотечной комиссии Академии наук СССР, преобразованной в 1961 г. в Библиотечный совет АН СССР.
- 1954 г. Командирован в Китайскую Народную Республику на празднование пятой годовщины КНР.
- Командирован в Чехословакию для участия в работе Общего собрания Чехословацкой академии наук.

- 1954—
1960 гг. Заместитель Председателя Президиума Высшей аттестационной комиссии.
- 1955 г. Командирован в Индию для участия в 42-й сессии Индийского научного конгресса.
- 1955—
1969 гг. Член Ученого совета Института экономики Академии наук СССР.
- 1956 г. На XX съезде КПСС избран кандидатом в члены ЦК КПСС.
- 1956—
1960 гг. Член Комитета по Ленинским премиям.
- 1957 г. Избран действительным членом Чехословацкой академии наук.
- Командирован в Польшу для заключения соглашения о научном сотрудничестве.
- 1958 г. Командирован в Чехословакию для подписания плана научного сотрудничества Академии наук СССР и Чехословацкой академии наук.
- 1958—
1965 гг. Председатель Общества Советско-Чехословацкой дружбы.
- 1958—
1960 гг. Член Главной редакционной коллегии Малой Советской Энциклопедии (3-е издание).
- 1959 г. Избран делегатом на XXI съезд КПСС от Кемеровской партийной организации.
- Награжден медалью и грамотой Всемирного Совета Мира.
- 1960 г. Командирован в Чехословакию для участия в обмене мнениями по вопросу об экономической роли социалистического государства, организованном редакцией журнала «Проблемы мира и социализма».
- 1961 г. Избран делегатом на XXII съезд КПСС от Первомайского района Москвы.
- Командирован во Францию для участия в Коллоквиуме по вопросам экономического роста.
- Командирован в Чехословакию для участия в обсуждении плана сотрудничества Академии наук СССР и Чехословацкой академии наук.
- 1961—
1969 гг. Председатель Президиума Ассоциации советских экономических научных учреждений.
- 1966 г. Председатель Комиссии по изучению Африки.
- 1962—
1969 гг. Член Президиума АН СССР.
- Председатель Научного совета при Президиуме Академии наук СССР по комплексной проблеме «Закономерности развития социализма и перехода к коммунизму».

- 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Ленина за многолетнюю научно-педагогическую деятельность в связи с 70-летием со дня рождения.
- Постановлением Общего собрания Академии наук СССР объявлена благодарность за работу на посту Вице-президента Академии наук СССР.
- Командирован в Чехословакию для участия в похоронах Президента Чехословацкой академии наук Зденека Неядлы.
- Командирован в Чехословакию для участия в Юбилейной сессии, посвященной 10-летию со дня основания Чехословацкой академии наук.
- 1962—1965 гг. Член редакционной коллегии экономической энциклопедии «Промышленность и строительство» (в трех томах).
- 1963 г. Постановлением Общего собрания Академии наук СССР выражена благодарность за многолетнюю и плодотворную работу в составе Президиума Академии наук СССР.
- 1963—1969 гг. Член бюро Редакционно-издательского Совета АН СССР и Председатель секции Научно-популярной литературы при Редакционно-издательском Совете Академии наук СССР.
- 1963—1969 гг. Член Совета Дома ученых (Москва).
- 1963 г. Командирован от Бюро Отделения и Института экономики АН СССР в Грузию для ознакомления с работой Института экономики и права АН Груз. ССР.
- 1963—1969 гг. Член бюро Отделения экономики АН СССР.
- Член редколлегии журнала «Вестник Академии наук СССР».
- 1964 г. Председатель комиссии по развитию экономического образования и улучшения подготовки кадров экономистов.
- Командирован в Италию для участия в Международной конференции экономистов и в заседании Исполкома Международной ассоциации экономистов.
- Командирован в Болгарию для участия в конференции по перспективам экономического развития европейских социалистических стран.
- Председатель комиссии Бюро Отделения АН СССР по изданию экономической литературы к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

- 1965—
1969 гг. Член Ученого совета по общим проблемам политической экономии социализма Института экономики АН СССР.
- 1965 г. Заместитель председателя Общества Советско-Чехословацкой дружбы.
- 1966 г. Член Программной комиссии по общественным наукам Президиума АН СССР.
- Командирован в Югославию для ознакомления с деятельностью Союза экономистов Югославии.
- 1967 г. Председатель комиссии по разработке вопросов, связанных с библиотечно-библиографическим обслуживанием институтов и научных учреждений АН СССР.
- Президиумом АН СССР объявлена благодарность за активное участие в общественной деятельности Московского Дома ученых в связи с 50-летием Великой Октябрьской революции.
- Командирован в Германскую Демократическую Республику главой делегации ветеранов Октябрьской революции.
- Командирован в Ленинград на торжественное заседание Президиума АН СССР, посвященное 50-летию Советской власти.
- 1968 г. Награжден орденом Ленина за активное участие в Великой Октябрьской революции.
- Член оргкомитета Президиума АН СССР по подготовке мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.
- Член Оргкомитета Всесоюзного смотра-конкурса работ молодых ученых по общественным наукам, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.
- Член бюро Библиотечного совета по общественным наукам при Президиуме АН СССР.
- Академик К. В. Островитянов скончался 9 февраля 1969 г. в Москве.*

РАЗВИТИЕ ЛЕНИНЫМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАПИТАЛИЗМА

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЛЕНИНЫМ МАРКСОВОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ КАПИТАЛИЗМА¹

1. Экономическое учение Маркса

50 лет назад, 14 марта 1883 г., умер гениальный мыслитель, теоретик и вождь рабочего класса Карл Маркс. Карл Маркс является творцом теории и тактики революционного пролетарского социализма, или коммунизма (марксизма).

Теория Маркса с тех пор последовательно и неуклонно одерживала одну победу за другой, завоевывая пролетарские массы, и превратилась в огромную историческую силу. Под знаменем этой теории идет борьба с капиталом на всем необъятном пространстве нашей планеты. 50 лет, прошедшие со дня смерти гениального мыслителя и революционера, явились блестящим подтверждением его теории. Гениальный прогноз движения и развития капиталистического общества, данный Марксом в его бессмертных трудах, на наших глазах оправдывается с исключительной точностью.

Но Маркс не только вскрыл экономические законы движения, развития и гибели капиталистического общества, но дал в основных чертах учение о переходном периоде, социализме и коммунизме.

Строители социализма в нашей стране, завершившей построение фундамента социалистической экономики, черпают руководящие идеи «для своего практического революционного действия из богатейшей сокровищницы марксизма».

«Теорию и тактику революционного *пролетарского социализма*»² Маркс вырабатывал совместно со своим другом Энгельсом, который, по словам Ленина, является после Маркса самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире.

Оставленное ими теоретическое наследство охватывает самые разнообразные стороны экономики, политики, идеологии. В этом

¹ «Вестник Коммунистической академии», 1933, № 2—3, стр. 53—92.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 48.

смысле Маркс и Энгельс являются блестящим воплощением идеала всесторонне развитой личности, идеала будущего коммунистического общества. Величайшая заслуга Маркса заключается в применении материалистической диалектики к переработке всей политической экономии с основания ее — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса.

«Марксизм, — говорит Ленин, — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще»³. Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

Основы экономического учения Маркса изложены им в главном труде его жизни — в «Капитале». «Капитал» сочетает в себе чрезвычайную силу и глубину диалектического мышления с боевым, революционным духом, которым проникнуто от первой до последней строки все это гениальнейшее в мировой литературе произведение.

«Капитал» явился теоретическим обобщением гигантского материала, относящегося к эпохе возникновения и развития капитализма, к эпохе буржуазных революций, к эпохе выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпохе возникновения самостоятельного рабочего движения, эпохе определения основ пролетарской тактики и политики, когда в первых боях с капитализмом просыпался, осознавал свои классовые интересы, свое историческое призвание молодой поднимающийся класс — пролетариат.

«... В особенности важно отметить, — говорит Ленин, — что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства»⁴.

В «Капитале» Маркс вскрывает основной закон движения товарно-капиталистического общества — закон стоимости — и на основе развития заложенных в нем противоречий развертывает грандиозную картину развития капитализма, начиная с простого товарного хозяйства, кончая гибелью капитализма и установлением пролетарской диктатуры.

«У Маркса в «Капитале», — отмечает Ленин, — сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение бурж[уазного] (тов[арного]) общества: обмен товаров*. Анализ

³ Там же, стр. 50.

⁴ Там же, стр. 62.

вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке б[у]рж[уазного] об[щест]ва) все противоречия (resp[ective] — зародыш *всех* противоречий) совр[еменного] об[щест]ва. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей, от его начал до его конца»⁵.

Маркс создал пролетарскую политическую экономию на основе критической переработки буржуазной политической экономии Смита, Рикардо при помощи диалектического материализма.

«Прежде всего, — говорит Энгельс, — необходимо было подвергнуть критике саму теорию стоимости Рикардо. Итак, Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, *какой* труд, почему и как образует стоимость, установил, что стоимость вообще есть не что иное, как кристаллизованный труд *этого* рода, — пункт, которого до конца дней своих не понимал Родбертус. Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему — в силу присущего ему свойства стоимости — товар и товарный обмен должны порождать противоположность товара и денег; его основанная на этом теория денег есть первая исчерпывающая теория их, получившая теперь всеобщее молчаливое признание. Он исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы. Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, которое привело к гибели школу Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом. Лишь установив разделение капитала на постоянный и переменный, Маркс смог до деталей изобразить действительный ход процесса образования прибавочной стоимости и таким образом объяснить его, чего не сделал ни один из его предшественников; следовательно, он установил различие в самом капитале, различие, с которым решительно не в состоянии были справиться ни Родбертус, ни буржуазные экономисты, но которое дает ключ для решения самых запутанных экономических проблем, убедительнейшим доказательством чего здесь опять служит книга II и еще более — как это будет видно позже — книга III. Далее, он исследовал саму прибавочную стоимость, открыл две ее формы: абсолютную и относительную прибавочную стоимость, и показал, какую различную, но в обоих случаях решающую роль играли они в историческом развитии капиталистического производства. Основываясь на теории прибавочной стоимости, он развил первую рациональную теорию заработной платы, какую мы теперь только и имеем, и впервые дал основные черты истории капиталистического накопления и изложил его исторические тенденции»⁶.

⁵ «Ленинский сборник», XII, стр. 324.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 20—21.

С изумительной глубиной и несокрушимой логической силой и убедительностью Маркс показывает, как из простого товарного хозяйства на основе развития заложенных в нем противоречий возникает капитализм. Краеугольным камнем экономической теории Маркса является его теория прибавочной стоимости. В главах «Капитала», посвященных теории прибавочной стоимости, Маркс вскрывает самое существо капиталистической эксплуатации. Далее Маркс показывает различные стадии, которые капитализм проходит в своем развитии как капитал в погоне за прибавочной стоимостью, развивая производительные силы, все более и более обобществляет производство и вместе с тем углубляет и обостряет капиталистическую эксплуатацию. Маркс вскрывает противоречие капитализма — противоречие между растущим обобществлением производства и частнокапиталистическим присвоением. Основная тенденция капиталистического развития Марксом с чрезвычайной силой и яркостью выражена в установленном им всеобщем законе капиталистического накопления, сущность которого заключается в том, что с ростом капитализма все более растет постоянный капитал, заключающийся в стоимости средств производства, и относительно падает переменный капитал, заключающийся в стоимости рабочей силы. Вместе с тем происходит процесс концентрации и централизации капитала, который приводит к экспроприации, разорению мелких производителей, пополняющих собой ряды рабочего класса. В результате всех этих факторов создается самым ходом развития капитализма резервная армия, которая делает движение капитализма независимым от естественного роста населения. Наличие резервной армии позволяет капитализму быстро расширять производство в периоды подъема, предшествующие кризису, и сжимать его в периоды кризиса и депрессии. Вместе с тем наличие резервной армии позволяет капитализму снижать заработную плату ниже стоимости рабочей силы.

Законом капитализма, впервые сформулированным Марксом, является закон относительного и абсолютного обнищания. Чем больше растет капитализм, тем больше растет пропасть между кучкой капиталистов, в руках которых все в более грандиозных размерах сосредоточиваются богатства мира, и пролетариатом, жизненный уровень которого более и более относительно и абсолютно падает. Все это с невиданной силой обостряет противоречия между трудом и капиталом.

В главе об исторических тенденциях накопления капитала Маркс показывает, как капитал, концентрируя и обобществляя производство, которое все более приходит в противоречие с частнокапиталистическим способом присвоения, вместе с тем создает своего могильщика — пролетариат, который все более спланивается, организуется, осознает свои классовые интересы и свое историческое призвание.

Все это приводит с неизбежностью к низвержению капита-

лизма и установлению пролетарской диктатуры. «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют»⁷. Таковы революционные выводы, которые Маркс делает из установленных им законов движения капитализма.

Во II томе Маркс рассматривает процесс оборота капитала. Все стадии в движении капитала и сменяющиеся формы: денежная, производственная и товарная, которые принимает и сбрасывает с себя капитал в этом движении, — по существу стадии и формы движения промышленного капитала. Процесс обращения, согласно учению Маркса, определяется процессом производства, оказывая на него в свою очередь обратное влияние.

Огромная заслуга Маркса заключается в том, что он дает исключительный по глубине анализ воспроизводства и реализации в условиях капитализма общественного капитала в целом.

Исправляя ошибку классиков, утверждавших, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, расходуется целиком на переменный капитал, т. е. заработную плату, Маркс делит все общественное производство по стоимости на *c* (постоянный капитал), *v* (переменный капитал) и *m* (прибавочная стоимость), а по натуральной форме на два подразделения: I — средства производства и II — средства потребления.

Маркс, показывая, как происходит реализация всего произведенного продукта по стоимости и по натуральной форме в условиях простого и расширенного воспроизводства, вместе с тем показывает всю противоречивость этого процесса, неизбежно ведущего к диспропорциям и кризисам, периодически потрясающим самые основы капиталистического способа производства, в наиболее острой форме выражающим все основные, глубочайшие противоречия капитализма, свидетельствующие об его исторически преходящем характере, о неизбежности его гибели.

В III томе «Капитала» Маркс разрешает на основе установленного им закона стоимости и прибавочной стоимости проблему образования средней нормы прибыли и цены производства, — проблему, перед которой в бессилии остановились классики. Стоя на позициях, что труд определяет стоимость, классики в силу своей буржуазной ограниченности не могли разрешить двух противоречий. Во-первых, они не могли объяснить того противоречия, что живой труд при обмене на капитал имеет меньшую стоимость, чем овеществленный труд, на который он обменивается, и, во-вторых, они не могли объяснить того, что фактически равные капиталы в равное время производят в среднем равную прибыль, независимо от того, много или мало живого труда они применяют.

Все эти противоречия Маркс блестящим образом разрешил в теории средней нормы прибыли и цены производства, причем разрешил на основе установленного им закона стоимости и при-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 773.

бавочной стоимости. Он показал, что закон стоимости в условиях развитого капиталистического способа производства под влиянием образования средней нормы прибыли принимает превращенную форму цены производства, которая и образует тот центр, к которому тяготеет движение рыночных цен.

Вместе с тем Маркс устанавливает закон тенденции средней нормы прибыли к понижению при росте массы прибыли, поступающей в карманы капиталистов. Этот закон является одним из важнейших противоречий, играющих большую роль в объяснении кризисного движения капитала.

Далее, Маркс дает замечательный анализ законов движения и развития ростовщического, торгового и денежного капитала и теории земельной ренты.

Вскрывая ошибки Рикардо в теории дифференциальной ренты, исходившего вместе с Родбертусом из закона убывающего плодородия почвы, Маркс развивает свою теорию дифференциальной ренты.

Маркс создает теорию абсолютной и монопольной ренты. Излишне говорить о том, какую исключительную роль для понимания законов развития сельского хозяйства в условиях капитализма сыграла установленная Марксом теория абсолютной земельной ренты и вытекающей из нее национализации земли.

Исключительное значение имеют также глубокие мысли, высказанные Марксом по вопросу о генезисе земельной ренты, для понимания всей аграрной проблемы в условиях капитализма.

В этих главах, а также в ряде исторических работ Маркс вскрывает природу мелкого товаропроизводителя—крестьянина в условиях капитализма, а также пути его развития, деградации и гибели в условиях капитализма.

Наконец, в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс дает историю политической экономии и систематизирует свои многочисленные высказывания, относящиеся к теории кризисов.

Маркс строит величественное здание своего экономического учения на основе критической переработки классической политической экономии и французского утопического социализма. Учения классиков служат для него лишь материалом, лишь теми кирпичами, которые он использует при возведении своей системы экономического учения.

Величайшее значение экономического учения Маркса заключается, по словам Ленина, в том, что «эта теория прямо ставит своей задачей *вскрыть* все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и *послужить* таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией»⁸.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 340—341.

«Главное в учении Маркса, — говорит в другом месте Ленин, — это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества»⁹.

Таким образом, Маркс в своем экономическом учении вскрыл законы движения товарно-капиталистической системы хозяйства, показал ее исторически преходящий характер, необходимость низвержения капитализма и установления пролетарской диктатуры. Вместе с тем Маркс открыл и ту историческую силу в лице пролетариата, которая осуществит низвержение капитализма, установит свою диктатуру и создаст бесклассовое, социалистическое общество. Экономическое учение Маркса есть могучее оружие в руках пролетариата в его борьбе за низвержение капитала и построение социализма.

Однако роль Маркса и его друга Энгельса не ограничилась только открытием экономического закона движения товарно-капиталистического общества. Ими в основных чертах дано учение о диктатуре пролетариата, о переходной экономике от капитализма к социализму, а также в общих чертах учение о социализме и коммунизме. Если в основу марксовой политической экономии легла критическая переработка буржуазно-классической политической экономии, то в основу их учения о социализме и коммунизме были положены критическая переработка утопического социализма, а также марксово экономическое учение. Утописты-социалисты подвергали капитализм острой критике, осуждали его, выражали свое моральное негодование по поводу капиталистической эксплуатации и строили увлекательные планы будущего социалистического общества, мечтая наивно убедить господствующие классы добровольно отказаться от капиталистической собственности на средства производства. Маркс и Энгельс социализм из утопии, из мечты превратили в науку. Они смогли это сделать, только подведя под социализм такой мощный фундамент, каким являлось экономическое учение Маркса.

Как мы видели, именно в своем экономическом учении Маркс доказал неизбежность низвержения капитализма, а также открыл тот класс, который выполнит эту великую историческую миссию, установит свою диктатуру и построит бесклассовое социалистическое общество. Невозможно ни в какой статье исчерпать то колоссальное богатство идей, которое содержится в литературном наследии Маркса и Энгельса. Всякая открытая новая рукопись Маркса и Энгельса обогащает теорию и практику революционного движения мирового пролетариата, теорию и практику социалистического строительства.

Любой новый этап мощного пролетарского движения к социализму заставляет нас вновь и вновь обращаться к богатейшей сокровищнице марксизма и черпать из нее все новые и новые руководящие идеи.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 1.

II. Сущность ленинизма в политэкономии

Величайшая роль Ленина как теоретика заключается в том, что он не только явился ортодоксальнейшим защитником марксизма, но и развил его дальше, исходя из эпохи империализма и пролетарских революций. Это относится ко всем отраслям марксизма — философии, политической экономии и т. д.

Нашей задачей является показать, что дал Ленин в области защиты и дальнейшего развития марксовой политэкономии капитализма. Этот вопрос мы сможем правильно разрешить, только исходя из правильного понимания ленинизма.

Все явные и скрытые враги марксизма всячески стараются отрицать ленинизм или исказить и опошлить его. Так, троцкисты считают Ленина только вождем-практиком и отрицают его значение как теоретика.

В этих меньшевистско-троцкистских установках мы имеем яркий образчик отрыва теории от практики, отрицание, искажение и опошление самого существа ленинизма. Особенно ярко это выражено у Троцкого, который Маркса считает только теоретиком, а Ленина только практиком. Между тем Маркс мог дать свою гениальную теорию только потому, что он в то же время был пламенным революционером, вождем мирового пролетариата, определившим стратегию и тактику пролетариата в первых его революционных боях с капиталом. То же самое полностью и целиком применимо также и к Ленину.

Бухарин понимает ленинизм как «полный возврат к тому марксизму, который был сформулирован Марксом и Энгельсом», т. е., другими словами, позиция Бухарина — это по существу позиция отрицания ленинизма, отрицания того, что ленинизм не есть только защита и восстановление подлинного учения Маркса, но и дальнейшее его развитие. Все эти троцкистские и правооппортунистические попытки отрицания ленинизма, его искажения и опошления вытекают, как мы это увидим в дальнейшем, из их антимарксистских, антиленинских установок в основных вопросах теории и практики пролетариата.

Разновидностью этих установок являются разговоры о том, что ленинизм нельзя понять, сопоставляя то новое, что он дал, с марксизмом, а можно понять, сопоставляя лишь с ревизионистскими извращениями марксизма. Подобные разговоры равносильны по своему существу отрицанию того, что Ленин развил дальше учение Маркса.

Наряду с этим троцкистским и правооппортунистическим отрицанием ленинизма мы встречаемся с чисто механическим, вульгарным пониманием ленинизма.

Огромнейшим достижением в нашей научно-исследовательской работе надо считать тот факт, что за последние годы чрезвычайно усилилось внимание к изучению ленинского наследия во всех областях науки. Это изучение в ряде случаев внесло переворот

в постановку ряда теоретических проблем. Это прежде всего относится к политэкономии. Достаточно сослаться хотя бы на то исключительное значение, которое имело опубликование замечаний Ленина к «Экономике переходного периода» Бухарина.

Однако наряду с этими несомненными достижениями необходимо констатировать наличие ряда извращений в самом подходе к освещению ленинизма, прежде всего в преподавании политэкономии. В ряде случаев освещение ленинизма сводится к изложению высказываний Ленина по тому или другому вопросу без всякой попытки анализа, без всякой попытки выяснения того нового, что внесено Лениным в развитие учения Маркса.

Разумеется, для нас имеют величайшую ценность высказывания Ленина по тому или другому вопросу, и все эти высказывания должны быть нами использованы как в нашей научной, так и преподавательской работе, но собрать эти высказывания и привести их по тому или иному вопросу — еще не значит осветить сущность ленинизма.

Наконец, мы встречаемся в нашей литературе с чисто формальным, механистическим, вульгарным применением ленинизма, а также с попытками противопоставления Ленина Марксу, играющими на руку правым социал-демократам.

Правильно поставить и разрешить вопрос о ленинизме в политэкономии мы сможем, только исходя из определения ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции.

Маркс и Энгельс обнаружили исключительную силу теоретического предвидения, когда еще на заре развития капитализма вскрыли законы его движения и гибели и наметили пути построения социализма.

Однако Маркс и Энгельс не могли при всей их гениальности во всей конкретности предвидеть все особенности и характерные черты последней империалистической эпохи, а также конкретные пути построения социализма.

Эту задачу смог выполнить гениальный ученик и величайший теоретик и вождь рабочего класса, живший уже в эпоху империализма и пролетарской революции, — В. И. Ленин.

Ленин имел дело с другой стадией в развитии капитализма — отсюда и вытекают специфические черты ленинизма в политэкономии.

Мировоззрением Ленина был марксизм. В ответ на ироническое замечание Струве, что он (Струве) несколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины, что он ортодоксией не заражен, Ленин со всей решительностью заявил, что он является ортодоксом, что он не по некоторым только, а по всем вопросам примыкает к учению Маркса.

Вместе с тем Ленин решительно протестовал против понимания ортодоксии как некритического принятия того или другого учения «на веру».

Ленин смотрел на марксизм как на живое, действенное учение, мощное орудие познания и изменения мира.

«Не будем верить тому, — писал он, — что ортодоксия позволяет брать что бы то ни было на веру, что ортодоксия исключает критическое претворение и дальнейшее развитие, что она позволяет заслонять исторические вопросы абстрактными схемами»¹⁰.

Отсюда Ленин ставил перед марксистами задачу дальнейшего развития марковского учения в зависимости от изменяющейся обстановки, от классовых отношений.

«... Задачи ближайшего и непосредственного действия изменялись, ... как изменялась конкретная социально-политическая обстановка, — а следовательно, и в марксизме, как живой доктрине, не могли не выдвигаться на первый план различные стороны его»¹¹.

Какие же стороны марксизма выдвигались на первый план развития капитализма на его стадии империализма и пролетарских революций?

Особо острый характер принимает в эпоху Ленина борьба с оппортунизмом, ибо это есть эпоха гибели капитализма, эпоха непосредственного революционного движения пролетариата, когда всякий теоретический спор быстро переводится на язык непосредственных боевых революционных действий, когда «оружие критики» быстро заменяется «критикой оружием». Ленин еще несколько десятилетий тому назад с гениальной прозорливостью предвидел этот момент.

«То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства»¹².

Отсюда особое подчеркивание Лениным партийного характера марксистской науки, необходимости становиться на точку зрения определенной классовой группы и из нее исходить. «... Материализм, — писал Ленин, — включает в себя ... партийность,

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 87.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 85.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 25—26.

обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹³.

Итак, первая важнейшая задача, вставшая перед Лениным, заключалась в борьбе с ревизионизмом за марксизм.

Однако роль Ленина в этой борьбе нельзя сводить только к воистоворению подлинного боевого революционного духа марксизма. Отстаивая марксизм в борьбе с ревизионизмом, Ленин уточнял отдельные положения Маркса, конкретизировал его учение и развивал дальше. «Борьба с ревизионистами... дала такое же плодотворное оживление теоретической мысли международного социализма, как полемика Энгельса с Дюрингом за двадцать лет перед тем»¹⁴.

Этим боевым, действенным духом проникнуто все ленинское учение.

Ленинизм в политэкономии есть экономическое обоснование пролетарской революции, пролетарской диктатуры на основе обобщения практики империалистической стадии в развитии капитализма.

Было бы ошибочно думать, что все экономическое учение Маркса не подчинено этой основной задаче. Мы уже отмечали, что все экономическое учение Маркса является обоснованием неизбежности пролетарской революции, пролетарской диктатуры. Величайшая заслуга Ленина заключается в том, что он конкретизировал и развил дальше экономическое учение Маркса как обоснование пролетарской диктатуры в свете обобщения новых фактов эпохи империализма, в свете непосредственных задач пролетарской революции. Идея пролетарской революции, идея пролетарской диктатуры проходит красной руководящей нитью через все экономические работы Ленина, как бы ни казались они далекими от непосредственных задач пролетарской революции. Недаром Ленин говорил, что «марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*»¹⁵.

Было бы грубейшей ошибкой исходя из этого свести роль Ленина как теоретика к созданию им теории империализма. Это значило бы сузить роль Ленина в дальнейшем развитии политэкономии Маркса. То новое, что дал Ленин в политэкономии, относится не только к теории империализма, но и к вопросам общей методологии политэкономии, а также и основным ее разделам, как-то: теория стоимости, прибавочной стоимости, воспроизводства, реализации, кризисов и т. д. Однако то новое, что внес Ленин во все эти важнейшие разделы политэкономии, явилось обобщением новой практики капиталистического развития, связанной непосредственно с эпохой империализма и пролетарской

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 419.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 20.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 34.

революции или с подготовкой пролетарской революции, перед которой непосредственно стоит пролетариат в империалистической стадии развития капитализма. Именно по этой линии надо вести разработку вопроса о ленинизме в политэкономии.

Наконец, Ленин применил марксизм к изучению отдельных стран в эпоху империализма и в частности к изучению России.

«Мы думаем, — говорит Ленин, — что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»¹⁶.

Применяя марксизм к изучению отдельных стран, Ленин не только конкретизировал и развивал учение Маркса применительно к специфическим особенностям развития этих стран, но и делал целый ряд важнейших теоретических обобщений, имеющих значение для развития капитализма в целом.

Все работы Ленина были вызваны или непосредственно революционным действием, или необходимостью подготовки к таким действиям. Так, его работы, посвященные развитию капитализма в России, явились теоретической подготовкой, теоретическим обоснованием той тактики, которую партия проводила в революции 1905 г. Его труды, посвященные аграрному вопросу, явились теоретическим обоснованием программы и тактики, которую наша партия проводила сначала в буржуазно-демократической революции, а потом в пролетарской революции. Работы, посвященные империализму, явились обоснованием пролетарской революции, обоснованием той тактики и той стратегии и программы, которую мы защищали и проводили в пролетарской революции.

III. Вопросы методологии политэкономии в работах Ленина

Эту величайшую задачу нашей эпохи Ленин смог выполнить потому, что он в совершенстве владел методом марксовской материалистической диалектики.

Эпоха империализма — это эпоха быстрого движения капитализма по пути к его гибели, эпоха крайнего обострения классовых противоречий, эпоха революционных боев, эпоха мировых потрясений, эпоха борьбы гибнущего капитализма и растущего социализма.

Отсюда попытка буржуазных апологетов и ревизионистов затушевать диалектику развития и движения капитализма к его роковому концу, затушевать острые классовые противоречия, лежащие в основе этого движения, перенести центр тяжести в плоскость равновесия общих тощих абстракций, с помощью которых

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 184.

нельзя понять ничего конкретного, в плоскость голых схем, лишенных конкретного содержания.

Ленин является непримиримым врагом всего этого. Он с особой силой подчеркивал, что ядро диалектики есть учение о единстве противоположностей.

Это положение занимает центральное место в работах Ленина и лежит в основе исследования им законов движения капитализма и его империалистической стадии.

В противоположность ревизионистам и буржуазно-апологетическим теориям равновесия он на первый план выдвигает движение, совершаемое путем противоречий.

Голым схемам, тощим абстракциям он противопоставляет конкретный марксистский анализ, доведение его до классовых корней, до диктатуры пролетариата.

Основное требование диалектической логики, по его мнению, заключается в том, чтобы «охватить, изучить все... стороны» предмета, «все связи» и «опосредствования»... «Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна...»¹⁷.

Ленин в этом определении особо подчеркивает ту мысль, что революционная теория не может быть абстрактно схоластической, она должна брать предмет во всех его связях и опосредствованиях, она должна быть «конкретной истиной», она должна быть теснейшим образом увязана с практикой и, наконец, все явления она должна изучать в их развитии и «самодвижении».

Ленин резко критикует народников, которые указывали на противоречия капитализма в доказательство невозможности его развития. В противоположность им он подчеркивал, что развитие капитализма полно противоречий и антагонизмов. Но это говорит не о невозможности развития капитализма, а об особом характере этого развития и об исторически преходящем характере самой капиталистической системы, которая, развивая и обостряя присущие ей противоречия, находящие свое выражение в обострении классовой борьбы, неизбежно идет к своему концу.

«Развитие капитализма, — говорит Ленин, — не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически-преходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму»¹⁸.

Ленин ведет непримиримую борьбу с субъективизмом народников и объективизмом Струве.

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 290.

¹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 49.

В ответ на довод Михайловского, что ввиду сложности социальных явлений необходима точка зрения «критически мыслящей» и нравственно развитой личности, чтобы отделить важные явления от неважных, Ленин противопоставляет метод Маркса, который на место различия «важного от неважного» ставит различие между экономической структурой общества как содержанием и политической и идейной формой. Вместо детски наивного, чисто механического взгляда субъективистов, удовлетворяющихся ничем не говорящим положением, что историю делают живые личности, Ленин ставил вопрос о сведении бесконечного разнообразия действий людей к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества.

«На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс, — воззрение, без которого, конечно, и не могло бы быть общественной науки»¹⁹.

С другой стороны, Ленин бил и по объективизму Струве, обвиняя его в узком объективизме, ограничивающемся «доказательством неизбежности и необходимости процесса» и не стремящемся «вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс»²⁰.

Если присмотреться к различным ревизионистским течениям как во времена Маркса, так и после смерти Маркса до наших дней, то значительное большинство их имеет в своей основе отрицание примата производства, сведение производственных отношений к отношениям обмена, распределения, к юридическим отношениям.

Красной нитью, проходящей через все работы Ленина, является подчеркивание им примата производства над распределением — этого основного положения марксизма. Эта мысль является основным положением в споре с народниками о развитии капитализма в России, она лежит в основе его подхода к основному противоречию капитализма, она является руководящей при разрешении проблемы воспроизводства и кризисов, при разработке теории империализма и т. д.

Ленин всюду подчеркивает идею единства логического и исторического развития, а также единства теории с практикой, проверки теории практикой. В высшей степени в сжатой форме она сформулирована в «Плане диалектики (логики) Гегеля». «Если М[ar]x, — говорит Ленин, — не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* *«Капитала»*... Далее Ленин приводит следующий план развития диалектики *«Капитала»*. «Начало — самое простое, обычное, массовидное, непосред-

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 430.

²⁰ Там же, стр. 526.

ственное «бытие» ... Анализ его, к[а]к отношения социального. Анализ *двоякий*, дедукт[ивный] и индукт[ивный], — логич[еский] и историч[еский] (ф[ор]мы стоимости), проверка фактами resp[ective] практикой есть зд[есь] в *каждом* шаге анализа» ²¹.

Важнейшее значение в современную эпоху приобретает вопрос о понимании производительных сил и производственных отношений как вопрос, непосредственно связанный с историческим обоснованием пролетарской революции. Защитники и апологеты капитализма из II Интернационала механически отождествляют производительные силы с техникой и производственные отношения сводят к отношениям между человеком и природой, отрицают активность производственных отношений, доказывая рабочим, что рост производительных сил сам по себе приводит к изменению системы производственных отношений без классовой борьбы и революции. Отсюда вытекала теория невозможности пролетарской революции в России в силу ее отсталости и невозможности построения социализма в одной стране. Ленин ведет непримиримую борьбу с подобными теориями. В статьях, посвященных борьбе с меньшевизмом и троцкизмом, и в частности в статье «О нашей революции» (по поводу записки Суханова), Ленин подчеркивает активную роль производственных отношений. Именно новая форма производственных отношений после захвата власти пролетариатом обеспечивает возможность, уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, догнать другие народы. Таким образом, сравнительно более низкий уровень производительных сил в России по сравнению с передовыми странами в условиях империализма, в условиях общей подготовленности капитализма к пролетарской революции в его империалистической стадии не является препятствием для установления пролетарской диктатуры и построения социалистического общества.

В дискуссии по вопросу о производительных силах и производственных отношениях, развернувшейся между механистами и рубинцами, решающую роль сыграло опубликование замечаний Ленина на «Экономику переходного периода» Бухарина, где Ленин подчеркивает, что производительные силы нельзя сводить к технике, что главной производительной силой является сам революционный рабочий класс, восстанавливая тем самым подлинный смысл марксова учения о производительных силах, в противовес механистам, сводившим производственные отношения к отношению между обществом и природой, что самый капитализм есть известное общественное отношение.

«Да в чем же, — говорит он в полемике со Струве, — состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми...» ²² Самые производственные отношения Ленин, в полном соответ-

²¹ «Ленинский сборник», XII, стр. 291, 292.

²² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 416.

ствии с Марксом, понимал как классовые отношения и требовал «не ограничиваться указанием на необходимость процесса», а выяснить, «какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость»²³.

В течение довольно длительного периода в нашей экономической литературе пользовалось большим распространением неправильное понимание предмета политэкономии, ограничивающее ее изучением производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства. В специально развернувшейся дискуссии по этому вопросу в Комакадемии фигурировали две точки зрения: одна, берущая свое начало от Гильфердинга, которую поддерживали и Бухарин и Рубин, стоящая на той позиции, что политэкономия есть наука только о товарно-капиталистическом хозяйстве и с переходом к коммунизму эта наука отпадет, так как производственные отношения коммунистического общества будут прозрачно ясны, там не будет фетишизма, не будет стихийных отношений, а потому не будет надобности в особой теоретической науке для их изучения, другая — Богданова и Степанова, сводящая политэкономия к науке, устанавливающей общие законы для всех социально-экономических формаций.

В развернувшейся последней дискуссии по политэкономии как рубинцы, так и механисты единодушно исходили из первой концепции.

Только опубликование замечаний Ленина на «Экономику переходного периода» Бухарина позволило восстановить правильное определение политэкономии, данное Марксом и Энгельсом. В своих замечаниях Ленин указывает, что определение политэкономии, даваемое Бухариным, есть шаг назад от Энгельса, что политэкономия будет и при коммунизме, и в качестве примера того, что будет изучать политэкономия коммунизма, Ленин указывает на проблему воспроизводства.

В результате этого восторжествовало правильное марксистско-ленинское понимание политической экономии как науки, дающей, по словам Ленина, основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы и вскрывающей специфические черты отдельных экономических формаций, показывая их взаимную связь, переход друг в друга. Это определение, с одной стороны, бьет Гильфердинга, Рубина и Бухарина, поскольку не ограничивает необходимость теоретического изучения экономики только стихийными отношениями капитализма, а с другой — бьет по механистам (Богданов, Степанов), поскольку не позволяет, по выражению Энгельса, объединить одними законами экономику Огненной Земли и экономику современной Англии, а требует изучения специфических закономерностей,

²³ Там же, стр. 418.

присущих отдельным экономическим формациям. В высшей степени характерным является подход Ленина к определению политэкономии.

В дискуссии рубинцы и механисты сосредоточили спор на вопросе о том, что изучает политэкономия. Но во всех определениях, которые давались спорящими сторонами, отсутствовало подчеркивание динамики в развитии капитализма. Между тем эта сторона, имеющая вообще огромное значение, приобретает особую актуальность в период наибольшего обострения всех его противоречий, в период умирающего капитализма и развертывающейся пролетарской революции.

Ленин в своей статье «Карл Маркс», написанной еще в 1914 г., усиленно подчеркивает именно этот момент. Отметив, что Маркс конечной целью своего сочинения, т. е. «Капитала», считал «открытие экономического закона движения современного общества»²⁴, Ленин дает следующее классическое определение политэкономии: «Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса»²⁵.

Что преследует Ленин этим подчеркиванием всюду по всем проблемам подходить с точки зрения развития необходимости динамики? Он этим самым экономическую науку из абстрактно-схоластической, рассуждающей о капитализме вообще, превращает в действенное орудие борьбы в руках пролетариата за низвержение капитализма и победу пролетарской диктатуры, в экономическое обоснование пролетарской революции.

Все указанные методологические замечания Ленина по вопросам политэкономии, относящиеся к разным периодам, имеют огромное значение. Они прежде всего свидетельствуют о том, что именно Ленин полностью понял марксову диалектику капитала и с несравненным искусством умел ее применять к анализу новейших данных в развитии капитализма, относящихся к эпохе империализма и пролетарской революции.

Владея в совершенстве методом диалектического материализма, Ленин применил его к изучению экономики империалистической эпохи и в свете этого изучения, а также в свете задач пролетарской революции развил основные положения марксовой политической экономии. В дальнейшем мы вскользь коснемся разделов политэкономии, развитых Лениным, — простое товарное хозяйство и пути развития капитализма, прибавочная стоимость и три стадии развития капитализма, всеобщий закон капиталистического накопления, рента и аграрный вопрос, проблема воспроизводства и кризисов, теория империализма.

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 60.

²⁵ Там же.

IV. Простое товарное хозяйство и пути развития капитализма

Ленин, давший теорию империализма, в то же время никогда не увлекался абстрактно-схоластическими схемами чистого империализма, он никогда не терял из поля своего анализа огромного мелкотоварного сектора в промышленности и в особенности в земледелии. Ленин прекрасно понимал, что без глубокого и детального марксистского анализа развития капитализма из мелкотоварного производства в эпоху империализма, без учета своеобразия этого развития нельзя дать правильного экономического обоснования пролетарской революции. Отсюда то исключительное внимание, которое Ленин уделяет проблеме изучения природы простого товарного хозяйства, его превращения в товарно-капиталистическое хозяйство и стадиям, которые капитализм проходит в своем развитии. При этом Ленин исходит из того анализа природы простого товарного хозяйства, путей и стадий в развитии капитализма, которые даны Марксом.

Работы Ленина, посвященные этому вопросу, с одной стороны, служат блестящим применением марксистского метода к развитию капитализма в России и в этом смысле являются дальнейшей конкретизацией и развитием общих выводов и положений Маркса. Эти работы Ленина могут быть поставлены в уровень с блестящими, полными богатого содержания и глубины главами «Капитала», посвященными стадиям в развитии капитализма (кооперация, мануфактура и фабрика), как их продолжение и развитие, сделанное на обобщении колоссального материала по развитию капитализма в России, в условиях империалистической эпохи.

Непосредственный толчок к изучению всех этих вопросов исходил от революционной практики. Он связан с перспективами революции в России, с обоснованием роли пролетариата и крестьянства в этой революции. Своеобразие экономики России заключалось в сочетании феодально-капиталистических пережитков с наиболее концентрированными формами новейшего монополистического капитализма, развивавшегося чрезвычайно быстрыми темпами.

Ленин к простому товарному хозяйству подходил как к зародышу капитализма. Простое товарное хозяйство в неразвитом виде содержит в себе противоречия товарно-капиталистического хозяйства.

«...Мелкое производство, — говорил Ленин, — *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»²⁶.

Это положение является руководящей идеей, которую Ленин развивал на основе огромнейшего материала в ряде своих капитальных работ и в частности в работе «Развитие капитализма в России».

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 6.

«Нет ни одного экономического явления в крестьянстве, которое бы не имело этой, специфически свойственной капиталистическому строю, противоречивой формы, т. е. которое не выражало бы борьбы и розни интересов, не означало плюс для одних и минус для других»²⁷.

Далее Ленин подчеркивает, что «русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его»²⁸.

Отсюда двойственная природа мелких производителей, «внутренне противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее. Колебание обнищавшего хозяйчика между контрреволюционной буржуазией и революционным пролетариатом...»²⁹ Это правильное марксистское понимание природы мелкотоварного хозяйства дало возможность Ленину с гениальной прозорливостью конкретизировать и развить учение Маркса о путях развития мелкого производства в эпоху империализма, определить тактику по отношению к нему со стороны пролетариата на разных этапах сначала буржуазно-демократической, а затем и пролетарской революции и обеспечить успех социалистической переделки мелкотоварного крестьянского хозяйства в крупное социалистическое коллективное производство.

В неправильном подходе к природе простого товарного хозяйства лежит корень заблуждений контрреволюционного троцкизма, отождествляющего крестьянство с буржуазией, и правого оппортунизма, не понимающего товарно-капиталистических тенденций крестьянства. Народники не понимали двойственной природы крестьянства, идеализировали мелкое производство, общину и пытались ее увековечить.

Представители II Интернационала — меньшевики — рассматривали крестьянство только как реакционную мелкобуржуазную массу.

Марксистско-ленинское понимание двойственной природы мелкотоварного хозяйства является правильным, дающим твердую базу для построения правильной тактики пролетариата по отношению к крестьянству, как это полностью подтвердилось на практике развертывания мировой пролетарской революции и всемирно-исторического опыта построения социализма в нашей стране.

Влияние абстрактно-схоластической рубинской меньшевистской концепции, рассматривавшей развитие категорий в «Капитале» в полнейшем отрыве от их исторического развития, сказалось, между прочим, и в том, что главы Маркса, посвященные кооперации, мануфактуре и фабрике, или просто игнорировались,

²⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 164.

²⁸ Там же, стр. 165.

²⁹ Там же, стр. 14.

или трактовались не как различные стадии в развитии капитализма, а следовательно, и в развитии относительной прибавочной стоимости, а только как иллюстрации к методам эксплуатации.

С другой стороны, народники рассматривали капитализм не как известное производственное отношение эксплуатации, а связывали его механистически с машинной техникой, рассматривая все более ранние формы капитализма не как формы капитализма, а как формы народного производства.

Ленин, полностью и целиком стоя на позициях Маркса, резко критиковал такие концепции. Он доказывал, что капитал есть производственное отношение людей, отношение эксплуатации, что капиталистические отношения мы имеем всюду, где рабочая сила выступает в качестве товара. Отсюда капитализм проходит различные стадии. Сначала он овладевает процессом производства, не изменяя его техники, затем уже он начинает изменять технику производства, а вместе с тем и строй общественных отношений и самих участников производственного процесса. Ленин придает чрезвычайно важное значение вопросу об изучении отдельных стадий в развитии капитализма, разбивая в пух и прах фикцию, иллюзию так называемого народного производства, за которым скрываются наиболее отсталые формы капиталистической эксплуатации. Установленные Марксом три стадии в развитии капитализма находят свое полное подтверждение в истории развития капитализма в России.

«Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, — говорит Ленин, — Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.)»³⁰.

Подводя итоги данным о развитии капитализма в промышленности России, Ленин устанавливает следующие три главные стадии этого развития: «мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия)»³¹.

Между этими стадиями существует непосредственная связь и преемственность.

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 64—65.

³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 542.

«... Основная тенденция мелкого товарного производства, — говорит он, — состоит в развитии капитализма, в частности — в образовании мануфактуры, а мануфактура на наших глазах с громадной быстротой перерастает в крупную машинную индустрию»³².

Ленин подвергает детальному анализу каждую стадию, рассматривая их в развитии и переходе на высшую ступень.

Прежде всего Ленин останавливается на различии в технике производства. Мелкое товарное производство характеризуется совершенно примитивной ручной техникой. Мануфактура вводит разделение труда, вносящее существенное преобразование техники, превращающее крестьянина в мастера — в «детального рабочего». Но ручное производство остается, и на его базисе прогресс способов производства неизбежно отличается большей медленностью. Только крупная машинная индустрия вносит рациональную перемену, выбрасывает за борт ручное производство, преобразует производство на новых, рациональных началах, систематически применяет к производству данные науки.

В соответствии с изменениями в технике производства меняются как производительные силы, так и производственные отношения.

«Капиталистические отношения образуются и в мелких промыслах (в виде мастерских с наемными рабочими и торгового капитала), но они развиты здесь еще слабо и не фиксируются в резкие противоположности между группами участвующих в производстве лиц... В мануфактуре мы видим образование и того и другого. Пропасть между владельцем средств производства и работником достигает уже значительных размеров... Небольшое число купцов, вращающихся громадными суммами по закупке сырья и сбыту продуктов, — и масса живущих со дня на день детальных рабочих, такова общая картина мануфактуры. Но обилие мелких заведений, сохранение связи с землей, сохранение традиции в производстве и во всем строе жизни, все это создает массу посредствующих элементов между крайностями мануфактуры и задерживает развитие этих крайностей. В крупной машинной индустрии все эти задержки отпадают; крайности общественных противоположностей достигают высшего развития»³³.

Меняется характер и тип развития производства. «В мелких промыслах это развитие идет вслед за развитием крестьянского хозяйства; рынок крайне узок, расстояние от производителя до потребителя невелико, ничтожные размеры производства легко приспособляются к мало колеблющемуся местному спросу. Поэтому наибольшая устойчивость характеризует промышленность на этой стадии, но эта устойчивость равносильна застою техники и сохранению патриархальных общественных отношений,

³² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 542.

³³ Там же, стр. 544—545.

опутанных всяческими остатками средневековых традиций. Мануфактура работает на крупный рынок, иногда — на всю нацию, и сообразно с этим производство приобретает свойственный капитализму характер неустойчивости, которая достигает наибольшей силы при фабрике. Развитие крупной машинной индустрии не может идти иначе, как скачками, периодическими сменами периодов процветания и кризисов. Разорение мелких производителей в громадной степени усиливается этим скачкообразным ростом фабрики; рабочие то притягиваются массами фабрикой в эпохи горячки, то выталкиваются. Условием существования и развития крупной машинной индустрии становится образование громадной резервной армии безработных и готовых взяться за всякую работу людей»³⁴.

Далее Ленин прослеживает влияние развития капитализма на процесс отделения промышленности от земледелия. Этот вопрос имеет важнейшее значение, поскольку отделение промышленности от земледелия означает вместе с тем освобождение промышленности «...от тех традиций крепостного и патриархального строя, которые тяготеют над сельским хозяйством»³⁵.

«В мелком товарном производстве промышленник еще совершенно не вылутился из крестьянина». Вся глубина этой связи доказывается на установленном Лениным законе «параллельного разложения мелких производителей в промышленности и в земледелии».

В мануфактуре мы наблюдаем уже значительный отрыв промышленности от земледелия, что находит свое выражение в образовании ряда промышленных центров, не занимающихся земледелием. «Главным представителем промышленности становится уже не крестьянин, а купец и мануфактурист, с одной стороны, «мастеровой», с другой стороны».

«Крупная машинная индустрия доканчивает это преобразование, отделяет окончательно промышленность от земледелия, создает ... особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни...» Крупная промышленность «абсолютно уже не мирится с остатками патриархальности и личной зависимости»³⁶.

Если мелкое производство и мануфактура характеризуются оседлостью населения, то крупная машинная индустрия, напротив, создает громадную подвижность населения, развивая торговые сношения, создавая транспорт, поднимая колоссально спрос на рабочую силу в эпохи подъема производства и выбрасывая рабочие массы на улицу в эпоху кризисов, создавая с невиданной для капитализма быстротой новые индустриальные центры, притягивающие массы рабочих.

³⁴ Там же, стр. 545—546.

³⁵ Там же, стр. 546.

³⁶ Там же, стр. 546—547.

Общий вывод, который Ленин делает из дальнейшего, глубокого анализа данных, относящихся к развитию капитализма в России, заключается в обобществлении труда капиталом. Как известно, Маркс и Энгельс основным противоречием капиталистического способа производства считали противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением. Особенно подробно на этом вопросе останавливается Энгельс в «Анти-Дюринге». Как мы увидим в дальнейшем, Ленин в основу своих исследований капитализма кладет это противоречие и развивает его дальше, более конкретно раскрывая содержание этого противоречия на основе данных развития капитализма в России. Ленин прежде всего обрушивается на тех, кто сводит обобществление к увеличению числа рабочих. «... Сводить, — говорит он, — всю миссию капитализма к увеличению числа «фабрично-заводских» рабочих — значит проявлять столь же глубокое понимание теории, какое проявил г. Михайловский, удивлявшийся, почему это толкуют люди об обобществлении труда капитализмом, когда все это обобществление сводится-де к тому, что несколько сот или тысяч рабочих пилят, рубят, режут, строгают и т. д. в одном помещении»³⁷.

«Обобществление труда капитализмом проявляется в следующих процессах. Во-первых, самый рост товарного производства разрушает свойственную натуральному хозяйству раздробленность... Производство на себя превращается в производство на все общество, и чем выше развит капитализм, тем сильнее становится противоречие между этим коллективным характером производства и индивидуальным характером присвоения. Во-вторых, капитализм создает на место прежней раздробленности производства невиданную раньше концентрацию его как в земледелии, так и в промышленности. ... В-третьих, капитализм вытесняет... формы личной зависимости... В-четвертых, капитализм необходимо создает подвижность населения... В-пятых, капитализм уменьшает постоянно долю населения, занятого земледелием (в котором всегда господствуют наиболее отсталые формы общественно-хозяйственных отношений), увеличивает число крупных индустриальных центров. В-шестых, ... разрушая узкие, местные, сословные союзы средневекового общества, создавая ожесточенную конкуренцию, капитализм в то же время раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих различное положение в производстве, и дает громадный толчок объединению внутри каждой такой группы. В-седьмых, все указанные изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения»³⁸.

Таковы те общие выводы, к которым приходит Ленин на основании изучения капитализма в России.

³⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 456.

³⁸ Там же, стр. 599—600.

Ленин в борьбе с народниками-субъективистами подчеркивает всюду огромное прогрессивное значение капитализма, обобществляющего производство и тем самым подготовляющего объективные предпосылки для будущего социалистического строя. Вместе с тем в борьбе с «объективизмом», а по существу буржуазным либерализмом Струве, он не удовлетворяется констатацией в общей форме прогрессивности капитализма, а со всей силой и остротой подчеркивает всю противоречивость этого процесса, обострение по мере развития капитализма всех его противоречий и, в частности, основного противоречия капитализма — противоречия между коллективным характером производства и частным характером присвоения.

В то время как взор народника обращен в прошлое, взор либерального буржуа типа Струве узко ограничен рамками капиталистического настоящего, — Ленин, детальнейшим образом изучая прошлое и настоящее, гениальным взором проникает в будущее. Он ни на одном этапе своего исследования не упускает конечной своей цели — пролетарской революции, построения бесклассового коммунистического общества.

Работы Ленина, посвященные развитию капитализма в России, явились по существу не чем иным, как экономическим обоснованием революции 1905 г., а также и последующих Февральской и Великой Октябрьской революций.

«Тот анализ общественно-хозяйственного строя и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции. Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения. Экономическая основа того и другого явления доказана в предлагаемой работе.

Далее, революция обнаруживает теперь все более и более двойственное положение и двойственную роль крестьянства. С одной стороны... глубокие корни революционности крестьянства, как массы. С другой стороны... ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее»³⁹.

Необходимо также отметить еще одну сторону. Изучая развитие капитализма в России, Ленин уже тогда в основном сформулировал все то своеобразие экономических и классовых отношений России, приведших к победе пролетарской революции.

«... Ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение

³⁹ Там же, стр. 13—14.

производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»»⁴⁰.

С другой стороны, Ленин отмечает быстрый рост капитализма в России.

После 1861 года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершились превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века.

Это Ленин объясняет тем, что «развитие капитализма в молодых странах значительно *ускоряется* примером и помощью старых стран»⁴¹.

Так, например, «в Южную Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху горячки (1898) туда перевозятся из Америки целые заводы. Международный капитал не затруднился переселиться внутрь таможенной стены и устроиться на «чужой» почве...»⁴²

Отсюда Ленин приходит к следующему выводу: «Если сравнивать докапиталистическую эпоху в России с капиталистической (а именно такое сравнение и необходимо для правильного решения вопроса), то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным»⁴³.

Таким образом, специфичность развития капитализма в России, до крайности обострявшая его противоречия, заключалась в быстром развитии капитализма, происходившем при помощи иностранного капитала, которое задерживалось феодально-крепостническими пережитками. Чем быстрее, чем лихорадочнее капитализм прокладывал себе пути в экономике России, преобразуя на свой лад всю систему производственных и общественных отношений, тем острее давало знать это противоречие между развитием капитализма и феодально-крепостническими пережитками. И здесь мы видим чрезвычайно чувствительный отпечаток на развитии капитализма в России эпохи империализма и пролетарских революций, объясняющий своеобразие всего процесса.

Ленин в своем исследовании как раз учитывал это своеобразие, исходя из перспективы пролетарской революции, предположения которой зрели в недрах капиталистического развития.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 601.

⁴¹ Там же, стр. 490.

⁴² Там же, стр. 488—489.

⁴³ Там же, стр. 601.

V. Всеобщий закон капиталистического накопления

Обобщение тенденций развития капитализма Маркс дает, как мы уже отмечали, в своем знаменитом законе всеобщего капиталистического накопления. Сущность его, коротко говоря, сводится к следующему: «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия... Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии»⁴⁴.

Таким образом, капитализм имел свой особый закон населения. Отсюда Маркс делает вывод о законе абсолютного и относительного обнищания по мере развития капитализма. Совершенно излишне говорить здесь о глубоком революционизирующем действии этого закона пролетариата. Немудрено, что усилия ревизионистов были направлены на то, чтобы опровергнуть как установленный Марксом капиталистический закон населения, так и вытекающий из него закон абсолютного обнищания пролетариата. В полемике со Струве Ленин дает решительный отпор попыткам его ревизовать установленный Марксом закон населения.

Струве в этом вопросе повторил по существу теорию Мальтуса.

Ленин, с одной стороны, разбивает теорию населения Мальтуса, по существу защищаемую Струве, и с другой — дает яркую характеристику специфического характера перенаселения в России и тем самым наносит удар по Н-ону.

Струве устанавливает «закон» соответствия между размножением населения и средствами существования: «Чем шире земельный простор и чем выше естественное плодородие земли, тем более естественный прирост населения».

Ленин показывает всю бессодержательность этого вывода, так как он игнорирует те общественные отношения, которые влияют на распределение средств существования населения⁴⁵.

А именно, крестьянское население вынуждено значительную часть добытых продуктов отдавать помещику и государству. Помимо феодально-крепостнических отношений на эту долю средств существования влияло развитие обмена. Все это говорит о том, что именно система производственных отношений и вытекающая система распределения играют решающую роль, а не естественные законы размножения.

Конкуренция между крестьянами неизбежно вытолкнет часть крестьян.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 659.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 481.

Сколько бы ни укреплялась в народных нравах тенденция добровольного ограничения рождений, — образование их избытка все равно неизбежно.

При разрешении вопроса о специфических чертах и характере перенаселения в России Ленин исходит из общей характеристики развития капитализма в России, где быстрый рост капитализма сочетается с тормозящими его феодально-крепостническими пережитками.

В противоположность Струве, отрицавшему капиталистический характер перенаселения в России, Ленин утверждает, что «нельзя отрицать капиталистического характера перенаселения в России, как нельзя отрицать господства капитала в земледелии. Но совершенно нелепо, разумеется, — говорит далее Ленин, — игнорировать *степень развития капитала*, как это делает г. Н—он, который в своем увлечении представляет его почти завершившимся...»⁴⁶

Рядом с капитализмом «мы видим все еще и крепостнические отношения — и в хозяйственной области... и еще более в социальной и юридико-политической... эти отношения тоже ведут, несомненно, к разорению крестьян и к безработице, «перенаселению» прикрепленных к земле батраков»⁴⁷.

Таким образом, обобщает Ленин, «в современном «перенаселении» кроме основных капиталистических черт есть, следовательно, еще крепостнические»⁴⁸.

Наибольшим нападкам и ревизионистским извращениям подвергся установленный Марксом закон абсолютного обнищания. Первым застрельщиком против этого закона выступил Бернштейн, который вообще отрицал этот закон. С критикой Бернштейна выступил Каутский, а затем Плеханов. Однако эта критика велась с ревизионистских позиций. И Каутский, и Плеханов старались истолковать закон абсолютного обнищания в духе относительного обнищания. Такая по своему существу ревизионистская установка долгое время пользовалась огромным распространением. Она в течение длительного времени была господствующей и среди наших преподавателей. Чтобы понять все значение правильной позиции в этом вопросе, достаточно сослаться на то, что современные социал-демократы полностью стали на позиции отрицания абсолютного обнищания.

Все развитие капитализма с его возникновения и до наших дней полностью подтверждает правильность установленного Марксом закона абсолютного обнищания. В особенности усиливается действие этого закона в настоящую эпоху, эпоху всеобщего кризиса капитализма, современного экономического кризиса. С невиданной быстротой растет «накопление нищеты, мук труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации» на сто-

⁴⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 490.

⁴⁷ Там же, стр. 490—491.

⁴⁸ Там же, стр. 491.

роне рабочего класса, «на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал»⁴⁹, что ведет к крайнему обострению классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией.

Ленин еще накануне империалистической войны на основании новейших данных о развитии капитализма полностью подтверждает закон абсолютного обнищания, который распространяется не только на колониальных рабов капитала, но и на континентальных рабочих.

«Рабочий, — говорит Ленин, — нищает *абсолютно*, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам.

Еще нагляднее, однако, *относительное* обнищание рабочих, т. е. уменьшение их *доли* в общественном доходе. *Сравнительная* доля рабочих в быстро богатеющем капиталистическом обществе становится все меньше, ибо все быстрее богатеют миллионеры»⁵⁰.

Исходя из этого Ленин приходит к тому выводу, что «гигантское развитие производительных сил общественного и все более обобщественного труда сопровождается тем, что все главные выгоды этого развития монополизировало ничтожное меньшинство населения»⁵¹. Наряду с ростом общественного богатства растет общественное неравенство, углубляется и расширяется пропасть между классом собственников (буржуазией) и классом пролетариата.

Все это в конце концов ведет к взрыву капиталистической системы, к низвержению капитализма и установлению пролетарской диктатуры.

Однако этот процесс не может произойти автоматически за исчерпанием третьих лиц — крестьянства, как учила Роза Люксембург.

«... Было бы глубокой ошибкой, — говорит Ленин, — думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции»⁵².

С другой стороны, совершенно неправильна теория троцкистов, что капитализм автоматически погибнет из-за невозможности осуществить расширенное воспроизводство.

«Абсолютно безвыходных положений, — говорит Ленин, — не бывает... Попытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педанством или игрой в понятия и в словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «до-

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 660.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 221—222.

⁵¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 420.

⁵² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 25.

казать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции»⁵³.

VI. Проблема воспроизводства и кризисов

Непосредственным толчком для Ленина к тому, чтобы заняться «проблемами воспроизводства, реализации и кризисов», послужила полемика с народниками и критика народников в работах Струве и Булгакова, которую они вели с немарксистских, ревизионистских позиций.

Народники доказывали, что капитализм, разоряя мелких товаропроизводителей, тем самым сокращает рынок и делает невозможным свое собственное развитие вследствие невозможности реализовать прибавочную стоимость.

Все эти вопросы, таким образом, были непосредственно увязаны с общими вопросами развития капитализма в отсталых странах, в эпоху уже в основном сложившегося в то время империализма.

Излишне говорить о том, что проблемы воспроизводства и кризисов являются центральными проблемами капиталистического развития, приобретающими особо важное значение на империалистической стадии умирающего капитализма.

К бессмертной заслуге Маркса и Энгельса, безусловно, надо отнести разработку этих проблем.

Марксом, как мы уже говорили, весьма подробно разработаны проблемы воспроизводства и реализации.

Сисмонди и народники не могли разрешить проблему воспроизводства и реализации всего общественного капитала. Самую задачу капиталистического воспроизводства они непосредственно сводили к потреблению, заявляя, что потребление есть единственная цель накопления и что потребление определяет воспроизводство.

Отсюда Сисмонди приходит к выводу о том, «что рост богатства выгоден только в том случае, когда он постепенен, когда он пропорционален самому себе, когда ни одна из его частей не развивается непомерно быстро».

Исходя из этого, кризисы он объяснял недопотреблением. Теория Сисмонди была воспринята народниками, поскольку она подводила теоретическую базу под их собственную отрицательную оценку капитализма, под их мелкобуржуазные, утопические теории увековечения мелкого производства.

Струве, критиковавший народников, рассматривал проблему воспроизводства и реализации как проблему пропорционального распределения, гармонии между производством и потреблением.

⁵³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 228.

А Туган-Барановский, исходя из такого понимания схем Маркса, объяснял кризисы нарушением пропорциональности.

Ленин в борьбе со всеми этими антимарксистскими и ревизионистскими течениями восстанавливает подлинный смысл учения Маркса и Энгельса о воспроизводстве, реализации и кризисах, уточняет и конкретизирует ряд общих положений Маркса и Энгельса и развивает их дальше.

Мы не можем в этом кратком обзоре вскрыть все то богатое содержание, которое заключают в себе работы Маркса по этому вопросу. Это задача дальнейшего углубленного исследования. Наша задача — показать только наиболее важные, основные черты ленинского «взноса» в общую сокровищницу марксизма в этом вопросе.

Ленин обрушивается на сисмондистов и Струве за то, что они схемы воспроизводства Маркса пытаются представить как схемы, долженствующие показать пропорциональность капиталистического распределения.

«Теория реализации, — по словам Ленина, — есть абстрактная теория, показывающая, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала»⁵⁴. Правда, абстрактная теория реализации исходит из предположения пропорционального распределения.

Но он отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально.

Теория стоимости предполагает и должна предполагать равенство спроса и предложения, но она отнюдь не утверждает, чтобы в капиталистическом обществе всегда наблюдалось и могло наблюдаться такое равенство. Как и всякий другой закон капитализма, закон реализации «осуществляется лишь путем неосуществления»⁵⁵.

Ленин иронизирует над Сисмонди и народниками, которые без пропорциональности не мыслят себе развития.

«Добрый Сисмонди, — говорит Ленин, — думает, что «непропорциональное» развитие не есть развитие (как думают и наши народники), что эта непропорциональность — не закон данного строя общественного хозяйства и его движения, а «ошибка» законодателя и т. п. . .»⁵⁶

Более того, Ленин утверждает, что схемы воспроизводства Маркса, показывая, как совершается возмещение и реализация отдельных частей общественного капитала, вместе с тем ясно показывают и всю противоречивость этого процесса и неизбежность постоянных нарушений пропорциональности, которая является недостижимым идеалом для капитализма.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 69—70.

⁵⁵ Там же, стр. 70.

⁵⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 137.

Маркс, по словам Ленина, в своих схемах воспроизводства доказывает, что «даже при вполне пропорциональной, идеально гладкой реализации мы не можем представить себе капитализма без противоречия между производством и потреблением, без того, чтобы гигантский рост производства не совмещался с крайне слабым ростом (или даже застоем и ухудшением) народного потребления. Реализация происходит больше на счет средств производства, чем на счет предметов потребления — это ясно следует из схем Маркса»⁵⁷.

Излишне доказывать, какое огромное значение, теоретическое и практическое, имеет трактовка марксовых схем воспроизводства, данная Лениным.

Рубинцы, равно как и механисты, до сих пор в основу политэкономии кладут не законы движения, а законы равновесия. Точка зрения равновесия до самого последнего времени пользовалась с легкой руки Бухарина и Рубина огромным распространением среди наших экономистов, она проводилась в наших учебниках, она господствовала в преподавании. И лишь в последнее время поворот экономистов к изучению ленинского наследства привел к тому, что в этом вопросе установилась правильная точка зрения. Так что статьи и работы Ленина, относящиеся к концу 90-х годов прошлого столетия, до сих пор не потеряли своей актуальности и, наоборот, вновь ожили и приобрели злободневность.

То же самое приходится сказать и о кризисах. Ленин в этом вопросе ведет борьбу на два фронта — с одной стороны, против сисмондистов, народников, пытающихся объяснить кризис недопотреблением, а с другой стороны — против тех, кто пытается объяснить кризисы анархией производства, нарушением пропорциональности. Против объяснения кризисов недопотреблением Ленин приводит два довода: 1) потребление рабочих в эпохи, предшествующие кризисам, повышается и 2) недостаточное потребление существовало при самых различных хозяйственных режимах, а кризис — явление, присущее только капитализму.

Основной причиной кризисов Ленин в полном согласии с Марксом и Энгельсом считает противоречие между общественным характером производства (обобществленного капитализмом) и частным индивидуальным способом присвоения. Коренное отличие между этими двумя постановками вопроса состоит в следующем. В то время как Сисмонди и его сторонники ищут причину кризисов в сфере распределения, Маркс, Энгельс и Ленин — в сфере неустранимых противоречий капиталистического производства.

Означает ли это, что Ленин отвергает факт недостаточного потребления и не придает ему никакого значения при объяснении кризисов? Нет, не означает.

⁵⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 159—160.

Марксистская теория, по мнению Ленина, признает факт недостаточного потребления, «но отводит ему надлежащее, подчиненное место как факту, относящемуся лишь к одному подразделению всего капиталистического производства»⁵⁸.

С другой стороны, Ленин разбивает довод тех, кто пытается объяснить кризисы анархией производства, тем, что фабрикант, производя товар, не знал спроса.

«Если, — говорит Ленин, — товары не могут найти спроса, — значит, фабрикант, производя их, не знал спроса. Спрашивается теперь: неужели указать это условие возможности кризисов значит дать объяснение кризисам? Неужели Эфруси не понимал разницы между указанием возможности и объяснением необходимости явления? Сисмонди говорит: кризисы возможны, ибо фабрикант не знает спроса; они необходимы, ибо в капиталистическом производстве не может быть равновесия производства с потреблением (т. е. не может быть реализован продукт). Энгельс говорит: кризисы возможны, ибо фабрикант не знает спроса; они необходимы совсем не потому, чтобы вообще не мог быть реализован продукт. Это неверно: продукт может быть реализован. Кризисы необходимы потому, что коллективный характер производства приходит в противоречие с индивидуальным характером присвоения»⁵⁹.

«Анархия производства», «отсутствие планомерности производства», о чем говорят эти выражения? О противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения.

Известно, что Туган-Барановский единственным условием реализации считал пропорциональность распределения национального производства. Причем это капиталистическое производство, по его мнению, может развиваться за счет средств производства совершенно независимо от потребления. Ленин разбивает эту концепцию Туган-Барановского.

«... Анализ реализации, — говорит он, — показал, что образование внутреннего рынка для капитализма идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства. Отсюда следует, что первое подразделение общественной продукции (изготовление средств производства) может и должно развиваться быстрее, чем второе (изготовление предметов потребления)». Следовательно, совершенно неправы народники и сисмондисты, сводящие все потребление к личному потреблению и делающие отсюда выводы о невозможности реализации прибавочной стоимости без третьих лиц.

«Но отсюда, разумеется, никак не следует, чтобы изготовление средств производства могло развиваться совершенно независимо от изготовления предметов потребления и вне всякой связи

⁵⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 159—160.

⁵⁹ Там же, стр. 162—163.

с ним... Итак, в конечном счете, производительное потребление (потребление средств производства) всегда связано с личным потреблением, всегда зависимо от него»⁶⁰.

Ленин разбивает доводы сисмондистов и народников в защиту невозможности в условиях капитализма без внешнего рынка реализовать прибавочную стоимость.

Корень ошибки сисмондистов и народников заключается в игнорировании постоянного капитала, в сведении вопроса реализации к личному потреблению.

«Положение, что капиталисты не могут потребить сверхстоимость, есть только вульгаризованное повторение недоумений Смита насчет реализации вообще. Только *часть* сверхстоимости состоит из предметов потребления; другая же — из средств производства (напр., сверхстоимость железозаводчика). «Потребление» *этой последней* сверхстоимости совершается *обращением ее на производство*; капиталисты же, производящие продукт, в форме средств производства, потребляют сами не сверхстоимость, а вымененный у других капиталистов *постоянный капитал*».

«Припутывать внешнюю торговлю, вывоз к вопросу о реализации — это значит увертываться от вопроса, *отодвигая* его лишь на более широкое поле, *но нисколько не выясняя его*»⁶¹.

«Внешний рынок необходим потому, что капиталистическому производству *присуще* стремление к *безграничному* расширению — в противоположность всем старым способам производства...»⁶²

Здесь мы видим, что Ленин, разбивая теорию Сисмонди и народников, тем самым наносит и сокрушительный удар по теории реализации Розы Люксембург.

Критика Лениным рассмотренных нами только что антимарксистских теорий до сих пор имеет актуальнейшее значение.

Теория недопотребления и теория диспропорциональности до сих пор являются теориями, господствующими среди реформистов. Изучение работ Ленина, посвященных вопросу кризисов, вооружает нас теоретическим оружием в борьбе с современными ревизионистскими теориями кризисов.

Говоря о тех глубоких коренных противоречиях капитализма, которые обнаруживаются в капиталистических кризисах и, в частности, в противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения, находящем свое выражение в производном от него противоречии между производством и потреблением, Ленин со всей присущей ему силой и четкостью подчеркивает, что «...из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно

⁶⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 48.

⁶¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 153, 154—155.

⁶² Там же, стр. 156.

вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей»⁶³.

Таким образом, и здесь красной нитью проходит основная идея Ленина — экономически обосновать марксово учение о неизбежности крушения, неизбежности гибели капитализма и установления пролетарской диктатуры на основе новых данных развития капитализма в России эпохи империализма.

Однако Ленин не ограничился тем, что разбил народниково-общетеоретическими стрелами. Исходя из рассмотренных нами общетеоретических положений, Ленин в своей работе «К вопросу о развитии капитализма в России» на основе огромного фактического материала дал конкретный анализ образования в ходе развития капитализма внутреннего рынка в России.

VII. Земельная рента и аграрный вопрос

Эпоха империализма и пролетарских революций с особой остротой ставит перед пролетариатом задачу отыскания себе союзника в борьбе против капитализма, за пролетарскую диктатуру.

Экономические работы Ленина по ренте и аграрному вопросу должны были послужить обоснованием ленинской политики и тактики по отношению к крестьянству сначала в буржуазно-демократической, а затем и в пролетарской революции.

В этой связи аграрный вопрос играет огромную роль в работах Ленина и составляет важнейший момент при определении ленинизма в политической экономии.

Однако отсюда было бы совершенно неправильно свести сущность ленинизма к решению крестьянского вопроса.

К. Маркс анализ капитализма начинает с характеристики простого товарного хозяйства, далее Маркс прослеживает возникновение капитализма из простого товарного хозяйства, ряд важнейших общих руководящих положений по этому вопросу мы находим в томе I «Капитала» — о первоначальном накоплении, в томе III, посвященном генезису ренты, огромное количество отдельных важнейших с теоретической точки зрения замечаний о мелком производителе и его положении в условиях капитализма разбросано по всем томам «Капитала». Наконец, мы находим ряд важнейших теоретических положений о судьбах мелкого производства в исторических работах Маркса и Энгельса. Более того, уже в тот период буржуазных революций Маркс и Энгельс ставили вопрос о мелком производителе как союзнике пролетариата. Находим мы также в произведениях Маркса и Энгельса ряд руководящих указаний по вопросу о мелком производстве в эпоху диктатуры пролетариата. Все это говорит о том, что Ленин строил свою разработку вопроса о тенденциях и судьбах мелкого производства в условиях капитализма не на пустом месте. Он тща-

⁶³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 162.

нейшим образом изучил все высказывания Маркса и Энгельса по этому вопросу. Величайшая заслуга Ленина состоит в том, что он применил учение Маркса к анализу мелкого производства в условиях империализма, конкретизировал их, развил их на основе огромнейшего материала, относящегося к развитию капитализма в России и в важнейших капиталистических странах. Это он сделал потому, что в период империализма, когда пролетарская революция стоит как непосредственная задача дня, особую актуальность и остроту принимает вопрос о союзнике пролетариата.

Ленин защищал и развивал учение Маркса в борьбе с буржуазными учеными и ревизионистами.

Буржуазия и плетущиеся за ней в хвосте ревизионисты пытались, по выражению Ленина, заслонить общественные отношения вымышленными «вечными законами»⁶⁴. Среди этих вымышленных «вечных законов» наибольшей популярностью пользуется так называемый «закон убывающего плодородия».

Из этого закона исходил Рикардо в своей теории дифференциальной ренты.

Величайшая заслуга Маркса, по словам Ленина, состоит в том, что он освободил теорию дифференциальной ренты от всякой связи с пресловутым «законом убывающего плодородия почвы», доказав, что дифференциальная рента в одинаковой мере может возникать как при переходе от лучших земель к худшим, так и, наоборот, от худших к лучшим.

Тем не менее на основе того же пресловутого закона убывающего плодородия строились ревизионистские теории Булгаковым, Масловым, Сухановым и др.

Ленин, отстаивая теорию дифференциальной ренты против ревизионизма, вскрывает бессодержательность этого закона.

«Итак, — говорит Ленин, подводя итог своей критике, — «закон убывающего плодородия почвы» вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной. Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом «законе», а кричат о нем только представители буржуазной науки, ... которые никак не могут отделаться от предрассудков старой политической экономии с ее абстрактными, вечными и естественными законами»⁶⁵.

Булгаков, Богданов и другие пытались опровергнуть положение Маркса—Ленина о том, что стоимость продуктов земледелия определяется общественно необходимым временем, затраченным на худших участках земли или при наименее производительной затрате капитала. Булгаков исходит прежде всего из того, что

⁶⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 101.

⁶⁵ Там же, стр. 102.

«земельная рента есть феномен не производства, а распределения», что «цена товара и в сельском хозяйстве определяется средней производительностью при средних природных условиях».

Далее Булгаков утверждает, что «благодаря земельной монополии цена поднимается выше ценности до тех границ, до которых позволяют условия рынка». По существу на той же позиции стоит Поздняков. То, что у Булгакова фигурирует под видом цены, у Позднякова выступает в форме рыночной стоимости. Отсюда делается вывод, что источником дифференциальной ренты является прибавочная стоимость, созданная в промышленности.

Ленин подверг сокрушительной критике теорию Булгакова: «Чтобы образовалась, — говорит он, — эта «средняя производительность» и определила собой цены, для этого необходимо, чтобы каждый капиталист не только мог вообще приложить капитал к земледелию ... но также, чтобы каждый капиталист мог всегда — сверх наличного числа земледельческих предприятий — основать *новое* земледельческое предприятие. Будь это так, тогда между земледелием и промышленностью никакой разницы не было бы, тогда никакой ренты не могло бы возникнуть. Но именно ограниченность земли делает то, что это не так»⁶⁶.

Именно благодаря ограниченности земли «цену хлеба определяют условия производства на худшей земле, а избыточная прибавочная прибыль, приносимая затратой капитала на лучшей земле или более производительной затратой капитала, образует дифференциальную ренту»⁶⁷. Отсюда становится ясным, что источником дифференциальной ренты, как мы уже говорили, является избыточная прибавочная стоимость, созданная в земледелии. Таким образом, критика Лениным Булгакова может быть отнесена и к концепции Позднякова.

Вместе с тем она вооружает нас и против вульгарно-рикардианского понимания дифференциальной ренты Любимовым. Если Любимов причину образования дифференциальной ренты видит в различиях плодородия, в естественных свойствах земли, то Ленин видит ее в ограниченности земли и занятости ее капиталистическими фермами.

Не меньше нападков со стороны буржуазных апологетов, защитников помещичье-капиталистического земледелия, вызывает теория абсолютной ренты Маркса. Абсолютная рента, порождаемая частной собственностью на землю, имеет своим источником излишек прибавочной стоимости, создаваемый в капиталистическом земледелии благодаря более низкому органическому строению капитала.

Абсолютную ренту отрицали Булгаков, Маслов, Суханов и другие буржуазные экономисты и реформисты. По существу отрицает абсолютную ренту также и Каутский.

⁶⁶ Там же, стр. 118.

⁶⁷ Там же, стр. 120.

Маслов прежде всего утверждает, что Маркс причину абсолютной ренты видит исключительно в низком органическом строении капитала. Исходя из этого, он все свои критические стрелы направляет против этого положения, доказывая, что «как бы много предприниматели какой-либо отрасли промышленности ни получали прибавочной стоимости благодаря низкому строению капитала (преобладание ручного труда), норма прибыли будет стремиться к среднему уровню».

Абсолютная рента, по мнению Маслова, не может возникнуть уже по одному тому, что «арендатор всегда может сделать «последний» капитал «предпоследним», если он дает что-нибудь, кроме обычной прибыли», т. е., другими словами, арендатор будет делать добавочные вложения в арендованную им землю до тех пор, пока не исчезнет всякий избыток прибавочной стоимости над средней прибылью и не останется одна средняя прибыль.

Ленин сокрушительными доводами разбивает аргументацию Маслова. Во-первых, Ленин разъясняет, что Маркс никогда и нигде не утверждал, что причиной абсолютной ренты является низкое строение капитала в земледелии. Причиной, создающей абсолютную ренту, является частная собственность на землю, источником же, откуда она берется, является излишек прибавочной стоимости, создающийся в земледелии благодаря низкому органическому строению капитала. Частная собственность на землю мешает излишку прибавочной стоимости, созданному в земледелии, пойти в общий котел для выравнивания прибылей по средней норме. Что же касается того, что арендатор может «последнюю» затрату капитала всегда сделать «предпоследней», то это возможно только в течение срока арендного договора. По истечении же срока арендного договора, возрастая, рента перейдет к землевладельцу, который повысит арендную плату за землю.

Если таким образом Маслов совершенно игнорировал монополию частной собственности на землю, то Богданов по существу абсолютную ренту сводит к монопольной.

«... Рента с предприятий, пользующихся наилучшими естественными условиями, зависит... только от монопольной позиции собственников земли, которые берут себе часть прибавочной стоимости за простую возможность применения капитала на их земле. Это и есть «абсолютная рента»⁶⁸. Ленин доказывает, что монополия частной собственности на землю является причиной того, что создаваемый в земледелии избыток прибавочной стоимости превращается в абсолютную ренту. Однако, чтобы превратиться в абсолютную ренту, этот излишек должен быть создан трудом рабочих. Он и создается в земледелии благодаря низкому органическому строению капитала.

⁶⁸ Н. Богданов, П. Степанов. Курс политической экономии, т. II, вып. 4. Госиздат, 1924, стр. 72.

Противоположную ошибку допускает проф. Любимов. Он держится мнения, что абсолютная рента порождается двумя факторами — монополией частной собственности на землю и низким органическим строением капитала. Такая постановка вопроса страдает эклектизмом и недооценкой того огромного значения, которое имеет частная собственность на землю в условиях капиталистического земледелия. Маркс прямо заявляет, что именно земельная собственность является творческой причиной абсолютной земельной ренты. Ленин в ряде своих статей обосновывает и развивает эту мысль Маркса. «Неправда, — говорит он, — что по Марксу абсолютная рента получается благодаря низкому строению земледельческого капитала. Абсолютная рента получается благодаря частной собственности на землю... Отрицать абсолютную ренту — значит отрицать экономическое значение частной собственности на землю»⁶⁹.

Защита Лениным теории абсолютной ренты Маркса направлена своим острием также и против позиции Каутского и Суханова, отрицающих низкое органическое строение капитала в земледелии. «Весьма сомнительно, — заявляет Каутский, — чтобы интенсивное сельское хозяйство в настоящее время по органическому строению капитала все еще стояло ниже среднего уровня. При исчислении прибыли нужно, однако, принять во внимание и время обращения капитала... В сельском хозяйстве оборот капитала совершается особенно медленно; поэтому, если скорость оборота ниже среднего, может исчезнуть избыточная прибыль, вытекающая из других источников»⁷⁰.

Суханов идет в этом вопросе еще дальше Каутского. Он утверждает, что в земледелии имеет место высокое строение земледельческого капитала по сравнению со среднеобщественным.

Маркс и Ленин в своих работах показали, что в земледелии, так же как и в промышленности, мы наблюдаем рост органического строения капитала. Однако благодаря особенностям капиталистического земледелия и прежде всего благодаря наличию частной собственности на землю капиталистическая промышленность далеко обгоняет в своем росте земледелие, так что по мере развития капитализма не только не уменьшается различие в органическом строении капитала между промышленностью и земледелием, но все более и более возрастает.

И разумеется, сравнительно более медленный оборот капитала в земледелии не может поглотить излишек прибавочной стоимости, создаваемый в земледелии благодаря более низкому строению капитала. Да и самая медлительность оборота связана с отсталостью земледелия.

⁶⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 279, 280.

⁷⁰ К. Каутский. Аграрный вопрос. М., изд-во «Пролетарий», 1923, стр. 53.

На основе обобщения огромного материала, взятого из практики империалистической эпохи, Ленин приходит к выводу, что «противоречие между промышленностью и земледелием не только не устранено капитализмом, а, напротив, расширяется и обостряется им все более»⁷¹. Отсюда становится ясной вся апологетическая сущность взглядов Каутского и Суханова.

Не случайно буржуазные экономисты и ревизионисты всех мастей столько ударов направляют против марксовой теории земельной ренты и в частности абсолютной земельной ренты. Сводя дифференциальную ренту к законам природы и отвергая совсем абсолютную ренту, апологеты помещичье-капиталистического земледелия стараются затушевать одно из важнейших противоречий капитализма и теоретически обосновать свою буржуазно-классовую политику в аграрном вопросе.

Не случайно также и Ленин с особой силой обрушивается на ревизионистов, отстаивая и развивая учение Маркса о земельной ренте, так как оно является теоретической основой аграрной программы партии, программы национализации земли.

Как мы уже говорили, аграрно-крестьянский вопрос есть по существу вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть.

Природа крестьянина двойственна: как собственник он тянется к капитализму, как труженик, подвергающийся эксплуатации, тянется к рабочему классу.

Маркс учил, что поскольку крестьяне отстаивают свое существование как среднего слоя, они консервативны, поскольку же они защищают не современные, а будущие свои интересы и становятся на точку зрения пролетариата, они революционны. И если марксизм-ленинизм стремится к тому, чтобы перевести основную, эксплуатируемую помещиком и капиталистом массу крестьянства на точку зрения пролетариата, превратить крестьянина в союзника пролетариата в его борьбе за власть, то ревизионизм и реформизм во всех их разновидностях стремятся к тому, чтобы упрочить существование крестьянства как среднего слоя, превратить его в консервативную опору капитализма. Основным теоретическим положением ревизионистов и реформистов всех мастей является утверждение об устойчивости мелкого земледелия в условиях капитализма. Бернштейн, Давид, Герц, Булгаков и т. д. — все в той или иной форме на разные лады защищали это положение. На этой же позиции стояли народники, эсеры и меньшевики — Суханов, Чаянов, Челинцев и др.

Эта же теория устойчивости мелкого земледелия сейчас поднята на щит современным реформизмом.

«Главный результат, — говорит Каутский в своей контрреволюционной брошюре «Большевизм в тупике», — к которому я пришел в 1899 г., состоял в том, что в некоторых пунктах мне пришлось признать Давида правым и отказаться от взглядов

⁷¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 219.

Маркса и Энгельса. Я должен был признать, что наблюдавшееся Марксом и Энгельсом победоносное внедрение крупного производства в сельское хозяйство приостановилось, да и вообще никогда не было сильным».

Чем же Каутский объясняет это слабое внедрение крупного производства в сельское хозяйство и его приостановку в настоящее время? Оказывается, в этом виноваты естественные причины.

«Сельское хозяйство, — пишет он, — уже по одним естественным причинам не в состоянии развиваться так быстро, как промышленность в условиях развития техники»⁷².

Мы видели, что Каутский еще в лучшую пору своей работы, когда он был марксистом, обнаруживал свою ревизионистскую сущность, выступая против абсолютной ренты Маркса. Теперешний Каутский, теоретический вождь социал-демократов, полностью и целиком скатился на позиции вульгарных экономистов, проповедующих устойчивость мелкого земледелия на основании вечно действующих естественных причин.

Реформисты и ревизионисты, рассматривая мелкого производителя, многомиллионное крестьянство как сплошную реакционную массу, отрицая революционную роль крестьянства, стремясь упрочить его существование как среднего слоя, полностью завершили свою измену марксизму.

Тот же меньшевистский взгляд на крестьянство лег в основу теории перманентной революции. Троцкизм, исходя из этих взглядов на крестьянство, сделал теорию перманентной революции главным орудием в борьбе против построения социализма в СССР.

Ленин в борьбе с ревизионистами, защищая и развивая учение Маркса, исследовал данные, относящиеся ко многим странам — к Дании, Германии, Соединенным Штатам Северной Америки и т. д., и пришел к следующим выводам.

«Оказывается, — говорит Ленин, — замечательная однородность эволюции.

И в промышленности и в земледелии уменьшается доля именно средних предприятий, которые увеличиваются в числе медленнее и мелких и крупных.

И в промышленности и в земледелии мелкие предприятия растут в числе медленнее, чем крупные. . .

И в промышленности и в земледелии уменьшается доля как мелких, так и средних предприятий, растет доля только крупных.

И в промышленности и в земледелии происходит, иначе говоря, вытеснение мелкого производства крупным»⁷³.

«Что касается до достигнутой уже степени концентрации, то в этом отношении земледелие отстало очень сильно. В промышленности 11% крупных предприятий держат в руках свыше

⁷² К. Каутский. Материалистическое понимание истории, т. II. Соцэк-гиз, 1934, стр. 552.

⁷³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 222—223.

восьми десятых всего производства. Роль мелких предприятий ничтожна: 5,5% производства у $\frac{2}{3}$ общего числа предприятий. В земледелии, сравнительно с этим, царит еще распыление: 58% мелких предприятий дают четверть общей стоимости своего имущества ферм; 18% крупных предприятий — менее половины (47%). Все число предприятий в земледелии более чем в 20 раз превышает число предприятий в промышленности»⁷⁴.

С другой стороны, на основе изучения огромнейшего материала из развития капитализма в России и важнейших стран Европы Ленин с неоспоримой убедительностью доказал, что мелкое производство неизбежно рождает капитализм, что капитализм неуклонно прокладывает себе дорогу в сельском хозяйстве, разоряя мелкого производителя, превращает его в лишенного средств производства и существования пролетария. Если же этот процесс происходит более медленно, чем в промышленности, то причиной этого являются не какие-то естественные причины, а сама капиталистическая система, и прежде всего частная собственность на землю.

Что это именно так — об этом с необычайной убедительностью говорят успехи крупного обобщественного социалистического земледелия в СССР, где национализирована земля и ликвидирована капиталистическая система хозяйства.

Ленин в соответствии с учением Маркса и Энгельса разбивает мелкобуржуазные утопии ревизионистов, мечтающих в условиях капитализма превратить кооперацию в путь развития к социализму.

Кооперация, по мнению Ленина, в условиях капитализма является по существу организацией зажиточных и по преимуществу капиталистических элементов крестьянства и используется ими для закабаления маломощных слоев и бедноты. Этот свой вывод Ленин обосновывает данными, относящимися к Германии. Ленин на основании этих данных показывает, что бедняков и середняков в молочной кооперации участвует 90 тыс., а коров у них всего 800 тыс., между тем как помещиков и кулаков участвует 50 тыс., а коров у них — 800 тыс. Благодаря такому большому удельному весу именно эти элементы и являются фактическими руководителями кооперации и используют ее в интересах крупного капиталистического сельскохозяйственного производства.

Примерно та же картина наблюдается и в других капиталистических странах.

Исходя из теории ренты и законов развития капитализма в сельском хозяйстве, Ленин конкретизировал и развил руководящие указания Маркса по вопросу о национализации земли на основе своих исследований аграрного вопроса в разных странах Европы, в России и Америке в эпоху империализма, положив их в основу созданной им аграрной программы нашей партии.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 224.

Практика Февральской и в особенности Октябрьской революции, грандиозные успехи совхозного и колхозного строительства — блестящее подтверждение правильности путей развития сельского хозяйства, намеченных Марксом и развитых Лениным. В этой связи пророчески звучат слова Ленина, сказанные им несколько десятков лет назад в конспекте на книгу «Аграрный вопрос» Каутского:

«Только революция пролетариата освободит сельское хозяйство от тяжести частной собственности, милитаризма и пр., — даст сельскому хозяйству «обильные интеллигентные и пр. рабочие силы», создаст условия для уничтожения противоположности между городом и деревней. Самостоятельное сельскохозяйственное мелкое производство потеряет тогда свою последнюю точку опоры»⁷⁵.

Итак, мы видим, что работы Ленина по аграрному вопросу послужили экономическим обоснованием аграрной программы и политики нашей партии в пролетарской революции и социалистическом строительстве по отношению к крестьянству как союзнику пролетариата — в этом их всемирно-историческое значение.

VIII. Ленинская теория империализма

Ленинская теория империализма базируется прежде всего на экономической теории Маркса и Энгельса и является дальнейшим развитием этой теории применительно к условиям новой стадии в развитии капитализма.

Маркс и Энгельс в «Капитале», «Коммунистическом манифесте» в основных чертах дали учение о путях развития и гибели капитализма. Но они не могли еще предусмотреть во всей конкретности империалистической стадии в развитии капитализма. Это мог сделать величайший современник этой эпохи, ортодоксальнейший ученик и гениальный продолжатель дела Маркса и Энгельса — В. И. Ленин.

Ленин в своей теории империализма прежде всего отмечает монополию как наиболее характерную черту империализма.

«... Капитализм, — говорит Ленин, — стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями»⁷⁶.

Монополистическая стадия в развитии капитализма непосред-

⁷⁵ «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 64.

⁷⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 385.

ственно вытекает из теории концентрации и централизации капитала, данной Марксом в I томе «Капитала».

В противоположность Гильфердингу, объясняющему возникновение монополии исходя из процесса обращения, Ленин подчеркивал концентрацию и централизацию капитала как ту глубокую производственную основу, на которой вырастает монополия.

Отмечая монополию как отличительную черту империализма, Ленин в то же время, в противоположность реформистам, троцкистам и правым оппортунистам, которые на этом строят свои теории организованного капитализма, отмирания стоимости, кризисов и т. д., со всей решительностью подчеркивал, что «... монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»⁷⁷. Таким образом, монополия, возникая на высшей стадии капитализма, не только не смягчает, а до крайних пределов обостряет все основные противоречия капитализма.

Монополия является, как мы сказали, основной характерной чертой империалистической стадии. Из этой основной черты вырастает и ряд других характерных особенностей империализма. Ленин, давая общее определение империализма, указывает пять основных его признаков: 1) создание монополий на основе концентрации капитала и производства, 2) сращивание банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала, 3) экспорт капитала, 4) образование международных монополистических объединений капиталистов, делящих мир, 5) завершение раздела мира между империалистами и борьба за его передел.

Из ленинского определения империализма вытекает, что империализм — это эпоха, когда плавное эволюционирование капитализма сменялось скачкообразным катастрофическим развитием капитализма, когда неравномерность развития и противоречия капитализма выступили с особой силой, когда борьба за рынки сбыта и вывоз капитала в условиях крайней неравномерности развития сделала неизбежными периодические империалистические войны на предмет периодических переделов мира и сфер влияния.

Важнейшей стороной империализма, вскрытой Лениным, является паразитизм и загнивание. Этой стороны не хотят видеть реформисты, защитники капитализма. Ленин отмечает, что Гильфердинг в этом вопросе сделал шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном.

Ленин отмечает, что «самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обста-

⁷⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 386.

повкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию»⁷⁸.

Вместе с тем Ленин говорит, что «монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренцию с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультраимпериализма). Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх»⁷⁹.

О паразитизме и загнивании свидетельствует также рост слоя рантье в капиталистических странах, возникновение «государства рантье», что «... не может не отражаться как на всех социально-политических условиях данных стран вообще, так и на двух основных течениях в рабочем движении в особенности»⁸⁰. Исходя из этого глубокого анализа империализма, Ленин, развивая мысль Маркса об обуржуазивании английского пролетариата в лице его рабочей аристократии, дал экономическое обоснование оппортунизма в рабочем движении на империалистической стадии.

«Империализм, — говорит Ленин, — означая раздел мира и эксплуатацию... означая монопольно-высокие прибыли для горстки богатейших стран, создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата и тем питает, оформливает, укрепляет оппортунизм»⁸¹.

Ленин внимательнейшим образом прослеживает развитие на империалистической стадии основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения, прослеживает, как в процессе этого развития создаются объективные и субъективные предпосылки для низвержения капитализма, установления пролетарской диктатуры и построения социализма.

«... Неизбежность, — говорит Ленин, — превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения

⁷⁸ Там же, стр. 396—397.

⁷⁹ Там же, стр. 397.

⁸⁰ Там же, стр. 399.

⁸¹ Там же, стр. 402.

является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов»⁸².

Исходя из своей теории империализма, Ленин с сокрушительной силой обрушивается на теорию «ультраимпериализма» Каутского, которая, по его словам, «разрывает решительно и бесповоротно с марксизмом»⁸³.

«Бессодержательнейшие разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала *ослабляет* неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно *усиливает* их»⁸⁴.

Анализируя данные о развитии капитализма в империалистическую эпоху, Ленин приходит к выводу, что «финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства. А раз соотношения силы изменились, то в чем может заключаться, *при капитализме*, разрешение противоречий, кроме как *в силе?*»⁸⁵

Из закона неравномерности развития капитализма, который с особой силой обостряется в эпоху империализма, Ленин делает свой знаменитый вывод, который так блестяще подтвердился на практике построения социализма в нашей стране.

Ленинская теория империализма, являясь развитием марксова учения, всем своим острием направлена против реформистских теорий «организованного капитализма», против теории автоматического краха капитализма Р. Люксембург и троцкистов, против правооппортунистической концепции «организованного капитализма» Бухарина.

Она является острым оружием в руках рабочего класса в его борьбе против капитализма за пролетарскую диктатуру, за построение бесклассового социалистического общества.

Глубокий анализ закономерностей империализма позволяет Ленину своевременно подметить момент вступления капитализма в эпоху всеобщего кризиса самой капиталистической системы хозяйства и сделать отсюда все необходимые выводы относительно теории и тактики непосредственной борьбы за низвержение капитализма и установление пролетарской диктатуры.

⁸² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 73.

⁸³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 391.

⁸⁴ Там же, стр. 392.

⁸⁵ Там же, стр. 394.

IX. Заключение

В этом беглом обзоре мы далеко не исчерпали того богатейшего наследства, которое оставил Ленин в области политической экономики капитализма. Однако роль Ленина далеко не исчерпывается развитием марксова экономического учения о капитализме. На базе экономического учения Маркса, на базе своей теории империализма и, наконец, на основе гениальных руководящих положений Маркса и Энгельса о переходном периоде, социализме и коммунизме Ленин создал теорию построения социализма, под знаком которой шло, идет и будет идти грандиозное социалистическое строительство в нашей стране. Развитие марксистско-ленинской теории со смертью Маркса, Энгельса и Ленина не остановилось. До сих пор остаются глубоко правильными слова Ленина о том, что теория марксизма — а мы от себя добавляем — и ленинизма — не есть «нечто законченное и неприкосновенное», напротив, она положила только краеугольные камни той науки, которую специалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни.

Дело дальнейшего развития марксистско-ленинской теории по историческому праву находится в руках нашей Коммунистической партии, Коммунистического Интернационала.

За те девять лет, которые прошли со дня смерти Ленина, мы имеем в решениях нашей партии дальнейшее развитие марксизма-ленинизма на основе обобщения новой практики революционной борьбы и социалистического строительства.

В то время, когда в лагере коммунизма наблюдается рост теоретической марксистско-ленинской мысли, в лагере правых социал-демократов господствует распад, растет влияние вульгарно-апологетических теорий и полнейший разрыв с марксизмом. Браунталь, один из теоретиков социал-демократов, откровенно заявляет в своем учебнике по политэкономии: «Неправильно будет предположить, что социалистическое движение держится исключительно теорией эксплуатации Маркса или в последнем счете теорией трудовой стоимости, и что без них оно должно погибнуть. Спорная (!) и носящая характер своей эпохи теоретическая конструкция в области экономики является слишком узкой (?) базой, для того, чтобы в течение долгого времени быть единственной опорой такого колоссального всеобъемлющего и революционизирующего общества движения, каким является движение социалистическое».

Предоставим реформистам и ревизионистам все дальше и глубже скатываться в болото вульгарно-апологетических теорий буржуазных экономистов, перепевы которых представляют как последнее слово их «науки».

А наша Коммунистическая партия пойдет под знаменем партийности теории, развивая дальше марксистско-ленинское учение, борясь со всякими малейшими извращениями марксизма-ленинизма, к новым величайшим победам в деле борьбы за пролетарскую диктатуру, за построение социализма.

РАЗВИТИЕ ЛЕНИНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ МАРКСА ¹

Пятнадцать лет прошло со дня смерти гениального теоретика, корифея науки и пламенного революционера, вождя трудящихся всего мира В. И. Ленина. Идеи Ленина в настоящее время стали достоянием миллионов трудящихся и превратились в огромную общественную силу, преобразующую мир. Они движут миллионами умов и сердец трудящихся нашей социалистической Родины, они вдохновляют трудящихся всего мира на борьбу против капиталистического наемного рабства и его наиболее зверской формы — фашизма. Ленин стоял целиком на почве ортодоксального марксизма. Глубоко изучив марксизм и восприняв его революционную сущность, Владимир Ильич развил и продвинул вперед великое учение Маркса—Энгельса.

Ленин с гордостью называл себя ортодоксальным последователем Маркса. Однако он никогда не рассматривал ортодоксию как некритическое принятие «на веру» того или другого учения. «Не будем верить тому, — писал он, — что ортодоксия позволяет брать что бы то ни было на веру, что ортодоксия исключает критическое претворение и дальнейшее развитие, что она позволяет заслонять исторические вопросы абстрактными схемами» ².

Ленин никогда не относился к марксизму догматически, не цеплялся за отжившие формулы, как это делали ревизионисты всех мастей. Работы Ленина являются образцом творческого марксизма, руководством к революционному действию.

В боях с ревизионистами всех мастей Владимир Ильич не только отстаивал марксизм, его революционную сущность, но и развил марксистскую теорию, обогатил ее новыми выводами и положениями, соответствующими новой исторической обстановке империализма и пролетарской революции.

Теоретик и вождь соединены в Ленине неразрывно. Только потому смог Владимир Ильич стать великим вождем социалистической революции, что он был в то же время гениальным теоретиком. Он прекрасно владел несравненным оружием диалектического материализма и обладал замечательной способностью теоре-

¹ «Проблемы экономики», 1939, № 1. Соцэкгиз, стр. 71—91.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 87.

тического предвидения. С другой стороны, Ленин как пламенный революционер всегда связывал свою теоретическую работу с практическими задачами революционной борьбы и подчинял ее основной цели всей своей жизни — низвержению капитализма, установлению диктатуры пролетариата и построению социалистического общества.

Душой марксизма является диалектический материализм.

Ядром диалектики, по Ленину, является учение о единстве противоположностей. В статье «К вопросу о диалектике» Ленин дал исключительно глубокое обоснование закона единства противоположностей. По своему исключительному значению для развития марксистской методологии эта работа может быть поставлена на одном уровне с знаменитым предисловием Маркса к «К критике политической экономии».

Развернутое определение диалектического метода Ленин дал в работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина». Требования диалектической логики, по словам Ленина, заключаются в следующем: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»... Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна...»³.

Мастерское овладение диалектическим методом дало Ленину возможность развить учение Маркса—Энгельса во всех областях знания и, в частности, в области экономической теории.

Следуя за своими гениальными учителями — Марксом и Энгельсом, Ленин рассматривал законы товарно-капиталистического хозяйства как законы, выражающие глубокие антагонистические противоречия, присущие этому хозяйству. В отличие от буржуазных и мелкобуржуазных экономистов и ревизионистов всех мастей, трактующих законы движения капитализма как законы равновесия, а противоречия — как случайный факт, Ленин рассматривал противоречия как основу движения.

Согласно утверждениям буржуазных ученых и ревизионистов, суть закона стоимости заключается в установлении равновесия и пропорциональности между отдельными отраслями производства. Буржуазные ученые всячески стараются замазать основной факт, что «...тенденция различных сфер производства к равновесию является лишь реакцией против постоянного нарушения этого равновесия»⁴. В условиях стихийного анархического общества внутренняя необходимость соблюдения известной пропорциональ-

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 290.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 368.

ности между отдельными отраслями выступает как слепая, естественная необходимость, прокладывая себе дорогу сквозь непрерывные отклонения цены от стоимости, сквозь непрерывно возобновляющиеся диспропорции. Поэтому в капиталистическом обществе отношения пропорциональности выступают лишь как случайность среди господствующих отношений диспропорциональности. Эти положения диалектического материализма явились основой при изучении Лениным развития капитализма в России. Их же он применил и при изучении империализма.

Владимир Ильич выступил на арену революционной борьбы в период, когда шел большой спор с народниками по вопросу о судьбах капитализма в России. Указывая на противоречия, порожаемые капитализмом, на обнищание пролетариата, разорение крестьянства и не видя прогрессивной роли капитализма, народники приходили к реакционно-утопическому выводу, что Россия минует капиталистический путь развития. Невозможность развития капитализма в России народники «обосновывали» тем, что в условиях капитализма нельзя якобы реализовать прибавочную стоимость без внешнего рынка. Эту мнимую невозможность реализации народники выводили из того, что капитализм ведет к обнищанию пролетариата и разорению крестьянства и тем самым якобы сужает рынок. Внешние же рынки уже заняты капиталистическими державами, раньше выступившими на мировую арену.

Легальные марксисты в лице Струве, Туган-Барановского, Булгакова и других выступили апологетами капитализма. Они восхваляли его прогрессивные стороны и замазывали его противоречия. В противоположность народникам легальные марксисты «обосновывали» возможность безграничного гармонического развития капитализма. Так, например, Туган-Барановский, будущий кадетский профессор и впоследствии белогвардейский министр, в своем апологетическом усердии дошел даже до такого абсурдного вывода, что капиталистическое производство может бесперебойно развиваться исключительно за счет расширения рынка средств производства и совершенно независимо от потребления.

Ленин с величайшим искусством использовал учение Маркса, и в первую очередь диалектический материализм, как оружие в борьбе против народников и легальных марксистов. Ленин доказал, что наличие противоречий вовсе не исключает развития капитализма в России, ибо развитие капиталистического общества как раз и происходит на основе борьбы противоположностей, на основе присущих этому обществу противоречий.

«Развитие капитализма, — говорил Ленин, — не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически-преходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму»⁵⁻⁶.

⁵⁻⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 49.

В работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «К характеристике экономического романтизма», в статьях, посвященных теории рынков, Ленин полностью разбил «теории» народников и легальных марксистов.

На основе анализа марксовых схем воспроизводства Ленин показал, что капитализм в процессе своего развития сам создает рынок, при этом расширение рынка происходит все в возрастающей степени, за счет средств производства. Но в известных пределах рынок растет также за счет повышения спроса на предметы потребления. Ведь численность пролетариата увеличивается вследствие роста и расширения капиталистического производства. Поэтому хотя происходит абсолютное и относительное обнищание рабочего класса, тем не менее общая сумма спроса на предметы потребления со стороны численно растущего рабочего класса может возрастать. Следовательно, если даже отвлечься от некапиталистической среды и внешних рынков, реализация прибавочной стоимости возможна и в условиях «чистого» капитализма.

Самое привлечение внешнего рынка также ничего не меняет в теоретической постановке вопроса о реализации прибавочной стоимости, а лишь переносит его с одной страны на несколько стран. Но это отнюдь не означает, что правы были легальные марксисты, утверждавшие, будто возможность развития капиталистического рынка неограниченна, так как рост его происходит якобы исключительно за счет средств производства и совершенно независимо от потребления. Легальные марксисты — эти представители либеральной буржуазии, стремившиеся подчинить рабочее движение интересам капитала, — старались представить схемы воспроизводства как схемы равновесия и замазать противоречие между производством и потреблением. Как известно, эту точку зрения защищали впоследствии все враги марксизма-ленинизма, начиная с правых социал-демократов и кончая троцкистами и бухаринцами. Таким образом, здесь столкнулись два в корне исключающих друг друга подхода к самому пониманию законов капитализма: буржуазно-апологетический и революционно-диалектический.

Ленин показал, что схемы Маркса не только иллюстрируют возможность реализации прибавочной стоимости и развития капитализмом внутреннего рынка, но и раскрывают глубочайшие противоречия капиталистического воспроизводства, в частности противоречие между производством и потреблением.

Обнищание пролетариата и трудящихся масс не означает, что реализация прибавочной стоимости и создание капитализмом внутреннего рынка невозможны, но оно ставит узкие рамки для расширения капиталистического производства. Между тем капиталисты в погоне за прибылью, подстегиваемые конкуренцией, все время стремятся расширить производство. А так как, вопреки утверждениям легальных марксистов, производство может лишь

до поры до времени расширяться за счет средств производства, в конечном же счете оно связано с потреблением, то неизбежно возникают периодические кризисы перепроизводства. Причем противоречие между производством и потреблением является выражением основного противоречия капитализма — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Это противоречие лежит в основе развития капиталистического строя. Отсюда вытекает, что кризисы — не случайное явление, а закон капиталистического воспроизводства. Кризис является взрывом противоречий и диспропорций, накапливающихся в процессе капиталистического воспроизводства. Ценой колоссального разрушения производительных сил кризис устраняет эти диспропорции лишь на кратчайший промежуток времени. Если бы противоречия и диспропорции не обнаруживались и временно не разрешались в форме кризисов, то стало бы невозможным существование и развитие капиталистического строя.

Величайшая историческая заслуга Ленина состояла не только в том, что он применил марксовы схемы воспроизводства при разрешении вопроса о судьбах капитализма в России, но и в том, что он развил на основе обобщения практики капиталистической эволюции России ряд положений учения Маркса о воспроизводстве. К числу этих положений надо отнести: идею о прогрессивности и в то же время исторической ограниченности капитализма, вопрос о глубочайших противоречиях капитализма, которые иллюстрируются схемами Маркса, в частности, неравномерность развития I и II подразделений, противоречие между производством и потреблением как выражение основного противоречия капитализма, вопрос о роли внешнего рынка в развитии капитализма.

Особенно глубоко Ленин разработал вопрос о создании капитализмом внутреннего рынка за счет расслоения мелких производителей — крестьян и ремесленников. На основе анализа экономики России Ленин доказал, что она вступила на путь капиталистического развития. И это развитие сопровождалось, вопреки утверждениям народников, ростом внутреннего рынка.

Народники механически связывали капитализм с машинной техникой и крупным производством. Они всячески замазывали факт развития капиталистических отношений в мелкотоварном крестьянском и кустарном производстве, которое они относили к так называемому «народному» производству. Поэтому Ленин в книге «Развитие капитализма в России» дает прежде всего глубочайший анализ исторического процесса развития капитализма, начиная с первых его зародышевых форм в мелкотоварном ремесленном и крестьянском производстве. Для борьбы против народничества особое значение имело исследование Лениным ранних стадий развития капитализма, которые целиком игнорировались народниками. При этом путеводной звездой Ленину служило учение Маркса о товаре и стоимости.

Ленин говорит, что «...простая форма стоимости, отдельный

акт обмена одного, данного, товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме все главные противоречия капитализма...»⁷

Применяя учение Маркса о товаре и стоимости к крестьянскому мелкотоварному производству, Ленин вскрывает протекающие в недрах последнего процессы развития капиталистических отношений на основе присущих товарному производству внутренних противоречий. Он показывает, что крестьянское хозяйство «... есть товарное производство, т. е. производство *обособленных* производителей, связанных между собою *рынком*»⁸. Общественный учет труда, затраченного на производство товара, производится в товарно-капиталистическом хозяйстве за спиной производителя, посредством рыночных колебаний. «Эти неведомые производителю, независимые от него рыночные колебания не могут не порождать неравенства между производителями, не могут не усиливать этого неравенства, разоряя одних и давая другим в руки деньги = продукт общественного труда»⁹.

Деньги — этот продукт прежнего общественного труда — в руках скупщиков становятся «*капиталом*, орудием присвоения прибавочного продукта других кустарей»¹⁰.

Таким образом, Ленин неопровержимо доказал, что, вопреки утверждениям народников, «... русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его»¹¹.

Доказав на основе огромного материала факт расслоения крестьянства и развития капиталистических отношений, Ленин вместе с тем показал, что капитализм в процессе своего развития сам создает себе рынок.

В результате расслоения крестьянства вырастают кулаки, которые предъявляют спрос на средства производства и рабочую силу. Крестьянская беднота, превращаясь в пролетариат, начинает жить уже не за счет продуктов своего хозяйства, а за счет заработной платы и, следовательно, вынуждена покупать предметы потребления на рынке. Основная масса середняцкого крестьянства нищает, не сводит концов с концами и вынуждена также прикупать на рынке хлеб и другие продукты. Все это и есть процесс создания рынка.

Глубокое изучение противоречий крестьянского мелкотоварного производства в России дало возможность Ленину развить свой знаменитый тезис о двойственной природе крестьянства. Мелкий товаропроизводитель, по словам Ленина, является двуликим Янусом, «который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и зная ничего не желая

⁷ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1969, стр. 160—161.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 425.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 165.

об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом, — а другим ликом в будущее, настроиваясь враждебно против разоряющего его капитализма»¹².

«Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении»¹³.

Ленин дал блестящий анализ классовой структуры крестьянства, он показал противоречивые тенденции массы мелких производителей, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее, колебания обнищавшего хозяйчика между контрреволюционной буржуазией и революционным пролетариатом. Отсюда Ленин сделал свой гениальный вывод о необходимости союза пролетариата с крестьянством под руководством пролетариата. Такой союз Владимир Ильич считал главным средством свержения царизма, помещиков, буржуазии. Впервые Ленин высказал эту идею в одном из наиболее ранних своих произведений — в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В книге же «Развитие капитализма в России» Ленин дал глубокое экономическое обоснование этой идеи, показав руководящую роль пролетариата и вскрыв корни, с одной стороны, революционности крестьянства, а с другой — его мелкобуржуазности.

Исходным пунктом изучения Лениным развития капитализма в России является анализ основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Проследив развитие капитализма в промышленности России на всех его стадиях, начиная с мелкого производства и кончая крупной машиностроительной индустрией, Ленин приходит к следующему выводу: «Описанные выше характеристические черты, отличающие крупную машинную индустрию от предыдущих форм промышленности, можно резюмировать словами: обобществление труда»¹⁴.

Учение об основном противоречии капитализма было сформулировано Марксом и получило дальнейшее развитие в работах Энгельса, в особенности в «Анти-Дюринге». Величайшая заслуга Ленина состоит в том, что он конкретнее определил содержание и формы этого противоречия на основе обобщения новых фактов. Учение Маркса и Энгельса об основном противоречии Ленин последовательно применил к анализу империалистической стадии капитализма.

Процесс обобществления труда, совершающийся в условиях господства частной собственности на средства производства, по-

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 529—530.

¹³ Там же, стр. 298.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 550.

рождает глубочайшие противоречия капитализма и делает все более настоятельной замену капиталистической частной собственности на средства производства и частнокапиталистического присвоения социалистической собственностью. Благодаря растущему обобществлению «все производства сливаются, таким образом, в один общественный производительный процесс, а между тем каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность. Неужели же не ясно, что форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения? Неужели не очевидно, что последняя не может не приспособиться к первой, не может не сделаться тоже общественной, т. е. социалистической?»¹⁵

Таким образом, ленинский анализ развития капитализма в России вплотную подводил к глубоко революционному выводу о неизбежности низвержения капитализма и установлении диктатуры пролетариата.

Маркс в свое время дал анализ развития капитализма на примере Англии, наиболее развитой капиталистической страны, наиболее решительно покончившей с крепостническими пережитками. Ленин дал анализ развития капитализма в России — в стране, где быстрый рост капитализма сочетался с обилием феодально-крепостнических пережитков. Это позволило Ленину обогатить политическую экономию капитализма рядом новых теоретических обобщений, сделанных на основе изучения специфических особенностей развития русского капитализма. Например, громадное теоретическое значение имеет ленинский анализ своеобразного сочетания отработочной системы с капиталистической эксплуатацией в помещичьем хозяйстве, специфических форм и роли отработок в условиях развивающегося капитализма, сочетания капиталистической мануфактуры с кустарной промышленностью и т. д.

Уже в работе «Развитие капитализма в России» Лениным даны основы его учения о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве: прусском и американском, учения, которое было развито им в последующих работах, посвященных аграрному вопросу. В этом же произведении Ленин сформулировал специфические особенности и противоречия русского капитализма, явившиеся впоследствии одним из факторов, объясняющих, почему Россия оказалась слабым звеном в цепи империализма, которое было прорвано победой Великой Октябрьской социалистической революции.

Книга Ленина «Развитие капитализма в России» вместе с другими его работами, относящимися к тому периоду, послужила теоретическим обоснованием стратегии и тактики большевистской партии в революции 1905 г. и в последующей борьбе за социалистическую революцию.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 178.

Мы видели, что еще в ранних произведениях, посвященных борьбе против народничества и легального марксизма, Ленин большое внимание уделял вопросу о крестьянстве. После революции 1905 г. Ленин начинает усиленно заниматься аграрным вопросом. Владимира Ильича прежде всего интересовал вопрос о крестьянстве как о союзнике пролетариата.

Не случайно теоретики II Интернационала, боявшиеся революции, искавшие компромиссов и соглашений с буржуазией, не интересовались вопросом о крестьянстве как о союзнике пролетариата; они видели в крестьянине лишь частного собственника, враждебного пролетариату.

Ревизионисты, повторяя зады буржуазной и мелкобуржуазной политической экономии о живучести мелкого крестьянского хозяйства, всячески извращали учение Маркса о ренте и аграрном вопросе.

Ленин в трудах, посвященных аграрному вопросу, разгромил все эти теории. Чтобы глубже обосновать свою стратегию и тактику в крестьянском вопросе, он занялся разработкой теории земельной ренты, а также вопросов о развитии капитализма в сельском хозяйстве России и ряда других стран — США, Дании, Германии и т. д. Это позволило Ленину углубить и развить ряд важнейших положений учения Маркса о земельной ренте, в частности о двух видах монополии: 1) монополии на землю как на объект капиталистического хозяйства, порождающей дифференциальную ренту, и 2) монополии частной собственности на землю, порождающей абсолютную ренту. Этим Ленин нанес удар по буржуазным экономистам и ревизионистам, пытавшимся свести дифференциальную ренту к явлениям природы и отрицавшим существование абсолютной ренты.

Ленин с огромной силой и убедительностью показал реакционную, задерживающую развитие производительных сил в сельском хозяйстве, роль частной собственности на землю и абсолютной земельной ренты, а также роль помещичьего землевладения.

Работы Ленина по аграрному вопросу представляют собой громадный вклад в политическую экономию Маркса и являются обоснованием большевистской программы и тактики по отношению к крестьянству как о союзнику пролетариата, в частности, обоснованием необходимости национализации земли.

Величайшая заслуга Ленина в области экономической теории заключается в том, что он дал глубочайший анализ последней монополистической стадии в развитии капитализма, создав учение об империализме, которое является прямым развитием и продолжением учения Маркса о капитализме.

У основоположников марксизма, в особенности у Энгельса, который умер на 12 лет позже Маркса, имеется ряд гениальных замечаний о монополиях, о вывозе капитала и т. д. Но создать законченное объяснение империализма Маркс и Энгельс не могли, ибо эпоха империализма наступила уже после их смерти. Ленин

впервые показал, что империализм представляет собой высший и последний этап в развитии капитализма, что он выражает капитализм монополистический, загнивающий, умирающий, что он знаменует канун социалистической революции. Ленинская теория империализма была огромным шагом вперед в разработке вопроса о крахе капитализма; она имеет огромное значение для решения всех проблем социалистической революции.

При объяснении всех явлений империалистической эпохи Ленин исходит из дальнейшего развития и обострения основного противоречия капитализма. Обобществление труда в эпоху империализма поднимается на новую ступень, приобретает новые формы в связи с созданием гигантских монополий, подчиняющих себе целые отрасли.

Основным в процессе перехода от промышленного капитализма к империализму, по Ленину, является смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. С образованием монополий основное противоречие капитализма резко обостряется: «... гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»¹⁶.

Социал-демократы Каутский, Гильфердинг и другие подходили к оценке империализма не диалектически, а апологетически. Они показывали только одну сторону — факт роста монополии; там, где существует монополия, рассуждали они, не может быть конкуренции. На этом они строили свои контрреволюционные теории ультраимпериализма и организованного капитализма. За эти «теории» ухватились бухаринцы и троцкисты.

Ленин, в отличие от оппортунистов, рассматривая монополию как дальнейший шаг к обобществлению капиталистического производства, раскрыл и те глубочайшие противоречия, с которыми связан процесс монополизации производства. Он подчеркнул огромное значение того факта, что «... монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»¹⁷.

Исходя из своей общей теории империализма, Ленин открыл закон неравномерного развития капитализма в эпоху империализма. Это открытие имеет исключительное значение. Из закона неравномерного развития капитализма в эпоху империализма Ленин вывел свое гениальное учение о возможности построения социализма в одной стране и невозможности одновременной победы во всех странах, которое легло в основу всей стратегии и тактики большевизма: открытый Лениным закон неравномерного развития капитализма в эпоху империализма объясняет неизбежность империалистических войн. Вторая империалистическая

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 321.

¹⁷ Там же, стр. 386.

война, в которую вступил капиталистический мир в настоящее время, является бесспорным подтверждением правильности ленинской теории империализма.

Опираясь на закон неравномерного развития капитализма, Ленин разгромил каутскианскую теорию ультраимпериализма. «Бессодержательнейшие разговоры Каутского об ультраимпериализме, — писал Владимир Ильич, — поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала *ослабляет* неравномерность и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно *усиливает* их»¹⁸. Ленин указывал, что монополии «...усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства. А раз соотношения силы изменились, то в чем может заключаться, *при капитализме*, разрешение противоречия кроме как *в силе?*»¹⁹

Исходя из теории империализма, Ленин вскрыл социальные корни оппортунизма в рабочем движении в эпоху империализма. Ленин показал, что оппортунизм является результатом подкупа верхушки рабочей аристократии за счет монополий высоких прибылей, получаемых от эксплуатации колониальных и отсталых стран. Вместе с тем Ленин показал, что империализм означает невиданное усиление капиталистического гнета и эксплуатации, обнищания рабочего класса и трудящихся масс и в то же время рост возмущения пролетариата, нарастание революционного взрыва внутри капиталистических стран, а также революционного кризиса в колониях и зависимых странах.

В результате анализа империализма Ленин делает следующий обобщающий вывод: «Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов»»²⁰.

На основе своей теории империализма Ленин создал учение об общем кризисе капитализма. Это учение было дальше развито

¹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 392.

¹⁹ Там же, стр. 394.

²⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 73.

партией на основе обобщения фактов послевоенного развития капитализма.

Красной нитью в работах Ленина проходит идея о том, что капитализм сам по себе, автоматически, не уйдет с исторической сцены. Необходима революционная борьба под руководством Коммунистической партии за низвержение капитализма. «Пытаться «доказывать» наперед, — говорил Ленин на II конгрессе Коминтерна, — «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки... Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции»²¹.

С теорией империализма, созданной Лениным, неразрывно связано его учение по национально-колониальному вопросу, представляющее громадный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Мы видим, как блестяще Ленин применил диалектический метод к анализу капитализма, как он показал развитие последнего на основе противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Мы видим, как на основе своего замечательного учения об империализме Владимир Ильич доказал неизбежность социалистической революции, низвергающей капитализм и устанавливающей диктатуру пролетариата.

Изучение закономерностей капитализма, в частности его последней империалистической стадии, послужило Ленину, по его выражению, сказанному в отношении Маркса, базой для «... безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»²²

Владея в совершенстве материалистической диалектикой, Ленин сумел гениально применить это оружие при анализе переходного периода от капитализма к социализму и создать стратегический план построения социализма в нашей стране. Разрабатывая этот план, Ленин исходил из гениальных указаний Маркса и Энгельса о переходном периоде, социализме и коммунизме. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — писал Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»²³.

Задача революционной диктатуры пролетариата — экспроприировать средства производства у буржуазии, передать их в соб-

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 228.

²² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 75.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 27.

ственность пролетарского государства, уничтожить классы и построить коммунистическое общество. Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» наметили конкретную программу мероприятий, которые должен осуществить пролетариат, захвативший в свои руки политическую власть. Прежде всего пролетариат «...лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения» должен «...вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»²⁴.

В произведениях основоположников марксизма имеется также ряд указаний о постепенном переводе мелкого крестьянского производства в товарищеское посредством примера и общественной помощи.

Таким образом, основные руководящие идеи о путях построения социализма и коммунизма были даны Марксом и Энгельсом. Наш опыт построения социализма полностью оправдал их теоретические прогнозы. История человеческого общества не знает других примеров такого гениального теоретического предвидения путей общественного развития на много десятков лет вперед.

Гениальным продолжателем учения Маркса и Энгельса о путях построения социализма и коммунизма явился В. И. Ленин, который развил их учение применительно к условиям новой эпохи империализма и пролетарской революции, эпохи построения социалистического общества в СССР.

Перед В. И. Лениным встала прежде всего задача восстановить подлинную, глубоко революционную сущность учения основоположников марксизма о построении социализма и коммунизма.

Ревизионисты всех мастей, теоретики II Интернационала, во главе с их патриархом Каутским, за годы относительно мирного развития капитализма постарались превратить пламенных революционеров Маркса и Энгельса в дюжинных либералов, в корне извратив их учение и приспособив его к своей оппортунистической политике и тактике. Марксову теорию краха капитализма бернштейны, каутские, гильфердинги и т. д. подменили теорией его расцвета и стали доказывать, что социализм может появиться не из хилого, но из цветущего капитализма. Теорию революционного переворота они подменили теорией мирного вставания капитализма в социализм, которое Энгельс остроумно назвал вставанием старого свинства в социалистическое общество.

В своих ранних работах Каутский высказывался против вооруженного восстания, которое он иронически называл «революцией цепов и вил». А в 1919 г., когда Каутский стал ренегатом и заклятым врагом социализма, он видел разницу между буржуаз-

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 446.

ной и пролетарской революциями в мирном характере последней в отличие от первой.

Предварительными условиями осуществления социализма, по мнению Каутского, должны быть «мир и спокойствие». Идею диктатуры пролетариата, которая является душой марксизма, ревизионисты представляли случайной обмолвкой Маркса и подменяли ее буржуазной парламентской демократией. Причем Каутский, как это видно, в частности, из его письма к Меришгу (1893 г.), представлял ее в виде парламента по английскому образцу.

В то время как Маркс и Энгельс звали к экспроприации экспроприаторов, ревизионисты проповедовали добровольное отречение буржуазии от собственности на средства производства, а помещиков — от земли за солидный выкуп.

Трудно себе представить более сплошное и реакционное понятие о социалистическом обществе и путях его построения. В представлениях теоретиков II Интернационала о социализме совершенно вытравлено содержание учения Маркса и Энгельса о социалистическом обществе.

«Социализм» каутских, бернштейновых и прочих реформистов до такой степени изуродован, что в нем не осталось ничего социалистического, осталось одно «капиталистическое свинство», которое преподносится почему-то под социалистическим ярлыком.

Дальнейшая эволюция теоретиков II Интернационала привела их на позиции злейших врагов социализма, на позиции злопыхательства по отношению к СССР — единственной в мире стране социализма.

На долю Ленина и выпала величайшая задача восстановить подлинный, глубоко революционный смысл учения Маркса и Энгельса о социализме, а также развить это учение на основе практики Великой Октябрьской социалистической революции.

Во время первой империалистической войны, в период военного угара, разгула шовинизма и человеконенавистничества, когда подавляющее большинство социалистов изменило принципу интернационализма, Ленин остался верен интернационализму, ибо он исходил из правильного теоретического представления об империалистической стадии капитализма и о дальнейших перспективах социалистической революции. Он предвидел, что империалистическая война в невиданной степени обострит классовые антагонизмы и развяжет силы социалистической революции. Как величайший теоретик и революционный вождь, тесно связанный с массами, Ленин предвидел, чувствовал всем своим существом дыхание назревающей социалистической революции. Он пошел наперекор волне шовинизма и бросил в ряды мирового пролетариата свой пламенный призыв о превращении империалистической войны в войну гражданскую. В то время как огромное большинство социалистов всех стран выбросило за борт всякую мысль о социализме и направило все усилия на поддержку империали-

стических притязаний и планов своих буржуазных правительств, Ленин неустанно работал над подготовкой социалистической революции. Он разрабатывал дальше, на основе обобщения новых фактов, теорию социализма и социалистической революции.

Правильное, марксистское понимание экономических законов развития капитализма и его противоречий, проявляющихся в классовой борьбе, правильное понимание империализма как последней стадии в развитии капитализма, открытие закона неравномерного развития капитализма — все это помогло Ленину создать его гениальную теорию построения социализма в одной стране.

Эта гениальная ленинская идея имела величайшее организующее и мобилизующее значение как в период подготовки социалистической революции, так и в период строительства социалистического общества.

Имея перед собой перспективу построения социализма, рабочие и все трудящиеся массы нашей страны, руководимые партией большевиков, в октябре 1917 г. низвергли буржуазию и установили диктатуру пролетариата.

Установление диктатуры пролетариата и социалистической собственности на основные средства производства привело к уничтожению основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, которое, в свою очередь, выражает противоречие между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями. Но это не значит, что социалистическая экономика, и в особенности переходная экономика, не знает никаких противоречий.

Критикуя Бухарина, который смешивал антагонизмы и противоречия, Ленин указывал: «Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»²⁵.

Создавая свой план построения социализма, Ленин исходил прежде всего из конкретного анализа экономики переходного периода и присущих ей противоречий. Переходный период «не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом...»²⁶ Исходя из этого, Ленин характеризовал экономику России в эпоху диктатуры пролетариата как «...борьбу первых шагов коммунистически объединенного, — в едином масштабе громадного государства, — труда с мелким товарным производством..., а равно с возрождающимся на его базе капитализмом»²⁷.

Но чтобы правильно наметить стратегию и тактику борьбы за построение социализма, чтобы обеспечить победу социалистических элементов над капиталистическими, надо знать удельный

²⁵ «Ленинский сборник», XI, стр. 357.

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 271.

²⁷ Там же, стр. 272.

вес, политическую и экономическую силу и тех и других элементов в экономике переходного периода. И Ленин дает глубокий анализ советской экономики на первом этапе ее развития. Он показал, что в ней переплетаются пять укладов: патриархальный, мелкотоварный, частнокапиталистический, государственнокапиталистический и социалистический. Из этих пяти укладов количественно преобладал в первый период нэпа мелкотоварный, который, будучи отличным от капиталистического уклада, вместе с тем служил базой для развития капиталистических отношений.

Победу социалистических элементов над капиталистическими и социалистическую переделку мелкотоварного уклада могла обеспечить только диктатура пролетариата, руководимая Коммунистической партией. Учение о диктатуре пролетариата — это главное в марксизме-ленинизме. Оно является исходным пунктом экономической теории социалистического общества.

В своих теоретических работах Ленин уделяет исключительное внимание вопросу о диктатуре пролетариата. В августе—сентябре 1917 г. он пишет замечательную работу «Государство и революция», где восстанавливает и развивает учение Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата и наносит сокрушительный удар по Каутскому и другим, по выражению Ленина, «пошлейшим оппортунистам», отрекшимся от революции. В этой работе Ленин дает определение трех сторон пролетарской диктатуры.

«Пролетариату, — говорит Ленин, — необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства»²⁸.

Таким образом, диктатура пролетариата включает в себя: 1) подавление эксплуататоров, 2) руководство крестьянством и 3) строительство социалистического хозяйства.

Диктатура пролетариата является основным рычагом в деле переделки всей экономики, унаследованной от капитализма, в социалистическую экономику, в деле построения коммунистического общества. Диктатура пролетариата сочетает в себе и политическую власть и экономическую силу.

Энгельс писал: «К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила!»²⁹

Такое содержание вкладывали основоположники марксизма в понятие «диктатура пролетариата».

Развивая в борьбе с «левыми» коммунистами учение основоположников марксизма об экономической стороне диктатуры про-

²⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 26.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37, стр. 420.

летариата, Ленин писал: «Крайне характерно, что у авторов тезисов нет ни звука о значении *диктатуры* пролетариата в *экономической* области жизни. Они говорят только «об организованности» и т. п. Но это признает и мелкий буржуа, чурающийся именно *диктатуры* рабочих в экономических отношениях. Пролетарский революционер никогда не мог бы в такой момент «забыть» об этом «гвозде» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма»³⁰. Здесь Ленин с предельной четкостью ставит вопрос о громадной роли диктатуры пролетариата в деле социалистической перестройки экономики переходного периода. Экономическую роль диктатуры пролетариата Ленин называет «гвоздем» пролетарской революции.

Величайшая заслуга Ленина заключается также в том, что он раскрыл значение Советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата.

Советское государство рабочих и крестьян как по своей классовой природе, так и по своей политической и экономической роли в корне отлично от буржуазного государства. Советское государство есть государство рабочих и крестьян.

Советское государство является собственником основных средств производства. Оно поэтому представляет собой силу, определяющую развитие экономики.

Политика Советского государства, руководимого Коммунистической партией, согласно учению Ленина, является концентрированным выражением экономики и имеет примат над последней.

Положение о примате политики над экономикой в социалистическом обществе ни в малейшей степени не противоречит и не отменяет основ исторического материализма и в частности того положения, что экономика является базисом человеческого общества, а политика, государство, право — надстройкой над базисом. Марксизм-ленинизм не рассматривает надстройку как нечто пассивное по отношению к базису — экономике. Наоборот, он признает активную роль надстроек, оказывающих огромное обратное влияние на экономику и на производительные силы общества.

Примат политики над экономикой в условиях диктатуры пролетариата выражает факт, который гениально предвидели Маркс и Энгельс, а именно, что с установлением диктатуры рабочего класса окончится господство над людьми стихийных общественных законов и люди будут сами сознательно творить свою историю.

Сознательное руководство социалистическим хозяйством, осуществляемое пролетарским государством, отнюдь не означает, что последнее может не учитывать и не считаться с реальной действительностью, прежде всего с экономическим состоянием общества, с производительными силами и производственными возможно-

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 312, примечание.

стями. Коммунистическая партия, руководящая грандиозной работой по социалистической перестройке всего нашего народного хозяйства, исходила и исходит из основного принципа исторического материализма — что экономика является базисом общественных отношений. Поэтому Коммунистическая партия поставила первой своей задачей создание фундамента социалистической экономики в виде мощной социалистической индустрии и крупного социалистического коллективного земледелия. Знание законов экономического развития социалистического общества, теоретические работы В. И. Ленина помогли правильно наметить политику построения фундамента социалистической экономики.

После установления диктатуры рабочего класса в нашей стране перед партией и рабочим классом во весь рост встала задача — разработать конкретный план построения социализма в СССР и практически его осуществить. Еще в 1918 г. в работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин намечает основные вехи своего гениального стратегического плана построения социалистического общества в нашей стране. Однако империалистическая интервенция и гражданская война не дали возможности осуществить этот план. Дальнейшее развитие теории о построении социализма в нашей стране Ленин дал в работах, посвященных новой экономической политике и кооперативному плану.

Ленинский стратегический план построения социалистического общества в нашей стране включает на первом этапе оживление и подъем крестьянского хозяйства на основе допущения свободной торговли при регулирующей роли государства. Это необходимо для того, чтобы укрепить союз рабочего класса, создать предпосылки в виде продовольствия и сырья для оживления и подъема социалистической индустрии, которую Ленин рассматривал как базу социализма.

Крупная социалистическая индустрия в свою очередь должна явиться базой для социалистической перестройки сельского хозяйства.

В статьях о нэпе и о кооперации Ленин дал свой кооперативный план социалистической перестройки сельского хозяйства. Этот план предусматривал установление сначала торговой смычки с крестьянством, вовлечение основных масс крестьянства в различные виды потребительской и сельскохозяйственной кооперации с тем, чтобы потом при помощи социалистической индустрии перейти от торговой смычки к коллективизации крестьянского хозяйства.

Орудием сознательного руководства социалистическим строительством в руках диктатуры рабочего класса является план. Ленин придавал громадное значение проблеме планового руководства социалистическим строительством. Одну из важнейших задач социалистической революции он впдел в том, чтобы превратить весь государственный экономический механизм «... в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий

так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом...»³¹ Ленин называл план ГОЭЛРО второй программой партии.

Плановое руководство социалистическим строительством в качестве вопроса первостепенной важности выдвигает организационный вопрос. Организация и методы управления промышленностью и сельским хозяйством в эпоху диктатуры пролетариата, в условиях планового хозяйства решают в очень большой степени успех дела построения социалистического общества.

Говоря об отличии социалистической революции от буржуазной, Ленин подчеркивал, что в социалистической революции «...к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные»³². Среди этих задач решающее значение имеют вопросы организации труда. Эти вопросы поставлены были Лениным со всей глубиной еще в его работе «Очередные задачи Советской власти», но и впоследствии он неоднократно к ним возвращался.

В указанных работах Ленин наметил в основных чертах методы организации труда. Учение Ленина о социалистической организации труда и было положено партией в основу борьбы за социалистическую производительность труда.

Одной из важнейших задач социалистической революции Ленин считал достижение более высокой по сравнению с капитализмом производительности труда. В качестве метода выполнения этой задачи Владимир Ильич выдвигал сочетание принципа единоначалия с вовлечением масс в социалистическое строительство. Ленин подчеркивал, что именно крупная промышленность, являющаяся фундаментом социализма, требует строжайшего единства воли, направляющей работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. Это подчинение единой воле может «при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, — если нет идеальной дисциплинированности и сознательности»³³. Чтобы «...перейти от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплине сознательной и добровольной... Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением — воле одного лица, советского руководителя, во время труда»³⁴.

Борьба за повышение производительности труда, которую Ленин выдвинул как центральную задачу, неразрывно связана

³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 7.

³² Там же, стр. 6.

³³ Там же, стр. 200.

³⁴ Там же, стр. 201, 202, 203.

с воспитанием у трудящихся нового, социалистического отношения к труду, с воспитанием идеальной сознательности и дисциплинированности. В связи с этим Ленин придавал огромное значение соцсоревнованию. «...Социализм, уничтожая классы и, следовательно, порабощение масс, впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе»³⁵. Коммунистическая организация труда «...чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся...»³⁶

В деле развертывания социалистического соревнования Ленин придавал также большое значение печати.

Наряду с воспитанием социалистического отношения к труду Ленин считал необходимым применять методы принуждения к лодырям и туеядцам, срывающим трудовую дисциплину. «Конечно, эта величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя, — писал он, — не может произойти без трений, трудностей, конфликтов, без насилия по отношению к закоренелым туеядцам и их прихвостням»³⁷.

В октябре 1917 г. в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин писал: «Кто не работает, тот не должен есть» — вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью»³⁸. В связи с этим Ленин предвидел необходимость введения рабочей или трудовой книжки для всего населения. Рабочая книжка в условиях капитализма, писал Ленин, «...несомненно, является документом капиталистического наемного рабства...» Наоборот, в условиях диктатуры рабочего класса рабочая книжка «перестанет быть признаком «черной кости», перестанет быть документом «низших» сословий, свидетельством наемного рабства. Она превратится в свидетельство того, что в новом обществе нет больше «рабочих», но зато и нет никого, кто бы не был *работником*»³⁹.

Все эти идеи Ленина приобретают особо актуальное и прямо злободневное значение в свете борьбы за подъем трудовой дисциплины, которая в настоящее время поставлена в порядок дня как важнейшая задача социалистического строительства.

Однако проблемы подъема производительности труда не решаются только воспитанием у трудящихся социалистического отношения к труду и борьбой против лодырей и туеядцев. Необходимо еще материально заинтересовать и поощрить честных работников, дающих образцы социалистического отношения к труду. В связи с этим Ленин призывал строить прочные мостки, веду-

³⁵ Там же, стр. 190.

³⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 14.

³⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 196.

³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 311.

³⁹ Там же.

щие десятки миллионов людей к коммунизму, не на энтузиазме непосредственно, «а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете. . .»⁴⁰

Ленин обрушился против Троцкого, который выдвигал провокационный принцип уравниловки в области потребления и ударности в области производства. Владимир Ильич указывал: «Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко. . .»⁴¹

Ленин дает таким образом глубокое теоретическое обоснование социалистического принципа оплаты в соответствии с количеством и качеством труда.

Одной из наиболее сложных теоретических проблем политической экономии социализма является проблема обращения, связанная с выяснением природы советской торговли, денег, кредита и их роли в социалистическом строительстве. Маркс и Энгельс довольно подробно обосновали положение о том, что в коммунистическом обществе отпадает необходимость в торговле и деньгах. Однако вопрос о значении торговли и денег в условиях первой фазы коммунизма—социализма—ими не был разработан. В трудах и высказываниях Ленина мы и находим основные установки по этому вопросу. Прежде всего Ленин подчеркивал, что, вводя новую экономическую политику, мы допускали известную свободу торговли. Торговля и деньги в условиях советской экономики уже в первые годы нэпа коренным образом отличались от торговли и денег в условиях капитализма. Это отличие заключалось в государственном регулировании торговли и денежного обращения со стороны диктатуры рабочего класса в интересах социалистического строительства.

Диктатура пролетариата, овладевая банками, этими организациями, созданными капитализмом, и подчиняя их задачам социалистического строительства, меняет их социальную природу, сообщает им новое качество, превращает их в социалистические предприятия. При этом коренным образом меняются все закономерности денежного обращения и кредита. «Крупные банки, — писал Ленин, — есть тот «государственный аппарат», который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых социалистического аппарата»⁴².

⁴⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 151.

⁴¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 212.

⁴² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 307.

Учение В. И. Ленина о торговле, деньгах и банках в переходный период является громадным вкладом в марксистско-ленинскую теорию построения социалистического общества.

Наряду с созданием плана построения социалистического общества Ленин в ряде своих произведений, в особенности в книге «Государство и революция», развивает учение Маркса и Энгельса и о высшей фазе коммунизма.

Исчерпать в одной статье все богатство ленинских идей о путях построения социализма и коммунизма невозможно. Но и сказанного достаточно, чтобы понять великую роль Ленина в развитии экономического учения Маркса и Энгельса.

О РАБОТЕ В. И. ЛЕНИНА «РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ»¹

I

Фундаментальный труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» является блестящим образцом творческого марксизма и имеет непосредственную связь и преемственность с «Капиталом» Маркса.

В статье «Наша программа» В. И. Ленин писал:

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»².

«Развитие капитализма в России» является результатом самостоятельной разработки Лениным теории Маркса применительно к особенностям развития русского капитализма, ярким примером дальнейшего творческого развития идей Маркса.

Маркс собирался, как указывал Энгельс, разработать ряд важнейших вопросов III тома «Капитала» на основе не только английских, но и русских материалов. Но он не успел выполнить эту работу, и в III томе «Капитала», вышедшем из печати в 1894 г., материалы, относящиеся к России, над которыми работал Маркс, использованы не были.

В рукописном наследстве Маркса, хранящемся в ИМЭЛ, имеется большое количество конспектов, набросков, замечаний Маркса о пореформенном развитии России, которые Ленину известны не были, да и не могли быть известны в то время. Эти рукописи показывают, что Ленин в обработке данных о развитии капитализма в России совершенно самостоятельно шел по тому пути исследования, которым следовал Маркс.

¹ «Гольшевик», 1946, № 3, стр. 34—49.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 184.

Этот труд Ленина, как показывает само название, представляет собой теоретическое обобщение процессов капиталистического развития России. Изучение дореволюционной экономики России дало возможность Ленину обобщить ряд новых тенденций и особенностей в развитии капитализма, которые были характерны для России, но вместе с тем имели общее значение для ряда капиталистических стран. Исходя из условий новой эпохи, Ленин создал учение о ведущей роли пролетариата в революции, о союзе рабочего класса с крестьянством.

Ленин никогда не занимался теорией ради теории. Он всегда рассматривал теорию как величайшее орудие не только познания, но и революционного переустройства мира. Он занимался разработкой тех теоретических проблем, которые на определенном этапе исторического развития приобретали особо важное и актуальное значение с точки зрения революционной борьбы. Именно поэтому ленинские идеи всегда имели и имеют величайшее жизненное значение и оказывают огромное организующее влияние на практику.

Труд Ленина «Развитие капитализма в России» был направлен своим острием против народничества. Историческое значение этого произведения состоит прежде всего в том, что этим произведением Ленин завершил идейный разгром народничества.

После реформы 1861 г. в России началось довольно быстрое развитие капитализма, которое сопровождалось разорением массы мелких производителей, растущим обнищанием рабочего класса и трудящихся масс. Основной вопрос, который стал в центре внимания русской общественной мысли того времени, был вопрос о судьбах и перспективах развития капитализма в России.

«... Для русских социалистов, — писал В. И. Ленин, — почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»³.

Народники пытались доказать, что в России нет почвы для развития капитализма, что Россия пойдет к социализму своим, особым, самобытным путем — через сельскую общину. Они отрицали руководящую роль рабочего класса в революции и главной революционной силой считали крестьянство, руководимое интеллигенцией.

Теория и практика народников мешали рабочему классу осознать свое великое историческое призвание могильщика буржуазии и создателя нового, социалистического общества, тормозили развитие революционной активности крестьянства, обрекая трудящиеся массы на пассивное ожидание избавления от кабалы бла-

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 275.

годаря подвигам отдельных «героев». Народническая доктрина была основным препятствием для создания подлинно революционной социал-демократической партии.

В силу этого разгром народничества был важнейшей предпосылкой для распространения марксистских идей в России, для создания боевой революционной пролетарской партии в России.

Предшественником Ленина в борьбе с народничеством был Г. В. Плеханов, который нанес первые серьезные удары по идеологии народничества. В работах, относящихся к 80—90-м годам прошлого столетия, Плеханов выступает как пионер марксизма в России.

Ленин отмечал крупную роль Плеханова в борьбе с народничеством и в распространении идей марксизма в России. Но он вместе с тем подверг критике ошибки Плеханова. В. И. Ленин в 1906 г. подчеркивал, что теоретические работы Плеханова остаются прочным приобретением социал-демократии всей России. В то же время Ленин отмечал, что «... как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик Плеханов оказался ниже всякой критики»⁴.

Уже в ранний период общественной деятельности Плеханова в его работах обнаружились серьезные ошибки, в результате которых он не мог завершить, довести до конца разгром народничества. Самый подход Плеханова к критике народничества страдал абстрактностью. Борясь против народников, Плеханов ограничивался общими положениями марксистской теории, иллюстрируя их отдельными примерами из истории развития капитализма в России. Но он не подверг сколько-нибудь серьезному изучению и анализу особенности развития капитализма в России.

Между тем, чтобы завершить идейный разгром народничества и дать экономическое обоснование программы, стратегии и тактики социал-демократической партии, необходимо было подвергнуть серьезному анализу процесс развития капитализма в России со всеми присущими ему особенностями. Эта громадная задача и была гениально осуществлена Лениным в его работе «Развитие капитализма в России».

Этот труд завершает ряд произведений Ленина, посвященных борьбе с народничеством и легальным марксизмом: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893 г.), «По поводу так называемого вопроса о рынках» (1893 г.), «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895 г.), «К характеристике экономического романтизма» (1897 г.) и др.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 226—227.

Основной задачей своей книги Владимир Ильич поставил «рассмотреть вопрос: как складывается внутренний рынок для русского капитализма?». К ее заглавию «Развитие капитализма в России» он дал подзаголовок «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности».

Проблема образования внутреннего рынка не случайно поставлена в центре фундаментального труда Ленина. Народники пытались доказать, что капитализм не имеет почвы в России, так как его развитие ведет к сужению рынка вследствие обнищания масс. Проблему реализации они сводили к личному потреблению и, исходя из этого, отрицали тот факт, что капитализм в процессе своего развития создает внутренний рынок. Свое утверждение они обосновывали падением покупательной способности масс вследствие разорения мелких производителей и обнищания пролетариата. Зло современного общества, говорили народники, — это разрушение «народного производства». Делу можно было помочь, по мнению народников, лишь путем выхода на внешний рынок. Но так как Россия очень поздно вступила на путь капиталистического развития, когда внешние рынки были уже заняты, то для нее закрывалась и эта возможность. Народники утверждали, что спасение России заключается лишь в деревенской общине, которая основана на общем владении землей и будто бы является зародышем социализма.

Для того чтобы разбить теорию народников, необходимо было прежде всего внести ясность в теоретическую постановку вопроса о создании внутреннего рынка для капиталистической промышленности. В связи с этим Ленин, опираясь на теорию реализации Маркса, изложенную во II томе «Капитала», доказал, что грубейшая ошибка народников заключалась в игнорировании производственного потребления, играющего все возрастающую роль в росте капиталистического рынка.

Главный вывод, который делает Ленин из схем простого и расширенного воспроизводства, приведенных Марксом во II томе «Капитала», состоит в том, что «рост капиталистического производства, а, следовательно, и внутреннего рынка, идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства. Иначе: рост средств производства обгоняет рост предметов потребления»⁵.

Процесс разорения мелких товаропроизводителей, отделение непосредственного производителя от средств производства, т. е. экспроприация его, «знаменует переход от простого товарного производства к капиталистическому (и составляя необходимое условие этого перехода), *создает* внутренний рынок. Процесс этого *создания* внутреннего рынка идет с двух сторон: с одной стороны,

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 41.

средства производства, от которых «освобождается» мелкий производитель, превращаются в капитал в руках их нового владельца, служат для производства товаров, и, следовательно, сами превращаются в товар... С другой стороны, *средства существования* для этого мелкого производителя становятся вещественными элементами переменного капитала, т. е. денежной суммы, расходуемой предпринимателем (все равно, землевладельцем ли, подрядчиком, лесопромышленником, фабрикантом и т. д.) на наем рабочих. Таким образом, эти средства существования превращаются теперь также в товар, т. е. создают внутренний рынок на предметы потребления»⁶.

Ленин указывал, что необходимость внешнего рынка для капиталистических стран вызывается, во-первых, тем, что капитализм соответствует высокой ступени развития товарного производства и обращения, далеко выходящего за рамки отдельной страны. Во-вторых, непропорциональность в развитии отдельных отраслей, служащих рынком друг для друга, ведет к тому, что более развитая отрасль ищет внешнего рынка. Правда, рост капиталистического производства периодически наталкивается на узкие рамки потребления народных масс. Однако марксистско-ленинское понимание связи между производством и потреблением не имеет ничего общего с мелкобуржуазным народническим пониманием этого вопроса. В. И. Ленин указывал, что «мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением *непосредственной*, думали, что *производство идет за потреблением*. Маркс же показал, что эта связь *лишь посредственная*, что сказывается она *лишь в конечном счете*, ибо в капиталистическом обществе *потребление идет за производством*»⁷.

Само противоречие между производством и потреблением Ленин в соответствии с учением Маркса и Энгельса рассматривал как выражение глубочайшего основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частной собственностью на средства производства; развитие этого противоречия через обострение классовой борьбы ведет в конечном счете к социалистической революции, к низвержению власти буржуазии и установлению власти рабочего класса. Таковы глубоко революционные выводы марксистско-ленинского учения о реализации общественного продукта в условиях капитализма.

Однако этим роль Ленина в развитии учения Маркса о реализации общественного продукта не ограничивается. Первая глава работы «Развитие капитализма в России», содержащая критику теоретических ошибок народников, представляет собою сжатое изложение тех положений, которые Ленин высказывал в ряде

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 58—59.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 161.

предшествующих работ, в частности в одной из самых ранних — «По поводу так называемого вопроса о рынках».

Для того чтобы понять, какой вклад сделал Ленин в развитие учения Маркса о реализации, необходимо коснуться и этих ленинских работ. Маркс в своих схемах простого и расширенного воспроизводства во II томе «Капитала» ставит задачей показать те пропорции, которые необходимы в условиях капитализма для реализации общественного продукта. «Легальные марксисты» из этих схем воспроизводства сделали буржуазно-апологетические выводы о том, что производство в условиях капитализма будто бы совершенно независимо от потребления, что капиталистический рынок может развиваться беспрепятственно за счет одних средств производства при условии пропорционального распределения труда и средств производства между отдельными отраслями народного хозяйства.

Ленин в первой главе своей работы «Развитие капитализма в России» разоблачает неправильность подобной трактовки учения Маркса о реализации, доказывая это ссылками на произведения Маркса и прежде всего на открытый Марксом закон роста органического состава капитала по мере развития капитализма; в силу этого закона постоянный капитал растет быстрее переменного.

Из учения Маркса вытекает, что «...рост внутреннего рынка для капитализма до известной степени «независим» от роста личного потребления, совершаясь более на счет производительного потребления. Но было бы ошибочно почитать эту «независимость» в смысле полной оторванности производительного потребления от личного: первое может и должно расти быстрее второго (этим его «независимость» и ограничивается), но само собой разумеется, что в конечном счете производительное потребление всегда остается связанным с личным потреблением»⁸. Отсюда глубокое противоречие между безграничным стремлением к расширению производства, присущим капитализму, и ограниченным потреблением народных масс, которое Маркс называет «последней причиной всех действительных кризисов».

Ленин развил и дополнил классические схемы воспроизводства Маркса. Маркс, чтобы не усложнять проблемы, в своих схемах исходит из неизменного органического состава капитала. Ленин в своих дополнениях к схемам воспроизводства Маркса включил в сферу исследования рост органического состава капитала и показал, что рост средств производства обгоняет рост средств потребления, а внутри I подразделения средства производства, предназначенные для изготовления средств производства, растут быстрее, чем средства производства, предназначенные для изготовления средств потребления. Это порождает неравномерность в развитии между отраслями, производящими средства производ-

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 42.

ства, и отраслями, производящими предметы потребления. Отсюда Владимир Ильич делает вывод, «что даже при вполне пропорциональной, идеально гладкой реализации мы не можем представить себе капитализма без противоречия между производством и потреблением, без того, что гигантский рост производства не совмещался с крайне слабым ростом (или даже застоем и ухудшением) народного потребления»⁹.

Теоретический анализ вопроса о внутреннем рынке для капиталистической промышленности приводит Ленина к выводу, что «внутренний рынок» для капитализма создается самим развивающимся капитализмом, который углубляет общественное разделение труда и разлагает непосредственных производителей на капиталистов и рабочих»¹⁰.

Но Ленин не ограничился теоретическим рассмотрением проблемы реализации общественного продукта. В подтверждение своих теоретических положений он всесторонне исследовал процесс создания внутреннего рынка русским капитализмом в ходе его развития. Это исследование, обобщившее громадный статистический материал, блестяще подтвердило правильность точки зрения Ленина.

Ленин дал исчерпывающий анализ противоречий капиталистического расширенного воспроизводства как выражения основного противоречия капитализма. Ленин подверг дальнейшей обстоятельной разработке идею Маркса и Энгельса о том, что диспропорциональность, анархия капиталистического воспроизводства, равно как и противоречие между производством и потреблением, вытекают из природы капитализма и представляют конкретное выражение основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Тем самым Ленин дал отточенное оружие для глубокого понимания причин, порождающих капиталистические кризисы перепроизводства.

Проблема рынка в условиях послевоенного развития капитализма встает снова со всей остротой. Главные капиталистические страны идут навстречу новому разрушительному экономическому кризису, все более растет безработица, усиливается борьба за внешние рынки.

Буржуазные экономисты пытаются ныне изыскать рецепты преодоления безработицы, кризисов на путях «планируемого» капитализма.

Они не понимают того, что кризисы порождаются в условиях капитализма не какими-либо случайными моментами, а вытекают из существа капиталистического способа производства, с неизбежностью возникают, как это показал Ленин, вследствие основного противоречия капитализма — противоречия между общественным

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 159—160.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 60.

характером производства и частной собственностью на средства производства.

Отсюда следует, что всякие концепции «планируемого», бескризисного капитализма, основанного на частной собственности на средства производства, обречены на провал.

Ленинское учение о рынке и реализации дает нам надежное оружие для глубокого понимания тех процессов, которые совершаются в экономике капиталистических стран в послевоенный период.

III

В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин глубоко и всесторонне исследовал развитие капитализма в русской промышленности и исходя из этого экономически обосновал ведущую роль пролетариата в грядущей буржуазно-демократической революции.

В основу своего анализа Ленин положил учение Маркса о трех стадиях развития капитализма, изложенное в I томе «Капитала». Ленин писал: «Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.)»¹¹.

Ленин не ограничился применением общих положений Маркса к условиям России. На основе изучения особенностей развития капитализма в промышленности России Ленин в этой работе обозначает учение Маркса, развивая ряд новых идей, имеющих значение не только для России, но и для других капиталистических стран. Ленин устанавливает следующие три стадии развития капитализма в промышленности России: «Мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия)»¹².

Между этими стадиями существует непосредственная связь и преемственность.

«Факты, — говорил Ленин, — совершенно ясно показывают, что основная тенденция мелкого товарного производства состоит в развитии капитализма, в частности — в образовании мануфактуры, а мануфактура на наших глазах с громадной быстротой перерастает в крупную машинную индустрию»¹³.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 65.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 542.

¹³ Там же.

Как известно, народники механически отождествляли капитализм с машинной техникой, рассматривая все более ранние формы капитализма как формы «народного производства». Ленин разбил в пух и прах эту иллюзию «народного производства». Он показал, что на самом деле за формами «народного производства» скрываются наиболее отсталые, наиболее тяжелые формы капиталистической эксплуатации.

Обстоятельный анализ ранних стадий развития капитализма в промышленности России позволил Ленину вскрыть целый ряд новых моментов и закономерностей возникновения капитализма на базе мелкотоварного производства и обогатить в этом отношении учение Маркса.

Обобщая большой фактический материал, Ленин прослеживает зачатки развития капитализма на базе домашней промышленности и ремесла. Особенностью экономического развития России было отсутствие или слабое развитие цехового ремесла. Тем не менее цеховой дух был присущ ремеслу и в России. Превращение мелкого ремесленного производства, основанного на семейной кооперации, в первую стадию капиталистического производства совершается тогда, когда увеличивается число рабочих, занятых в мастерской. Ленин исследует формы простой капиталистической кооперации, которая в виде крупных мастерских вырастает на базе ремесла.

Вопреки народнической доктрине о преобладании «артельного начала» в мелких крестьянских промыслах, Ленин делает вывод о прогрессивной роли в тех условиях капиталистической кооперации, развивающейся на базе мелких крестьянских промыслов. Простая капиталистическая кооперация создает вместо прежней раздробленности известную концентрацию производства и значительно повышает производительность труда.

Ленин подробно исследует роль торгового капитала в мелких промыслах и различные формы зависимости мелких производителей от торгового капитала. Эти формы следующие: 1) скупка изделий; 2) соединение торгового капитала с ростовщичеством; 3) расплата за изделия товарами; 4) расплата сырыми и вспомогательными материалами и т. д.; 5) раздача материала кустарям за определенную плату. Таковы различные ступени подчинения мелкого производителя торговому капиталу, постепенно превращающие его в наемного рабочего, работающего на дому. Основой закабаления мелкого производителя торговым капиталом служат экономические преимущества крупного, массового сбыта перед разрозненным, мелким сбытом.

С такой же обстоятельностью и глубиной Ленин исследует мануфактурную стадию развития капитализма в промышленности России. Он показывает, как постепенное внедрение торгового капитала в мелкие промыслы создает условия для возникновения мануфактуры. Высшая ступень подчинения мелких промыслов торговому капиталу состоит в том, что мелкий производитель

превращается в наемного рабочего, обрабатывающего чужое сырье за сдельную оплату. Отсюда один шаг к мануфактуре.

«Если, — указывал Ленин, — дальнейшее развитие ведет к тому, что в производство вводится систематическое разделение труда, преобразующее технику мелкого производителя, если «скупщик» выделяет некоторые детальные операции и производит их наемными рабочими в своей мастерской, если наряду с раздачей работы на дома и в неразрывной связи с ней появляются крупные мастерские с разделением труда (принадлежащие нередко тем же скупщикам), — то мы имеем перед собой другого рода процесс возникновения капиталистической мануфактуры»¹⁴.

Теоретическая заслуга Ленина состоит в том, что он открыл новый тип мануфактуры, характерный для России, но имеющий значение и для других стран. Этот тип состоит в сочетании крупной мануфактурной мастерской с раздачей работы на дом кустарям, между которыми проводится детальное разделение труда. Самостоятельность таких «кустарей» фиктивная. Ленин подчеркивает, что «...их продукт не имел бы даже иногда никакой потребительной стоимости *вне связи* с другими детальными работами, с другими частичками продукта. А эту связь мог создать и создал только *крупный капитал*, господствующий (в той или иной форме) над массой детальных рабочих. Одна из основных ошибок народнической экономии состоит в игнорировании или затупевывании того факта, что детальщик-«кустарь» является составной частью капиталистической мануфактуры»¹⁵.

Такая постановка вопроса является новым словом в развитии марксистской политической экономии. Сам В. И. Ленин в статье «Некритическая критика» пишет: «Попытка представить целый ряд так называемых «кустарных» промыслов как мануфактурную стадию русского капитализма делается в моей книге, если я не ошибаюсь, *впервые...*»¹⁶.

В своих рассуждениях о развитии крупной машинной индустрии народники исходили из фабрично-заводской статистики, смешивая в одну кучу различные формы и стадии развития капитализма. Между тем необходимо прежде всего выяснить сущность и отличительные особенности различных форм и стадий развития капитализма в промышленности, а потом уже иллюстрировать это соответствующими статистическими данными. Ленин поставил двоякую задачу: 1) рассмотреть вопрос о состоянии промышленности и о пригодности данных фабрично-заводской статистики, 2) разобрать данные о росте крупной машинной индустрии в пореформенную эпоху. Под этим углом зрения Ленин подвергает детальному анализу историко-статистические данные о развитии текстильной промышленности, производства по обработке дерева,

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 384—385.

¹⁵ Там же, стр. 429.

¹⁶ Там же, стр. 622.

химических продуктов, животных продуктов, керамики, металлургической промышленности, производства продуктов питания и т. д.

Особо Ленин останавливается на развитии горной промышленности Урала и юга России. Урал являл собой яркий пример отсталой промышленности с наличием феодально-крепостнических порядков.

Ленин пишет: «...самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала»¹⁷.

Иная картина наблюдалась в горной промышленности Юга России: «Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения»¹⁸.

Россия позднее других стран Европы вступила на путь капитализма, но ее промышленное развитие в огромной степени было ускорено благодаря применению и использованию техники передовых капиталистических стран. Быстрый рост крупной промышленности является базой для роста пролетариата.

Народники утверждали, что число фабрично-заводских рабочих в России если и возрастает, то медленнее, чем население. На основе критического анализа и обработки существующих данных В. И. Ленин составил таблицу, показывающую рост числа рабочих в крупных капиталистических предприятиях. Оказалось, что количество рабочих с 1865 по 1890 г. выросло с 706 тыс. до 1432 тыс., т. е. за 25 лет увеличилось более чем вдвое. Рост числа рабочих опережал не только рост населения вообще, но и городского населения в частности.

На основе разработки данных всеобщей переписи 1897 г. о занятиях населения России Ленин дал следующую сводную таблицу классового состава населения:

Крупная буржуазия, помещики, высшие чины прочие	— около 3 млн.
Зажиточные мелкие хозяева	— около 23,1 млн.
Беднейшие мелкие хозяева	— около 35,8 млн.
Пролетарии и полупролетарии	— около 63,7 млн.
Всего	— около 125,6 млн. ¹⁹

Эти данные показали, что плуг капитализма провел глубокие классовые борозды среди населения, что пролетарии и полупро-

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 488.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 505.

летарии составляют внушительную, быстро растущую массу населения. Сделав выборку данных за 1866—1879—1890 гг. о крупнейших фабриках, имеющих 100 и более рабочих, Ленин пришел к следующим выводам: 1) число крупных фабрик за указанные годы изменилось так: 644—852—951 (или в процентах: 100—132—147); 2) число механических заведений возрастает быстрее, чем все число фабрик (в процентах: 100—178—226); 3) число рабочих во всех крупных фабриках изменилось в процентах так: 100—168—200, т. е. за 24 года удвоилось; 4) сумма производства всех крупных фабрик выразилась в процентах так: 100—243—292, то есть возросла почти втрое²⁰.

Все эти данные характеризовали быстрые темпы развития капиталистической промышленности России и концентрацию производства на крупнейших предприятиях.

Далее, Ленин подверг анализу данные о размещении промышленности, об отделении промышленности от земледелия и в заключение дал подробную сравнительную характеристику трех стадий развития капитализма в русской промышленности.

В заключительной части своего произведения Ленин ставит вопрос об исторической миссии капитализма в России. Ленин на основе обобщения данных из истории русского капитализма развивает идеи Маркса, сформулированные им в знаменитой 23-й главе I тома «Капитала», посвященной анализу всеобщего закона капиталистического накопления. Маркс формулирует свой вывод относительно обобществления производства капиталом в конце I тома «Капитала», в разделе, посвященном исторической тенденции капиталистического накопления.

Ленин делает дальнейший шаг в разработке этой проблемы, исчерпывающе раскрывая содержание процесса обобществления труда капиталом и обогащая его новыми существенными чертами. «Обобществление труда капитализмом, — указывает Ленин, — проявляется в следующих процессах. Во-первых, самый рост товарного производства разрушает свойственную натуральному хозяйству раздробленность мелких хозяйственных единиц и стягивает мелкие местные рынки в громадный национальный (а затем мировой) рынок... Во-вторых, капитализм создает на месте прежней раздробленности производства невиданную раньше концентрацию его как в земледелии, так и в промышленности... В-третьих, капитализм вытесняет те формы личной зависимости, которые составляли неотъемлемую принадлежность предшествующих систем хозяйства... В-четвертых, капитализм необходимо создает подвижность населения... В-пятых, капитализм уменьшает постоянно долю населения, занятого земледелием... увеличивает число крупных индустриальных центров. В-шестых, капиталистическое общество увеличивает потребность населения в союзе, в объединении и придает этим объединениям особый

²⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 509, 511.

характер, сравнительно с объединениями прежних времен. Разрушая узкие, местные, сословные союзы средневекового общества, создавая ожесточенную конкуренцию, капитализм в то же время раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих различное положение в производстве, и дает громадный толчок объединению внутри каждой такой группы. В-седьмых, все указанные изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения»²¹.

Капиталистическое обобществление производства паходится в глубоком противоречии с частной собственностью на средства производства. «Производство на себя, — говорит В. И. Ленин, — превращается в производство на все общество, и чем выше развит капитализм, тем сильнее становится противоречие между этим коллективным характером производства и индивидуальным характером присвоения»²².

Борясь с народниками — субъективистами, Ленин подчеркивает прогрессивное значение развития капитализма, обобществляющего производство и тем самым подготавливающего объективные предпосылки для победы социализма. Вместе с тем в борьбе с «объективизмом», с буржуазным либерализмом Струве, Ленин доказывает, что признание прогрессивной роли капиталистического способа производства «вполне совместимо ... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима»²³. Ленин с огромной силой вскрывает мрачные стороны капитализма, присущие ему глубочайшие классовые противоречия. Страницы «Развития капитализма в России», посвященные вопросу о влиянии капитализма на положение рабочего класса, по своей яркости и силе могут быть поставлены лишь рядом с соответствующими главами «Капитала» Маркса.

В книге Ленина мы находим чрезвычайно яркое изображение положения мелкого производителя — кустаря, разоряющегося в условиях капитализма и страдающего под двойным гнетом торгового и ростовщического капитала. Ленин рисует антисанитарные условия работы кустарей, чрезмерную длину рабочего дня, непосильный труд членов семьи, женщин и детей, нищенский заработок и полуголодное существование.

Мануфактура вводит в процесс производства широкое разделение труда и является шагом вперед в развитии производительных сил, но она губительно влияет на положение рабочего. «Разделение труда в капиталистической мануфактуре, — пишет Ленин, —

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 599—600.

²² Там же, стр. 599.

²³ Там же, стр. 597.

ведет к уродованию и калечению рабочего, — в том числе и детальщика-«кустаря». Появляются виртуозы и калеки разделения труда, первые — как редкостные единицы, возбуждающие изумление исследователей; вторые — как массовое появление «кустарей» слабогрудых, с непомерно развитыми руками, с «односторонней горбатостью» и т. д., и т. д.»²⁴

Ленин приводит яркие примеры уродования рабочих мануфактурным разделением труда. Достаточно сослаться хотя бы на павловского кустаря-детальщика, работавшего в течение шести лет у одних и тех же тисков и простоявшего своей ногой углубление в полу более чем на половину доски, который с горькой иронией говорил, что когда он простоит доску насквозь, тогда хозяин его прогонит. Характеризуя машинную стадию развития капитализма, Ленин пишет: «В крупной машинной индустрии... крайности общественных противоположностей достигают высшего развития. Все мрачные стороны капитализма как бы концентрируются вместе: машина дает, как известно, громадный импульс к безмерному удлинению рабочего дня; в производство вовлекаются женщины и дети; образуется (и по условиям фабричного производства должна образоваться) резервная армия безработных и т. д.»²⁵

Все это ведет к углублению противоречий, к обострению классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. В процессе этой борьбы рабочий класс сплачивается и все более проникается сознанием своей великой исторической миссии уничтожения эксплуатации человека человеком и создания нового, более передового и прогрессивного, социалистического строя.

В то время как взоры народников были обращены в прошлое, а взоры либеральных буржуа типа Струве узко ограничены рамками капиталистического настоящего, Ленин, детально изучая прошлое и настоящее капитализма, гениальным взором проникает в будущее. Ни на одном этапе своего исследования Ленин не упускает конечной цели — борьбы за социалистическую революцию, за построение бесклассового коммунистического общества.

Важнейший вывод, вытекающий из работы Ленина «Развитие капитализма в России», — это вывод о руководящей роли рабочего класса в революции. Одну из своих самых ранних работ «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин закончил пророческими словами о том, что «русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) *прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*»²⁶.

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 430.

²⁵ Там же, стр. 545.

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 312.

Экономическое обоснование этой замечательной идеи дано в труде «Развитие капитализма в России». В предисловии ко 2-му изданию этого труда Ленин указывал, что в революции 1905 г. «вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения. Экономическая основа того и другого явления доказана в предлагаемой работе»²⁷.

Уже в своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин дал глубокий анализ тех экономических и классовых противоречий, тех особенностей капиталистического развития России, которые впоследствии превратили Россию в узловой пункт всех противоречий империализма и привели к победе социалистической революции. С одной стороны, он показал, что «ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей», которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»²⁸. С другой стороны, Ленин отмечал чрезвычайно быстрые темпы развития капитализма в России. После 1861 г. развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершилось превращение, занявшее в некоторых странах Европы целые века.

А это, в свою очередь, вело к обострению классовой борьбы. Чем быстрее и лихорадочнее капитализм прокладывает себе путь в экономике России, преобразуя на свой лад всю систему производственных и общественных отношений, тем острее давало себя знать противоречие между быстрым развитием капитализма и феодально-крепостническими пережитками, тем сильнее обострялись классовые противоречия.

Еще в 1901—1902 гг. в своей знаменитой брошюре «Что делать?» Ленин писал, что русскому пролетариату предстоит сыграть роль авангарда международного революционного пролетариата. Это предвидение Ленина блестяще оправдалось.

IV

Громадным вкладом Ленина в сокровищницу марксизма является разработка им вопроса о крестьянстве как союзнике пролетариата. У Маркса и Энгельса имеется ряд блестящих характеристик социальной природы крестьянства. Однако обстоятельную и глубокую разработку вопроса о крестьянстве как союзнике пролетариата, основанную на обобщении огромного материала из истории развития капитализма в России, в странах Европы и в Соединенных Штатах Америки, дал именно В. И. Ленин.

²⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 13.

²⁸ Там же, стр. 601.

Не в пример Плеханову и теоретикам II Интернационала Ленин уделял исключительное внимание изучению различных типов развития капитализма в сельском хозяйстве отдельных стран, изучению вопросов о роли феодально-крепостнических пережитков, о положении крестьянства в условиях капитализма и о двойственной природе крестьянства, о его роли в буржуазно-демократической и социалистической революциях.

Идея союза рабочего класса с крестьянством при руководящей роли рабочего класса в этом союзе составляет одну из генеральных идей Ленина, которую он обосновывает во многих работах на протяжении всей своей революционной деятельности.

Одной из основных проблем, исследуемых в работе «Развитие капитализма в России», является проблема дифференциации крестьянства. Эта проблема интересует Ленина с точки зрения образования внутреннего рынка для капиталистической промышленности; вместе с тем он выясняет экономическое положение крестьянства и его роль в революционном движении.

Вопрос о дифференциации крестьянства ставился в печати и до Ленина. Владимир Ильич в начале второй главы своего труда «Развитие капитализма в России» отмечал, что «едва ли не каждое сочинение об экономическом положении русского крестьянства в пореформенную эпоху указывает на так называемую «дифференциацию» крестьянства»²⁹. Но до Ленина никто не смог во всей глубине исследовать это явление и определить его роль в развитии капитализма.

Плеханов рассматривал вопрос о дифференциации крестьянства с общей точки зрения теории марксизма, стремясь, по меткому выражению Ленина, относящемуся к полемике о характере русской революции, «искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины», а не в изучении конкретных фактов.

Ленин всегда был непримиримым врагом голых схем, тощих абстракций. Им он противопоставляет конкретный марксистский анализ. Основное требование диалектической логики, учил он, — «охватить, изучить все... стороны предмета, все связи и опосредствования». Ленин поставил перед собой задачу — изучить основные черты дифференциации крестьянства и определить его значение в создании внутреннего рынка и вообще в развитии капитализма в России. Эту проблему Ленин исследует на основе анализа колоссального статистического материала, почерпнутого из земско-статистических подворных переписей по Новороссии, Самарской, Саратовской, Пермской, Орловской, Воронежской, Нижегородской и другим губерниям.

Обработка этих данных потребовала огромного труда. Она является образцом исключительной научной добросовестности Ленина, гениального умения за сухими цифрами вскрывать важ-

²⁹ Там же, стр. 61.

нейшие социально-экономические процессы, тенденции общественно-экономического развития. Чтобы понять во всей глубине величайший труд и исключительную научную добросовестность Ленина, нужно принять во внимание, что данные земско-статистических переписей страдали огромными недостатками. Прежде всего земские статистики не владели правильной методологией изучения происходивших в пореформенной деревне экономических процессов; они за деревьями не видели леса, за горами цифр не видели действительных экономических явлений.

Кроме того, большинство земских статистиков находилось под либерально-народническим влиянием и потому подходило к разработке и группировке статистических данных односторонне, искажая реальную действительность в угоду народнической доктрине.

Излюбленным приемом земских статистиков было выведение средних данных. Такой метод затушевывал глубокие процессы дифференциации, проходившие среди крестьянства. Ленин подверг резкой критике применяемую земскими статистиками группировку по наделу.

«Пользуясь группировкой по наделу, — писал он, — мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который арендует или покупает землю; ... бедняка, который ведет самое плохое хозяйство с ничтожным количеством скота, и богача, который имеет много скота, удобряет землю, вводит улучшения и пр. и пр. Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии. Получаемые от такого сложения «средние» *затушевывают разложение* и являются потому чисто фиктивными»³⁰.

Экономическая статистика, указывает Ленин, должна положить в основу группировки размеры и типы хозяйства. При этом самые признаки различных типов хозяйства не могут быть одинаковыми для всех районов, а должны меняться в зависимости от местных условий и форм земледелия. При экстенсивном зерновом хозяйстве Ленин рекомендует пользоваться группировкой по посеву или по рабочему скоту, при других условиях в основу группировок класть посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д.

При наличии в данном районе и земледельческих и промысловых занятий необходимо комбинировать два признака — группировать хозяйства по размерам и типам земледелия и по размерам и типам промыслов.

Ленин анализирует данные земско-статистических подворных переписей по 7 губерниям и 21 уезду. Эти данные охватывали 558 570 крестьянских хозяйств с населением в 3 523 418 душ. На основе этих данных Ленин составил сводную таблицу, вклю-

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 94.

чающую 14 показателей, и вскрыл ясную картину развития капиталистических отношений в деревне. Но Ленин не ограничился этими данными: он разработал данные 66 крестьянских бюджетов, сводные данные земской статистики и военно-конской переписи о распределении рабочего скота между крестьянскими дворами.

Эту громадную работу Ленин проделал с исключительной тщательностью, проверяя каждую отдельную цифру, всесторонне анализируя все показатели дифференциации крестьянства.

На основе разработки громадного статистического материала Ленин пришел к следующим выводам:

«Нет ни одного экономического явления в крестьянстве, которое бы не имело этой, специфически свойственной капиталистическому строю, противоречивой формы, т. е. которое не выражало бы борьбы и розни интересов, не означало плюс для одних и минус для других»³¹.

Разложение крестьянства происходит путем развития его крайних групп за счет среднего крестьянства и создает два новых типа сельского населения. Общий признак обоих типов — товарный, денежный характер хозяйства. Первый новый тип — это сельская буржуазия, или зажиточное крестьянство. Численность ее не более $\frac{1}{5}$ доли крестьянских дворов, но «она — господин современной деревни». Другой новый тип — сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом. Сюда входит неимущее крестьянство. Типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом. Представители сельского пролетариата составляют не менее половины всего числа крестьянских дворов.

Промежуточным звеном между этими пореформенными типами крестьянства является среднее крестьянство. Оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства и находится в крайне неустойчивом положении. По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удастся попасть лишь немногим счастливым, и низшей, куда ее сталкивает ход общественного развития.

Разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма. Сельский пролетариат по сравнению с средним крестьянством меньше потребляет, но больше покупает, расширяя тем самым рынок личного потребления.

Образование кулачества, сельской буржуазии, в свою очередь, создает рынок: 1) на средства производства и 2) на предметы личного потребления.

Одним из наиболее важных факторов, задерживающих разложение крестьянства и развитие капитализма в деревне, являлась отработочная система. Пережитки барщинной системы Ленин ви-

³¹ Там же, т. 3, стр. 164.

дит в обработке помещичьей земли инвентарем окрестных крестьян.

Капиталистическая система состоит в найме сельскохозяйственных рабочих, обрабатывающих землю инвентарем помещика или кулака.

Кабальный характер отработок ясно обнаруживается в том факте, что при отработках оплата рабочей силы оказывается значительно более низкой, чем при капиталистическом найме. Отработки увековечивали рутинную технику, содействовали застою в формах производства и во всех общественных отношениях, сохранению азиатчины. Только в пореформенную эпоху они начинают быстро уступать место капиталистическим формам хозяйства.

Показателями развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве служит рост применения машин, вольнонаемного труда и рост торгового земледелия.

Особенностью развития капитализма в сельском хозяйстве, как показывает Ленин, является то, что земледельческая промышленность не распадается на отдельные отрасли, а только специализируется на производстве в одном случае одного, а в другом случае другого рыночного продукта.

Ленин подвергает обстоятельному анализу различные виды торгового земледелия и районы торгового зернового хозяйства, торгового скотоводства и молочного хозяйства, льноводства, развития различных отраслей технической обработки сельскохозяйственных продуктов, как-то: винокурения, свеклосахарного, картофельно-крахмального, маслобойного производства, табаководства, промышленного огородничества, садоводства и др.

Рост торгового земледелия — один из важнейших факторов создания внутреннего рынка и вместе с тем расширения и обострения капиталистических противоречий среди земледельческого населения.

Подводя итог своего анализа развития капитализма в земледелии, Ленин отмечает, что его роль заключается в растущем обобществлении сельскохозяйственного производства, которое находится в глубоком и все более обостряющемся противоречии с частной собственностью на средства производства.

«В самом деле, — говорит В. И. Ленин, — и то обстоятельство, что земледелие превратилось из привилегии высшего сословия или тягла низшего сословия в обыкновенное торгово-промышленное занятие; и то, что продукт труда земледельца стал подвергаться общественному учету на рынке; и то, что рутинное, однообразное земледелие превращается в технически преобразованные и разнообразные формы торгового земледелия; и то, что разрушается местная замкнутость и раздробленность мелкого земледельца; и то, что разнообразные формы кабалы и личной зависимости вытесняются безличными сделками по купле-продаже рабочей силы, — все это звенья одного процесса, который обобще-

ствяет земледельческий труд и обостряет более и более противоречие между анархией рыночных колебаний, между индивидуальным характером отдельных сельскохозяйственных предприятий и коллективным характером крупного капиталистического земледелия»³².

Ленинский анализ процессов, происходящих в сельском хозяйстве, дифференциация крестьянства был громадным шагом в развитии марксистской теории.

В предисловии ко 2-му изданию своего труда «Развитие капитализма в России» Ленин указывал, что в книге показаны, с одной стороны, «глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства, как массы», — а с другой — «внутренне противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее»³³.

Ленинский анализ процесса дифференциации крестьянского хозяйства послужил базой для обоснования положения о двойственной природе крестьянина и о союзе пролетариата с крестьянством под руководством пролетариата.

Эта проблема имела исключительное значение для судеб буржуазно-демократической и социалистической революции.

В труде «Развитие капитализма в России» заложены экономические основы ленинского учения о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве — прусском и американском.

В предисловии ко 2-му изданию этой работы Ленин пишет: «На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего».

Как известно, ленинское учение о путях развития капитализма в сельском хозяйстве было теоретическим обоснованием большевистской программы национализации земли, осуществленной Великой Октябрьской социалистической революцией.

Учение Ленина о крестьянстве как о союзнике рабочего класса в буржуазно-демократической и социалистической революции после установления советского строя явилось необходимой теоретической предпосылкой для создания ленинского кооперативного плана социалистической перестройки крестьянского хозяйства, приведшего к победе колхозного строя в нашей стране.

Ленин в книге «Развитие капитализма в России» и в других своих работах показал реакционный характер помещичьего зем-

³² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 314—315.

³³ Там же, стр. 13, 14.

левладения, тормозящего хозяйственное развитие страны и являющегося оплотом политической реакции.

Последующее развитие капитализма блестяще подтвердило это положение Ленина. Крупное помещичье землевладение в Германии, Италии, Японии наряду с монополистическим капиталом было опорой фашистской диктатуры. Крупные землевладельцы служат опорой реакции в капиталистических странах.

В этих условиях исключительное значение приобретают аграрные реформы, проведенные в странах Юго-Восточной Европы. Эти реформы освободили крестьянство от помещичьей кабалы и открыли перед ним прогрессивный путь развития.

Работа Ленина «Развитие капитализма в России» явилась громадным вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма и сыграла исключительную роль в экономическом обосновании программы, стратегии и тактики большевистской партии.

Лучшим критерием жизненности и преобразующей силы идей является их проверка в горниле жизни, на практике. Со времени выхода в свет книги Ленина прошло около 50 лет. Но идеи, изложенные в этой книге, не потеряли своей жизненности и преобразующей силы; они по-прежнему немеркнущим светом озаряют трудящимся путь к освобождению.

Основные идеи, экономическое обоснование которых дано в книге Ленина, — идея о пролетариате как гегемоне революции, идея о крестьянстве как союзнике пролетариата — подтверждены полностью опытом трех революций в России, всей практикой социалистического строительства в СССР.

Мы далеко не исчерпали все то идейное богатство, которое содержится в книге Ленина «Развитие капитализма в России», но и сказанного достаточно, чтобы прийти к выводу, что этот гениальный труд по праву занимает место в ряду величайших произведений классиков марксизма-ленинизма.

ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ¹

1. Производство материальных благ— основа развития общества

Политическая экономия является общественной наукой. Она изучает общественные отношения производства и распределения материальных благ на разных ступенях развития человеческого общества.

Марксистская политическая экономия — важнейшая составная часть теории марксизма-ленинизма. Производство материальных благ составляет, как известно, основу существования и развития общества. «Всякий ребенок знает, — писал Маркс в одном из писем, — что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель»².

Процесс производства материальных благ есть целесообразная трудовая деятельность людей, направленная на видоизменение и приспособление предметов природы с целью удовлетворения потребностей человека.

В процессе производства люди при помощи средств труда воздействуют на предметы труда, видоизменяя их. К средствам труда относятся прежде всего орудия производства: станки, машины, а также производственные здания, склады и т. д. Наиболее важную роль в процессе производства, в развитии общества в целом играют орудия производства. Их изготовление, их производство — отличительная черта человеческого труда. Известно, что применение орудий, найденных готовыми в природе (камень, палка и т. п.), свойственно в зародышевом виде и некоторым представителям животного мира, например, обезьянам. Однако лишь с того момента, когда человек начинает делать орудия, он выходит из царства животных, лишь тогда начинается труд в подлинном смысле этого слова.

Орудия труда — показатель степени вооруженности человека в борьбе с окружающей природой. Экономические эпохи, как ука-

¹ ВПШ при ЦК КПСС. М., 1954.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 460.

зывает Маркс, различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Дикарь, располагавший только дубинкой или камнем, находится почти в полной зависимости от стихийных сил природы. Напротив, современный человек все больше подчиняет природу себе. Он создал тончайшие инструменты и сложнейшие машины, завоевал воздух, проник в тайну химического вещества, овладел такими мощными видами энергии, как электричество и атомная энергия. Он все более становится господином природы, заставляет ее служить своим интересам. В условиях капитализма это — прежде всего интересы эксплуататорской верхушки общества. При социализме это — удовлетворение многообразных потребностей всего общества.

Совокупность орудий труда, которые применяет человек в процессе труда, в процессе воздействия на природу, составляет технику общественного производства. В производстве материальных благ участвуют также предметы труда, подвергающиеся обработке при помощи орудия труда. Предметы труда могут быть даны непосредственно природой, например, деревья в лесу или залежи руды в земле. Предмет труда, подвергшийся предварительной обработке, является сырьем, например руда на металлургическом заводе. Кроме того, в производстве участвуют вспомогательные материалы (топливо, смазочное масло и т. п.). Орудия труда и предметы труда, взятые вместе, образуют средства производства.

Для того чтобы мог начаться процесс производства, рабочая сила должна соединиться со средствами производства и прежде всего с орудиями труда. Вне контакта с рабочей силой средства производства представляют собой лишь груду мертвых вещей. Живой труд, по образному выражению Маркса, должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости.

Рабочая сила — активный элемент производства; она приводит в движение орудия труда. Применяя их, воздействуя с их помощью на природу в целях создания материальных благ, люди в то же время развивают свою способность к труду, свое умение и навыки, расширяют свой производственный опыт. Трудящиеся массы — основная производительная сила во всех общественных формациях, на всех ступенях развития общества.

Орудия производства и люди, приводящие их в движение, образуют производительные силы общества. Следовательно, производительные силы выражают отношения людей к предметам и силам природы, используемым для производства материальных благ. Но производительные силы — лишь одна сторона производства. Другую сторону составляют производственные или экономические отношения, т. е. отношения людей друг к другу в процессе производства материальных благ.

Тип производственных отношений определяется прежде всего формой собственности на средства производства. Он зависит от

того, в чьей собственности находятся средства производства: в руках отдельных лиц, социальных групп или классов, использующих эти средства для эксплуатации трудящихся, или в руках всего общества, стремящегося удовлетворить материальные и культурные потребности широких народных масс.

В зависимости от форм собственности на средства производства определяется положение людей в системе общественного производства и основанная на этом классовая структура общества. В условиях господства капиталистической частной собственности рабочие лишены средств производства и потому вынуждены работать на капиталистов, присваивающих продукты чужого труда. В силу этого и производственные отношения при капитализме характеризуются наличием антагонистических противоречий, острой классовой борьбой между предпринимателями и рабочими, а также ожесточенной конкурентной борьбой между капиталистами за получение наивысшей прибыли.

Иное положение в условиях социалистического строя. Здесь господствует общественная собственность на средства производства, уничтожена эксплуатация человека человеком, продукты труда достаются самим трудящимся и используются для удовлетворения их личных и общественных потребностей. При социализме нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Классовая структура общества характеризуется здесь наличием дружественных классов, производственные отношения между людьми представляют собой отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи.

В зависимости от форм собственности на средства производства и от положения людей, социальных групп и классов в производстве устанавливаются и определенные отношения распределения. В капиталистическом обществе средства производства находятся в руках капиталистов, поэтому цель производства состоит в создании максимума прибавочной стоимости. Рабочие с их потребностями — только средство производства; личное потребление рабочих является для предпринимателей лишь неизбежным злом и потому крайне ограничено. Капиталисты заинтересованы не в улучшении благосостояния работающих, а только в том, чтобы они могли создать прибавочную стоимость. Рабочие с их потребностями интересуют капиталиста постольку, поскольку они в состоянии обогащать его своим трудом. Законом капиталистического накопления является поэтому падение доли рабочих в национальном доходе и абсолютное снижение их жизненного уровня.

Иначе обстоит дело при социализме. Народ трудится здесь не на капиталистов, а на себя, на свое общество; предметы потребления распределяются в соответствии с количеством и качеством труда, затраченного каждым в общественном производстве. Поэтому происходит неуклонный рост благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Люди производят материальные блага, как известно, для удовлетворения своих потребностей. Поэтому всякое производство служит в конечном счете потреблению. В общественных формациях, где имеется товарное производство, распределение средств производства и предметов потребления осуществляется путем обмена, товарооборота. Назначение обмена состоит в том, чтобы довести произведенный продукт до потребителя. Однако в социалистическом обществе сфера товарооборота охватывает главным образом потребительские товары и сельскохозяйственное сырье, поскольку основные средства производства, составляющие общественную собственность, выключены из товарного обращения.

Каковы же взаимоотношения между производством, распределением, обменом и потреблением?

Производство материальных благ — исходный пункт, необходимая предпосылка потребления, так как потреблено может быть только то, что произведено. Если производство является исходным пунктом в движении общественного продукта, то потребление — конечным и завершающим. В то же время потребление воздействует на производство, вновь дает начало всему процессу. Маркс указывал: «Без производства нет потребления, однако и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно»³.

Необходимо при этом различать производственное и личное потребление. Производственное потребление означает применение в процессе производства орудий труда, переработку сырья, использование вспомогательных материалов. Личное потребление состоит в использовании людьми предметов, предназначенных для удовлетворения их материальных и культурных потребностей. Производственное потребление относится, следовательно, непосредственно к самому процессу производства. Поэтому, когда речь идет о соотношении производства и потребления, имеется в виду личное потребление материальных благ.

Связующее звено между производством и потреблением — распределение и обмен материальных благ между людьми. Разумеется, распределение средств производства и распределение предметов потребления не одно и то же. Распределение средств производства относится к сфере производства, является его решающим фактором. Распределение предметов потребления зависит от распределения в обществе средств производства. Способ производства определяет и соответствующие ему формы распределения и обмена. Распределение и обмен в свою очередь оказывают обратное активное воздействие на производство, способствуя или тормозя его развитие.

Таким образом, производственные отношения охватывают не только отношения, которые возникают между людьми непосредственно в процессе производства, но и определяемые ими

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 717.

отношения, которые складываются на почве распределения и обмена материальных благ.

Каково же взаимоотношение между производительными силами и производственными отношениями? Производительные силы — это наиболее революционный фактор производства. Развитие производства начинается с изменений в производительных силах, прежде всего с изменений в орудиях труда, а уже затем происходят соответствующие изменения и в системе производственных отношений. Производительные силы играют определяющую роль по отношению к производственным отношениям; каждому данному уровню производительных сил соответствует определенная система производственных отношений.

Производственные отношения в свою очередь не являются пассивным элементом по отношению к производительным силам; они оказывают обратное активное воздействие на развитие производительных сил. Наиболее благоприятные условия для роста последних существуют в тех случаях, когда имеется полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями. Однако производительные силы на определенной ступени своего развития перерастают производственные отношения. Производственные отношения превращаются в тормоз развития производительных сил и в антагонистических формациях вступают с ними в конфликт. Длительное нарушение соответствия между производительными силами и производственными отношениями задерживает дальнейший рост производства, обрекает производительные силы на прозябание. Открытый Марксом закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил требует замены старых производственных отношений новыми. Новые производственные отношения являются главным и решающим фактором, определяющим дальнейшее развитие производительных сил.

Таким образом, в основе смены одной системы производственных отношений другой лежит закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. В классовых общественных формациях, основанных на эксплуатации человека человеком, конфликт между производительными силами и производственными отношениями находит свое выражение в острой классовой борьбе и разрешается путем социальной революции.

2. Экономические законы и их объективный характер

В производстве, как известно, различают техническую и общественную, т. е. экономическую, сторону. Непосредственным объектом, изучаемым политической экономией, является экономическая сторона производства, общественно-производственные отношения, законы, управляющие этими отношениями.

Техника не относится к экономическим категориям. Маркс в письме к Анненкову писал: «Машина так же мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг... Порох остается порохом, употребляется ли он для того, чтобы нанести рану человеку, или для того, чтобы залечить раны того же самого человека»⁴. Техника проявляет своего рода безразличие к классам и общественным формациям. Она может обслуживать как реакционеров, так и революционеров, как капиталистическое общество, так и социалистическое. Изучение технической стороны производства не входит в предмет политической экономии. Технической стороной производства занимаются естественные и технические науки. «Политическая экономия, — писал В. И. Ленин, — занимается вовсе не «производством», а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства»⁵.

Экономические законы выражают сущность экономических процессов, их внутреннюю причинную связь, существующую в системе производственных отношений, независимо от воли людей. Они так же, как и законы естествознания, носят объективный характер.

Однако в отличие от законов естествознания экономические законы, изучаемые политической экономией, большей частью имеют исторически преходящий характер. Они порождаются определенной системой производственных, экономических отношений и сходят со сцены в силу новых экономических условий. Возникнув на базе новых производственных отношений, экономические законы определяют развитие этих отношений, управляют общественными отношениями производства и распределения данной общественной формации.

Среди экономистов, философов и правовиков до недавнего времени были широко распространены взгляды, отрицавшие объективный характер экономических законов, в особенности в условиях социализма. Согласно этим взглядам, экономические законы возникают будто бы благодаря сознательным действиям советских людей, социалистическое государство будто бы может создавать, формировать или преобразовывать экономические законы, а политика нашего государства будто бы является содержанием экономических законов социализма. Сторонники такой концепции по существу сбиваются на позиции идеалистов, утверждающих, что идеи правят миром. В самом деле, если государство может формировать и отменять экономические законы, то выходит, что все общественное развитие ставится в зависимость от воли людей, от руководящих деятелей. Понятно, что при такой постановке вопроса теряется всякий объективный критерий, уничтожается всякая возможность научного анализа экономических явлений, иссле-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, стр. 405.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 53.

дователь попадает в царство хаоса и случайностей. Между тем задача экономической науки состоит в том, чтобы вскрыть и изучить те объективные законы, которые лежат в основе развития экономики, из которых исходят партия и социалистическое государство в построении своей программы, в определении политической линии, в разработке планов развития народного хозяйства.

Поскольку экономические законы носят объективный характер, люди не могут по своему усмотрению отменять одни законы и создавать другие, равно как они не могут их и преобразовывать. Экономические законы могут терять силу или подвергаться тем или иным изменениям только в результате изменений, происходящих в системе производственных отношений, в экономических условиях. Так, в результате изменений, совершающихся в производственных отношениях при капитализме в связи со вступлением его в империалистическую стадию, основной экономический закон капитализма, закон прибавочной стоимости, выступающий в период монополистического капитализма в форме средней нормы прибыли, видоизменяется, превращается в закон максимальной прибыли. В переходный период от капитализма к социализму происходит революционная смена капиталистических производственных отношений социалистическими. Она осуществляется согласно требованиям закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. С возникновением и развитием социалистического уклада, социалистических производственных отношений возникают и развиваются экономические законы социализма. Одновременно с этим теряют силу и сходят со сцены экономические законы капитализма.

Так с возникновением социалистического уклада начинается процесс становления и развития основного экономического закона социализма. Ликвидируется эксплуатация человека человеком, меняется цель производства; вместо погони за прибылью целью производства в социалистическом секторе становится удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся. В ходе социалистического строительства постепенно создаются условия для достижения этой цели путем непрерывного роста производства на основе внедрения передовой техники. Вместе с тем все более расширяется и сфера действия основного экономического закона социализма. С ростом социалистического уклада развивается и получает все более широкий простор для своего действия закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, вытесняющий конкуренцию и анархию производства. То же самое происходит и с другими экономическими законами социализма.

В корне неправильно трактовать объективный характер экономических законов в смысле стихийности и неотвратимости их действия. Согласно таким взглядам, люди будто бы бессильны перед лицом экономических законов, и поэтому их роль сводится лишь к пассивному подчинению этим законам. Такая фетишиза-

ция экономических законов может нанести огромный вред борьбе рабочего класса капиталистических стран за свое освобождение, делу построения социализма в странах народной демократии и коммунистическому строительству в СССР.

Ярким примером фетишизации экономических законов является так называемая «теория» автоматического краха капитализма, обрекающая трудящиеся массы на пассивное ожидание гибели капитализма, без каких-либо революционных усилий с их стороны. В условиях социализма фетишизация экономических законов означает недооценку роли партии и социалистического государства в руководстве хозяйством, ведет к демобилизации масс и, следовательно, к ослаблению всего фронта коммунистического строительства.

Между тем люди не бессильны перед лицом экономических законов. Они могут познать их и использовать в своих интересах, подобно тому, как они используют знание законов природы. «Общественные силы, подобно силам природы, — писал Энгельс, — действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними... Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в грозовой молнии и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человеку»⁶.

Экономические законы проявляются в действиях людей, определяют эти действия. Отсюда следует, что экономические законы социализма, определяющие движение общества к коммунизму, требуют активной, сознательной деятельности миллионов трудящихся. Чтобы построить коммунизм, необходимы правильное, опирающееся на знание этих законов руководство партии и социалистического государства, активная деятельность всего советского народа.

Познание и использование экономических законов в классовом обществе носит классовый характер. В каждой общественной формации идет борьба между отживающим, старым и нарождающимся, новым. В познании и применении экономических законов заинтересован передовой класс, который выражает новые, назревшие потребности общества, ибо тенденции исторического развития совпадают с его интересами. Отживающие, сходящие с исторической арены классы, напротив, не заинтересованы в объективном изучении действительности, которая не сулит им ничего хорошего. Они оказывают бешеное сопротивление прогрессивным тенденциям экономического развития общества и политике передового класса, отражающей эти тенденции.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 290, 291.

В периоды революционных переворотов передовой класс, опираясь на закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, преодолевает сопротивление старых господствующих классов, ликвидирует отжившие производственные отношения и утверждает новые, соответствующие новому уровню и характеру производительных сил.

Каждая общественная формация имеет свой основной закон, выражающий самое существо производственных отношений данной формации, определяющий ее важнейшие черты и процессы развития. Основной экономический закон находится во взаимной связи с другими экономическими законами, оказывает на них соответствующее влияние и проявляет свое действие в развитии общества как непосредственно, так и посредством других законов. Он играет, следовательно, ведущую роль в системе законов данной общественной формации.

Так, основной экономический закон современного капитализма — закон максимальной прибыли — предопределяет основные черты развития капиталистического способа производства. Цели капиталистического производства — обеспечению максимальной прибыли — подчинены экономические законы капитализма: закон стоимости рабочей силы, всеобщий закон капиталистического накопления, относительного и абсолютного обнищания рабочего класса и трудящихся масс, законы капиталистического воспроизводства. Погоня за максимальной прибылью толкает монополистический капитализм на рискованный путь всемерного усиления эксплуатации трудящихся своей страны, закабаления и ограбления колоний, превращения независимых стран в зависимые, организации войн и экономической экспансии. Поэтому обостряются все присущие капитализму антагонистические противоречия, предвещающие его неизбежную гибель.

Основной экономический закон социализма подчиняет производство иной цели — максимальному удовлетворению постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества. Средством для достижения этой цели является непрерывный рост и совершенствование производства на базе высшей техники. В результате происходит неуклонный подъем благосостояния народных масс, осуществляется постепенный переход от социализма к коммунизму. Претворению в жизнь требований основного экономического закона социализма подчинены и другие экономические законы социализма: закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закон распределения по труду, экономические инструменты, связанные с действием закона стоимости, такие как цена, деньги, хозяйственный расчет, торговля, кредит и т. д.

Наряду со специфическими законами, управляющими развитием производственных отношений отдельных общественных формаций, существуют экономические законы, общие для всех формаций. К ним относится, например, закон обязательного соответ-

ствия производственных отношений характеру производительных сил; он действует на протяжении всей истории человечества. Таким образом, различные общественные формации не только отличаются друг от друга присущими им специфическими законами, но и связаны между собой общими законами.

3. Определение предмета политической экономии

Политическая экономия — историческая наука, она изучает законы, управляющие развитием производственных отношений различных общественных формаций. «... Политическая экономия, — писал Энгельс, — по своему существу — *историческая* наука. Она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще»⁷.

Производственные отношения развиваются в зависимости от развития производительных сил. Но в то же время производственные отношения воздействуют на производительные силы, двигая или тормозя их развитие. Законы производственных отношений являются в то же время и законами движения производительных сил. В условиях капиталистического общества производительные силы развиваются под влиянием погони предпринимателей за наивысшей прибылью и конкурентной борьбы. В современных условиях капиталистические производственные отношения стали оковами развития производительных сил капиталистического общества. При социализме громадная двигательная сила роста производства заключается в том, что оно направлено на максимальное удовлетворение непрерывно растущих потребностей народа. Это порождает мощное движение социалистического соревнования масс, направленное на всемерный подъем социалистического производства. Могучим фактором развития общественного производства при социализме является экономический закон распределения по труду, создающий материальную заинтересованность каждого работающего в повышении производительности своего труда. Задача политической экономии как раз и заключается в том, чтобы вскрыть все эти законы, показать характер производственных отношений в различных общественных формациях.

Таким образом, политическая экономия есть наука о развитии общественно-производственных, т. е. экономических, отношений людей. Она изучает общественный строй производства, законы, управляющие производством и распределением предметов личного и производственного потребления в обществе на различных сту-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 151.

пенях его развития, — в первобытном, рабовладельческом, феодальном, капиталистическом и социалистическом обществе.

Производственные отношения, их возникновение и развитие нельзя понять, изучить в отрыве от производительных сил. Поэтому политическая экономия рассматривает общественно-производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами. Она исследует, как производственные отношения, возникнув в определенных условиях, становятся главным и решающим фактором роста производительных сил, как в дальнейшем производительные силы перерастают сложившиеся производственные отношения, и каким образом возникают новые производственные отношения, открывающие простор для дальнейшего развития производительных сил. Политическая экономия, исследуя законы движения общества от низших ступеней общественного производства к высшим, показывает, как весь ход исторического развития подготавливает победу коммунизма.

Общественно-производственные отношения развиваются во взаимодействии не только с производительными силами, но также и с политическими и идеологическими взглядами и учреждениями. Буржуазная политическая экономия, стоящая на идеалистических позициях, не в состоянии разобраться во всей сложности общественных отношений. Она, по выражению Ленина, размещает экономический, политический и моральный факторы в «поэтическом беспорядке». Только применение метода диалектического и исторического материализма к анализу общественных отношений, только выделение из всех этих отношений производственных отношений как основных, определяющих остальные, дает возможность установить закономерную взаимосвязь, взаимозависимость различных явлений общественной жизни.

Совокупность производственных отношений, экономический строй составляет базис общества; он определяет политические, экономические, правовые, философские и другие взгляды общества и соответствующие им учреждения, являющиеся надстройкой над базисом. Надстройка не имеет непосредственной связи с производством, с производительными силами; она связана с ними лишь косвенно, посредством экономики как базиса.

Надстройка, будучи порождением базиса, экономического строя общества, в свою очередь оказывает на него активное воздействие, помогает ему укрепиться, способствует его дальнейшему развитию. Это относится к экономическим, политическим, философским и другим взглядам и учреждениям господствующих классов, заинтересованных в сохранении и укреплении существующих экономических отношений.

Однако экономика той или иной общественной формации обычно содержит в себе пережитки прошлого и зародыши будущего. Это находит свое отражение и в надстройке. Новые передовые идеи возникают в результате новых назревших потребностей развития материальной жизни общества и играют важную роль

в подготовке условий для революционной замены старого базиса новым в соответствии с законом обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Поэтому наряду с воззрениями господствующих классов в обществе возникают и развиваются воззрения угнетенных, эксплуатируемых социальных групп и классов, находящихся в оппозиции к существующему строю и борющихся за ликвидацию старого базиса, за установление нового, соответствующего достигнутому уровню производительных сил. Так, марксизм, идеология наиболее передового класса современности — пролетариата, возник еще в недрах капитализма. Идеи марксизма отражают новую назревшую потребность экономического развития общества, необходимость перехода от капитализма к новому, более передовому, социалистическому строю; они являются могучим оружием в борьбе за низвержение капитализма, за установление диктатуры пролетариата и построение коммунизма.

Политическая экономия, изучая производственные отношения, не может при этом не учитывать обратного воздействия на них соответствующей надстройки. В. И. Ленин считал целесообразным, чтобы в учебнике политической экономии характеристика определенного периода экономического развития дополнялась очерком политических порядков, основных течений общественной мысли в связи с коренными чертами данного экономического строя. Сюда прежде всего относятся течения экономической мысли, экономические учения, выражающие интересы различных классов.

4. Классовый характер политической экономии

Политическая экономия затрагивает наиболее жизненные экономические и политические интересы различных классов и служит ареной острой классовой борьбы. Поэтому нет и не может быть единой политической экономии для всех классов. Существует политическая экономия буржуазная, пролетарская, а также промежуточных классов — мелкобуржуазная.

Буржуазия создала свою политическую экономию в борьбе против феодализма, когда она была передовым, восходящим классом, боровшимся за более прогрессивный по сравнению с феодальным капиталистический строй. Ее интересы в тот период совпадали с объективным ходом экономического развития общества. Именно поэтому она была заинтересована в объективном изучении экономической действительности. Отражением этого и явилась буржуазная классическая политическая экономия. Однако классовая ограниченность мешала классикам буржуазной политической экономии раскрыть эксплуататорскую сущность и исторически преходящий характер капиталистического способа производства. По мере утверждения капитализма и обострения классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом буржуазная

политическая экономия все более становилась на путь защиты и оправдания этого строя.

Классовая ограниченность и апологетический характер буржуазной политической экономии ярко обнаруживаются и в вопросе о предмете политической экономии. В то время как марксистско-ленинская политическая экономия в центре своего внимания ставит изучение специфических законов развития производственных отношений в различных социально-экономических формациях, излюбленный прием буржуазной политической экономии — установление самых общих понятий, применяемых ко всем формациям. Таким путем буржуазные экономисты пытаются доказать извечность производственных отношений капиталистического строя, представить законы капитализма как надисторические, действующие будто бы во всех общественных формациях.

Даже Адам Смит и Давид Рикардо — лучшие представители буржуазной экономической мысли в период ее расцвета — рассматривали капиталистические производственные отношения как естественные, вытекающие из природы человека, как отношения всякого общества вообще. Они начинали изучение общества с индивидуального, обособленного охотника и рыбака, Робинзона, рассматривая его не как продукт общественного развития, а как продукт природы. Каждый такой обособленный индивидуум, преследуя свои личные, эгоистические цели, в то же время содействует, по их мнению, благу всего общества, так как общество есть не что иное, как совокупность отдельных индивидуумов. Буржуазный способ производства с господством неограниченной конкуренции они представляли как естественный порядок, а законы товарно-капиталистического хозяйства переносили на все социально-экономические формации. Политическая экономия была для них не выражением отношений и потребностей эпохи, а проявлением «вечного разума».

Этот неисторический подход к политической экономии получил свое дальнейшее развитие в вульгарной буржуазной политической экономии, которая уже прямо ставила своей задачей защиту и оправдание капиталистической эксплуатации. Наиболее распространены среди буржуазных ученых определения политической экономии как науки о «народном богатстве», о «народном хозяйстве». Хозяйственная же деятельность состоит, по мнению этих ученых, «в достижении наибольших результатов с наименьшими затратами». Но такие понятия, как «народное хозяйство», «народное богатство», «хозяйственная деятельность», — это общие понятия, применимые к различным ступеням исторического развития; это те общие места, с помощью которых нельзя понять специфических особенностей и закономерностей движения данной общественной формации.

Еще до Маркса великий русский ученый Н. Г. Чернышевский в «Предварительных замечаниях к «Основаниям политической

экономии» Д. С. Милля» указывал на бессодержательность определения политической экономии как науки о богатстве. Понятие богатства, писал Чернышевский, есть понятие относительное: владелец нескольких тысяч десятин земли — человек очень богатый по сравнению с работником, пахущим его землю, но он совершенно ничтожный бедняк по сравнению с богачами миллионерами; само понятие богатства, как и бедности, наперед определяет, что громадная разница между людьми по имуществу есть нечто неперменное и неизбежное. Это определение ставит перед наукой задачу: доказать необходимость и пользу неравенства.

Так называемая субъективная школа буржуазной политической экономии ищет объект для своего изучения не в производственных отношениях, а в психологических оценках отдельного индивидуума, все того же пресловутого Робинзона, заброшенного на необитаемый остров. Маркс еще в своем знаменитом Введении «К критике политической экономии» разгромил эту пошлую выдумку, показав, что человек не только общительное животное, но животное, которое только в обществе и может обособляться. «Производство обособленного одиночки вне общества, — писал Маркс, — редкое явление, которое может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и динамически уже содержащим в себе общественные силы, — такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидуумов»⁸.

Буржуазная политическая экономия оказывается поэтому заполненной плоскими, бессодержательными истинами вроде той, что во всяком производстве участвуют орудия труда. При этом капитал также сводится к орудиям труда. Все это делается для того, чтобы доказать, будто капитал есть вечное явление природы, свойственное всем формациям, т. е. доказать вечность и гармонию буржуазных производственных отношений.

Между тем решающее значение для определения характера производственных отношений имеет вопрос: кто является собственником орудий труда? Одно дело, когда хозяином этих орудий и вообще средств производства является капиталист, другое дело, когда средства производства составляют общенародную собственность, принадлежат рабочему классу и всем трудящимся в лице социалистического государства, как это имеет место в СССР. В первом случае орудия труда — средство эксплуатации рабочих, т. е. капитал, во втором случае они средство освобождения рабочего класса, всех трудящихся масс, орудие подъема материального и культурного уровня жизни всего советского народа.

Историческая школа буржуазной политической экономии сводит политическую экономию к детальному описанию отдельных фактов; она не делает из этих фактов теоретических обобщений. Это один из способов бегства от научного изучения капита-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 710.

листической действительности, перспектива развития которой не сулит буржуазии ничего радостного. Отказ от теории, сведение политической экономии к описанию, конечно, ни в какой мере не означают беспристрастного отношения к капиталистической действительности. Буржуазные ученые при отборе фактов и их описании руководствуются идеей защиты капитализма и фальсифицируют историю в духе буржуазной апологетики.

Если большинство буржуазных экономистов превращает законы товарно-капиталистического хозяйства в вечные законы, присущие всем формациям, то некоторые буржуазные экономисты и их приспешники, особенно из среды теоретиков II Интернационала, а также из числа троцкистов и бухаринцев, пытались ограничить предмет политической экономии рамками одного только товарно-капиталистического хозяйства. Они утверждали, что объект для политической экономии имеется будто бы только в условиях капитализма, где господствуют стихийные законы рынка и производственные отношения окутаны туманом товарного фетишизма. В хозяйствах же натурального типа, равно как и в социалистическом обществе, будто бы нет материала для политической экономии, так как производственные отношения в этих хозяйствах прозрачны и ясны.

Нелепость этих утверждений очевидна. То обстоятельство, что в социалистическом обществе уничтожена анархия производства и производство ведется в плановом порядке на основе закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, не только не делает ненужной политическую экономию, а, напротив, в огромной степени повышает ее роль и значение. Плановое руководство социалистической экономикой возможно только на основе тщательного изучения и умелого использования присущих ей законов. Без знания экономических законов социализма невозможно научное предвидение, составляющее весьма существенный элемент социалистического планирования.

Проповедуя ненужность политической экономии в условиях социалистического общества, теоретики II Интернационала и их троцкистско-бухаринские последователи стремились обезоружить пролетариат, отвлечь внимание от изучения социалистической экономики и тем самым нанести глубокий вред практике социалистического строительства, сорвать великое дело построения коммунистического общества.

Чем больше обостряются антагонистические противоречия капитализма, предвещающие его неминуемую гибель, тем в большей мере усиливается апологетический характер буржуазной политической экономии. Современная буржуазная политическая экономия является служанкой монополистического капитала и финансовой олигархии, выразительницей интересов империалистической реакции. Она всячески оправдывает империалистическую политику монополистического капитала, одержимого стремлением получать максимальные прибыли. Свою защиту этой политики

буржуазные ученые стараются прикрыть социальной демагогией. При этом они сеют иллюзии, будто буржуазное государство, находящееся в руках монополистического капитала, всецело, будто оно может путем регулирования хозяйства устранить органические пороки и глубочайшие противоречия капитализма, справиться с анархией производства и экономическими кризисами, обеспечить занятость населения и т. п.

Буржуазная политическая экономия используется монополистическим капиталом в качестве идеологического оружия в борьбе против лагеря социализма, возглавляемого Советским Союзом. Так, в целях обоснования агрессивной политики американского империализма, стремящегося к мировому господству и пытающегося развязать третью мировую войну, буржуазные экономисты США используют и пресловутую расовую теорию и «теорию» геополитики, равно как и идеологию буржуазного космополитизма и человеконенавистнические идеи мальтузианства, пропагандирующего необходимость войн для уничтожения «избыточного» населения.

На помощь буржуазной политической экономии в ее защите капиталистического базиса приходят представители мелкобуржуазной политической экономии, всякого рода ревизионисты, оппортунисты. В роли агентов монополистического капитала выступают и правые социалисты. Они берут под защиту политику американских агрессоров, активно помогают империалистическим силам в их борьбе против СССР и стран народной демократии. Они стараются всячески затушевать все более обостряющиеся противоречия между буржуазией и пролетариатом. Тем самым они содействуют буржуазии в деле усиления гнета и эксплуатации всех трудящихся масс.

Современные буржуа, представители монополистического капитала и их идеологические оруженосцы не склонны заниматься объективным изучением капиталистической действительности, ибо исторический процесс общественного развития неминуемо ведет капитализм к гибели, к победе пролетариата. Правильность этого научного вывода подтверждается неуклонным ростом и обострением антагонистических противоречий современного капитализма, существованием и успешным развитием лагеря социализма во главе с Советским Союзом. Своекорыстные интересы империалистов находятся, таким образом, в остром, антагонистическом противоречии как с интересами всего трудящегося человечества, так и с объективным ходом общественного развития.

В ином положении находится пролетариат, который всем процессом развития капитализма подготавливается к великой исторической миссии — к низвержению власти капитала и установлению своей диктатуры, являющейся высшей формой подлинной демократии, представляющей интересы народных масс. Рабочий класс поэтому всемерно заинтересован в объективном изучении законов общественного развития; знание этих законов необходимо ему

для успешной борьбы за освобождение от капиталистического рабства, за построение нового, коммунистического общества.

Все это говорит о том, что политическая экономия есть классовая, партийная наука. Партийность пролетарской политической экономии, обязывающая становиться на точку зрения интересов пролетариата, разумеется, ни в коей мере не означает необъективного, а следовательно, и ненаучного отношения к капиталистической действительности. Интересы пролетариата противоречат своекорыстным интересам буржуазии, но они полностью совпадают с объективным ходом общественного развития и с интересами всего трудящегося человечества. Поэтому пролетарская политическая экономия есть единственно научная политическая экономия. Строгую и высшую научность она соединяет с революционностью.

Пролетарская политическая экономия создана Марксом и Энгельсом. Главную цель своего монументального труда — «Капитала» — Маркс видел в открытии экономического закона движения капиталистического общества. Открытие законов развития капиталистического общества послужило Марксу, как указывал Ленин, базой для безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению. На основе экономического анализа капиталистического строя Маркс определил историческую миссию пролетариата как могильщика капитализма и создателя нового, социалистического строя. Экономическое учение Маркса и Энгельса предопределяет неизбежность краха капитализма и установления диктатуры пролетариата.

Неизбежность крушения капитализма и установления диктатуры пролетариата Маркс вывел из экономического закона движения капиталистического общества. В своих трудах Маркс и Энгельс обосновали в общих чертах учение о переходном периоде от капитализма к социализму, о двух фазах коммунистического общества. Однако они не могли во всей конкретности предвидеть особенности и характерные черты империалистической эпохи — последней стадии в развитии капитализма, а также конкретные пути построения коммунистического общества. Эту задачу выполнил гениальный ученик Маркса и Энгельса великий Ленин, живший уже в эпоху империализма и пролетарских революций.

Буржуазные ученые, апологеты капитализма и их приспешники — ревизионисты всех мастей — потратили немало усилий, чтобы опровергнуть учение Маркса. Поэтому важнейшую свою задачу Ленин видел в беспощадной борьбе с ревизионизмом. Отстаивая в этой борьбе марксизм, Ленин конкретизировал учение Маркса и Энгельса, развил его на основе обобщения новых фактов эпохи империализма и пролетарских революций. Огромным вкладом в сокровищницу марксизма явилась ленинская теория империализма как последней стадии в развитии капитализма.

В. И. Ленин открыл закон неравномерности экономического и политического развития капитализма на стадии империализма. Исходя из этого закона, Ленин разработал учение о возможности победы социализма в одной стране — учение, имеющее всемирно-историческое значение. Величайший вклад в марксистскую политическую экономию представляют собой работы Ленина по вопросу о диктатуре пролетариата и союзе рабочего класса с крестьянством, о построении социалистического общества. В трудах Ленина даны основные теоретические указания о путях постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Дальнейшее развитие и конкретизацию марксистско-ленинская экономическая теория получила в решениях Коммунистической партии и Советского правительства. Братские коммунистические партии в других странах, применяя экономическую теорию марксизма-ленинизма в практике революционной борьбы и строительства новой жизни, также обогащают ее новыми научными выводами и положениями.

Марксистско-ленинская политическая экономия — мощное оружие в руках трудящихся в их борьбе за мир, демократию и социализм, за победу коммунизма.

5. Метод политической экономии

Марксистско-ленинская политическая экономия строится на применении основных положений диалектического и исторического материализма к изучению общественно-производственных, т. е. экономических, отношений людей.

Любая экономическая структура общества, изучаемая политической экономией, представляет собой чрезвычайно сложную и пеструю картину. Если ее описывать без всякого руководящего начала, то получится не научное познание, а хаос, нагромождение различных, не связанных друг с другом явлений. Между тем в реальной действительности существует внутренняя закономерная связь и зависимость между различными явлениями экономической жизни общества. Научное познание тем и отличается от поверхностного наблюдения, что оно проникает в сущность производственных отношений данной общественной формации и вскрывает внутренние пружины их развития.

При этом политическая экономия в отличие от естественных наук — физики, химии и т. п. — не может пользоваться экспериментами, опытами, проводимыми в искусственно созданных лабораторных условиях, устраняющих те явления, которые мешают рассмотреть процесс в его наиболее чистом виде. «... При анализе экономических форм, — указывал Маркс, — нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»⁹.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 6.

Каждый тип производственных отношений (социалистический, капиталистический и т. д.) представляет собой единое целое. В этом сложном экономическом целом надо отыскать наиболее характерные основные черты, выражающие его сущность, что можно сделать при помощи абстракции, отвлечения от второстепенных черт. Выделение этих основных черт дает в результате абстракцию в марксистском смысле слова, глубоко отражающую действительность. Марксистский метод абстракции чужд схоластике и талмудизму. Категории политической экономии не выдуманы, — они теоретическое выражение реальных, исторически развивающихся производственных отношений.

Из системы производственных отношений данной общественной формации научное познание выделяет прежде всего простейшие, чаще всего повторяющиеся отношения. Таким простейшим отношением в капиталистическом хозяйстве является обмен одного товара на другой. Поэтому Маркс свое исследование капитализма начинает именно с товара. Он показывает, что в товаре — этой клеточке капиталистического хозяйства — заложены в зародыше противоречия капитализма. Исходя из этого, Маркс подвергает исследованию двойственный характер товара как потребительной стоимости и стоимости, вскрывает двойственный характер труда, создающего товар. Из анализа форм стоимости Маркс выводит деньги, прослеживает превращение денег в капитал, вскрывает существо капиталистической эксплуатации, формулирует закон прибавочной стоимости и т. п. Маркс показывает, как развитие капиталистического способа производства неизбежно ведет капитализм к гибели, к экспроприации экспроприаторов.

Таким образом, метод Маркса состоит в постепенном восхождении от простейшей абстракции к сложному, конкретному целому во всем его многообразии. Такой порядок исследования категорий политической экономии отличается большой логической стройностью.

В марксистской политической экономии логическое исследование сочетается с историческим анализом общественного развития. Конкретный исторический ход развития чрезвычайно многообразен, в нем много зигзагов и отклонений от главной линии развития. Если в научном анализе точно следовать за конкретным историческим развитием событий, то пришлось бы прерывать логическую нить исследования, уклоняться в сторону и копаться в ненужных деталях. Поэтому Маркс в «Капитале» применяет абстрактно-аналитический, логический метод, но он не противопоставляет его методу историческому. По словам Энгельса, марксистский логический метод является «тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; от-

ражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»¹⁰. Благодаря этому основные линии исторического развития выступают более четко и определенно.

«От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»¹¹, — писал В. И. Ленин. Таков метод исследования, применяемый в марксистской политической экономии.

Необходимо отличать метод исследования от метода изложения. Существуют два метода изложения политической экономии: аналитический и исторический. При аналитическом методе в основу кладется изложение категорий политической экономии, например, товара, денег, прибавочной стоимости в той логической последовательности, как они вытекают одна из другой в развитом капиталистическом обществе. Исторический же материал привлекается для обоснования и иллюстрации тех или иных теоретических выводов и положений. Так излагаются категории политической экономии в «Капитале» Маркса. При историческом методе основные категории политической экономии — товар, деньги и т. д. — рассматриваются в той исторической последовательности, как они возникали на разных ступенях развития человеческого общества. Так, элементарные понятия о товаре, деньгах и их отдельных функциях даются еще при характеристике докапиталистических формаций. В развернутом же виде эти категории рассматриваются в капиталистическом обществе, где они достигают своего полного развития.

В. И. Ленин высказался в пользу исторического метода изложения, несмотря на то, что он связан с известным повторением материала. Обосновывая преимущества этого метода, Ленин указывал: «Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр., различных функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ этих функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что действительно происходило в историческом развитии человечества»¹².

Исторический метод более доступен для читателя, приступающего к изучению политической экономии, так как постепенно подготавливает его к пониманию законов экономического развития общества.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 497.

¹¹ «Ленинский сборник», IX, 1929, стр. 183—185.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 36.

6. Политическая экономия социализма — высшее достижение экономической науки

Политическая экономия занимает важное место среди общественных наук. Она изучает общественную сторону производства, экономический строй, являющийся базисом общества, определяющим политические, философские, правовые, литературные и другие воззрения, относящиеся к надстройке. Высшее достижение марксистско-ленинской экономической науки — политическая экономия социализма.

Основы политической экономии социализма были разработаны В. И. Лениным. Дальнейшее развитие и конкретизацию она получила в решениях Коммунистической партии и Советского государства по вопросам хозяйственного и культурного строительства.

Политическая экономия социализма изучает законы, управляющие производственными отношениями социалистического общества в их возникновении, развитии и переходе к высшей фазе коммунизма. Она развивается и обогащается путем теоретического обобщения практики коммунистического строительства в нашей стране и опыта строительства социализма в странах народной демократии.

В социалистическом обществе действуют новые экономические законы, порожденные социалистическими производственными отношениями, как, например, основной экономический закон социализма, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закон распределения по труду и др. Вместе с тем здесь действуют законы и категории, присущие тем общественным формациям, в которых имеется товарное производство и обращение. Поскольку при социализме существуют две формы общественной собственности, постольку имеется и товарное производство, действуют закон стоимости и связанные с ним экономические категории — деньги, цена, кредит, торговля, финансы и т. д. Однако сфера действия закона стоимости при социализме ограничена. Сохраняя старую форму, товарно-денежные категории наполняются новым социалистическим содержанием. Товарно-денежная форма используется в интересах роста социалистического производства, максимального удовлетворения на этой основе растущих материальных и культурных потребностей общества. Наконец, в социалистическом обществе действуют законы, присущие всем общественным формациям, как, например, закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Этот закон лежит в основе перехода от капитализма к социализму, он проявляет свое действие и в условиях перехода от социализма к коммунизму. Конечно, развитие производственных отношений отстает и будет отставать от развития производительных сил. Однако социалистическое общество имеет возможность своевременно привести отстающие производственные отношения в соответствие с достигнутым уровнем про-

изводительных сил, не доводя дело до конфликта между ними; в нем отсутствуют эксплуататорские классы, которые могли бы задержать движение советского общества по пути к коммунизму, его хозяйство развивается в плановом порядке.

Еще Маркс указывал, что когда общество уничтожит деление на классы, выражающие антагонистические интересы, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями.

Закон перехода от старого качества к новому путем взрыва, обязательный для общества, разделенного на враждебные классы, вовсе необязателен для общества, не имеющего таких классов. Постепенный переход от социализма к коммунизму означает глубокие качественные изменения в экономике и общественных отношениях социализма. Однако эти качественные изменения совершаются не путем взрыва, а путем постепенного накопления элементов нового качества и отрицания элементов старого качества, в порядке планомерного развития социалистической экономики.

Таким образом, экономические законы социализма выражают сущность экономических процессов, их внутреннюю причинную связь и зависимость, существующую в системе социалистических производственных отношений. Они направлены на обеспечение максимального удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей всего народа. В этом состоит их принципиальное отличие от экономических законов капитализма, выражающих сущность капиталистических отношений, основанных на эксплуатации человека человеком и подчиненных интересам обеспечения максимальных прибылей для монополистического капитала.

Социализм имеет огромные преимущества перед капитализмом и докапиталистическими формациями в отношении использования экономических законов. В общественных формациях, основанных на эксплуатации человека человеком, возможности познания и использования экономических законов даже в период прогрессивного развития этих формаций очень ограничены вследствие классовой заинтересованности господствующих классов и стихийного характера развития экономики.

Принципиальное отличие пролетариата от всех других классов состоит в том, что его классовые интересы сливаются с интересами подавляющего большинства общества, с интересами прогрессивного развития человечества. Поэтому у рабочего класса и его идеологов нет той классовой ограниченности, которая свойственна буржуазии и мешала бы познать законы экономического развития общества, поставить их на службу коммунистического строительства. С другой стороны, планомерное развитие социалистической экономики не только в огромной степени расширяет возможности познания и использования экономических законов социализма, но и делает это объективной необходимостью. Непременным условием правильного планирования социалистической экономики является прежде всего овладение основным экономическим законом

социализма и законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Важное значение для планового руководства народным хозяйством имеет использование экономического закона распределения по труду — могучего стимула подъема социалистического производства, а также умелое применение экономических инструментов, связанных с действием закона стоимости.

Наряду с политической экономией существуют и другие общественные науки, изучающие экономические отношения. Так, изучением производственных отношений различных общественных формаций занимается история. Однако политическая экономия и история ставят перед собой разные задачи. Политическая экономия стремится дать основные понятия о коренных чертах и законах развития экономики различных общественных формаций. Между тем задача истории — показать процесс возникновения и развития каждого общества во всем его конкретном многообразии применительно к отдельным историческим периодам и странам. При этом историки могут дать научное освещение процесса исторического развития общества лишь в том случае, если будут в своем исследовании исходить из законов, открытых политической экономией.

На основе бурно растущего народного хозяйства в СССР выросла разветвленная система экономических дисциплин, рассматривающих различные стороны социалистической экономики. Политической экономии социализма принадлежит среди них ведущая роль.

Необходимо, однако, разграничивать политическую экономию социализма и экономическую, или хозяйственную, политику. Субъективистско-идеалистические взгляды в области экономики находили, между прочим, свое выражение в том, что некоторые экономисты отождествляли политическую экономию социализма с экономической политикой. В основе этих взглядов лежит антимарксистская концепция отмирания политической экономии при социализме. В действительности же между этими дисциплинами имеется принципиальное различие. Политическая экономия социализма изучает законы, управляющие развитием производственных отношений социалистического общества, а экономическая политика, исходя из этих законов, разрабатывает систему конкретных мероприятий в области хозяйственного и культурного строительства, обеспечивающих успешное продвижение советского общества к коммунизму.

В Советском Союзе существует, кроме того, большое количество так называемых отраслевых экономик, изучающих отдельные отрасли промышленности и сельского хозяйства, а также экономику отдельных предприятий.

Задача научных дисциплин, связанных с экономикой отдельных отраслей и предприятий, — изучать действие экономических законов социализма, открытых политической экономией, в специфических условиях отдельных отраслей и разрабатывать вытекаю-

щие отсюда мероприятия в области экономической политики.

Знание законов социалистической экономики открывает перед народными массами возможность сознательно участвовать в строительстве коммунизма, осуществляемом под руководством Коммунистической партии, позволяет все успешнее применять и использовать эти законы в хозяйственной и производственной работе.

В настоящее время Коммунистическая партия и Советское правительство наметили и успешно осуществляют грандиозную программу крутого подъема народного потребления. Эта программа исходит из экономических законов социализма, из назревших потребностей экономического и политического развития нашей страны. Максимальное удовлетворение непрерывно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся является требованием основного экономического закона социализма и в то же время — это сознательная цель политики Коммунистической партии и социалистического государства как подлинных выразителей интересов народных масс.

В современных условиях самая насущная всенародная задача состоит в том, чтобы обеспечить на базе могучего роста социалистической индустрии крутой подъем сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, резко увеличить производство предметов народного потребления и поднять уровень материального благосостояния и культуры советского народа. Особое внимание партия и правительство уделяют развитию зернового хозяйства как основы всего сельскохозяйственного производства, в том числе производства мяса, масла, молока, шерсти и т. п.

Для решения намеченной программы необходимо умело использовать экономические законы социализма, преимущества социалистического строя. Это прежде всего относится к закону планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Жизнь требует в настоящее время наряду с дальнейшим развитием тяжелой индустрии всемерного форсирования развития отраслей, производящих предметы народного потребления, и, в частности, обеспечения мощного подъема социалистического сельского хозяйства. В самом сельском хозяйстве необходимо изменить структуру посевных площадей, чтобы обеспечить значительное увеличение производства зерна, повышение урожайности всех культур, развитие животноводства.

Решающий фактор подъема промышленности и сельского хозяйства — повышение производительности труда во всех отраслях народного хозяйства. Для этого необходимо всемерное развитие и широкое внедрение в производство передовой техники, дальнейшее улучшение организации труда, планомерное и наиболее рациональное использование трудовых ресурсов не только внутри социалистических предприятий, но и в масштабе всего народного хозяйства.

Одной из важнейших причин отставания ряда отраслей сельского хозяйства является нарушение принципа материальной за-

интересованности колхозов и колхозников в увеличении урожайности и расширении посевов зерновых культур, в росте поголовья скота и повышении его продуктивности, в развитии других отраслей сельскохозяйственного производства. Между тем при социализме принцип материальной заинтересованности — решающая сила развития и подъема социалистического производства. Для реализации этого принципа важно использовать экономический закон распределения по труду и привести в действие экономические инструменты, связанные с законом стоимости. Чтобы использовать экономический закон распределения по труду, требуется гибкая система материального стимулирования колхозов и колхозников, работников МТС и совхозов, дающая возможность повысить производительность труда и укрепить трудовую дисциплину, лучше организовать и оплачивать труд.

Использование закона стоимости относится прежде всего к политике цен. Повышение заготовительных и закупочных цен на многие продукты сельского хозяйства, осуществленное партией и правительством, — весьма важный стимул развития и подъема колхозного производства.

Чтобы добиться резкого увеличения производства предметов народного потребления, требуется всемерно усилить борьбу за последовательное внедрение хозяйственного расчета в промышленных предприятиях, в МТС и совхозах, лучше использовать имеющиеся резервы, повысить производительность труда, снизить себестоимость, обеспечить рентабельность производства. Все это показывает огромное значение марксистско-ленинской политической экономии для практики коммунистического строительства.

Марксистско-ленинская политическая экономия вооружает народы СССР знанием экономических законов социализма, законов строительства коммунистического общества. Она указывает ясную перспективу, дает народным массам непоколебимую уверенность в победе коммунизма. Научное знание экономических законов составляет основу хозяйственной политики Коммунистической партии и Советского государства, позволяет проникать вглубь, в существо экономических процессов, выявлять прогрессивные тенденции, когда они еще находятся в зародыше, своевременно подмечать нарастающие противоречия и вовремя принимать меры к их преодолению. Научное знание этих законов позволяет предвидеть ход экономического развития и направлять его в соответствии с задачами коммунистического строительства.

Политическая экономия учит трудящихся стран народной демократии, как на основе опыта СССР преобразовать экономику этих стран в духе социализма. Она указывает угнетенным пролетариям и трудящимся капиталистических стран и колоний путь освобождения от капиталистического наемного рабства.

Марксистско-ленинская политическая экономия является в руках пролетариата и всех трудящихся масс мощным оружием не только познания, но и революционного изменения современного общества на началах коммунизма.

ЧЕМУ УЧИТ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ¹

Политическая экономия составляет важнейшую часть марксистско-ленинской теории. Она является мощным идейным оружием в руках рабочего класса и всего трудящегося человечества в их борьбе за освобождение от империалистического рабства. Марксистско-ленинская экономическая теория вооружает партию, наши кадры знанием законов развития общества, позволяет правильно руководить народным хозяйством, успешно решать насущные вопросы коммунистического строительства. Она освещает трудящимся стран народной демократии пути создания нового, социалистического общества.

I

Политическая экономия есть наука о законах общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества. Предметом ее изучения являются общественно-производственные, или экономические, отношения людей. «Политическая экономия, — писал В. И. Ленин, — занимается ... общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства» ².

Характер производственных отношений данного строя зависит прежде всего от господствующей формы собственности на средства производства. Частная капиталистическая собственность на средства производства неизбежно порождает отношения эксплуатации рабочих капиталистами и ожесточенную конкурентную борьбу между капиталистами за получение наивысшей прибыли. Общественная собственность на средства производства — основа социалистических производственных отношений, не знающих эксплуатации человека человеком и характеризующихся товарищеским сотрудничеством и взаимопомощью.

Политическая экономия изучает производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами. Определенный уровень развития производительных сил обуславливает соответствующий ему тип производственных отношений. В свою очередь новые производственные отношения активно воздействуют

¹ «Правда», 25 сентября, 1953 г.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 53.

на производительные силы, являются главным двигателем их дальнейшего развития.

Совокупность «...производственных отношений, — указывает К. Маркс, — составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»³. Надстройка, будучи порождена определенным базисом, оказывает на него активное воздействие, помогает ему укрепиться, способствует его дальнейшему развитию. Поэтому политическая экономия изучает производственные отношения, экономический базис общества также во взаимодействии с надстройкой.

Изучая отношения людей в процессе производства, политическая экономия затрагивает наиболее важные, кровные экономические и политические интересы людей, различных классов, общества и сама является ареной острой классовой борьбы. В силу этого нет и не может быть единой политической экономии. Существует несколько политических экономий: буржуазная политическая экономия, пролетарская политическая экономия и политическая экономия промежуточных классов — мелкобуржуазная политическая экономия.

В период, когда буржуазия была восходящим классом, когда она боролась против феодализма и ее классовые интересы совпадали с назревшей потребностью экономического развития общества в переходе к капитализму, возникла классическая буржуазная политическая экономия, которая для своего времени являлась прогрессивной.

Однако по мере развития капитализма и обострения классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом буржуазная политическая экономия все более теряла научный характер и становилась на путь открытой апологетики капиталистического строя.

Современная буржуазная политическая экономия превратилась в служанку монополистического капитала, финансовой олигархии. Она активно используется наиболее реакционным и агрессивным американским монополистическим капиталом в качестве идеологического оружия для оправдания безудержной капиталистической эксплуатации, империалистической агрессии и подготовки новой мировой войны.

Подлинно научной может быть политическая экономия только того класса, интересы которого совпадают с объективным ходом общественного развития, сливаются с интересами освобождения общества от капиталистического рабства, с интересами прогрессивного развития человечества. Таким классом является рабочий класс. Поэтому пролетарская политическая экономия сочетает строгую и высшую научность с последовательной революционностью.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 6—7.

Подлинно научная политическая экономия создана гениальными вождями и теоретиками рабочего класса Марксом, Энгельсом, Лениным.

Могучая организующая и мобилизующая сила марксистско-ленинской политической экономии состоит в том, что она вскрыла экономические законы развития общества, доказала неизбежность революционного превращения капиталистического общества в социалистическое. Она идейно вооружает международное рабочее движение и его авангард — коммунистические и рабочие партии в их освободительной борьбе, она дает трудящимся массам ясность перспективы, уверенность в окончательной победе коммунизма.

Экономическая теория марксизма-ленинизма — наука творческая. Ей чужды догматизм и схоластика. Она получает свое дальнейшее развитие в исторических решениях Коммунистической партии Советского Союза и братских коммунистических партий, в трудах руководителей этих партий, обогащающих ее новыми выводами и положениями на основе обобщения исторического опыта революционной борьбы и социалистического строительства.

Популярное изложение основных вопросов марксистско-ленинской экономической теории дано в учебнике политической экономии, выпущенном недавно Институтом экономики Академии наук СССР.

II

Марксистско-ленинская политическая экономия учит, что история человеческого общества есть закономерный процесс развития общества от низших форм к высшим. В основе этого развития лежат объективные законы, существующие независимо от воли людей. Каждая общественная формация является определенной ступенью в поступательном движении человечества. Науке известны пять общественно-экономических формаций: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая.

Опыт исторического развития показывает, что общественные формации, основанные на частной собственности на средства производства, играют прогрессивную роль лишь на первых порах своего развития. Производственные отношения рабовладельческой, феодальной, капиталистической формаций в течение определенного периода способствовали росту производительных сил, а затем они превращались в их оковы. Тогда в силу закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил становилась неизбежной замена старой общественной формации новой. До социалистической революции смена старых общественно-экономических отношений новыми означала смену власти одних эксплуататоров другими, смену форм эксплуатации. Обобщая весь ход общественного развития, пролетарская политическая экономия научно доказала, что капи-

тализм есть последний общественный строй, основанный на эксплуатации человека человеком.

Политическая экономия вскрывает неизлечимые язвы и пороки капиталистического строя, показывает, что свойственные ему неразрешимые противоречия вытекают из сущности капитализма, из закона его экономического развития.

Научно формулируя основной экономический закон капитализма, политическая экономия показывает, что целью капиталистического производства является извлечение прибавочной стоимости, наивысшей прибыли. Творцами богатства являются трудящиеся массы, а плоды их трудов присваиваются эксплуататорами. Ради получения наивысших прибылей капиталисты все в большей мере усиливают эксплуатацию рабочего класса, разоряют крестьянство, закабаляют и грабят колониальные и зависимые народы. В странах капиталистического мира непрерывно возрастает обнищание народных масс.

Капитализму присущи анархия производства, экономические кризисы. Экономические кризисы периодически потрясают хозяйство капиталистических стран, вызывают огромное разрушение производительных сил, приносят неисчислимые бедствия трудящимся, являются наиболее ярким показателем исторической обреченности капитализма.

В условиях империализма, в особенности в период общего кризиса капитализма, все внутренние противоречия капиталистической системы достигают исключительной остроты, усиливаются паразитизм и загнивание экономики, безудержно растет милитаризация хозяйства, начинается постепенный распад мировой капиталистической системы.

В эпоху империализма крайнего предела достигает основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Капиталистические производственные отношения все в возрастающей степени тормозят движение производительных сил. Весь ход экономического развития капитализма вплотную подводит рабочий класс к социалистической революции. Эпоха империализма, общего кризиса капитализма — это эпоха социалистических революций, мощного национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах.

На опыте Советского Союза и стран народной демократии политическая экономия показывает, каким путем трудящиеся капиталистического мира могут освободиться от гнета эксплуататоров, добиться свободной, счастливой жизни.

Вскрывая глубокие экономические корни социалистических революций и растущей национально-освободительной борьбы угнетенных народов, марксистская экономическая теория неоспоримо доказывает, что эти великие движения современности происходят не в результате «злокозненных» действий коммунистических агитаторов и не экспортируются из стран социалистического

лагеря, а возникают в силу назревших внутренних потребностей экономического и политического развития стран капиталистического лагеря.

Марксистская политическая экономия учит, что современный монополистический капитализм исторически исчерпал себя, превратился в реакционную силу, задерживающую прогрессивное развитие общества. Закономерный процесс общественного развития с такой же неизбежностью ведет к замене капитализма социализмом, с какой за ночью следует день.

Однако победа социализма не приходит самотеком. Она может быть завоевана лишь в результате революционной борьбы трудящихся масс, руководимых пролетариатом во главе с его авангардом — коммунистическими партиями.

III

Политическая экономия учит, как преобразовать экономику на социалистических основах. Она дает научное обоснование путей и методов создания нового общественного строя. Политическая экономия социализма изучает законы, управляющие производственными отношениями социалистического общества в их возникновении, развитии, в их движении к коммунистической фазе.

Обобщая опыт создания социалистического общества в СССР и практику социалистического строительства в странах народной демократии, политическая экономия раскрывает содержание переходного периода от капитализма к социализму. Она показывает, как в этот период происходит революционная смена капиталистических производственных отношений социалистическими. С возникновением и развитием социалистического уклада и ликвидацией капиталистических отношений теряют силу и сходят со сцены экономические законы капитализма, возникают и развиваются экономические законы социализма.

Марксизм-ленинизм дает обоснование необходимости диктатуры пролетариата, руководящей роли рабочего класса в социалистическом строительстве, прочного союза рабочего класса с крестьянством. Исходя из закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил и учитывая требования основного экономического закона социализма, политическая экономия дает обоснование политики индустриализации страны и коллективизации миллионов крестьянских хозяйств. Она вскрывает законы классовой борьбы в переходный период.

Из марксистско-ленинской экономической теории, из научно обобщенного советского опыта страны народной демократии черпают знание законов классовой борьбы в переходный период, знание того, как рабочему классу добиться нерушимой дружбы и прочного союза с крестьянством, как укреплять экономическую смычку между городом и деревней, как достичь победы над экс-

плуататорскими классами и построить социалистическое общество.

Вместе с тем марксистская экономическая теория учит, что опыт Советского Союза нельзя механически переносить на страны народной демократии. Экономическая политика в каждой стране, строящей социализм, вырабатывается рабочим классом и его партией с учетом особенностей исторического развития данной страны, уровня производительных сил, своеобразия классовых отношений.

Коренное изменение в соотношении сил на мировой арене в связи с образованием могучего и непрерывно крепнущего лагеря социализма создает более благоприятные условия для строительства социализма в странах народной демократии по сравнению с теми условиями, в которых развертывалась борьба за победу социализма в Советском Союзе. Известно, что СССР длительное время являлся единственной социалистической республикой в мире. Советский Союз должен был ускоренными темпами создавать все отрасли тяжелой промышленности. Страны народной демократии имеют возможность развивать те отрасли индустрии, для которых в данной стране имеются наиболее благоприятные экономические и естественные условия, на основе широкого разделения труда и экономической взаимопомощи между странами всего лагеря социализма.

Политическая экономия учит, что колониальные, полуколониальные и слаборазвитые страны, сбросив с себя иго империализма, могут с помощью передовых стран лагеря социализма постепенно перейти на путь социалистического строительства, минуя мучительную стадию капиталистического развития. Это положение подтверждается политикой Советского Союза, где отсталые народы национальных окраин при помощи русского народа и других народов СССР совершили скачок от патриархальных и феодальных форм хозяйства к социализму, минуя капитализм.

Экономическая теория марксизма-ленинизма учит, что решающим условием победы социализма и коммунизма во всех странах, отпавших от капиталистической системы, является дальнейшее укрепление могущества лагеря социализма, дальнейшее развитие экономического, политического и культурного сотрудничества между странами, входящими в этот лагерь.

Вскрыв внутренние причины исторической неизбежности гибели капитализма и победы социализма, политическая экономия дает научное обоснование вопроса о характере взаимоотношений между лагерем капитализма, с одной стороны, и лагерем социализма — с другой. Она показывает, что мирное сосуществование и деловое сотрудничество между странами, входящими в тот и другой лагерь, на основе взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела других стран не только возможно, но и необходимо.

Политическая экономия социализма имеет огромное значение для руководства коммунистическим строительством.

Экономические законы социализма, так же как и законы любой другой общественной формации, носят объективный характер. Игнорирование требований этих законов не проходит безнаказанно, оно неизбежно приводит к расстройству хозяйственной жизни, порождает трудности и противоречия. Отрицание объективного характера экономических законов означает ликвидацию экономической науки и ведет на путь авантюризма в политике.

Неменьший вред практике коммунистического строительства наносит признание бессилия людей перед лицом экономических законов. Такая фетишизация законов является теоретическим обоснованием самотека в коммунистическом строительстве.

Знание экономических законов социализма позволяет проникать в самую сущность процессов, протекающих в социалистическом хозяйстве, выявлять новые, прогрессивные тенденции развития, когда они еще находятся в зародыше, научно предвидеть ход экономического развития и осуществлять планомерное руководство народным хозяйством, направляя его по пути к коммунизму.

Опираясь на знание объективных экономических законов, Коммунистическая партия и Советское государство вырабатывают и проводят научно обоснованную политику, которая отражает потребности развития материальной жизни общества, коренные интересы народа и воплощается в жизнь активной, созидательной деятельностью трудящихся масс.

При определении своей политики Коммунистическая партия и Советское правительство исходят из требований основного экономического закона социализма. В соответствии с этим законом партия и правительство проводят политику неуклонного повышения материального благосостояния и культурного уровня всех советских людей на базе непрерывного роста социалистического производства. Забота о благе народа — высший долг Коммунистической партии и Советского правительства.

Основой социалистического строя, источником богатства и могущества Родины является общественная собственность на средства производства.

Советское общество добилось колоссальных успехов в развитии социалистической экономики. В СССР в 1953 г. объем валовой продукции крупной промышленности увеличился по сравнению с 1913 г. (в сравнимых ценах) в 30 раз. Из года в год увеличивается национальный доход нашей страны. Реальные доходы трудящихся СССР выросли по расчету на одного работающего в следующем объеме: у рабочих в 1940 г. по сравнению с 1913 г., с учетом ликвидации безработицы, — более чем в 3 раза, у крестьян — примерно в 3,5 раза. В 1952 г. доходы рабочих и

служащих выросли по сравнению с 1940 г. на 68%, доходы крестьян — примерно на 72%. Одновременно в огромной степени повысился культурный уровень трудящихся города и деревни. В целях дальнейшего роста материального благосостояния народных масс партия и правительство последовательно проводят политику всемерного расширения производства предметов потребления.

Важное значение для правильного руководства народным хозяйством имеют знание и умелое использование экономического закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. На основе требований этого закона устанавливаются необходимые пропорции в народном хозяйстве, прежде всего между производством средств производства и производством предметов потребления, с таким расчетом, чтобы неуклонно укреплять экономическую мощь страны и максимально при данном уровне производства удовлетворять растущие потребности народных масс.

Первостепенное значение имеет установление правильных пропорций между промышленностью и сельским хозяйством, а также между отдельными отраслями внутри промышленности и внутри сельского хозяйства. За последнее время особенно сказалось значительное отставание темпов роста сельского хозяйства от темпов роста промышленности. Возникло явное несоответствие между быстро растущими потребностями в зерне, мясе, молочных продуктах, овощах и фруктах, с одной стороны, и уровнем сельскохозяйственного производства — с другой.

Чтобы устранить это несоответствие, партия и правительство осуществляют широкую программу крутого подъема сельскохозяйственного производства.

Правильное, отвечающее задачам всемерного развития экономики планирование предполагает строгое сочетание принципов централизованного планового руководства по основным показателям с предоставлением необходимой самостоятельности и инициативы местным органам, промышленным предприятиям, колхозам, совхозам.

Экономическая наука раскрывает качественные особенности общественного труда при социализме, выясняет экономическую необходимость распределения по труду, показывает жизненное значение новой, социалистической дисциплины труда, научно обосновывает необходимость правильного распределения трудовых ресурсов между материальным производством и непроизводительной сферой.

Великая сила экономического закона распределения по труду состоит в том, что он обеспечивает личную материальную заинтересованность каждого работника в результате своего труда, связывает личные интересы работника с общегосударственными, является мощным двигателем развития производства и способствует подъему благосостояния трудящихся.

Экономический закон распределения по труду — основа последовательного проведения как в области заработной платы, так и в области распределения доходов в колхозах принципа дифференциации оплаты труда в зависимости от его количества, качества и полученных результатов, ориентирует кадры на непримиримую борьбу с уравниловкой. Известно, что в некоторых отраслях народного хозяйства, особенно в сельском хозяйстве, имели место нарушения этого закона, что нанесло серьезный ущерб социалистической экономике.

В целях ликвидации этих нарушений и расширения производства сельскохозяйственных продуктов партия и правительство проводят целую систему мер по материальному стимулированию колхозов и колхозников, работников МТС и совхозов.

Политическая экономия учит, что систематическое повышение производительности труда в промышленности, в строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве — решающее условие развития социалистического производства, создания обилия предметов народного потребления, успешного экономического соревнования с наиболее развитыми капиталистическими странами. За последние 25 лет (1928—1953 гг.) производительность труда в промышленности СССР выросла примерно в 6 раз, в строительстве и на железнодорожном транспорте — в 3,5 раза. Производительность труда в колхозах и совхозах превышает производительность в дореволюционном сельском хозяйстве примерно в 3 раза.

Приведенные цифры свидетельствуют о быстрых темпах роста производительности труда в СССР. Однако с точки зрения задач коммунистического строительства достигнутый уровень производительности труда еще недостаточен. Борьба за дальнейшее повышение производительности труда является важнейшей задачей коммунистического строительства.

Политическая экономия учит, что в условиях социализма при наличии двух форм социалистической собственности сохраняет свое действие закон стоимости. Она раскрывает важное значение использования этого закона и связанных с ним экономических инструментов для внедрения и укрепления хозяйственного расчета, для повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции, повышения рентабельности предприятия. Она обосновывает важную роль в социалистической экономике советской торговли, которая представляет собой основную форму распределения продуктов при социализме, показывает большое значение денежного обращения, кредита.

Экономическая наука раскрывает закономерности социалистического воспроизводства, показывает, что важнейшим условием прогрессивного развития социалистического общества является систематическое осуществление накоплений, правильное распределение национального дохода в интересах непрерывного роста общественного производства и народного потребления.

Политическая экономия обосновывает историческую законо-

мерность победы коммунистического общества, показывает конкретные пути перехода от социализма к коммунизму. Коммунизм возникает как результат сознательного творчества миллионов масс трудящихся, руководимых Коммунистической партией. Производственная активность и творческая инициатива масс находят наиболее яркое выражение в социалистическом соревновании, которое является движущей силой развития социалистического общества.

Политическая экономия вооружает знанием экономических законов партийные, советские, хозяйственные кадры, передовиков промышленности и сельского хозяйства, нашу народную интеллигенцию. Она помогает им находить и приводить в действие колоссальные резервы, тающиеся в недрах нашего народного хозяйства, преодолевать возникающие трудности, успешно решать насущные задачи коммунистического строительства в СССР, успешно строить социализм в странах народной демократии.

Вскрывая экономические законы капитализма и социализма, марксистско-ленинская политическая экономия приходит к научно обоснованному выводу, что социалистическая система хозяйства является самой прогрессивной системой, имеющей решающие преимущества перед капиталистической, что весь ход исторического развития подготавливает победу коммунизма. Из противоположности двух систем — социализма и капитализма — и присущих им экономических законов вытекают две различные линии экономического и политического развития.

Капиталистический лагерь, возглавляемый США, в безудержной погоне за максимальной прибылью несет миру все большее усиление эксплуатации трудящихся, дальнейшее закабаление зависимых и колониальных народов, милитаризацию экономики, растущее обнищание трудящихся, угрозу новых войн.

Социалистический лагерь, возглавляемый Советским Союзом, всю свою хозяйственную и политическую деятельность подчиняет единой цели — максимальному удовлетворению растущих потребностей народных масс. В этих целях Советский Союз и страны народной демократии развивают невиданными в истории темпами производительные силы на основе высшей техники, обеспечивают систематический рост материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, неустанно ведут борьбу за укрепление и развитие мирного экономического сотрудничества между всеми народами. Наиболее ярким и убедительным примером этого служит экономическое сотрудничество стран социалистического лагеря, которое строится на началах полного равноправия и взаимопомощи и представляет собой новый тип международных отношений, которого еще не знала история.

Неуклонный рост лагеря социализма и прогрессирующий упадок капиталистической системы мирового хозяйства, раздираемой неразрешимыми в пределах этой системы антагонистическими противоречиями, неопровержимо доказывает, что будущее принадлежит коммунизму.

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ ¹

Первобытнообщинный строй

1. Возникновение человеческого общества

История возникновения человеческого общества начинается в глубокой древности, не поддающейся точному определению.

«Наверное протекли сотни тысяч лет... прежде чем из стада лазающих по деревьям обезьян возникло человеческое общество» ², — говорит Энгельс.

Знаменитый естествоиспытатель Чарльз Дарвин сделал во второй половине XIX в. открытие, что человек произошел в результате длительной эволюции от предков, близких к человекообразным обезьянам. В основе этой эволюции, по мнению Дарвина, лежал закон естественного отбора, т. е. выживания более приспособленных и вымирания менее приспособленных к борьбе за существование. Дарвин своим учением, по выражению Маркса, нанес смертельный удар телеологии в естествознании, а вместе с тем разрушил библейскую легенду о сотворении человека богом.

Гениальная гипотеза Дарвина о происхождении человека была блестяще подтверждена целым рядом археологических открытий и находок, начавшихся еще в XIX в. и продолжающихся по сей день.

В разных частях земного шара были найдены остатки костей и черепов, доказывающих существование в глубокой древности людей, носящих явные следы их происхождения от человекоподобной обезьяны. Это позволило установить в общих чертах отдельные стадии длительного пути развития человекообразной обезьяны в человека.

В 90-х годах прошлого столетия на о. Яве были найдены черепная коробка, бедро и два коренных зуба, характерные для «переходного» типа от обезьяны к человеку. Найденная череп-

¹ ВПШ при ЦК КПСС. М., 1945.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 490—491.

ная коробка по своему строению напоминает обезьяню, с ее покатым лбом, но по объему она вдвое превышает обезьяню и приближается к человеческой. Форма бедра свидетельствует о походе человека уже в полусогнутом положении. Этот тип получил в науке название питекантропа — обезьяно-человека, или древнейшего человека.

В 1907 г. в Германии, близ Гейдельберга, была найдена нижняя челюсть, по своей форме очень близкая к обезьяньей, но с человеческими зубами. По месту открытия ее обладатель получил название гейдельбергского человека.

В 1929/30 г. в Китае, около Чжоу Коу-тян, были найдены две черепные коробки, во многом совпадающие с черепом питекантропа, но отличающиеся от него большим объемом, что уже свидетельствовало о более высокой степени развития. Этот новый тип получил в истории название синантропа (т. е. китайского человека).

Позже в Германии, Франции, Африке, Азии и в СССР были найдены кости и черепа, относящиеся к более развитому типу переходного человека. Этот тип в гораздо большей степени приближается к современному человеку, отличаясь от питекантропа и синантропа большим объемом черепа, а от современного человека — более развитой мускулатурой, укороченностью голени по сравнению с бедром и меньшим объемом черепа. Он получил название неандертальского человека, так как впервые его останки были найдены в долине реки Неандер (Германия).

Все эти находки увенчались открытием кроманьонского человека, найденного во Франции, в пещере Кроманьон. Кроманьонский человек по физическому строению уже мало отличается от современного человека.

Все эти «переходные» к человеку типы отражают различные стадии превращения человекообразной обезьяны в человека.

Однако превращение человекоподобной обезьяны в человека нельзя объяснить одним законом естественного отбора.

Энгельс доказал, что решающую роль в этом превращении сыграл труд.

«Труд... первое основное условие всей человеческой жизни, — говорит Энгельс, — и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»³.

Нашим далеким предкам, человекообразным обезьянам, были знакомы элементарные трудовые операции с применением примитивных орудий, найденных готовыми в природе в виде палки или камня.

Наблюдения над современной человекоподобной обезьяной шимпанзе показывают, что она применяет в различных случаях жизни палку, а иногда способна комбинировать вместе несколько палок. В моменты гнева она схватывает камень и пускает его

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 486.

в ход в качестве довольно грозного оружия защиты или нападения.

Образ жизни человекоподобной обезьяны, материальные условия ее существования способствовали дальнейшему развитию и совершенствованию этих элементарных трудовых навыков. Особо важную роль в развитии труда сыграло разделение функций между передними и задними конечностями человекоподобной обезьяны и усвоение прямой походки. Человекоподобные обезьяны жили стадами на деревьях. В то же время в поисках пищи они были вынуждены спускаться с деревьев и бродить по земле.

Необходимость карабкаться по деревьям, срывать плоды, схватывать палку или камень, строить гнезда на деревьях способствовала развитию передних конечностей, которые постепенно специализировались на производстве элементарных трудовых операций и превращались в руки.

Специализация передних конечностей (рук) человекообразных обезьян сначала на простейших, а затем на все более и более сложных трудовых операциях привела к тому, что человекообразные обезьяны стали постепенно отвыкать опираться при ходьбе на руки, начали усваивать прямую походку. Это был важнейший момент в процессе перехода от обезьяны к человеку. Энгельс говорит: «... Решающий шаг был сделан, *рука стала свободной* и могла теперь усваивать себе все новые и новые сноровки, а приобретенная этим бóльшая гибкость передавалась по наследству и возрастала от поколения к поколению»⁴.

Этот процесс потребовал огромного количества времени, по сравнению с которым «... известный нам исторический период является незначительным»⁵.

Освобождение руки от функций ноги сделало ее органом труда. Но рука, по меткому замечанию Энгельса, не только орган труда, но и продукт его. Только благодаря постепенному развитию элементарных трудовых операций — срыванию плодов, схватыванию палок и т. д. — и вызванным ими изменениям в строении передних конечностей последние постепенно превратились в руки. Но все же, что было полезно для руки, шло на пользу и всему организму.

Человеческий организм представляет собой единое целое. Отдельные его части органически связаны между собой. Эту взаимную зависимость отдельных частей Дарвин назвал законом соотношения роста. В силу этого закона совершенствование руки и приспособление ноги к прямой походке не могли не оказать влияния на остальные части организма и на весь организм в целом.

Важнейшим результатом усовершенствования руки человека

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 487.

⁵ Там же.

явилось развитие труда, которое значительно усилило господство человека над окружающей природой, а вместе с тем и расширило его кругозор. Человек постепенно научился использовать окружающие его предметы в своих интересах.

Другим важнейшим следствием развития труда явилось расширение рамок совместной деятельности, способствовавшее более тесному сплочению людей в единый коллектив. В результате возникла потребность в речи, которая и вызвала к жизни соответствующий орган. Начался длительный процесс преобразования глотки человекообразной обезьяны, и она приобрела способность членораздельной речи.

Развитие трудовой деятельности и членораздельной речи явилось в свою очередь важнейшим фактором постепенного превращения мозга обезьяны в мозг человека.

Под влиянием трудовой деятельности у человека расширился круг восприятий и представлений. Человек мог улавливать ухом и замечать глазом многое такое, чего не могли заметить животные, хотя по тонкости слуха и зоркости глаза он им уступал.

«Орел, — говорит Энгельс, — видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла»⁶.

Развивающееся сознание человека приобрело способность к обобщениям. Оно открывало все новые и новые свойства в окружающих предметах и явлениях, что усиливало позиции человека в борьбе за существование.

Процесс возникновения человека есть в то же время и процесс возникновения человеческого общества. Одно от другого отделить нельзя. «Наши обезьяноподобные предки... были общественными животными, — говорит Энгельс, — вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков»⁷.

Так в результате долгой эволюции, исчисляемой сотнями тысячелетий, возникло человеческое общество.

Мы видели, какое огромное значение сыграл труд в процессе превращения обезьяны в человека.

Однако труд, сыгравший такую важную роль в превращении человекообразной обезьяны в человека, был лишь зародышевой формой труда.

Коренная черта человеческого труда, отличающая человека от животных, состоит в изготовлении орудий.

«Труд, — говорит Энгельс, — начинается с изготовления орудий»⁸.

«Употребление и создание средств труда, — говорит Маркс, — хотя и свойственны в зародышевой форме некоторым видам жи-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 490.

⁷ Там же, стр. 488—489.

⁸ Там же, стр. 491.

вотных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда...»⁹

Вторая черта, отличающая человека от животных, заключается в том, что он трудится сознательно. Прежде чем создать что-нибудь, человек уже имеет в своей голове план своего будущего творения. Животное же приспосабливается к природе не сознательно, а в силу инстинкта.

По мере превращения обезьяны в человека постепенно совершался переход от полуинстинктивного применения найденных готовыми в природе орудий труда — палки, камня и т. д. — к сознательному изготовлению орудий, пока, наконец, не совершился величайший в истории скачок — возник человек, делающий орудия. Этим была проложена та историческая грань, которая навсегда отделила человеческое общество от стада человекообразных обезьян.

Основные черты первобытнообщинного способа производства

1. Производительные силы первобытного общества

Эпоха существования первобытного общества была самой продолжительной в истории человечества. По сравнению с ней так называемая писанная история человечества имеет, говоря словами Энгельса, «...не большее значение, чем секунда в жизни человека»¹⁰... Эта длиннейшая эпоха в развитии человечества состояла из нескольких стадий, которые различались по уровню производительных сил и по вызываемым ими изменениям в системе производственных отношений.

Впервые научную периодизацию первобытного общества дал Морган. Эта периодизация принята Энгельсом. Морган устанавливает два важнейших этапа в истории развития первобытного общества: период дикости и период варварства. Каждый из этих периодов, в свою очередь, Морган разбивает на три ступени — низшую, среднюю и высшую. Период дикости, по Моргану, характеризуется по преимуществу присвоением готовых произведений природы. Период варварства — развитием скотоводства и земледелия.

Низшая ступень дикости продолжалась много десятков тысячелетий. Однако писанная история не сохранила ни одного народа, который находился бы на этой ступени развития.

Членораздельная речь явилась главным достижением этой ступени развития первобытного общества. Человечество находилось еще в состоянии, близком к животному. Первобытный человек был крайне слабо вооружен для борьбы с окружающей природой. Еще Лукреций указывал, что первым орудием людей были

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 190—191.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 490—491.

руки, когти и зубы, камни, а также древесные обломки и сучья. Природные орудия первобытного человека были, разумеется, слабее, чем у многих представителей окружающего его животного мира. Искусственные же орудия были до крайности примитивны.

Мозг первобытного человека был слаб и неразвит. У него еще не накопилось достаточного опыта борьбы с природой, передаваемого из поколения в поколение. На этой стадии способы добычи средств существования сводились главным образом к собиранию плодов и корней растений и к охоте за мелкими зверями. Первобытный человек был еще в очень большой степени рабом окружающей природы.

Развитие производительных сил совершалось крайне медленно. Добывая средства к жизни, борясь за свое существование, первобытный человек знакомился с предметами и силами природы, улучшал орудия, накапливал опыт и передавал его из поколения в поколение. С чрезвычайной медленностью, в течение многих тысяч лет, делались одно за другим первые изобретения и открытия.

Так, постепенно, первобытный человек с низшей ступени дикости поднялся на среднюю ступень. На этой ступени первобытный человек применял грубо выделанные, неотшлифованные каменные орудия, относящиеся к раннему каменному веку, так называемому палеолиту.

Путем соединения палки и камня, их обработки и приспособления к разным целям были созданы разнообразные орудия: палицы, каменные топоры, молотки, копыя и т. п. Но главным достижением этой ступени общественного развития было открытие человеком полезных свойств огня.

Человек впервые познакомился с огнем благодаря наблюдению над окружающей природой. Он видел, как молния ударяет в дерево и зажигает его. Он наблюдал извержение вулканов, лесные пожары и знакомился таким образом с согревающими свойствами огня. Наблюдения показали первобытному человеку, что фрукты или мясо под действием умеренного огня становятся мягче, вкуснее. Это натолкнуло его на мысль использовать ценные свойства огня. Сначала огонь просто поддерживался. Вероятно, немало трагедий приходилось переживать первобытному человеку, когда огонь у него потухал. Много позже, когда производство орудий достигло более высокого развития, люди заметили, что огонь появляется при ударе кремнем, при трении дерева, и научились его добывать.

Это было громадным шагом в развитии первобытного общества. Открытие огня, по словам Энгельса, впервые дало человеку господство над определенной силой природы и окончательно оторвало его от животного царства.

Огонь дал первобытному человеку защиту от зимнего холода, он стал для него источником света, огонь человек использовал в качестве орудия защиты от окружающих его могучих хищников.

Благодаря открытию огня значительно расширился круг предметов, которые могли служить пищей человеку. Он стал употреблять крахмалистые клубни и корни, испеченные в горячей золе. Благодаря применению огня человек получил возможность питаться рыбой и мясом в сваренном виде, что сократило процесс пищеварения. Мясная пища содержит в себе элементы, очень важные для человеческого организма. Употребление мясной пищи в очень большой степени содействовало физическому укреплению первобытного человека. Особенно большое влияние мясная пища оказала на развитие человеческого мозга.

На средней ступени дикости гораздо большее развитие получили рыбная ловля и охота. Последняя теперь уже проводилась с помощью палицы и копья.

Постоянного жилища первобытный человек не имел. От стужи, зноя, дождя он укрывался под густыми лиственными деревьями, в кустарниках и в пещерах. Жилищем могли служить и дупла деревьев, а также покрытые хворостом ямы, на дне которых теплился огонь.

Медленно, но неуклонно совершавшийся рост производительных сил привел к тому, что власть первобытного человека над природой возросла и его зависимость от климата уменьшилась. Если раньше первобытный человек вынужден был держаться той климатической полосы, в которой он первоначально развился, т. е. полосы тропических и субтропических лесов, то теперь, благодаря лучшим орудиям, применению огня и мясной пищи, он получил возможность приспособляться к разнообразным климатическим условиям. Человек начал быстро расселяться по земле, следуя по течению рек и морским берегам и уходя все дальше от мест своего первоначального поселения.

Высшая ступень дикости знаменует собой дальнейший прогресс в развитии производительных сил первобытного общества. На этой ступени человек уже начинает применять шлифованные каменные орудия: появляются более усовершенствованные каменные топоры, скребки, кремневые ножи, пилы и т. д.

В Америке, в лесах Восточного Парагвая, до недавнего времени сохранялось племя гуаяков, находившееся на стадии дикости. Гуаяки не знали металлических орудий и пользовались каменными топорами. Изготавливались последние следующим образом: камень шлифовался так, чтобы один край был тонким; затем в стволе молодого дерева делался глубокий надрез и туда вставлялся шлифованный камень; в таком положении камень оставался до тех пор, пока надрез не зарастал и древесные волокна не охватывали камень. Тогда дерево срубалось и получался каменный топор. Чтобы срубить дерево таким топором, нужно затратить колоссальное количество труда. Тем не менее гуаяки умудрялись срубить при помощи каменного топора огромные деревья, достигавшие метра в обхвате.

Главным достижением высшей ступени дикости было изобретение лука и стрел. «Для эпохи дикости, — говорит Энгельс, — лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации, — решающим оружием»¹¹.

Изобретение лука и стрел свидетельствовало о том, что человек накопил некоторый опыт в борьбе с природой и достиг известного умственного развития. Благодаря этому изобретению охота стала одним из основных способов добычи средств существования.

На высшей ступени дикости уже начинается производство деревянных сосудов, плетеных корзин и других предметов. Изготавливаются лодки путем выжигания внутренней части деревьев, после чего обгоревшие части дерева вырубаются каменным топором. Люди начинают строить шалаши, переносные и постоянные жилища. При постройке жилищ уже употребляются бревна и доски.

Так, путем длительного процесса исторического развития первобытное общество вступает в стадию варварства. «Характерным моментом периода варварства, — говорит Энгельс, — является приручение и разведение животных и возделывание растений»¹².

Низшая ступень варварства начинается с изобретения гончарного производства.

Переход к средней ступени варварства в восточных странах ознаменовался приручением животных, а в странах Запада — возделыванием растений. Развитие охоты постепенно привело к приручению животных, к первобытному скотоводству, которое явилось следствием постоянного соприкосновения охотников со стадами животных. Охотники начали приручать диких животных, особенно их детенышей, которые привыкали к своему хозяину и становились домашними.

Одним из первых прирученных животных была собака. В пещерах и в других местах обитания первобытного человека найдены в большом количестве кости собак. Затем началось приручение других животных. Способы приручения животных были чрезвычайно разнообразны. Так, например, среди ненцев и эвенков долго сохранялся способ охоты на оленей, когда для приманки диких самцов-оленей выставлялась прирученная самка. Часто применялся загон стад диких оленей в ущелья или специально устроенные для этого огороженные места. Загнанных животных убивали и съедали. Впоследствии их стали держать в загонах как живой запас мяса. Затем стали использовать оленей и других крупных животных для целей передвижения. Таким образом возникло скотоводство.

Скотоводство на первых порах было теснейшим образом связано с охотой. Постепенно оно становится основным источником

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 30.

¹² Там же.

добычи мясной пищи, а охота отходит на второй план. Дальнейшим шагом в развитии скотоводства явилось возникновение молочного хозяйства. Способы первобытного скотоводства можно было до недавнего времени наблюдать у некоторых отсталых народностей. Так, некоторые племена Африки, желая удержать около своих жилищ газелей, сжигали траву в степи на значительном пространстве и таким образом удобряли почву для произрастания более обильного корма. Обильный корм привлекал газелей, и они постепенно превращались в полудикое стадо. На Севере, у эвенков, скот нередко находится и сейчас в полудиком состоянии и без присмотра пасется в лесу.

Возникновение скотоводства знаменовало собой новый, важный этап в развитии производительных сил. Вначале скотоводство неизбежно было связано с кочевой жизнью. Для скота нужны были пастбища: их приходилось менять, когда они истощались. Кочевая жизнь имела своим следствием, с одной стороны, более частые встречи и развитие отношений между людьми, с другой стороны — усиление столкновений и войн.

Не менее важным шагом в развитии производительных сил первобытного общества явился переход к возделыванию растений и к земледелию.

Земледелие возникло в результате длительной практики борьбы с природой, наблюдения над явлениями природы. Нечаянно просыпав зерна дикорастущих хлебных растений, человек через несколько месяцев находил на этом месте выросшие колосья. Тысячи раз это не производило никакого впечатления на первобытного человека. Но в конце концов связь этих двух явлений установилась в его сознании и возникла мысль использовать ее. Открытие скорее всего могло быть сделано женщинами, которые из-за детей были более привязаны к домашнему очагу и больше занимались собиранием плодов и зерен, чем охотники-мужчины.

Первобытные приемы добывания жизненных средств, как охота, собирание плодов и т. д., по мере развития общества оказывались все более недостаточными. К тому же с увеличением числа людей сокращалось количество свободных земель и уменьшались возможности для бродячей жизни. Совокупность этих факторов привела к возрастанию роли земледелия.

Первоначальные приемы земледелия были грубы, ненадежны. Земледелие велось при помощи крайне примитивных орудий: заостренные палки, мотыги и т. п. Расчистка почвы от леса производилась при помощи каменных топоров, что требовало колоссального количества времени и огромного труда.

Средняя ступень варварства знаменует собой дальнейший прогресс в развитии производительных сил. К достижениям этого периода надо отнести изобретение ткацкого станка, плавку металлических руд и обработку металла (меди, олова, бронзы). В результате развития производительных сил растет материальное

богатство в виде скота, мяса, молока, шерсти, пряжи, тканей, различного рода металлического оружия и пр.

Высшая ступень варварства начинается с плавки железной руды. Появляется плуг с железным лемехом. В качестве тягловой силы начинают применять животных. Рост техники в сельском хозяйстве и применение железного топора создают значительно более широкие возможности для подъема сельскохозяйственного производства.

Применение железных орудий дало толчок к развитию внутри родовой общины различных ремесел. К числу важнейших из них надо отнести прядение, ткачество, плавку и обработку металлов и др. Развитие производительных сил сопровождалось ростом населения.

Греция, какой ее рисует Гомер в «Илиаде», находилась на высшей ступени варварства. Древней Греции этого периода уже знакомы довольно сложные железные орудия, ручная мельница, гончарный круг, обработка металлов, постройка повозок и судов, зачатки архитектуры.

В области сельского хозяйства развиваются маслоделие, виноделие и другие новые отрасли.

Таков путь, пройденный первобытным обществом в развитии производительных сил.

2. Производственные отношения первобытного общества

Производственные отношения первобытного общества имеют в своей основе общественную собственность на средства производства и характеризуются коллективным производством и уравнительным распределением.

Общественная собственность на средства производства в первобытном обществе была следствием коллективного труда, который в свою очередь обуславливался крайне низким уровнем производительных сил и слабой вооруженностью первобытного человека в борьбе с окружающей природой. В этой слабой вооруженности и заключалась наиболее важная особенность первобытнообщинного строя.

В самом деле, орудия производства были крайне примитивны и в большинстве случаев применялись в индивидуальном порядке. По своему характеру они не требовали обобществленного труда, в отличие от современных орудий — машин, станков, которые могут быть использованы только в условиях крупного производства, в условиях общественного труда многих людей. Но именно в силу своей примитивности орудия труда настолько слабо вооружали первобытного человека, что не могли обеспечить его существования в условиях обособленного хозяйствования, индивидуальной добычи предметов потребления. Эта «слабость обособленной личности», эта крайне незначительная вооруженность человека и вызывали необходимость в коллективном, общем труде, а общий

труд создавал необходимость в общественной собственности на средства производства.

Какие же средства производства находились в общественной собственности первобытных людей? Прежде всего земля, которая была важнейшим условием существования первобытного общества.

На ранних ступенях развития первобытнообщинного строя, когда первобытные люди вели бродячий образ жизни, общность земельной собственности распространялась на территории, где они коллективно занимались собиранием плодов и корней, а также охотой на мелких животных. Из-за территории для охоты нередко велась борьба не на жизнь, а на смерть между бродячими охотничьими группами. Люди в этот период обосновывались на той или иной территории временно, до тех пор, пока она могла служить им местом для охоты и источником растительной пищи.

С развитием земледелия и переходом к оседлому образу жизни общность земельной собственности приобретает более прочную основу и распространяется на территорию, занимаемую первобытной общиной. Помимо земли еще ряд средств производства находился в общественной собственности: лодки, плоты и т. д., то же относится к жилищам.

Общественная собственность на землю и другие средства производства сначала ограничивалась весьма узкими рамками бродячих охотничьих групп, а затем рамками первобытной общины.

Наряду с общинной собственностью существовала личная собственность на некоторые орудия производства, являвшиеся вместе с тем орудием защиты от хищных зверей. Это относится к тем орудиям, которые рассчитаны исключительно на индивидуальное употребление, как томагавк у индейца или бумеранг у австралийского дикаря. В условиях первобытного общества человеку на каждом шагу грозила опасность нападения хищных зверей или враждебных групп людей, и он должен был в любой момент быть готовым защищать свою жизнь с оружием в руках.

Личную собственность, существовавшую в первобытном обществе, нельзя смешивать с частной собственностью. Последняя неразрывно связана с частным производством и частным присвоением. Она порождает конкуренцию между частными собственниками, ведет к обогащению одних и разорению других, к возникновению эксплуатации человека человеком. Личная собственность в условиях первобытного общества не связана с частным производством и не порождает эксплуатации человека человеком.

Таковы были отношения собственности, составлявшие основу производственных отношений первобытного общества.

Производственные отношения первобытнообщинного строя характеризуются простым сотрудничеством, простой кооперацией.

В одном из примечаний к I тому «Капитала» Маркс пишет, что Ленгэ не без основания называет охоту первой формой кооперации. Простая кооперация имела огромное значение в жизни

первобытных людей. Она делала осуществимыми мероприятия, которые одному человеку были не под силу. Примитивные орудия, которыми располагал первобытный человек, были совершенно недостаточны для борьбы с такими крупными животными, как мамонт, носорог и т. д. Охота на мелких животных также не могла быть успешной вне коллектива.

Примеры коллективных способов борьбы первобытного человека за свое существование можно было наблюдать до недавнего времени в Австралии и некоторых других странах. Так, в Австралии в охоте на кенгуру принимало участие нередко целое племя. Охота производилась обычно таким образом: женщины и дети взбирались на холмы, поднимали шум и крик и гнали кенгуру вниз, в долину. Внизу, в высокой траве, на небольшом расстоянии друг от друга прятались мужчины-охотники. Когда кенгуру пробегали мимо охотников, те поднимались из своей засады и поражали их копьями. Охота на мелких животных, обитающих в густых кустарниках, производилась также коллективно. На опушке кустарника против ветра строилась загородка, в которой имелись отверстия. У этих отверстий становились охотники, вооруженные копьями и дубинками. С противоположной, подветренной, стороны женщины и дети сразу во многих местах зажигали огонь. Животные, населяющие кустарники, устремлялись в сторону от огня, но там они встречали загородку и старались проскочить в оставленные отверстия, где их ждала смерть от копья или дубинки.

Те же коллективные способы применялись и в рыбной ловле. Так, в Австралии рыбная ловля проводилась при помощи копей из твердого дерева около 6 футов длиной, с острым наконечником. Ловля проводилась партиями рыболовов в количестве от 40 до 60 человек. Располагаясь полукругом, рыболовы со своими копьями одновременно погружались в воду и поражали ими крупных рыб. Таким путем в течение часа удавалось поймать до 10 и больше крупных рыб.

Средняя ступень варварства ознаменовалась в восточных странах приручением животных, а в странах Запада — возделыванием растений. Однако орудия земледельческого труда и способы земледелия на этой стадии были еще чрезвычайно примитивны и потому требовали сохранения коллективных форм труда.

Огромного труда требовали прежде всего расчистка и подготовка почвы для посева. Путешественник Гумилла рассказывает, как индейцы вырубали леса в Южной Америке при помощи каменных топоров, затрачивая на это огромное количество времени. «Я спросил их, сколько времени им нужно на то, чтобы срубить одно из этих деревьев? Они ответили, что употребляют две луны на то, что мы делаем в один час обыкновенным топором...»¹³.

¹³ Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Соцэкгиз, 1937, стр. 34.

Интересный пример первобытного земледелия приводит Миклухо Маклай. Обработка земли, по его описанию, производилась следующим образом: мужчины глубоко втыкали заостренные палки в землю и потом одним взмахом поднимали большую глыбу земли. За мужчинами следовали женщины, которые такими же заостренными палками размельчали поднятую мужчинами землю. За ними шли дети различного возраста и растирали землю руками. После этого женщины при помощи маленьких палочек делали небольшие углубления в земле и зарывали в них семена или корни растений.

О коллективном характере земледелия, господствовавшем некогда у первобытных народов, говорят многочисленные пережитки способов коллективной обработки земли, сохранявшиеся до недавнего времени у многих народов. Зибер в книге «Очерки первобытной экономической культуры» приводит сообщение Уоласа о том, что в деревнях Северного Целебеса кофейные плантации и рисовые поля обрабатываются сообща. Начальник и несколько стариков решают, в какие дни недели требуется работать на них, и гонг бьет в 7 часов утра сбор рабочим. Мужчины, женщины и дети совместно работают по очистке сорных трав, сбору кофе и жатве риса; сколько часов работало каждое семейство, этому ведется счет, и когда собрана жатва, каждый получает соответствующую долю.

В условиях первобытного общества преобладало разделение труда по полу и возрасту. Энгельс, характеризуя первобытное общество, указывает, что разделение труда в этом обществе «... чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добывает продукты питания в сыром виде и изготавливает необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята приготовлением пищи и одежды — варит, ткет, шьет. Каждый из них — хозяин в своей области: мужчина — в лесу, женщина — в доме»¹⁴.

У американских ненцев мужчины посвящают свое время главным образом рыбной ловле и охоте. «На женщину, — пишет Тан-Богораз, — падало все, что было связано с оседанием, — жилище, домашний очаг, приготовление пищи и одежды, а главное заготовка производственных запасов на долгое зимнее время и вообще всяческая утилизация продуктов охоты»¹⁵.

Разделение труда по полу и возрасту возникает на самых ранних ступенях общественного развития. Об этом свидетельствует дифференциация каменных орудий, которая встречается очень рано. «Видами орудий, — пишет П. П. Ефименко, — мусть-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 159.

¹⁵ «Вопросы истории доклассового общества». М., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 250.

ерская ¹⁶ индустрия даже в позднее время еще весьма небогата: бедность и однообразие инструментов придают ей поэтому достаточно примитивный характер. Она знает, в сущности, только два орудия законченной формы, которые более или менее постоянно встречаются в стоянках позднего мустье, — это т. н. мустьерский острокопчик... и скребло...» ¹⁷. Наличие этих двух типов орудий П. П. Ефименко объясняет разделением труда между мужчинами и женщинами.

Развитие производительных сил первобытного общества находит свое выражение в дальнейшем росте разделения труда по полу и возрасту. Женщины все более посвящают себя домашнему хозяйству и добыче растительной пищи, а мужчины — охоте, рыбной ловле и т. д. Старики специализируются на производстве орудий. Так, у австралийцев старики были монополистами в изготовлении орудий, которыми они снабжали всех членов племени.

Это объясняется тем, что для производства орудий требовался опыт, которого не было у молодежи. Дети помогали женщинам. Когда же мальчики достигали юношеского возраста, они переходили к занятию охотой.

Первобытнообщинное хозяйство было хозяйством натурального типа. Вначале обмен был случайным явлением. Энгельс связывает возникновение обмена со случайным разделением труда в производстве каменных орудий.

Нужду в каменных орудиях испытывали главным образом те группы первобытных людей, которые населяли местности, бедные камнями, годными для обработки.

С возникновением земледелия и скотоводства появляется первое крупное общественное разделение труда — между земледельческими и скотоводческими племенами. Вместе с тем обмен, который до сих пор был случайным явлением, принимает все более регулярный и систематический характер.

Низкий уровень производительных сил при наличии общей собственности на продукты труда вызывал уравнилельное распределение. При скудости предметов потребления всякое нарушение принципа уравнилельности неизбежно обрекало часть членов рода на голодную смерть и вело к разрушению коллектива. А только в коллективе, как мы видели, первобытный человек мог отстаивать свое существование в борьбе с окружающей природой. Поэтому принцип уравнилельности в распределении свято соблюдался первобытным человеком.

¹⁶ Мустьерская культура (по названию грота на р. Везере во Франции) — последний этап нижнего палеолита — иногда относится к среднему палеолиту.

В технике выделки кремневых орудий характерно употребление больших треугольных пластин, из которых выделялись большие скребла и острокопчики для обработки шкур, дерева и т. п. — К. О. ¹⁷ П. П. Ефименко. Дородовое общество. Соцэкгиз, 1934, стр. 186.

По свидетельству путешественников, у австралийцев существовал такой обычай: если кто-либо из охотников возвращался с охоты с пустыми руками, то он наряду со всеми занимал свое место у огня, на котором готовили пищу; при этом другие, более удачливые охотники, протягивали ему куски мяса, которые он принимал без всяких признаков признательности. Ле-Валльян рассказывает следующий интересный случай уравнительного распределения, который он наблюдал в Южной Африке. Племя каминкоев явилось к нему в лагерь. Он решил поднести своим гостям водки, но водки на всех не хватило и «...потому он предложил по стакану только начальнику и тем, кто по внешнему виду и возрасту казался ему более других достойным уважения; каково же было его удивление, когда он заметил, что они удерживали жидкость во рту, не проглатывая ее, а потом все приблизились к своим товарищам, не получившим ее, стали переливать ее изо рта в рот, подобно тому как птицы небесные кормят друг друга из клюва в клюв»¹⁸.

Морган, наблюдавший жизнь индейцев в Америке, также отмечает коллективное присвоение продуктов труда и их коллективное потребление. «Где бы ни установилось господство родовой организации, — говорит он, — мы видим, как правило, что отдельные семьи, связанные между собой близкими родственными отношениями, объединяются в общие домохозяйства и устраивают общий запас продовольствия, добытого рыбной ловлей, охотой и культурой маиса и других растений. Семьи эти строили общинные дома, достаточно обширные для размещения нескольких семейств, и можно считать общим явлением, что во всех частях Америки туземного периода люди жили не отдельными семьями в отдельных домах, а обширными многосемейными домохозяйствами»¹⁹.

Одним из пережитков уравнительного распределения является широко распространенный у всех народов обычай гостеприимства. Этот обычай был одним из видов взаимопомощи, некоторого уравнивания в деле обеспечения средствами потребления первобытных людей.

Обычай гостеприимства в условиях суровой тундры играл большую хозяйственную роль в жизни ненцев. Не будь такого обычая, путешествие по малозаселенной тундре, с селениями, находящимися на огромных расстояниях друг от друга, было бы в высшей степени затруднено.

Интересно также отметить, что у ненцев существует обычай оставлять в определенных местах тундры запасы, которые считаются всеобщим достоянием.

Расмуссен, проживший много лет в Гренландии, пишет по

¹⁸ Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры, стр. 120.

¹⁹ Л. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 42.

этому поводу: «Мясные запасы, оставленные на тундре, назначены вообще для путешественников. Они разбросаны повсюду так, что, в конце концов, в более населенных округах не надо брать особых дорожных запасов. Везде что-нибудь найдешь. Мясо спрятано под огромными камнями, дающими защиту от медведей и лисиц» ²⁰.

Усовершенствование орудий труда и рост производительных сил привели к тому, что в уравнительном распределении пробивалась одна брешь за другой. Так, в результате изобретения лука и стрел преимущественное право на присвоение лучших частей убитого животного получал тот охотник, чья стрела первой попала в животное. «Чья стрела впервые попала в морского медведя, тот получает половину шкуры и внутренности и, сверх того, имеет право другую половину шкуры отдать любому сотоварищу по охоте; тот, чья стрела была вторая, получает шею и прочие внутренности; третья стрела дает право на пузырь, четвертая и пятая на передние, шестая и седьмая на задние плавники. Мясо же разделяется между всеми, принимающими участие в охоте, поровну» ²¹.

При крайне низком уровне производительных сил первобытные люди не могли бы успешно бороться с природой, если бы они не были объединены на основе общинной собственности и коллективного труда. Однако нельзя забывать, что у первобытного человека еще чрезвычайно слабо была развита способность познавать законы природы и постигать «... как более близкие, так и более отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход» ²². Что же касается отношений между племенами, то там господствовала стихия звериной борьбы за существование.

Первобытнообщинные производственные отношения, возникнув на крайне низком уровне производительных сил, открывали известный простор для развития последних. Те возможности развития производительных сил, которые были заложены в первобытнообщинном способе производства, заключались в коллективном труде, в простой кооперации. Коллективно борясь за существование, первобытные люди стремились к удовлетворению своих элементарных потребностей.

Стремление к удовлетворению потребностей и было тем стимулом, который толкал первобытных людей на путь развития производства материальных благ.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» подчеркивают, что «... первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения ... потребностей...

²⁰ «Вопросы истории доклассового общества». М., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 225.

²¹ Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры, стр. 161.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 496.

Второй факт состоит в том, что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное оружие удовлетворения ведут к новым потребностям. . . » ²³.

Простая кооперация как форма совместного труда повышала энергию первобытных людей. Имея в виду простую кооперацию, Маркс говорит: «... уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии... увеличивающее индивидуальную производительность. . . » ²⁴.

Наконец, помимо повышения дееспособности отдельного человека, простая кооперация создавала новую производительную силу, которая была производительной силой объединенного общественного труда многих людей.

Таковы были движущие силы и возможности развития производительных сил, заложенные в производственных отношениях первобытнообщинного строя.

Развитие производительных сил в первобытном обществе совершалось крайне медленно. Господствовала рутина, сила традиции. Однако под активным воздействием коллективного труда производительные силы хотя и очень медленно, но все же росли, вызывая необходимость соответствующих изменений и в системе производственных отношений.

3. Родовое устройство первобытного общества

Первобытные люди жили родами. Энгельс в предисловии к своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» рассматривает семейно-родовые отношения в первобытном обществе, наряду с производством материальных благ, как фактор, определяющий общественное устройство.

«Согласно материалистическому пониманию, — пишет он в этом предисловии, — определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей» ²⁵.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 26—27.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 337.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 25—26.

Человек лишь постепенно, в результате долгой эволюции выделился из животного мира. Этот величайший в истории скачок связан с производством орудий. Производство орудий является решающим признаком человеческого общества, отличающим его от мира животных.

До возникновения человеческого общества орудия труда не играли решающей роли в жизни наших человекоподобных предков.

На этом этапе и отношения самцов к самкам, равно как и отношения тех и других к их детенышам, не зависели от уровня производительных сил и, в частности, от орудий труда, а определялись общими естественными и материальными условиями их существования. Но с возникновением человеческого общества производительные силы и прежде всего орудия труда начинают играть решающую роль в развитии общественных отношений и в том числе семейных отношений.

Маркс в I томе «Капитала» пишет: «...всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек»²⁶.

Отсюда следует, что первобытнообщинный способ производства имел свои особые законы населения, которые определялись достигнутым уровнем производительных сил. Так, существовавший у многих дикарей обычай убийства стариков, слабых детей и т. д. является формой приспособления населения к крайне низкому уровню производительных сил первобытного общества. Следовательно, не семейно-родовые отношения играли определяющую роль в устройстве первобытного общества, а производительные силы и прежде всего орудия труда определяли соответствующую им систему общественно-производственных отношений — экономический базис первобытного общества, а последний в свою очередь определял все другие стороны общественной жизни, в том числе и семейно-родовые отношения.

До возникновения рода первобытные люди жили стадами. Переход к родовому строю был вызван развитием орудий труда, ростом производительных сил, который создавал почву для расширения трудовых связей между людьми.

Вначале возник материнский род. Род возглавляла общая пра-родительница. Это объяснялось господствующей ролью женщины в первобытном обществе. Женщины занимались добычей растительной пищи и, в частности, примитивным земледелием, а также коллективным домашним хозяйством, имевшим чрезвычайно большое значение в жизни первобытного общества. «Коммунистическое домашнее хозяйство, — говорит Энгельс, — в котором все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 646.

роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам, служит реальной основой... повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщины...»²⁷

Отзвуки этих отношений мы находим в обычаях, верованиях, мифах всех народов земного шара.

Господство примитивных форм земледелия и сохранение коллективного домашнего хозяйства означает сохранение господствующей роли женщины в первобытном обществе. Дальнейший рост производительных сил, в частности переход к скотоводству и земледелию, вызвал смену материнского рода патриархальным, где господствующая роль принадлежала уже мужчине.

Род объединял в своих рядах людей, ведущих общее хозяйство и связанных между собой общностью происхождения от одной прародительницы или прародителя.

Родовой строй не знал неравенства и эксплуатации. Ярким примером такой организации является племя ирокезов в Америке. Племя распадалось на восемь родов, каждый из которых имел выборного старшину (сахема) и военачальника. Должность сахема была сменяемой, совет или род могли сменить его в любое время. Между членами рода существовала тесная спайка и солидарность. За каждое нанесенное оскорбление или причиненный кому-нибудь из членов рода вред мстил весь род. Совет рода представлял собой демократическое собрание взрослых членов, куда на равных правах допускались как мужчины, так и женщины. Роды объединялись во фратрии.

Фратрии выполняли функции общественного и религиозного характера. Совет фратрий утверждал выборы сахема, устраивал общие религиозные праздники. В случае убийства, если убитый и убийца принадлежали к разным фратриям, для улаживания конфликта созывались советы обеих фратрий. Союз фратрий составлял племя.

Племя обладало своей территорией, в которую входили места поселения, а также значительные пространства для охоты и рыбной ловли. Оно имело свое наречие. Племя пользовалось правом вводить в должность сахемов и военачальников, избранных родами, а также смещать их, даже вопреки желанию рода. Общими делами племени руководил племенной совет, состоявший из сахемов и военачальников родов. Племенной совет занимался регулированием отношений с другими племенами, от него зависело объявление войны и заключение мира. Некоторые племена возглавлялись старшиной, который в случае необходимости имел право принимать экстренные меры до того, как совет соберется и примет окончательное решение.

Необходимость коллективной борьбы за существование воспитывала в первобытном человеке чувства братства и солидарности по отношению к членам своего рода и племени.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 53.

Если отношения между людьми внутри племени основывались на братстве и равенстве, то в отношениях между племенами господствовала звериная борьба за существование. Родовой строй соответствовал низкому уровню производительных сил, крайне неразвитому производству. Энгельс говорит: «Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла... Все, что было вне племени, было вне закона. При отсутствии заключенного по всей форме мирного договора царила война между племенами, и эта война велась с той жестокостью, которая отличает человека от остальных животных... Родовой строй ... предполагал крайне неразвитое производство, следовательно, ... почти полное подчинение человека враждебной противостоящей и непонятной ему окружающей природе...»²⁸

4. Общественные представления первобытных людей

Мышление первобытного человека было до крайности примитивно, язык беден. Первобытные люди, не умея объяснить явления окружающей их природы, приписывали им всевозможные сверхъестественные свойства, населяли природу злыми и добрыми духами. Все это в конечном счете отражало крайне низкий уровень производительных сил.

«...всякая религия, — говорит Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»²⁹.

Это приводит к тому, что выработанные тысячелетиями борьбы с природой способы добычи средств существования и их распределения приобретают характер религиозных предписаний.

С этой точки зрения большой интерес представляет тотемизм. Тотем — это название животного, покровителя рода. Племя разбивается на роды, которые носят имя животных: змеи, волка, медведя, оленя, кенгуру, эму и т. д. Члены рода, носящие имя какого-либо животного, не только не могут его убивать, но должны всячески его оберегать. Без разрешения тотемной группы, носящей имя того или иного животного, допустим кенгуру, другие тотемные группы не имеют права на него охотиться. Разрешение это дается вождем тотемной группы после соответствующих религиозных обрядов и с таким расчетом, чтобы предупредить возможность хищнического истребления этого животного.

По предположению ученого — Фрезера, первоначально группы, носящие имя того или иного тотема, допустим кенгуру, охотились на кенгуру, убивали их как для себя, так и для остальных тотемных групп, входящих в племя. При новых религиозных

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 99.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 328.

порядках тотемной группе запрещается убивать тотема. Так, группа гусеницы совершает всевозможные заклинания и религиозные обряды, якобы способствующие размножению гусениц. Однако этими гусеницами пользуются представители других тотемных групп.

Следовательно, в данном случае под религиозным культом скрывается своеобразное разделение труда, имеющее своей целью упорядочить пользование животными, предохранить их от хищнического истребления. Выработанная на практике целесообразная система добычи средств существования приняла форму религиозных предписаний.

Религиозное сознание не только является продуктом экономического и общественного развития, но и оказывает обратное воздействие на экономическое развитие.

Способы добычи и распределения средств потребления, принявшие окостеневшие формы религиозных предписаний и обрядов, в нашем примере предохраняли животных, необходимых для существования первобытных людей, от хищнического истребления. В то же время религиозные предписания, отражающие пройденную ступень экономического развития, превращаются в косную, консервативную силу, тормозящую переход к более усовершенствованным способам борьбы за существование. Косность, застойность, господство тысячелетних традиций и обычаев, предубеждение против всего нового — таковы характерные черты сознания и идеологии первобытного общества.

Рост производительных сил в конце концов пробивает дебри тысячелетних традиций, окостеневших в религиозных предписаниях и обрядах, и делает возможным дальнейшее поступательное движение вперед. С зарождением индивидуального производства и частной собственности на средства производства начинает меняться и сознание людей, а вместе с ним и религиозная надстройка.

5. Разложение первобытнообщинного строя.

Возникновение частной собственности и эксплуатации человека человеком

На первых этапах существования первобытнообщинного строя производственные отношения, основанные на общественной собственности на средства производства, открывали известный простор для развития производительных сил, двигали их вперед.

Но противоречие первобытного общества заключалось в том, что коллективный характер производства, господствовавший здесь, был результатом не обобществления средств производства, а слабости обособленной личности, ее крайне слабой вооруженности в борьбе с природой. Орудия труда были настолько грубы и примитивны, что в условиях индивидуального производства, основанного на частной собственности на средства производства, они не могли обеспечить существование человека. Рост производительных сил, совершившийся под активным воздействием первобытно-

общинных производственных отношений, должен был на известном этапе породить тенденцию к развитию частной собственности на средства производства.

Решающую роль в этом процессе сыграло усовершенствование орудий труда. Возьмем для примера земледелие.

Возникшее еще на средней ступени варварства земледелие на первых порах велось при помощи мотыги и других примитивных орудий, которые допускали только применение коллективных методов обработки земли. С переходом на высшую ступень варварства, когда появились металлические орудия и в качестве тягловой силы в земледелии начали применяться животные, методы эти коренным образом изменились. Обработка участка с помощью сохи, которую тянул вол, не требовала уже коллективного труда двух-трех десятков человек. Благодаря повышению производительности труда земля стала давать больший урожай. Производительные силы первобытного общества, в частности такой важный их элемент, как орудия труда, развились настолько, что стало возможным индивидуальное производство отдельной семьи. Это и было основной причиной установления частной собственности на средства производства.

С этого момента производственные отношения первобытного общества, имевшие в своей основе общественную собственность на средства производства, с их естественным разделением труда по полу и возрасту, с родовым устройством превратились из фактора, содействующего развитию производительных сил, в оковы этого развития. Дальнейший рост производительных сил требовал упразднения родового устройства первобытного общества, ограничивавшего рамки кооперации труда пределами рода, мешавшего расширению экономических связей между людьми.

Частная собственность на средства производства и эксплуатация человека человеком зарождаются еще на средней ступени варварства, когда возникают скотоводство и земледелие. Первоначально частная собственность распространяется на орудия труда, оружие, украшения и на скот. Значительно позднее возникает частная собственность на землю. На первых порах это скорее обособленное владение, чем частная собственность в полном смысле этого слова.

До появления земледелия и скотоводства имущество первобытных людей состояло главным образом из одежды, домашней утвари, грубых украшений. Способы добывания пищи были различные: сбор плодов и корней растений, охота, рыбная ловля. Существование первобытного человека было слабо обеспечено.

Переход к земледелию, и особенно к скотоводству, создал более надежный источник существования. Так, у пастушеских племен появились стада лошадей, ослов, рогатого скота, овец, коз и т. д. Благодаря обладанию стадами, которые требовали сравнительно небольшого ухода и быстро размножались, пастушеские племена имели возможность регулярно получать молочную и мяс-

ную пищу. Все прежние способы добычи средств существования отошли на задний план, уступив место скотоводству и земледелию.

Сначала все это богатство принадлежало роду. «Однако уже рано, — говорит Энгельс, — должна была развиться частная собственность на стада. Трудно сказать, являлся ли в глазах автора так называемой Первой книги Моисея патриарх Авраам владельцем своих стад в силу собственного права как глава семейной общины или же в силу своего положения фактически наследственного старейшины рода. Несомненно лишь то, что мы не должны представлять его себе собственником в современном смысле этого слова. И несомненно, далее, что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов»³⁰.

Таким образом, зародышем частной собственности явилось обособленное владение главы семейства различными предметами домашнего обихода и роскоши, а также скотом и рабами.

Громадную роль в развитии частной собственности и эксплуатации человека человеком сыграли общественное разделение труда и обмен, явившиеся в свою очередь выражением роста производительных сил.

Переход к скотоводству и земледелию породил первое крупное общественное разделение труда — между пастушескими и земледельческими племенами. Уже земледелие сильно повысило производительность труда. Еще в большей степени это относится к скотоводству.

Излишек молочных и мясных продуктов пастушеские племена начали обменивать на земледельческие продукты, производившиеся племенами, занимавшимися по преимуществу земледелием. Первоначально обмен производился между племенами при посредстве старейшин, вождей. При этом вначале старейшины выступали только как представители своего племени. Впоследствии они стали присваивать себе право собственности на продукты, идущие на продажу, или же облагали их пошлиной в свою пользу. Так в родовые общины начала проникать частная собственность. Прежде всего это относится к скотоводческим племенам. Стада из общей собственности всего племени начали переходить в собственность старейшин.

Отзвуками подобных отношений являются многие обычаи, которые долгое время сохранялись в быту индейцев, малайцев и других народов.

Так, у индейцев Чили был такой порядок торговли. Торговцы, чтобы получить разрешение на торговлю, должны были обратиться к старейшине селения и сделать ему подарки. После этого

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 57—58.

старейшина ударом в барабан созывал индейцев к своему дому, и начиналась торговля. Индейцы выбирали необходимые им вещи: топоры, ножи, зеркала и т. д., договаривались о цене и уносили вещи к себе. Перед окончанием торговли старейшина при помощи барабана извещал о том, что индейцы должны произвести расплату за купленные вещи.

У малайцев продажу слоновой кости, камфары, золота и пр. некоторые старейшины разрешали только после уплаты пошлины в их пользу.

Обмен первоначально носил характер непосредственного обмена одного продукта на другой — без посредства денег.

Дальнейшее развитие обмена привело к тому, что из многих товаров начали выделяться отдельные товары, выступавшие в роли денег. Так, у многих народов роль денег выполнял скот как наиболее распространенный товар.

Рост меновых отношений ускорил развитие частной собственности и разложение родовой общины. Род распадается на ряд больших семейств, которые обособляются и начинают самостоятельно заниматься добыванием средств существования.

Глубокие сдвиги, происшедшие в экономике первобытного общества, повлекли за собой соответствующие изменения в области семейных отношений.

По мере развития скотоводства и земледелия и перехода к металлическим орудиям роль домашнего хозяйства, которым занималась женщина, все более снижалась, а роль мужчины в хозяйстве чрезвычайно возрастала. В результате материнское право было ниспровергнуто. Это «было, — по выражению Энгельса, — всемирно-историческим поражением женского пола».

Возникла патриархальная семья, которая означает организацию «... известного числа лиц, свободных и несвободных, в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи»³¹. Патриархальная семья включает в свой состав несколько поколений, происшедших от общего прародителя. Они ведут общее хозяйство, живут одним двором, питаются и одеваются из общих запасов.

Первоначально частная собственность на средства производства и предметы потребления возникает в форме собственности на них отдельных семей.

Совокупность отдельных самостоятельных семей образовывала сельскую общину, в основе которой лежали уже не родовые отношения, а хозяйственные и территориальные.

Сельская община по своей природе двойственна. С одной стороны, в ней сохранились остатки общественной собственности, главным образом в виде общей собственности на землю. Луга, леса, выгоны для скота находились в общем пользовании. Пахотная земля хотя и была поделена между отдельными семьями, однако не являлась частной собственностью этих семей, а находи-

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 61.

лась в их временном пользовании и периодически подвергалась переделам. С другой стороны, каждая семья в сельской общине вела свое частное, индивидуальное хозяйство на основе частной собственности на средства производства. Усадьба, земля, дом, надворные постройки, сельскохозяйственный инвентарь, скот — все это находилось в частной собственности семьи. Таким образом, здесь налицо уже индивидуальное производство и соответствующее ему частное присвоение. Эта двойственность — сочетание общественной собственности с растущим господством индивидуального производства и частной собственности — вела к разложению общины. Частная собственность породила имущественное неравенство. Одни семьи богатели, другие разорялись. Земля также постепенно начала переходить в частную собственность.

К этому же периоду относится и возникновение рабства. Первобытным людям, стоявшим на стадии дикости и низшей ступени варварства, раб не мог принести пользы, так как труд был настолько малопродуктивен, что не создавал еще заметного избытка над расходами по содержанию раба. С переходом к скотоводству и земледелию положение в корне изменилось. Труд человека стал давать прибавочный продукт. Возник спрос на рабочую силу, «... в особенности, — как говорит Энгельс, — после того как стада окончательно перешли во владение семей... Семья увеличивалась не так быстро, как скот. Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей; для этой цели можно было воспользоваться взятым в плен врагом, который к тому же мог так же легко размножаться, как и скот»³².

В результате более богатые семьи и стали превращать в рабов сначала военнопленных, а позднее и собственных сородичей-бедняков. Общество впервые разделилось на два класса: эксплуататоров и эксплуатируемых, рабовладельцев и рабов. Человечество вступило в новую длительную эпоху своего существования — эпоху классовых антагонистических формаций.

6. Критика антинаучных взглядов на первобытное общество.

Фашистская фальсификация истории первобытнообщинного строя

Первобытнообщинный строй, существовавший у всех народов, является первой социально-экономической формацией, необходимой и неизбежной ступенью в развитии общества. Этот строй представляет собой исходный пункт всего дальнейшего развития человечества. Первобытнообщинному строю человечество обязано своими первыми открытиями и изобретениями, благодаря которым человек смог выделиться из животного царства. Только общий, коллективный труд, базировавшийся на общественной собственности на средства производства, помог человеческому обществу пройти тянувшийся десятки тысячелетий пригото-

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 58.

тельный класс обучения борьбе с природой и подняться на более высокую ступень общественного развития.

Но буржуазная ограниченность и классовые интересы заставляют многих ученых с тупым упорством отрицать существование на заре человеческой истории общественной собственности на средства производства и на продукты труда.

Так, Липперт, опираясь на отзывы невежественных миссионеров, утверждает, что у дикарей, в частности у индейцев, ленивые используют результаты трудов прилежных, старшее поколение не заботится о поддержании жизни младшего. Липперт утверждает, что, так только человек добывает орудие труда, тотчас же возникает и частная собственность на это орудие.

Немецкий буржуазный экономист Л. Бюхер рассматривает всю длиннейшую историю развития общества до эпохи низшего земледелия как период индивидуальных поисков пищи, когда отсутствовала хозяйственная деятельность и человек существовал не работая. Замкнутое хозяйство, по Бюхеру, начинается лишь с переходом к оседлости и высшему земледелию, т. е. с периода разложения первобытнообщинного строя.

Утверждение Липперта о лениности первобытного человека, точно так же, как и утверждение Бюхера о том, что первобытные люди не занимались хозяйственной деятельностью и существовали не работая, является совершенной нелепостью.

Ленин, критикуя Булгакова, защищавшего аналогичную точку зрения, писал: «Что первобытный человек получал необходимое, как свободный подарок природы, — это глупая побасенка, за которую г. Булгакова могут освистать даже начинающие студенты. Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»³³.

С другой стороны, факт существования в древности общественной собственности на землю был открыт у всех народов, в самых разнообразных странах и частях света: в Ирландии, России, Америке, Индии и т. д.

Эта всеобщность распространения остатков первобытно-общинных отношений убедительно свидетельствует о том, что некогда через стадию первобытнообщинного строя прошли все народы.

Наряду с теориями, отрицающими существование первобытно-общинных отношений на заре человеческой истории, в литературе о первобытном обществе встречаются попытки идеализации первобытнообщинного строя. Так, некоторые не в меру усердные поклонники первобытнообщинного строя готовы изображать его как планомерно организованный коммунистический строй.

Первобытные люди, как справедливо отмечает Энгельс, в историю вступают «...еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных

³³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 103.

сил; поэтому они были бедны, как животные, и ненамного выше их по своей производительности»³⁴. Разумеется, ни о каком плановом хозяйстве при этих условиях говорить не приходится. Коллективный труд и уравнильное распределение базировались здесь на крайне слабой вооруженности первобытного человека в борьбе с окружающей природой.

Факт существования общественной собственности на средства производства в первобытном обществе в свое время являлся, бесспорно, весьма убедительным доводом, опровергающим измышления буржуазных ученых о вечном существовании частной собственности на средства производства. Не потерял своего значения он и теперь. Но в современных условиях гораздо более убедительным доводом против измышлений буржуазных ученых о вечности частной собственности является факт существования страны социализма, уничтожившей частную собственность на средства производства и утвердившей господство социалистической собственности.

Враги социализма пытаются представить социалистическую собственность на средства производства как шаг назад по сравнению с частной собственностью. Поэтому весьма важно вскрыть глубочайшее различие между общественной собственностью на средства производства в первобытном обществе и социалистической собственностью, составляющей экономическую основу социалистического способа производства, осуществленного в СССР.

Попытки модернизации первобытнообщинного строя, перенесения на него черт современного коммунизма являются грубейшей ошибкой, насилием над исторической действительностью.

Первобытнообщинный строй был порожден крайне низким уровнем производительных сил, рабской зависимостью человека от стихийных сил природы. Социализм строится на основе высших достижений науки и техники и открывает исключительные возможности расцвета производительных сил.

Первобытнообщинный строй характеризовался бедностью и нищетой, крайним недостатком в предметах потребления. Социализм несет человечеству изобилие предметов потребления, колоссальный подъем материального и культурного уровня трудящихся и на место принципа уравнильности ставит принцип «от каждого по способностям, каждому по труду».

Первобытнообщинный строй не знал еще эксплуатации человека человеком, но в то же время первобытный человек был рабом природы, борьба с которой поглощала все его время и силы. Социализм означает полное освобождение личности как от оков эксплуатации, так и от оков рабской зависимости от природы, обеспечивает всестороннее развитие всех ее способностей.

Фашистские мракобесы откровенно ставят историю на службу своей империалистической агрессии.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 183.

Их экскурсии в область истории должны «доказать» право фашизма на завоевание всего земного шара.

Главным обоснованием фашистской агрессии служит расовая теория.

Фашисты стараются доказать, что общественная собственность на землю имела место лишь у низших, неполноценных рас, что древние германцы никогда не знали общественной собственности на землю, искони у них будто бы процветала частная собственность.

Это утверждение фашистских фальсификаторов является чистейшим вымыслом, находящимся в вопиющем противоречии с историческими фактами. Описание хозяйственного и общественного быта германцев мы находим у Юлия Цезаря и Тацита. Оба они единодушно отмечают наличие общественной собственности на землю у древних германцев.

Археологические данные также подтверждают существование у древних германцев общинного строя. При раскопке древнегерманских поселений обнаружены большие дома, свидетельствующие о ведении древними германцами общего домашнего хозяйства, общие навесы для скота, который находился на коллективном содержании, общинные хлебные печи и т. д.

Однако фашисты не ограничиваются фальсификацией истории древних германцев. Они открыто выдвигают лозунг возврата назад, к варварству.

Так, Шпенглер утверждает, что первобытное варварство, скрытое в течение столетий, теперь вновь пробуждается. Созидателем новой человеческой культуры является новый германский человек — хищный зверь.

Гитлер, по свидетельству Раушнинга, заявил, что «всеобщее образование это яд». Гитлер убеждал немцев в том, что они «вправе» уничтожать миллионы людей, ибо в прошлые времена за победителями признавали полное право истреблять племена и целые народы.

Вся пропаганда фашистов, вся их лженаука будили в германском народе хищного жестокого зверя, чтобы он мог со спокойной совестью насиловать женщин, убивать стариков и детей, подвергать нечеловеческим пыткам раненых и пленных. Таков смысл фашистской проповеди возврата человечества к временам первобытного варварства.

Рабовладельческий строй

1. Возникновение рабства

Развитие производительных сил первобытнообщинного строя привело к возникновению рабства.

Первым условием возникновения рабства явился такой уровень производительных сил, который обеспечивал возможность

получения прибавочного продукта. Земледелие и скотоводство, а также применение железных орудий повысили производительность труда настолько, что стало возможным извлечение прибавочного продукта.

Второе условие возникновения рабства — имущественное неравенство. Чтобы содержать раба, нужно было иметь излишек предметов потребления, а чтобы заставить его работать, необходим был излишек средств производства. И то и другое имелось только у более богатых людей. Рост производительных сил, нашедший свое выражение в первом крупном общественном разделении труда — между пастушескими и земледельческими племенами, а также в развитии обмена и возникновении частной собственности, породил имущественное неравенство — деление на богатых и бедных.

Рабство носило на первых порах патриархальный характер. Отличительная черта патриархального рабства состояла в том, что рабский труд еще не стал основой всего хозяйства. Раб был лишь подсобной силой, помощником хозяина. Последний вместе со своей семьей непосредственно участвовал в производстве. Эксплуатация раба носила в то время еще сравнительно ограниченный характер.

Превращение патриархального рабства в рабовладельческую формацию связано с дальнейшим ростом производительных сил.

Дальнейшее развитие производительных сил приводит к возникновению обработки металлов, к созданию железных орудий. Наступает время железного меча, плуга и топора. Развиваются ремесла.

В результате возникает второе крупное общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия.

С отделением ремесла от земледелия было связано возникновение товарного производства, т. е. производства непосредственно для обмена.

Вместе с тем развилась торговля не только между племенами и внутри них, но и внешняя морская торговля. Развитие торговли в свою очередь привело к возникновению металлических денег.

Появилась новая экономическая сила, обладание которой давало и богатство и власть.

Результатом этого явилось третье крупное общественное разделение труда — выделился класс купцов.

С появлением денег и развитием товарно-денежного хозяйства возникло ростовщичество, а вместе с ним долговая кабала и разорение мелких производителей.

Рядом с богатством, заключающимся в товарах и рабах, появляется новое богатство — земля. Земля превратилась в частную собственность, ее можно было продавать и закладывать. Быстро росла ипотека, отчуждение земли за долги и разорение крестьян.

Таким образом совершался процесс концентрации и централизации богатств в руках немногочисленного класса богатых, а вместе с тем возрастала масса бедноты.

Развитие товарно-денежных отношений явилось результатом роста производительных сил, роста общественного разделения труда.

Рост товарно-денежных отношений дал в свою очередь сильный толчок дальнейшему развитию рабства, в значительной степени ускорил процесс превращения патриархального рабства в рабовладельческую формацию.

В этом отношении большую роль сыграл расширившийся рынок. Возможность продажи на рынке прибавочного продукта труда рабов, возможность превращения его в деньги толкала рабовладельца на путь расширения границ применения рабского труда и всемерного усиления эксплуатации рабов. Эксплуатация массы рабов стала основой существования новой рабовладельческой формации.

Первыми рабами были военнопленные. По мере того как рабство становилось постоянным, привычным явлением и росло имущественное неравенство, богатые начали превращать в рабов и своих соплеменников. Главным средством закабаления была задолженность. Кредитор имел право превратить неисправного должника в раба, продать его и т. д.

Появление классов рабовладельцев и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых, рост имущественной дифференциации, деление на богатых и бедных означали возникновение внутри рода антагонистических классовых противоречий. Вместе с развитием товарного производства растет стремление к приобретению богатства. Богатства одних племен вызывают жадность у других. Войны, которые раньше велись из мести или с целью расширения территории, теперь ведутся главным образом с целью грабежа и превращения в своего рода промысел.

Все эти обстоятельства обуславливают разложение родового строя. Органы родового устройства постепенно теряют свой народный, демократический характер и превращаются в органы защиты собственности рабовладельцев, их господства над народом, в орудие угнетения рабов, в органы грабежа и порабощения соседних племен. «Так как государство, — говорит Энгельс, — возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подавления рабов...»³⁵.

Государственное устройство в своей основе прямо противоположно родовому устройству. Государственное устройство предпо-

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 171.

лагают установление власти, отделенной от народа и стоящей над ним. Эта власть осуществляется при помощи насилия и принуждения: «Постоянное войско и полиция, — говорит Ленин, — суть главные орудия силы государственной власти...»³⁶.

Для содержания государственной власти вводятся налоги, которых не знал родовой строй. Авторитет государственной власти держится на насилии и принуждении. «Самый жалкий полицейский служака цивилизованного государства, — говорит Энгельс, — имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине»³⁷.

Фашистские историки пытаются объяснить возникновение классов и государства объяснить войнами, представить борьбу рас, стремление сильных к эксплуатации слабых как движущее начало и активную силу истории. Смысл этого воспеваания грубой силы заключается в попытках оправдать захватнические устремления и грабительскую политику германского империализма.

Объяснение возникновения рабства войнами было блестяще разбито Энгельсом в его книге «Анти-Дюринг». В самом деле, война между племенами велась в течение всей истории первобытнообщинного строя. Однако превращать военнопленных в рабов начали лишь тогда, когда возникли предпосылки, необходимые для развития рабства: производительность труда поднялась настолько, что стало возможным получение прибавочного продукта и появилось имущественное неравенство. С этого момента война превращается в разбой, ставящий своей задачей захват не только богатства, но и рабов. Значит, не война породила классовое деление на рабов и рабовладельцев, а, наоборот, расслоение, возникшее внутри родовой общины под влиянием роста производительных сил и общественного разделения труда, создало потребность в рабстве, и война сделалась одним из важнейших способов приобретения рабов. Но наряду с этим были и другие способы, особенно задолженность, ростовщичество.

2. Возникновение античного рабства

Наивысшего развития рабство как самостоятельная формация достигло в древней Греции и Риме. Римская рабовладельческая держава в период своего могущества охватывала огромную территорию, включавшую в свой состав южную и западную часть Европы, Северную Африку и Юго-Западную Азию.

Как же совершился переход от патриархального рабства к рабовладельческой формации в древней Греции?

³⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 9.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинение, т. 21, стр. 171.

В Греции развитие рабовладельческого строя начинается примерно в VIII—VII вв. до н. э. До этого времени здесь сохранялось родовое устройство. Члены рода считались родственниками и имели общую организацию, управляемую избранным архонтом — главою рода. Земля считалась собственностью рода и распределялась во временное пользование между его членами. Род солидарно отвечал за поступки своих членов и в то же время выступал их защитником.

Экономика Греции того периода характеризовалась ростом производительных сил, широким распространением железа, переходом в области сельского хозяйства к более интенсивным садоводческим культурам, развитием ремесел, растущим отделением ремесла от земледелия, все большим развитием торговли и мореходства. Быстрый хозяйственный рост Греции сопровождался развитием денежной системы, в частности появлением монеты.

Вместе с тем все углублялось расслоение в греческом обществе. Усиливалась родовая знать, которая захватила в свои руки власть, в частности главный орган ее — Совет старейшин родов. В одной из древнегреческих комедий Евполида отмечается, что на важнейшие государственные посты избирались люди, которые затмевали всех других знатностью и богатством. Представители знатных родов играли также первую скрипку в народных собраниях. Эта старинная родовая знать носила название «эвпатридов».

В то же время масса членов родовых общин все более нищала и становилась объектом эксплуатации со стороны эвпатридов, торговцев и ростовщиков. Широкое распространение получила ипотека — заклад земли. Поля Аттики были покрыты столбами с надписями о закладе участка тому или другому землевладельцу или ростовщику. Должники вынуждены были теперь работать на кредиторов, обрабатывать их поля или превращаться в рабов.

Так наряду с богачами-землевладельцами (эвпатридами) образовалась масса разоряющихся бедняков (фетов). Вместе с тем возникновение городов, развитие ремесла, торговли и ростовщичества привели к образованию новой общественной группы — рабовладельческой плутократии, которая стояла вне родовых организаций. В нее входили владельцы ремесленных предприятий (эргастерий), основанных на рабском труде, торговцы, ростовщики и т. д. Эти люди вышли частью из метеков (иноплеменников), частью из обедневших родов или родов, перешедших от земледельческих занятий к торговле.

Эти глубокие перемены, происшедшие в экономике и классовых взаимоотношениях древней Греции, привели к тому, что родовые связи не только потеряли свое былое значение, но и стали тормозом для дальнейшего роста производительных сил. В основе родового устройства раньше лежала общность происхождения, теперь же решающее значение приобрело отношение к средствам производства: обладание землей, рабами, денежными средствами и т. д.

Рост производительных сил и общественного разделения труда требовал расширения экономических связей за пределы рода и племени, а родовая ограниченность, традиционная враждебность к членам чужого рода и племени препятствовали этому расширению. В сохранении родовых организаций были заинтересованы лишь эвпатриды, которые использовали их для закабаления фетов. Все остальные классовые группировки древней Греции были против них.

В VII—VI вв. до н. э. в результате ряда революционных переворотов родовые организации в древней Греции были сметены. Эти революционные перевороты связаны с именами Солон и Клисфена.

Солон в 594 г. до н. э. освободил мелких землевладельцев от тяжелого бремени долгов и отменил выработанное практикой право кредитора превращать неисправного должника в раба. Чтобы прекратить быстро растущую концентрацию земли в руках эвпатридов, он установил земельный максимум, превысить который никто не имел права. При Солоне были даны права гражданства мелким ремесленникам и торговцам, не принадлежавшим к афинскому народу. Было предоставлено право наследования имущества лицам, не состоящим в родовых организациях. Однако верховная собственность на землю и прочее недвижимое имущество сохранились за общиной или рабовладельческим государством. Эти экономические мероприятия были завершены перестройкой родовой конституции. Новая конституция имела в своей основе уже не родовое начало, а имущественное — обладание богатством. Кто больше имел, тому предоставлялось и больше прав. В результате этих реформ родовая знать была оттеснена на второй план. Наибольшее влияние приобрели богатые классы: торговцы, ростовщики, владельцы крупных эргастерий, основанных на рабском труде.

Окончательный удар родовой аристократии был нанесен в 509 г. до н. э. Клисфеном. Клисфен уничтожил деление граждан по родовым филам и фратриям, разбив всю Аттику на 10 территориальных округов. Он предоставил права гражданства многим чужеземцам и вольноотпущенникам. Родовые организации были сведены на положение частных союзов, лишенных политической власти.

Так в древней Греции возникло рабовладельческое государство в форме демократической республики. Однако демократия распространялась только на рабовладельцев и свободных граждан. Что же касается рабов, то они были поставлены в положение полнейшего бесправия. Здесь ярко сказался классовый характер рабовладельческого государства как орудия порабощения рабов.

В революционной борьбе народа (демоса) с родовой аристократией главной силой явилась масса мелких земледельцев и ремесленников. Однако воспользовались плодами победы наиболее богатые классы. Правда, мелкие земледельцы получили некоторое

временное облегчение, но главная их мечта — получение земли — не осуществилась. А начавшееся с устранением родовой организации быстрое развитие рабовладельческого способа производства сопровождалось разорением мелких производителей, которые не в состоянии были выдержать конкуренции дешевого рабского труда.

3. Особенности восточного рабства

Маркс в предисловии к «Критике политической экономии», характеризуя различные способы производства, существовавшие в истории человечества, упоминает азиатский способ производства рядом с античным, феодальным и буржуазным. Он пишет: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»³⁸.

Некоторые историки и экономисты утверждают, что азиатский способ производства не является разновидностью рабства, а представляет собой разновидность феодализма. Такая точка зрения неправильна.

Энгельс в предисловии к своей работе «Положение рабочего класса в Англии» характеризует азиатский способ производства как разновидность рабства. Он говорит, что в азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство.

Точно так же Ленин в своей лекции «О государстве» говорил: «Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, например, в Африке, вы найдете и сейчас. Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы»³⁹.

Таким образом, переход от первобытнообщинного строя к рабству — не историческая случайность, а общая закономерность развития. Правда, в ряде стран, в том числе и в России, рабство существовало главным образом в его наиболее примитивной форме — патриархального рабства — и не развилось в самостоятельную экономическую формацию, как это было на Востоке или в древней Греции и Риме. Тем не менее рабство в той или иной форме было известно всем народам.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 7.

³⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 70.

Маркс, выделяя азиатский способ производства как способ, предшествующий античному рабству, тем самым показывает действительную историческую последовательность в развитии рабства и подчеркивает, что азиатская форма рабства имела свои специфические черты, отличающие ее от античной.

Наиболее древними рабовладельческими государствами азиатского типа были государства древнего Востока — Египет, Ассирия, Вавилония, которые существовали уже за 5 тысячелетий до н. э. Важнейшим фактором, обусловившим своеобразный характер рабства в древнем Востоке, явилась ирригационная система.

Возьмем в качестве примера Вавилонию, какой она была 5 тысяч лет тому назад. В ту далекую эпоху Вавилония проходила стадию разложения первобытнообщинного строя и образования классового общества. Производительность сельскохозяйственного труда в Вавилонии в огромной степени зависела от регулирования ежегодных разливов рек Тигра и Ефрата. Эти разливы превращали Вавилонию в болото, заросшее тростником, где находили приют миллиарды moskitov, ядовитые змеи и хищные звери. Малярия уносила много человеческих жизней. Но после того как разливы Тигра и Ефрата стали регулироваться при помощи сети каналов и дамб, эти реки превратились в фактор плодородия.

Создание ирригационной системы, прорытие каналов, устройство насыпей — дамб — требовало при крайне низкой технике того времени объединенного труда громадного числа людей. Простую кооперацию труда многих людей, необходимую для устройства ирригационной системы, в тех условиях можно было создать только на основе массовой эксплуатации рабского труда.

Ирригационная система с массовым применением рабского труда требовала централизованного управления. Это явилось одной из причин возникновения рабовладельческих государств на Востоке — восточных деспотий, основная задача которых заключалась в подчинении массы эксплуатируемых рабов, а также в управлении ирригационной системой. Во главе восточного государства стоял царь, обладавший неограниченной властью, который опирался на родовую аристократию, эксплуатировавшую и угнетавшую народные массы. Рабы составляли собственность рабовладельческого государства. Они воздвигали ирригационные сооружения и занимались земледельческим трудом.

Специфическую особенность восточного рабства Маркс и Энгельс видели в отсутствии частной собственности на землю. Эту особенность они объясняли ирригационной системой земледелия. Энгельс в письме к Марксу от 6 июня 1853 г. писал: «Первое условие земледелия здесь (т. е. на Востоке. — К. О.) — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих

стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)»⁴⁰. Земля, бывшая, как правило, государственной собственностью, находилась во владении общин. Часть общинных земель обрабатывалась сообща, а другая часть дробилась на наделы, которые передавались отдельным семьям. Крестьяне примерно треть времени работали на общинных полях при помощи общинного инвентаря и скота, а остальное время — на своих наделах. Доходы от государственного земледелия, а также от налогов с наделов находились в распоряжении царя и знати.

Создание ирригационной системы само по себе уже знаменовало известный шаг в развитии производительных сил и техники. С другой стороны, оно вызывало спрос на целый ряд строительных материалов: камень, дерево, металл, способствуя тем самым развитию соответствующих отраслей производства и росту товарных отношений.

Неизбежным спутником роста товарных отношений явилось расслоение рабовладельческого общества. На одном полюсе быстро росла богатая верхушка в лице родовой знати, а на другом — масса бедноты. Богатая знать постепенно отстраняла крестьян от работы на государственных, общинных землях, заменяя их труд трудом рабов и тем самым обрекая их на нищету. С другой стороны, она захватила в свои руки общинные земли и даже наделы крестьян. Массы крестьян разорялись и попадали в кабалу к богатой знати.

Наряду с развитием государственного рабовладения росло применение рабского труда в хозяйствах, находившихся в собственности богачей. Развитие товарных отношений сопровождалось ростом торгового и ростовщического капитала. Вместе с тем возникло долговое рабство. Богатая верхушка использовала долговое рабство для закабаления массы крестьянской бедноты и превращения ее в рабов.

Такова картина развития восточного рабства в Вавилонии. С некоторыми изменениями эта картина имела место и в других восточных деспотиях.

Итак, специфическими чертами восточного рабства явились: 1) ирригационная система, обслуживаемая массой рабов, составляющих собственность рабовладельческого государства; 2) государственная собственность на землю; 3) порабощение массы крестьянской бедноты при помощи долговой кабалы. Эта система дополнялась эксплуатацией рабов в индивидуальном порядке со стороны богатой верхушки.

4. Сущность рабовладельческой эксплуатации

Во главе рабовладельческой организации производства стоит господин, рабовладелец. Его господство имеет в своей основе соб-

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 28, стр. 221.

ственность на средства производства и рабов. Он предоставляет рабам орудия и материалы для производства и заставляет их на себя работать. Рабы получают средства к жизни от своего господина. Зато весь продукт труда рабов, за вычетом той части, которая идет на содержание раба, присваивает в свою пользу рабовладелец. Такова основа производственных отношений рабовладельческого строя.

«Собственник всех орудий производства, — говорит Маркс, — к которым относится земля, а при первоначальной форме рабства и сами непосредственные производители, прямо выжимает из работников весь прибавочный труд, который здесь представлен в прибавочном продукте» ⁴¹.

Отличительной чертой рабовладельческой системы хозяйства является то, что она низводит раба — эту главную производительную силу — до положения орудия производства. Древние писатели так и называли раба говорящим орудием в отличие от животного и от неодушевленного орудия (сохи, заступа, молота и т. д.).

Раб, низведенный до положения орудия производства, питал глубокую ненависть к своему подневольному труду. Эту ненависть он проявлял, во-первых, в том, что очень плохо работал, и, во-вторых, в том, что «с истинным сладострастием», по выражению Маркса, подвергал порче орудия труда. «Поэтому, — говорит Маркс, — экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче. Поэтому в рабовладельческих штатах, расположенных у Мексиканского залива, до начала Гражданской войны были в ходу плуги старокитайской конструкции, которые рыли землю, как свиньи или крот, но не делали борозды и не переворачивали пласта» ⁴².

Рабовладелец, чтобы заставить раба трудиться, прибегал к методам самого грубого физического воздействия. Рабы трудились под свист плети надсмотрщика, нередко их заковывали в кандалы и за малейшее упущение подвергали самым мучительным наказаниям и пыткам. Унизительный надзор сопровождал каждый их шаг во время работы. Так, например, рабам, занятым на мельницах, на шею надевалось специальное ярмо, чтобы они не могли поднести ко рту горсть зерна или муки. Ненависть рабов к угнетателям со всей силой проявлялась в многочисленных восстаниях, которыми полна история античного мира.

Производительность рабского труда была очень низка. Труд раба был выгоден рабовладельцу лишь в силу его крайней дешевизны. Рабовладелец покупал раба в полную собственность. Он покупал его, по словам Маркса, «... так же, как он покупает свою лошадь. Теряя раба, он теряет капитал, который приходится

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 368.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 208. Примечание.

возмещать новой затратой на невольничьем рынке»⁴³. Покупая раба, рабовладелец стремится присвоить прибавочный продукт, который может быть создан его трудом. Поэтому молодые, сильные, знакомые с ремеслом рабы ценились выше старых, хилых или не знающих ремесла. Разумеется, рабовладелец, затративший средства на приобретение раба, стремился как можно скорее вернуть эти средства путем усиленной эксплуатации последнего.

В силу этого путь естественного выращивания рабов не получил большого распространения. Рабовладельцу было невыгодно тратить средства на содержание детей рабов, пока они еще не способны создавать для него прибавочный продукт. Более выгодным способом приобретения рабов была война. Поэтому войны с целью захвата рабов получили чрезвычайно широкое развитие в древнем мире.

Путем войны добывалось огромное количество рабов. Удачные походы против окружающих Грецию и Рим народов приносили десятки тысяч военнопленных, которые превращались в рабов. А так как победители не могли использовать эти массы рабов для себя лично, то широкое развитие получила работорговля. Работорговцы, как шакалы, следовали обычно за греческими и римскими армиями в надежде на добычу.

Точные данные о численности рабов в древнем мире отсутствуют. Однако бесспорно, что в древнегреческих городах количество рабов исчислялось десятками тысяч и, во всяком случае, значительно превышало численность свободного населения.

Наличие рынка рабов и их дешевизна позволяли доводить эксплуатацию рабов до таких пределов, что на деле она превращалась в хищническое, беспощадное выматывание всех жизненных сил, приводившее к преждевременному вымиранию целых поколений рабов.

Товарные отношения, как мы видели, играли немалую роль в развитии рабовладельческого общества. Тем не менее рабовладельческое хозяйство было в своей основе хозяйством натурального типа. Большая часть продукции, производимой рабовладельческим хозяйством, потреблялась в нем самом. Потребности рабов полностью, а потребности рабовладельцев в значительной части, удовлетворялись продукцией собственного производства.

В основе рабовладельческой эксплуатации лежало «натуральное производство чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения». «При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни... Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незре-

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 276.

лости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения»⁴⁴.

Рабовладельческое хозяйство покоилось «на непосредственных отношениях господства и подчинения». Производственные отношения рабовладельческого общества были «просты и ясны».

Однако было бы совершенно неправильно представлять себе рабовладельческое хозяйство как хозяйство, руководимое сознательной волей людей. В эпоху рабовладельческого общества люди не управляли сознательно народным хозяйством и не были господами своих собственных общественных отношений.

У Маркса есть глубокое замечание, проливающее яркий свет на этот вопрос. Маркс пишет, что в условиях рабовладельческого и феодального общества «...господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и порабощения, которые выступают и видимы как непосредственные движущие пружины производственного процесса»⁴⁵.

Господство производственных отношений над людьми в условиях рабовладельческого общества неизбежно вытекает из того, что в основе этого общества лежит не общественная, а частная собственность — собственность рабовладельца как на средства производства, так и на работника производства — раба. Возникает вопрос: почему эксплуатация в условиях разложения первобытного общества должна была принять форму рабства? Объяснение этого факта надо искать в уровне производительных сил, которого достигло человеческое общество на этой стадии своего развития.

Энгельс пишет: «...человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния»⁴⁶.

Труд раба был малопродуктивен и потому давал мало прибавочного продукта. Чтобы увеличить количество извлекаемого из рабов прибавочного продукта, рабовладельцы прибегали к зверским методам насилия и принуждения.

С другой стороны, они старались всемерно увеличить количество эксплуатируемых рабов. Хотя каждый раб в отдельности доставлял мало прибавочного продукта, общая сумма прибавочного продукта благодаря эксплуатации массы рабов была велика и вполне обеспечивала рабовладельцу возможность переложения всей тяжести физического труда целиком на рабов.

Нельзя также забывать, что рабы до своего порабощения жили в условиях первобытнообщинного строя, не знавшего эксплуатации человека человеком. При этих условиях их можно было заставить работать на рабовладельцев только методами грубого насилия и внеэкономического принуждения.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 89.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 399.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 186.

Все это делало рабовладельческую эксплуатацию необходимой ступенью общественного развития.

Система производственных отношений рабовладельческого общества на первых порах соответствовала уровню производительных сил, достигнутому на высшей ступени варварства, и содействовала их развитию.

Как известно, рабовладельческий строй пришел на смену патриархальному рабству, при котором преобладало мелкое производство крестьян и ремесленников. Маркс говорит, что «... форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, в качестве преобладающей, нормальной формы... образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности...»⁴⁷. Раб, как мы видели, не был заинтересован в своем труде, между тем как мелкий свободный производитель был в нем заинтересован.

Почему же, в таком случае, мелкое производство, возникшее в эпоху разложения первобытнообщинного строя, должно было уступить место рабовладельческому способу производства? Каковы были те возможности и стимулы развития производительных сил, которые были заложены в рабовладельческой системе производственных отношений?

Преимущества рабовладельческого способа производства перед первобытнообщинным и мелким хозяйством крестьян и ремесленников заключались в следующем:

1. Концентрация в руках крупных рабовладельцев средств производства и громадного количества рабов давала возможность в гораздо большей степени развить простую и отчасти сложную кооперацию труда по сравнению с первобытнообщинным строем. Что же касается мелкого производства крестьян и ремесленников, то его основу составлял не общественный, а изолированный труд, исключающий какие-либо формы кооперации.

2. Крупная рабовладельческая собственность открывала довольно широкое поле для развития общественного разделения между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. А разделение труда, создавая специализацию отдельных производителей, является фактором повышения производительности труда, фактором роста производительных сил.

3. Одним из важнейших условий победы рабовладельческого способа производства над мелким крестьянским хозяйством явилась дешевизна рабов. Она объяснялась тем, что к услугам рабовладельцев был обильный невольничий рынок, создаваемый посредством войн и морских разбоев.

Благодаря наличию обширного невольничьего рынка рабовладелец имел возможность хищнически эксплуатировать рабов, не заботясь о сколько-нибудь нормальном воспроизводстве их рабочей силы.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 371.

С другой стороны, как мы уже указывали, наличие обширного невольничьего рынка было причиной того, что рабовладельцы не были заинтересованы, как правило, в размножении рабов в своем собственном хозяйстве. Следовательно, содержание семьи раба не входило в издержки по воспроизводству рабочей силы. Между тем мелкий производитель должен был воспроизводить свою рабочую силу и содержать детей и престарелых. Это ставило его в неравное экономическое положение по сравнению с рабовладельцем.

Дешевизна рабского труда, незаинтересованность раба в своем труде были причиной того, что развитие производительных сил рабовладельческого общества пошло не столько по линии подъема техники и изобретения новых орудий труда, сколько по линии использования преимуществ простой и отчасти сложной кооперации рабского труда.

Рабовладельческий способ производства, пришедший на смену первобытнообщинному, на первых порах способствовал развитию производительных сил. Период наиболее быстрого развития производительных сил в древней Греции охватывает примерно VIII—VI вв. до н. э., когда патриархальное рабство превращалось в рабовладельческую формацию, а также первые этапы господства рабовладельческого способа производства. В истории римского рабовладельческого общества период наиболее быстрого развития производительных сил относится примерно ко II—I вв. до н. э.

5. Рабовладельческий строй и развитие ремесленного производства

Рабовладельческий строй имел развитое ремесленное производство.

Различные источники, относящиеся к древнему Риму, указывают на обилие ремесленников самых разнообразных специальностей. Среди них — ткачи, шерстопрядильщики, красильщики, валяльщики, башмачники, сапожники, плотники, кузнецы, золотых дел мастера и т. д. Раскопки, произведенные в Помпее, также свидетельствуют о довольно развитом ремесленном производстве в рабовладельческом обществе. Здесь было обнаружено большое количество ремесленных мастерских различных специальностей — пекарни, дубильные, валяльные, папирусные, ювелирные мастерские и т. д. О том же говорит обилие найденных в Помпее предметов ремесленного производства — тут можно встретить железные грабли, заступы, бронзовые доски, весы, медицинские инструменты, тарелки, лампы, тазы, стекла, бронзовые деньги и многое другое.

Ремесленные мастерские принадлежали либо богатым рабовладельцам, либо вольноотпущенникам. Последние обычно находились на положении клиентов крупных рабовладельцев, т. е. лиц, зависимых от них. В ремесленных мастерских работали, как правило, рабы, причем в рабовладельческих мастерских численность рабов достигала обычно двух-трех десятков человек. Демосфен

оружейную мастерскую с 33 мастерами считает уже «немалым производством». Некоторые ремесленные предприятия достигали еще больших размеров и приносили громадные доходы своим владельцам. Римские источники упоминают об одном александрийце, который получал такой большой доход от папирусного производства, что, по его заявлению, мог бы за собственный счет на вербовать целую армию.

В еще более широких размерах применялся труд рабов в строительном и горном деле, в добыче железа, серебра, золота и т. д. Благодаря эксплуатации сотен тысяч рабов были возведены такие грандиозные по тем временам сооружения, как каналы, пристани. Полибий свидетельствует о массовом применении рабочей силы рабов в серебряных рудниках близ Нового Карфагена: здесь было занято 40 тыс. человек, доставлявших Римскому государству ежедневно 25 тыс. драхм.

Добыча золота и серебра при низкой технике требовала колоссального труда. По свидетельству Диодора, приходилось проводить шахты на большое количество стадий⁴⁸, устраивать их разнообразным образом и вдоль и поперек. Эти ходы нередко упирались в подземные реки; тогда приходилось речную воду отводить в каналы, выкопанные по бокам рудника, или же при помощи водоотливного колеса выкачивать ее со дна на поверхность. Твердые скалы, встречавшиеся на пути проходки шахт, по свидетельству Плиния, преодолевались огнем и кислотами или же прорубались. Рабам приходилось на плечах выносить куски, достигавшие 150 фунтов, и в темноте передавать их друг другу. Свет видели только работающие в верхних рядах.

Многие рабовладельцы отдавали рабов в аренду особым подрядчикам, которые их использовали для строительства общественных зданий, дорог, каналов, водопроводов, дворцов, для работы в рудниках, на плантациях и т. д.

Техника в ремесленных мастерских была довольно примитивной. Правда, в крупных мастерских применялась сложная кооперация, основанная на разделении труда. Так, ряд специальностей существовал в металлообрабатывающей, ткацкой, строительной, стекольной и других отраслях ремесленного производства. Все же в большинстве мастерских детального разделения труда не было; здесь преобладала простая кооперация. Обычно раб, работая рука об руку с другими рабами, выполнял все основные стадии изготовления продукта. Однако при рабовладельческом строе применялись и элементарные машины вроде, например, водяной мельницы, водоналивного колеса и др. Но машины эти в условиях рабовладельческого общества имели подсобное значение. Они, как правило, являлись двигателем и передаточным механизмом. Основные же процессы труда совершались рабами с помощью чрезвычайно грубых и примитивных ремесленных орудий.

⁴⁸ Мера длины, равная примерно 600 футам.

В соответствии с той громадной ролью, которую играла война в рабовладельческом обществе, более значительного развития достигла военная техника: постройка осадных сооружений, кораблестроение и т. д. Открытия и изобретения в области различных наук, в частности механики, находили наибольшее применение в военном деле.

Широкое развитие получили также отрасли, связанные с удовлетворением потребностей рабовладельцев в предметах роскоши. Дешевая рабочая сила рабов затрачивалась на строительство дворцов, театров, цирков, бань, триумфальных арок, водопроводов и т. д. Рабовладельцы предъявляли высокие требования к качеству производимой продукции и ее художественному оформлению. Главной задачей рабовладельческого хозяйства было удовлетворение потребностей рабовладельцев. Только излишек продукции предназначался для продажи. Рабовладельцев интересовала не столько стоимость, сколько потребительная стоимость производимой продукции.

Основную массу рабов рабовладельцы принуждали к труду методами грубого насилия. Наиболее же квалифицированных они старались заинтересовать в работе лучшими материальными условиями, «угождая влечениям их желудка», как говорил Ксенофонт, применяя похвалу в отношении честолюбивых натур и даже обещая свободу в награду за хорошую работу.

6. Рост рабовладельческих латифундий и разорение мелкого крестьянства. Крестьянское движение

Для рабовладельческого общества характерно господство крупного землевладения, основанного на рабском труде.

В древнем Риме крупные землевладельцы захватывали общественные земли, которые имел право арендовать всякий римский гражданин. Крупные землевладельцы стали фактическими собственниками этих земель. Кроме того, они всякими правдами и неправдами захватывали также земли крестьян.

Римский писатель Ювенал в своих сатирах рисует яркую картину захвата земель крупными землевладельцами. Если крестьянин не соглашался продать свой земельный участок, то крупный землевладелец пускал ночью скот на зеленеющие поля и таким путем принуждал непокорного к продаже земли. Результатом захвата земель явилось образование крупнейших рабовладельческих латифундий, на территории которых нередко, по выражению Сенеки, мог разместиться целый народ.

Описание крупного рабовладельческого сельского хозяйства нам оставил древнеримский писатель Катон, ярый поборник развития земледелия, которое он считал основной отраслью народного хозяйства. По его мнению, земледелие наиболее благочестивое занятие, воспитывающее «храбрейших мужей и самых предприимчивых воинов».

Катон является сторонником развития садово-огородных культур и скотоводства. Это объясняется тем, что в период господства рабовладельческого строя хлебопашество не было рентабельным, так как хлеб в большом количестве доставлялся из завоеванных провинций. Между тем экономические и естественные условия в Италии были очень благоприятны для развития садоводства, огородничества и скотоводства. Большой спрос на эти продукты предъявляли города. Крупнейшим потребителем продуктов животноводства была армия.

Вилла Катона представляла собой крупное предприятие, в котором под одними масличными и виноградными культурами было занято 340 югеров (85 га). К вилле прилегал также пастбище и пашня. Катон дает подробные указания, как рационально организовать обработку почвы под различные виды садово-огородных культур, как ее вспахивать, удобрять и т. д. Большое внимание Катон уделяет правильному уходу за скотом и, в частности, содержанию его в чистоте. Иными чертами характеризуется отношение рабовладельцев к рабам. Раб, по мнению Катона, должен есть, пить и одеваться лишь в той мере, в какой это необходимо для создания прибавочного продукта. Поэтому зимой рабы должны получать хлеба меньше, а летом, когда начинаются полевые работы, больше. Катон рекомендует один раз в год давать рабу новую тунику, плащ и деревянные сандалии, отбирая старую одежду, которую можно использовать для лоскутных одеял.

Вследствие дешевизны рабского труда рабовладельцы мало заботились о развитии техники. Их главные усилия были направлены на такую организацию труда рабов, которая могла бы обеспечить максимум прибавочного продукта. С другой стороны, незаинтересованность раба в работе на своего хозяина делала проблему организации труда одной из самых сложных проблем рабовладельческого строя.

Поэтому в античной литературе мы встречаем подробнейшие указания относительно организации труда и содержания рабов. Так, например, Варрон не рекомендует «...приобретать много рабов одинаковой национальности, ибо большей частью это бывает причиной домашних беспорядков». Катон дает самые подробные указания о необходимом количестве рабов и распределении их по специальностям в зависимости от размера участка и вида культуры. Так, для оливковой плантации в 240 югеров требуется 13 рабов разной специальности, а для виноградника в 100 югеров — 15 рабов. «Рабы—пахари и виноградари должны представлять две различные группы и в свою очередь не смешиваться с чернорабочими. В каждой специальной группе не должно быть более десяти человек рабов... ибо за таким числом рабов всего легче было присматривать при работе... Если поля занимают большое пространство, то группы рабов надо распределять по различным их районам и так разделять между ними работу, чтобы они работали не в одиночку и не попарно, ибо,

когда они так рассеяны, за ними трудно присматривать; однако каждая группа не должна превышать десяти человек, чтобы при слишком большой толпе отдельные рабы не старались свалить работу на других. Такое определение числа не только возбуждает соревнование, но и позволяет замечать нерадивых рабов»⁴⁹.

«Начальников, — пишет Варрон, — надлежит поощрять наградами и стараться, чтобы они имели пекулий⁵⁰ и рабынь для сожителства, от которых у них были бы дети. Таким образом их связь с именем укрепится»⁵¹.

Наряду с крупным рабовладельческим земледелием существовало многочисленное мелкое крестьянство. Борьба между крупным рабовладельческим сельскохозяйственным производством и мелким крестьянским хозяйством заполняет всю историю рабовладельческого общества, начиная с его зарождения и кончая гибелью. «Недавно, — писал Маркс Энгельсу, — я снова проштудировал римскую (древнюю) историю до периода Августа. Внутренняя история явно сводится к борьбе мелкой земельной собственности с крупной, разумеется, в той специфически видоизмененной форме, которая обусловлена рабством»⁵².

Мелкое крестьянское хозяйство являлось укладом в рабовладельческом обществе.

Мелкие производители — крестьяне — играли важную роль во все время развития рабовладельческого строя. Рабовладельческое производство могло получить значительное развитие лишь благодаря притоку дешевой рабочей силы рабов, получаемой главным образом путем войн. Главной военной силой был мелкий производитель — крестьянин и ремесленник. Между тем развитие рабовладельческого производства сопровождалось разорением мелких производителей, что объяснялось прежде всего конкуренцией дешевого рабского труда. Благодаря дешевизне рабского труда рабовладельцы могли доставлять на рынок большое количество дешевого хлеба и других продуктов сельского хозяйства. При этих условиях для мелкого землевладельца производство хлеба на продажу становилось невыгодным. Крестьяне, кроме того, несли на себе всю тяжесть войн и как солдаты, и как плательщики государственных налогов. Наоборот, выгодами от войн пользовались богатые рабовладельцы. Они занимали все важные и влиятельные должности в войсках, они ведали распределением добычи (главным образом земли и рабов), они управляли завоеванными провинциями и т. д. Разоряющийся мелкий земледелец вынужден был прибегать к услугам ростовщиков. Это довершало упадок его хозяйства.

⁴⁹ «Античный способ производства в источниках». Изд. ГАИМК, 1933, стр. 27—28.

⁵⁰ Предоставление рабам для эксплуатации части имущества, за которую они должны платить определенную дань своему господину. — К. О.

⁵¹ «Античный способ производства в источниках», стр. 21.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 28, стр. 368.

Таким образом, все соединилось против мелкого земледельца — конкуренция крупного рабовладельческого земледелия, тяжесть громадных налогов и постоянных войн, гнет ростовщического капитала. Крестьянство быстро разорялось: мелкий земледелец терял землю за долги, а нередко даже сам бросал ее из-за невыгодности ее обработки. Его участок переходил к крупному землевладельцу.

Положение разоряющегося крестьянства было чрезвычайно тяжелым. Консул Тиберий говорил, что крестьянам живется хуже, чем диким зверям, так как звери имеют нору и логовище, между тем как крестьяне, умиравшие, сражаясь за Италию, не имеют ничего, кроме воздуха и света. Лишенные крова, бродят они с женами и детьми по стране.

Не удивительно поэтому, что крестьянство восставало против своих поработителей.

Одним из ярких проявлений борьбы между крупным и мелким земледелием является движение мелких земледельцев, возглавлявшееся братьями Гракх. Народный трибун Тиберий Гракх стремился воссоздать среднее и мелкое землевладение. С этой целью он предлагал издать закон, по которому одна семья не могла владеть более чем 1000 югеров (250 га) общественных земель, а также свыше 100 голов крупного скота и 500 голов мелкого скота. Остальная часть общественных земель должна быть разбита на мелкие участки размером в 30 югеров и сдаваться в аренду мелким крестьянам без права их продажи. Крупные землевладельцы, всадники — представители торгового и ростовщического капитала, богатые сенаторы были против этого проекта. Зато в массах разоряемого крестьянства он вызвал волну энтузиазма. При помощи мелких земледельцев и ремесленников Тиберию Гракху удалось провести свой законопроект и наделить частично земель мелких земледельцев. Было отобрано у крупных землевладельцев и распределено среди крестьян около 400 тыс. га, т. е. около одной седьмой части общественных земель. Однако рабовладельцы, напуганные движением плебса, организовались и с удесятеренной силой начали борьбу против Тиберия Гракха. На улицах Рима произошла жестокая схватка между оптиматами (рабовладельческой знатью) и популярями (демократами). Популяры были разбиты, Тиберий Гракх был убит.

Но борьба между оптиматами и популярями на этом не закончилась. Вскоре она вспыхнула с новой силой. На этот раз во главе популяров встал брат убитого Тиберия — Кай Гракх. Избранный в 124 г. народным трибуном, Кай Гракх провел аграрный и хлебный законы. Аграрный закон по существу воспроизводил закон, внесенный в свое время Тиберием Гракхом. Хлебный закон обязывал государство продавать хлеб римским гражданам по цене ниже рыночной. Однако и эта победа плебса была кратковременной. Хлебный закон, облегчая положение римской бедноты, вызвал приток хлеба из провинций, что ухудшило и без того тяже-

лое положение мелких земледельцев. И на этот раз оптиматам удалось разбить популяров и восстановить свое господство. Тысячи популяров были убиты, казнены и утоплены в водах Тибра. Сам Кай Гракх, не желая попасть в руки врагов, приказал своему рабу лишить его жизни.

В результате разгрома крестьянского движения с новой силой начались рост крупных латифундий, захват общественных земель в частную собственность и разорение мелких земледельцев. Крестьяне, лишённые не только средств производства, но и средств существования, все более пролетаризировались. Основным источником существования этих люмпен-пролетариев, сотнями тысяч скопившихся в городах, были подачки богачей, государственная помощь и продажа голосов политическим партиям. Особенно это относится к тем люмпен-пролетариям, которые жили в Риме.

Скопление в городах громадного количества нищих людей, не занятых производительным трудом, представляло серьезную угрозу рабовладельческим классам.

Рабовладельцы старались предотвратить эту угрозу политической подачек и подкармливания пролетариев. Количество пролетариев, получавших бесплатно хлеб, достигало в некоторые периоды 800 тыс. человек. Одним из коренных отличий римского пролетариата от современного является то, что первый жил за счет общества, тогда как современный пролетариат содержит общество своим трудом.

7. Противоположность между городом и деревней в условиях рабовладельческого строя

Одной из прогрессивных сторон рабовладельческого способа производства явилось то, что он породил довольно значительное развитие общественного разделения труда. Это прежде всего относится к разделению труда между городом и деревней.

Города возникают еще в период перехода от первобытно-общинного строя к рабовладельческому. «Недаром, — говорит Энгельс, — высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»⁵³. Сначала города были укрепленными местами, где окружающее их население находило защиту от неприятеля, а также политическими и административными центрами. Так, в городах древнего Востока сосредоточивались органы, занимавшиеся управлением государства, ведавшие сбором налогов с подвластного им населения, регулировавшие общественные работы, связанные с ирригационной системой земледелия. По мере отделения ремесла от земледелия и развития обмена города по-

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 164.

степенно становились хозяйственными, экономическими центрами, средоточием ремесел, торговли, ростовщичества.

Отличительной чертой городов рабовладельческого общества было то, что население их не порывало с земледелием. Так, например, большая часть территории Вавилона, громадного города, была занята полями, огородами, садами. По словам Маркса, «...история Азия — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни (подлинно крупные города могут рассматриваться здесь просто как государевы станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле)»⁵⁴. Точно так же крупнейшие города античного рабовладельческого общества — Афины, Рим и др. — располагали большими земельными участками. В этой связи большой интерес представляет следующее замечание Маркса: «История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии...»⁵⁵.

Однако ведущая роль в экономике городов принадлежала не сельскому хозяйству, а ремеслу, торговле, ростовщичеству. Города Греции и Римской империи были средоточием политической жизни и экономическими центрами, где довольно широко развивались ремесленное производство, внутренняя и внешняя, в частности морская, торговля, где находились меняльные конторы, зародыши будущих банков. Города были также центрами военной силы. Господствующими классами в них были крупные землевладельцы — рабовладельческая знать, а также представители торгового и ростовщического капитала.

В деревне же, с одной стороны, находились крупные виллы и латифундии рабовладельцев, хозяйство которых велось на основе эксплуатации рабов, а с другой — многочисленные хозяйства мелких производителей крестьян.

Между городом и деревней в условиях рабовладельческого строя существовало антагонистическое противоречие. Город в лице господствующих в нем крупных земельных собственников, владельцев латифундий, а также в лице представителей торгового и ростовщического капитала нещадно эксплуатировал крестьянство, выжимая из него все соки. Рабовладельческое государство облагало крестьян бесчисленными налогами: поземельным, личным и др. Средства, собранные путем налогов, притекали в города, где расходовались на содержание государственного аппарата, на общественные предприятия, содержание армии и ведение войн. В города стекались огромные богатства, создаваемые трудом рабов и мелких производителей, а также награбленные в многочисленных войнах и походах. Здесь эти богатства проживались знатью. Город в лице торгового и ростовщического капитала закабалял крестьянство. Земельные участки разоряющихся крестьян

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 470.

⁵⁵ Там же.

были заложены и перезаложены ростовщикам; крестьяне вынуждены были до $\frac{5}{6}$ всего урожая выплачивать ростовщикам или же продавать в рабство себя и своих детей. Одной из наиболее жестоких форм эксплуатации крестьянской деревни рабовладельческим городом была откупная система, особо распространенная в Римской империи. Наконец, древние города были центрами культуры той эпохи. В них были сосредоточены роскошные дворцы, храмы, театры, цирки, произведения искусства, литературы, науки. В то же время крестьянская деревня прозябала во мраке невежества и бескультурия, погибала от голода и нищеты.

Отделение ремесла от земледелия и города от деревни явилось основой значительного развития обмена, развития торгового и ростовщического капитала в рабовладельческом обществе.

8. Развитие обмена и денег.

Роль торгового и ростовщического капитала в рабовладельческом обществе

Хозяйство рабовладельческого строя в основном было хозяйством натурального типа. Однако это не исключало значительного развития товарно-денежных отношений как в древней Греции, так и в древнем Риме.

Обмен, как мы видели, возникает еще в условиях первобытно-общинного строя.

На первых порах он носит случайный характер.

Энгельс связывает этот временный случайный обмен с особым искусством в изготовлении каменных орудий, что могло породить временное разделение труда. Это разделение труда в производстве орудий на первых этапах существования первобытного общества, по словам Энгельса, было исключительным случаем. Обмен производился между родами и племенами.

Допустим, у одной родовой общины имеется излишек каменных топоров, а у другой — шкур. Топоры обмениваются на шкуры:

$$1 \text{ топор} = 3 \text{ шкурам.}$$

Это первая или случайная форма обмена.

На этой стадии развития в обмен поступали лишь случайные излишки продуктов.

На стадии случайного обмена люди не имели еще достаточной практики в обмене и потому меновые отношения товаров складывались более или менее случайно.

По мере развития первого крупного общественного разделения труда — выделения пастушеских, скотоводческих племен — обмен становится все более и более регулярным явлением.

Теперь уже часть продуктов начинает производиться специально с целью обмена.

Одни племена, например скотоводческие, начинают специализироваться главным образом на производстве скота, кожи, молочных продуктов и т. д., в то время как земледельческие пле-

мена — на производстве хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, племена, населяющие берега больших рек, — на рыбной ловле и т. д.

Это еще не значит, что хозяйство племени теряет свой натуральный характер. Оно по-прежнему почти все свои потребности удовлетворяет собственным производством. Однако главное свое внимание пастушеские племена сосредоточивают на скотоводстве, земледельческие — на производстве хлеба, рыбацкие — на ловле рыбы.

Поскольку эти продукты оказываются у названных племен в избытке, они начинают на них выменивать те продукты, которых им недостает, но которые имеются в избытке у других племен. Так, скотоводческие племена выменивают недостающие продукты на скот, земледельческие — на зерно, рыбацкие — на рыбу.

Теперь уже в обмене участвуют не два товара, а множество товаров.

Если представитель одного племени выносит на продажу топор, то ему представители других племен предлагают — 30 кг зерна, 1 овцу, 10 стрел, 3 шкуры и т. д.

1 топор приравнивается	{ 30 кг зерна 10 стрелам 3 шкурам
----------------------------------	---

Это уже более высокая ступень обмена — развернутая форма обмена.

На этой стадии практика обмена расширяется, и меновые отношения товаров все более определяются величиной их стоимости.

Таким образом, обмен первоначально носил характер непосредственного обмена одного продукта на другой.

Подобного рода обмен существовал и у североамериканских индейцев.

«Дикие народы этой страны, — говорит Лафито, — постоянно торгуют одни с другими. Их торговля имеет то общее с торговлей древних, что она представляет непосредственную мену припасов на припасы. Все они имеют нечто такое, чего другие не имеют, и торговля обращает все эти вещи от одних к другим. Таковы: зерновой хлеб, гончарные изделия, меха, табак, одеяла, лодки; дикобразы, дикий рогатый скот, домашняя утварь, амулеты, хлопчатая бумага, словом, все, что только находится в потреблении для поддержания человеческой жизни»⁵⁶.

Однако дальнейший рост меновых отношений обнаружил недостаточность непосредственного обмена товаров на товар.

Допустим, владелец топора желает выменять его на зерно, а владелец зерна не нуждается в топоре, а нуждается, допустим,

⁵⁶ Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Госиздат Украины, 1923, стр. 351.

в стрелах. Потребительная стоимость топора в данном случае мешает обмену его на зерно, мешает тому, чтобы стоимость топора выразилась в зерне.

То, что это не выдуманное нами противоречие, а реальный факт, с которым постоянно приходилось встречаться первобытным людям, — свидетельствуют путешественники, изучавшие жизнь первобытных людей.

Путешественник Камерон описывает, с каким трудом ему удалось выменять для себя лодку на берегу Танганьики. Ему нужна была лодка, но владелец лодки потребовал уплаты за нее слоновой костью. У Камерона не было слоновой кости. После соответствующих поисков он нашел Магомета Ибн-Салиба, имеющего слоновую кость, но он желал ее обменять только на сукно. Оказалось, что сукно есть у Магомета Ибн-Гариба, который желал обменять его на проволоку. Проволока, к счастью, оказалась у Камерона. Он обменял проволоку на сукно, на сукно выменял слоновую кость, которую обменял, наконец, на лодку.

Сколько пришлось Камерону совершить лишних меновых сделок, чтобы получить, наконец, долгожданную лодку!

В этих затруднениях, связанных с непосредственным обменом товара на товар, ярко обнаруживается недостаточность развернутой формы обмена. Понятно, что эти затруднения становятся тем более общественно значимыми, чем больше развивается общественное разделение труда и растет товарное хозяйство. Поэтому конечная причина развития форм обмена заключается не в неудобствах той или иной формы, а в самом развитии производства товаров.

В результате из массы товаров выделяется один товар, на который начинают обмениваться все другие товары.

Мало-помалу складывается обыкновение обменивать на рынке всякий товар на скот.

Этому способствует тот факт, что скотоводческие племена вели кочевой образ жизни. Кочуя с места на место, они имели возможность чаще других соприкасаться с другими племенами и завязывать с ними меновые отношения.

С другой стороны, самый скот представляет собой довольно подвижный товар, который легко может быть передаваем от одного племени к другому.

Прямой обмен исчезает. Товар-скот оказывается особым товаром, который все берут наиболее охотно.

Возникает всеобщая форма обмена:

2 топора	} приравняются 1 овце.
4 ножа	
20 стрел	
60 кг зерна	
6 шкур	

Теперь каждый товаропроизводитель, прежде чем купить какой-либо нужный ему товар, должен сначала обменять свой товар, допустим, на скот, а затем уже на скот выменять то, что ему нужно.

Постепенно скот начинает выполнять роль денег.

Так, скот является деньгами в древней Греции и Риме. В поэмах Гомера рабыня приравнивается к 4 быкам, а медный треножник — к 12.

В некоторых местах роль денег играли ракушки и другие предметы.

С переходом к обработке металлов и железным орудиям возникает ряд новых отраслей внутри земледелия, как-то: маслоделие, виноделие и другие, а также целый ряд новых ремесел, среди которых важнейшими были ткачество и обработка металлов.

В результате происходит второе крупное общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия. Отделение ремесла от земледелия, в свою очередь, ведет к дальнейшему развитию обмена. Возникает товарное производство, т. е. производство товаров специально с целью продажи.

Обилие местных эквивалентов все более начинает затруднять обмен. Вместе с тем и роль денег все более начинает закрепляться за металлами.

В Греции веков за восемь до нашей эры появились железные деньги. В Риме еще в V—VI вв. до н. э. были только медные деньги. В силу каких же причин металлы вытесняли из роли денег все другие товары?

Металлы покупались не менее охотно, чем скот, потому что металлические орудия представляли весьма необходимые для существования предметы. В то же время металлы обладают многими преимуществами, благодаря которым они гораздо удобнее в роли денег.

Во-первых, они легче делятся на куски малой стоимости, чем скот, который нельзя делить на части, не убивая его.

Во-вторых, вещество металлов однородно, и отдельные куски их обладают одинаковыми качествами, тогда как другие товары — в том числе скот — этим достоинством не обладают.

В-третьих, металлы лучше сохраняются.

В-четвертых, металлы занимают меньше объема и имеют меньше веса при одинаковой стоимости с другими товарами.

Впоследствии железо и медь сменяются серебром и золотом. Все преимущества металлов в серебре и золоте выражены особенно сильно: и делимость, и однородность вещества, и сохраняемость, и незначительность объема и веса при большой стоимости.

С возникновением денег появилась новая экономическая сила, обладание которой давало и богатство и власть.

«Был открыт, — говорит Энгельс, — товар товаров, который в скрытом виде содержит в себе все другие товары, волшебное

средство, способное, если это угодно, превращаться в любую заманчивую и желанную вещь. Кто обладал им, тот властвовал над миром производства»⁵⁷.

Появление денег дало толчок дальнейшему развитию торговли. Торговля большей частью была сосредоточена на городских рынках. Вокруг рынков обычно располагались ремесленные мастерские. На рынок сходились ремесленники со своими товарами: обувью, оружием, гончарными изделиями и т. п., крестьяне с продуктами сельского хозяйства, овощами, виноградом, зерном и т. д. Большую роль в развитии торговли играли храмы. Так, например, на о. Делос торговля производилась под покровительством и охраной храма: устраиваемые празднества в честь Аполлона сопровождалась организацией ярмарок.

Значительного развития в Греции и Риме достигла внешняя торговля. Греция ввозила в большом количестве хлеб, скот, рыбу, кожу, лес, слоновую кость и т. д. и вывозила ремесленные изделия — оружие, предметы роскоши, виноградные вина, оливковое масло и т. п. Одной из важнейших отраслей торговли была торговля рабами. Римская империя, в частности Италия, вела в широких размерах торговлю с восточными странами. Главным объектом ввоза были предметы роскоши.

Рост торговли сопровождался значительным развитием денежного обращения. В качестве денег фигурировали серебро и золото — сначала в виде кусков металла, а затем в виде монет.

Какова же была роль товарно-денежных отношений в развитии рабовладельческого способа производства?

Торговля все более и более превращает продукты в товары и делает целью производства меновую стоимость.

На основе массовой эксплуатации рабского труда рабовладельцы присваивали большое количество прибавочного продукта и известную часть этого продукта продавали на рынке, чтобы купить необходимые для них предметы потребления и прежде всего предметы роскоши.

Характеризуя влияние торговли на развитие производства, Маркс писал: «Конечно, торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости, потому что наслаждение и пропитание она ставит в большую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта. Этим она разлагает старые отношения. Она увеличивает денежное обращение»⁵⁸.

Таким образом, удовлетворение потребностей рабовладельца все в большей степени зависело от продажи прибавочного продукта и тем самым все более толкало рабовладельца на расширение применения рабского труда.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 166.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 363.

Этим самым торговля содействовала развитию рабовладельческого способа производства. Другим результатом воздействия товарно-денежных отношений на рабовладельческий способ производства было усиление имущественной дифференциации среди свободного населения, рост крупного рабовладельческого землевладения, рабовладельческих латифундий за счет разорения крестьян и ремесленников.

Правда, этот процесс нельзя отнести целиком за счет развития товарно-денежных отношений. Огромную роль в разорении мелких производителей играло внеэкономическое насилие, бремя войн и государственных налогов. Тем не менее товарно-денежные отношения в очень значительной степени стимулировали и усиливали этот процесс.

Товарно-денежные отношения, развивающиеся на базе частной собственности, всюду разлагают натуральное хозяйство, порождают конкуренцию между товаропроизводителями и тем самым вызывают среди них дифференциацию.

В условиях рабовладельческого строя товарно-денежные отношения содействовали вытеснению рабским трудом труда свободных и в промышленности и в сельском хозяйстве вследствие более низкой стоимости продуктов рабского труда по сравнению с трудом свободного человека. Последняя объяснялась: 1) крайней дешевизной рабов, 2) хищнической эксплуатацией рабского труда и 3) преимуществами простой и отчасти сложной кооперации труда массы рабов.

Появление торгового и ростовщического капитала в еще большей степени ускорило процесс вытеснения рабским трудом труда свободных.

Торговый капитал в условиях докапиталистических формаций извлекает прибыль путем неэквивалентного обмена, путем покупки товаров ниже их стоимости и продажи по ценам, превышающим стоимость.

Таким путем торговый капитал присваивал прибавочный продукт, а нередко и часть необходимого продукта крестьянина и ремесленника.

Торговый капитал присваивал также значительную часть прибавочного продукта рабовладельцев, извлекаемого ими путем эксплуатации рабов. Рабовладельцы вынуждены были отдавать часть своего прибавочного продукта торговому капиталу в обмен за предметы роскоши и другие средства потребления, которые не производились в их собственных имениях. Это присвоение торговым капиталом прибавочного продукта рабовладельцев облегчалось благодаря недостаточной развитости товарного производства. Рабовладельцы, продавая часть получаемого ими прибавочного продукта на рынке, стремились не столько к получению меновой стоимости, сколько к приобретению необходимых для них средств потребления, среди которых наиболее важное место занимали предметы роскоши.

Кроме того, располагая массой дешевых, хищнически эксплуатируемых ими рабов, они привыкли не считаться с трудовыми затратами как при производстве, так и при продаже продукции.

Торговец в отличие от рабовладельца жил за счет торговли, он понял великую силу денег и стремился извлечь как можно больше меновой стоимости. Наряду с торговлей и торговым капиталом в древнем мире значительного развития достигли кредитно-ростовщические операции. Этому способствовал ряд условий, в частности торговля деньгами.

Как известно, в древнем мире правом чеканки монет пользовались многочисленные мелкие государства, города и храмы. Вследствие этого в древней Греции наблюдалось большое разнообразие денежных единиц. Вот почему большое значение приобрела деятельность менял — торговцев деньгами, обменивавших одни монеты на другие. По мере накопления денег менялы начали заниматься ростовщичеством. Из их среды выделялись более богатые, которые создавали крупные меняльные конторы. Эти конторы выдавали ссуды под залог, принимали на хранение вклады, производили переводные операции и т. д.

Широкое распространение в древнем мире получил ипотечный кредит, т. е. залог земли в обеспечение возврата ссуд.

Развитие внутренней и в особенности внешней торговли породило коммерческий кредит.

Особо благоприятные условия для развития ростовщического капитала сложились в древней Римской империи. Здесь ростовщический капитал нашел благоприятную почву, во-первых, благодаря наличию большого количества мелких земледельцев, разорывшихся в результате роста рабовладельческих латифундий, во-вторых, благодаря широко практикуемой откупной системе.

Римское государство за плату давало на откуп частным лицам — откупщикам сбор налогов с населения завоеванных провинций, а также эксплуатацию государственных рудников и других предприятий. В результате откупщики становились всесильными сатрапами, распоряжавшимися жизнью и имуществом населения отданных им на откуп провинций. Они не останавливались перед самыми жестокими мерами, перед кровавыми расправами, чтобы выколотить из населения провинций как можно больше денег — бесконечно больше, чем сами откупщики уплатили государству. Ростовщик запутывал в свои сети и рабовладельцев, хозяев крупных латифундий. Чтобы покрыть долги, рабовладелец усиливал эксплуатацию рабов. В случае несостоятельности рабовладелец вынужден был отдавать ростовщику в уплату за долги свои громадные имения со всем мертвым и живым инвентарем, в том числе и рабами.

Противоречие между должниками и кредиторами значительно способствовало развитию рабовладельческого строя. Маркс указывал, что в античном мире классовая борьба разыгрывается преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором

и в Риме кончается гибелью должника-плебея, который замещается рабом.

Несмотря на значительное развитие товарно-денежных отношений, они все же не играли самостоятельной роли в том смысле, что сами по себе они были недостаточны, чтобы создать новый способ производства или вызвать переход от одного способа производства к другому.

Разлагая натуральное хозяйство, торговля содействовала возникновению нового рабовладельческого способа производства и его развитию.

«Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на месте старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же в зависимости от исходного пункта оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»⁵⁹.

С другой стороны, способ производства определяет те границы, в которых могут развиваться товарно-денежные отношения.

Рабовладельческий способ производства ставил довольно узкие границы для развития товарно-денежных отношений, так как он базировался на натуральном присвоении рабочей силы рабов путем внеэкономического принуждения.

Как мы видели, главным источником пополнения рабочей силы была война, разбой. Маркс писал, что разбой обходится без посредства процесса обращения, представляя собой натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения.

Юридическая зависимость раба от рабовладельца и внеэкономическое принуждение препятствовали превращению рабочей силы раба в товар. Раб не был собственником своей рабочей силы и поэтому не имел права ее продавать. Он сам и его рабочая сила составляли собственность рабовладельца. Поэтому товарное производство в условиях рабовладельческого строя не могло послужить базой для развития капиталистических отношений.

9. Противоположность между умственным и физическим трудом в древнем мире

Большую роль в развитии рабовладельческого строя сыграло общественное разделение труда в форме отделения умственного труда от физического.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 364—365.

Массовое применение рабского труда создало возможность для освобождения господствующих классов рабовладельческого общества от физического труда.

По мере развития рабовладельческого способа производства физический труд все больше перекладывался на рабов. Это дало возможность рабовладельцам заняться умственным трудом. У рабовладельцев постепенно развилось глубочайшее презрение к физическому труду, как к занятию, недостойному свободного человека. Отсюда характерная черта рабовладельческого строя — разрыв между умственным и физическим трудом.

Поскольку рабовладельческий строй не мог вступить на путь сколько-нибудь значительного развития техники, так как базировался на подневольном рабском труде, постольку и умственная жизнь господствующих классов сосредоточилась не столько на вопросах производства, техники и т. п., сколько в области политики, философии и искусства. О древнегреческом искусстве и эпосе Маркс писал, что до сих пор они «... продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом»⁶⁰. Но греческое искусство, — продолжает Маркс, — «... неразрывно связано с тем, что незрелые общественные условия, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова»⁶¹.

Основой этого пышного расцвета древнегреческого искусства и науки служил, как мы уже отмечали, подневольный, отупляющий труд десятков и сотен тысяч рабов. По словам Энгельса, «... пока человеческий труд был еще так малопроизводителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой. Простейшей, наиболее стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было как раз рабство»⁶². В дальнейшем своем развитии отрыв рабовладельцев от производительного труда породил среди них паразитизм.

Огромные массы прибавочного продукта, выколачиваемые из рабов, богатства, нагراбленные в многочисленных войнах против варваров, как презрительно римляне называли иноплеменников, полный отрыв рабовладельцев от производительного труда — все это создало идеал праздной жизни, полной утонченных наслажде-

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 737.

⁶¹ Там же, стр. 738.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 186.

ний, породило страсть к наживе, ослепительную роскошь, оргии и разврат. Паразитизм до такой степени овладевает господствующими классами, особенно к концу существования рабовладельческого строя, что и умственный труд рабовладельцы все более перекладывают на рабов.

Все это говорило уже о явных признаках загнивания рабовладельческого строя. Праздность и паразитизм разъедали его, как ржавчина разъедает металл.

10. Разложение рабовладельческого строя

Рабовладельческий строй двинул вперед развитие производительных сил по сравнению с первобытнообщинным строем, которому он пришел на смену.

Перечислим главные достижения рабовладельческого строя: во-первых, прогресс сельскохозяйственного производства, некоторое улучшение орудий и приемов в области земледелия и скотоводства; во-вторых, значительное развитие ремесленного искусства (зарождение множества новых ремесел и развертывание существовавших раньше), известное улучшение ремесленных орудий; в-третьих, значительное развитие общественного разделения труда и обмена; в-четвертых, прогресс в области науки и особенно расцвет искусства. «Только рабство, — говорит Энгельс, — сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма»⁶³.

Однако возможности развития производительных сил, заложенные в рабовладельческом способе производства, были очень ограничены. Рабовладельческий строй не смог вступить на путь сколько-нибудь значительного развития техники в силу тех противоречий, которые существовали в самой системе рабовладельческой эксплуатации.

Противоречие рабовладельческого строя заключалось в том, что рабство, открывая известные возможности для развития производительных сил, вместе с тем по мере своего распространения все более и более превращало труд в глазах рабовладельцев

⁶³ Там же, стр. 185—186.

в позорящее дело, недостойное свободного человека, разлагало самого производителя, порождало паразитизм среди господствующих классов рабовладельческого общества и тем самым убивало стимулы для дальнейшего подъема производительных сил. «*Рабство*, — говорит Энгельс, — там, где оно является господствующей формой производства, — превращает труд в рабскую деятельность, т. е. в занятие, бесчестящее свободных людей. Тем самым закрывается выход из подобного способа производства, между тем как, с другой стороны, для более развитого производства рабство является помехой, устранение которой становится настоятельной необходимостью. Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия»⁶⁴.

По мере развития рабовладельческого строя рабовладельцы все более и более отходили от непосредственного руководства производством, перекладывая его на управляющих и надсмотрщиков, которые большей частью вербовались из тех же рабов. Рабы же не были заинтересованы в развитии производства. Последнее обстоятельство отмечали древние писатели еще в условиях патриархального рабства. Так, в «Одиссее» говорится: «Раб нерадив; не принуди господин повелением строгим к делу его, за работу он сам не возьмется охотой».

Эта нерадивость раба со все возрастающей силой давала себя знать в дальнейшем по мере того, как труд раба превращался в основу рабовладельческого строя, а эксплуатация принимала все более хищнические формы.

Касаясь жалоб на неплодородие полей, Колумелла объясняет это незаинтересованностью рабов в своем труде. Он говорит, что указанные явления вызваны вовсе не недостатками климата, а тем, что обработку полей мы предоставили худшим рабам, словно отдав ее в наказание палачу, тогда как лучшие из наших предков сами занимались ею с величайшим старанием.

Обострение борьбы между рабовладельцами и рабами привело к тому, что рабы массами убегали от своих господ и все чаще выступали вооруженными отрядами против рабовладельцев.

Все это подрывало основу рабовладельческой системы эксплуатации.

Обострялись также противоречия между крупными землевладельцами и крестьянами, между кредиторами и должниками. Крестьяне под влиянием конкуренции рабского труда, под бременем войн, налогов и ростовщичества разорялись и превращались в люмпен-пролетариев.

Таким образом, рабство, обеспечившее на первых порах известный прогресс в области производительных сил, в своем дальнейшем развитии постепенно становилось тормозом всякого прогресса.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 643.

Разорение крестьянства означало также подрыв военной мощи рабовладельческого общества. В результате подрыва экономической и военной мощи рабовладельческого общества войны, которые велись с окружающими варварами главным образом с целью добычи рабов, из наступательных стали оборонительными. Источник дешевой рабочей силы иссяк.

Начался общий упадок производства — результат недостатка рабочей силы. Прежде всего пострадало земледелие. В латифундиях началась замена земледелия скотоводством, которое требовало меньше рабочих рук. Но затем пришло в упадок и скотоводство. Пастбища, вытеснившие пашню, превратились в пустоши. Крупные рабовладельческие хозяйства пришли в упадок. Рабский труд становился все более невыгодным, латифундии перестали приносить доход.

Как мы уже указывали, малопроизводительный рабский труд был выгоден благодаря его дешевизне и массовой эксплуатации, позволявшей использовать преимущества простой и, отчасти, сложной кооперации. Сокращение притока рабов, естественно, делало невозможным их массовое применение и лишало рабовладельцев тех преимуществ, которые им давала кооперация рабского труда. С другой стороны, рабы вздорожали, в силу чего исчезло второе преимущество рабского труда — его дешевизна. Это привело к тому, что мелкое хозяйство вновь стало единственной окупающей себя формой.

В то же время обеднение крестьянства заставляло крупных рабовладельцев переходить от денежной арендной платы, которую немногие крестьяне в состоянии были уплачивать, к натуральной — из части урожая. Крупные рабовладельческие латифундии одна за другой разбивались на мелкие парцеллы, которые сдавались в аренду разоренным крестьянам, за что те уплачивали $\frac{5}{6}$, а иногда и $\frac{9}{10}$ собранного продукта. Парцеллы часто сдавались в аренду бывшим рабам, которые прикреплялись к своему участку и платили оброки землевладельцу. Так возник колонат — слой мелких крестьян, которые вели свое самостоятельное хозяйство на государственной или частновладельческой земле за установленную сумму повинностей.

Различия между колонами-крестьянами и колонами-рабами постепенно стирались. Возник класс зависимых крестьян. Это были зачатки феодализма в недрах рабовладельческого строя.

Упадок сельского хозяйства в свою очередь подрывал ремесленное производство, для которого деревня была частью источником сырья и жизненных средств, частью рынком. С другой стороны, ремесленное производство, так же как и сельское хозяйство, испытывало недостаток в рабах.

Разложение рабовладельческого строя сопровождалось огромным разрушением производительных сил: ремесло и земледелие пришли в упадок, торговля замерла, численность населения уменьшилась, города все более утрачивали свое бывшее экономиче-

ское и политическое значение. Земледелие становилось главным занятием населения.

Рабовладельческая система эксплуатации изжила себя не только экономически, но и политически. Политическим результатом господства рабовладельцев было крайнее обострение классовой борьбы рабов против рабовладельцев. Этим и был нанесен последний, решающий удар рабству.

История рабовладельческого строя богата восстаниями рабов против рабовладельцев как в Греции, так и в Риме. Необходимо отметить сицилийское восстание, вспыхнувшее в 30-х годах II в. до н. э., когда рабы под предводительством Ахея и Клеона овладели крепостью Энной и рядом городов Сицилии и держались в течение нескольких лет, успешно обороняясь от римских войск. Наиболее мощным восстанием рабов, потрясшим до основания здание Римской империи, было спартаковское, вспыхнувшее в 73 г. до н. э. Спартак создал мощную армию в 120 тыс. человек, которая нанесла ряд серьезных поражений римским войскам и навела страх на господствующие классы Римской империи. Однако и это восстание было подавлено рабовладельцами с неслыханной жестокостью. Шесть тысяч крестов с распятыми на них рабами были установлены победителями по обе стороны дороги, ведущей от Капуи до Рима.

Восстания рабов переплетались, а подчас сливались с восстаниями разоряемых крестьян и колонов. Эти восстания усилились к концу существования рабовладельческого строя.

Однако ни класс рабов, ни класс мелких производителей — крестьян и ремесленников — не мог быть носителем нового способа производства. Идеал рабов заключался в возврате к патриархально-родовым отношениям. Восстания рабов носили стихийный, неорганизованный характер. Не было и не могло быть руководящей силы, которая возглавила бы и организовала это движение.

Огромное революционное значение этих восстаний заключалось в том, что они в корне подорвали основы рабовладельческого строя. Каждое восстание рабов, принимавшее массовый характер, приводило к расстройству рабовладельческого хозяйства, основанного на эксплуатации рабского труда. Кроме того, и после подавления восстаний рабовладельцы недосчитывали обычно очень большого количества рабов, что не могло не наносить ущерба экономической мощи рабовладельческого строя.

Другим результатом восстаний рабов явился подрыв политической и военной мощи рабовладельческого строя, дезорганизация тыла рабовладельцев, вынужденных вести бесчисленные войны с окружающими их варварами и переходить все больше и больше от нападения к обороне.

Одновременно с ростом разложения Римской империи и ослаблением ее внутренней мощи участились нападения воинственных германских племен.

Все это подготовило гибель рабовладельческого строя. В этих

условиях завоевание Рима варварами явилось только внешним выражением уже совершившегося крушения некогда грозной и могучей Римской рабовладельческой державы.

Однако гибель рабовладельческой формации и переход к феодализму еще не означали полного уничтожения рабства. В разные периоды в разных странах сохранялось рабство, достигая по временам значительных размеров в форме так называемого плантационного рабства.

11. Экономические воззрения греков и римлян

Экономические воззрения греков и римлян отражают производственные отношения рабовладельческого общества. Это особенно ярко обнаруживается в высказываниях древних писателей о рабстве.

Не зная никакого другого общественного строя, древние считали рабство естественным и неизменным законом природы. Так, замечательный мыслитель древности Аристотель учил, что природа создает одних людей для свободы, других для рабства. Философ-идеалист Платон в своем изображении идеального государства считает невозможным обойтись без рабов.

По словам Платона, занятия ремеслами унижают людей; ремесленники должны быть лишены политических прав. Ксенофонт утверждает, что физический труд бесчестит гражданина, уродует тело, не оставляет досуга ни для занятий общественными делами, ни для беседы с друзьями. «Вся наука хозяина, — говорит Аристотель, — сводится к умению пользоваться своим рабом».

Идеал древних — извлекать все необходимое непосредственно из труда своих рабов, без помощи обмена. Этот идеал отражал натуральный в своей основе характер рабовладельческого производства. Но рабовладельческое хозяйство в то же время знало общественное разделение труда. Поэтому в литературе рабовладельческого общества встречаются нередко мысли о разделении труда. Древние писатели ценили разделение труда главным образом потому, что оно способствовало улучшению качества продуктов, повышению их потребительной стоимости.

Древние писатели не могли пройти и мимо товарно-денежных отношений, торговли и ростовщичества, игравших важную, хотя и подчиненную, роль в развитии рабовладельческого строя. Так, Аристотель утверждал, что существуют две науки — экономия и хремастика. Первая изучает богатство как совокупность потребительных стоимостей, вторая изучает богатство в денежной форме. К хремастике Аристотель относит торговлю и ростовщичество. Истинное богатство, по Аристотелю, состоит из потребительных стоимостей. Если приобретение потребительных стоимостей имеет свои границы, то стремление к приобретению денежного богатства не знает границ. В товаре Аристотель различает «естественную пользу предмета», т. е. его потребительную стоимость, и «искус-

ственную пользу предмета», т. е. меновую стоимость. Аристотель подверг глубокому для своего времени анализу обмен товаров и пришел к мысли, что в основе обмена лежит равенство. Дойти до мысли о том, что в основе равенства товаров лежит труд, Аристотель не смог. Это объясняется условиями рабовладельческого строя, в которых жил Аристотель.

В обществе, где труд презирился, где он считался занятием, недостойным свободного человека, не могла возникнуть идея труда как основы равенства обмениваемых товаров. «Гений Аристотеля, — говорит Маркс, — обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит «в действительности» это отношение равенства»⁶⁵.

В древней литературе можно встретить также высказывания и по вопросу о торговле. Торговый капитал эксплуатировал и производителей и потребителей. Антагонизм интересов торгового капитала и других классов общества выступал очень ярко. Отсюда враждебное отношение большинства древних писателей к торговле и торговцам. Платон утверждал, что купцы, привыкшие лгать и обманывать, могут быть лишь терпимы в государстве как неизбежное зло, что для гражданина торговать — преступление. Он требовал ограничения прибыли для купцов. Цицерон же считал мелочную торговлю гнусным делом и допускал только крупную торговлю.

Можно найти в литературе древнего мира и нападки на ростовщичество. Аристотель, например, считает, что рождение денег из денег противно природе. Но все же ростовщичество было занятием более уважаемым, чем торговля. Последняя требовала в те времена много предприимчивости и связана была с большим риском. Воспитанные в безделии, знатные рабовладельцы не обладали необходимой для торговли энергией. Ростовщичество же было гораздо более легким и не менее прибыльным делом, и аристократы охотно им занимались. Помпей, Сулла, Антоний, даже патриоты Брут и Кассий не стеснялись давать ссуды за громадные проценты — 48—70% в год. Борьба эвпатридов с демократами в Афинах, борьба патрициев с плебеями в Риме была по преимуществу борьбой кредиторов с должниками.

Большое место в античном мире занимала политика. Стремление к политической деятельности Аристотель даже считал отличительной чертой человека. «Человек, — говорил он, — есть по самой природе своей животное политическое».

Между различными группировками господствующих классов, а также между рабовладельцами и мелкими производителями существовали многообразные противоречия. Сюда надо отнести противоречия между городом и деревней, между кредиторами и

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 70.

должниками, между крупным и мелким землевладением. Все эти противоречия рабовладельческого общества проявлялись в политической борьбе.

Как мы уже отмечали, большую роль в развитии рабовладельческого способа производства играла борьба между крупным и мелким земледелием.

Рост крупных рабовладельческих латифундий сопровождался разорением мелких земледельцев — крестьян.

В условиях рабовладельческого строя часто вспыхивали крестьянские восстания. Эти восстания находили свое отражение в идеологии общества и в экономической мысли, в частности. Разоряемое крестьянство выдвигало требования ограничения крупного рабовладельческого земледелия и передела земель.

В этом заключалась суть реформы, за которую боролись и сложили свои головы братья Гракхи.

Однако все эти восстания не могли предотвратить процесса разорения крестьянства и превращения его в люмпен-пролетариат. Идеалы крестьян и колонов не шли дальше борьбы за ограничение крупного землевладения и укрепление мелкого крестьянского производства путем прежде всего наделения его землей.

Основным противоречием рабовладельческого способа производства было противоречие между рабовладельцами и рабами. И вся многообразная политическая борьба среди свободного населения, которая заполняет собой историю рабовладельческого строя, велась в конечном счете за участие в дележе прибавочного продукта рабского труда.

Рабы представляли низший, совершенно бесправный слой общества, вещь, с которой рабовладелец мог делать, что угодно, вплоть до лишения жизни. Положение рабов было хуже положения домашних животных. Мы видели, что Катон, проявлявший такую заботу о надлежащем содержании скота, не распространял ее на говорящий скот — рабов.

Тяжелый труд без отдыха, под плетью надсмотрщика, чрезвычайно скудная пища, жалкие клетушки и мрачные подземелья, заменявшие жилища, и в результате преждевременная старость и смерть — таков был удел рабов.

Поэтому восстания рабов заполняют собой всю историю рабовладельческого строя, превращаясь по временам в настоящие войны рабов против рабовладельцев, потрясавшие до основания Римскую империю.

Однако законы развития рабовладельческого способа производства не создавали и не могли создать предпосылок для того, чтобы рабы явились тем классом, который выступил бы с идеей более передового способа производства.

К сожалению, в исторических памятниках, относящихся к древнему миру, имеется очень мало указаний на те идеалы и цели, которые преследовали рабы, восставая против своих поработителей.

Целью наиболее мощного восстания рабов-спартаковцев было освобождение рабов от оков рабства и возврат к тем условиям производства, из которых они насильственно были вырваны римским завоеванием.

Спартак поставил перед собой задачу выведения рабов из Италии на родину.

Конкретных данных о хозяйственных порядках, которые устанавливали у себя рабы во время восстания в захваченных ими районах, почти нет. Можно сказать только одно, что при дележе захваченной добычи и в отношениях между собой они проводили принцип равенства.

В исторических источниках есть указание на попытки увлечь рабов более высокими идеалами создания нового государства, основанного на свободе и братстве. Такую конечную цель выдвинул вождь Пергамского восстания рабов в Малой Азии — Аристоник. Свое будущее государство, основанное на свободе и братстве, он назвал государством солнца, граждан этого государства гелиополистами, т. е. гражданами солнца.

Однако дальше этой крайне общей и неопределенной идеи дело не пошло.

Да и самые эти идеи равенства и братства были скорее воспоминанием о прошлом, о первобытнообщинном строе, чем прогнозом или предчувствием будущего, более совершенного общественного строя, не знающего эксплуатации человека человеком.

Громадное прогрессивное значение революционных восстаний рабов заключалось не в тех положительных идеалах, которые они перед собой ставили, а в том, что они низвергли рабовладельческий строй и тем самым расчистили дорогу для развития более прогрессивного феодального способа производства.

Экономические воззрения рабовладельцев в период возникновения рабовладельческого строя и его прогрессивного развития сыграли положительную роль, явились одним из необходимых факторов расцвета древнего мира.

В период разложения и упадка рабовладельческого способа производства, когда назрела потребность в переходе к феодализму, рабовладельческая идеология с ее взглядом на раба, как на вещь, с ее глубоким презрением к труду, как занятию, недостойному свободного человека, стала величайшим тормозом.

Для победы нового, более прогрессивного способа производства необходим был пересмотр рабовладельческой идеологии. В те времена идеология неизбежно принимала религиозную форму.

Поэтому пересмотр рабовладельческой идеологии осуществился в возникновении новой религии — христианства.

Как мы видели, рабовладельческое общество зашло в тупик. Рабовладельцы превратились в паразитов, относящихся с глубоким презрением ко всякому труду; рабы с ненавистью относились к труду как подневольному занятию; крестьяне разорялись и

превращались в люмпен-пролетариат, влачащий нищенское существование за счет подачек со стороны рабовладельцев.

Выход из этого тупика был невозможен ни путем оживления умирающего рабства, к чему стремились рабовладельцы, ни с помощью возврата к родовому строю и общинному владению землей, к чему стремились рабы, ни путем увековечения мелкого крестьянского производства, к чему стремилось разоряемое крестьянство.

«Где же был выход, где было спасение для порабощенных, угнетенных и впавших в нищету — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же найти такой выход было необходимо для того, чтобы все они оказались охваченными единым великим революционным движением.

Такой выход нашелся. Но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей выход мог быть лишь в области религии... Но вот появилось христианство, оно всерьез приняло воздаяние и кару в потустороннем мире, создало небо и ад, и был найден выход, который вел страждущих и обездоленных из нашей земной юдоли в вечный рай»⁶⁶.

Поэтому первоначально христианство возникает как религия рабов, разоряемых крестьян и люмпен-пролетариев.

В противоположность рабовладельческой идеологии, исходившей из того, что одни являются от рождения господами, а другие рабами, христианство провозгласило равенство этих людей.

Хотя это равенство было обещано не в земной жизни, а в загробной, тем не менее оно отражало стремление к действительному социальному равенству трудящихся и обремененных.

Первые христиане были организованы в общины, которые имели общие трапезы и помогали друг другу, живя в значительной степени за счет пожертвований и подааний.

В идеологии первоначального христианства нашла свое отражение психология люмпен-пролетария, привыкшего жить за счет подачек, хлебных раздач и пособий.

Это сказалось на отношении первых христиан к труду. Христиане призывались к тому, чтобы не заботиться о земных благах, а жить как птицы небесные, которые не сеют, не жнут.

Выступив на историческую сцену как религия трудящихся и обремененных, христианство скоро превратилось в религию господствующих классов нового нарождающегося феодального способа производства. Господствующие классы нашли в христианской религии, в ее проповеди смирения, непротivления властям предержащим (ибо «нести власти аще как от бога») надежное орудие обмана и эксплуатации трудящихся, отвлечения их от классовой борьбы.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 483.

С другой стороны, для победы и развития нового способа производства необходимо было преодолеть то презрение к труду, которое господствовало в рабовладельческом обществе в период его разложения.

По мере превращения христианства из религии рабов и люмпен-пролетариев в религию господствующих классов меняется отношение к труду. Блаженный Августин громит праздных монахов, которые свою праздность пытаются оправдать ссылкой на слова Христа о птицах, которых питает отец небесный.

Он говорит, обращаясь к монахам, что нечего ссылаться на птиц небесных, так как у них нет полных житниц, а «вы хотите иметь праздные руки и полные хлеба амбары».

Августин считает нерушимой евангельской заповедью — кормиться ручным трудом. Выше всего Августин ставит земледельческий труд и с осуждением относится к торговле. Взгляды Августина отражали тот факт, что в результате крушения рабовладельческого строя торговля захирела, города опустели, земледелие стало основным занятием населения.

Таким образом, христианское учение в период разложения рабства и возникновения феодализма сыграло свою прогрессивную роль, содействуя переходу общества от рабства на более высокую ступень — к феодализму.

12. Фальсификация фашистами истории рабовладельческого общества

Гитлеровский империализм, стремясь к порабощению мира, свои идеологические установки заимствует из идеологии рабовладельцев. Идеал Гитлера — превращение Германии в мировую рабовладельческую державу по типу Римской империи.

Старая идея рабовладельцев о прирожденных господах и рабах составляет содержание фашистской расовой теории. «Высшая северная» германская раса должна превратить в рабов всю Европу, весь мир — такова цель Гитлера.

Так же как в свое время рабовладельцы, фашисты воспевают насилия и войны, которые они считают естественным состоянием человечества.

Гитлер, по свидетельству Раушнинга, прямо говорил: «Жизнь есть война. Всякая борьба, которую мы ведем, есть война. Война является естественным состоянием человека».

Точно так же практика рабовладельческих завоевателей во многом напоминает практику фашистских агрессоров.

Однако грабежи и разбой рабовладельцев бледнеют перед разбоем и зверствами фашизма.

Имеется и разница между идеологией и практикой рабовладельцев античного мира и идеологией и практикой современного фашизма. Около двух тысяч лет отделяет нас от рабовладельческого способа производства. В свое время в период разложения

первобытнообщинного строя рабовладельческий строй явился необходимым этапом развития общества. Но теперь это давно прошедшая ступень общественного развития.

Как возникновение, так и гибель рабовладельческого строя фашисты объясняют при помощи всепасающего рецепта — расовой теории.

Если возникновение и расцвет рабовладельческой культуры имеют своим источником арийскую северную расу, то гибель рабовладельческого общества объясняется вырождением этой расы. Так, Гюнтер утверждает, что гибель Афин произошла благодаря исчезновению северной расы среди верхушки рабовладельческого общества, вследствие гибели ее представителей в войнах, а также вследствие сознательного предупреждения рождаемости.

Причины гибели рабовладельческого общества, указываемые фашистами, не имеют ничего общего с действительностью.

Рабовладельческий строй погиб, как мы видели, вследствие того, что он в ходе своего развития превратил труд в позорное дело, недостойное свободного человека, господствующие классы — в паразитов, убил всякий стимул развития производства у рабов — этой основной производительной силы рабовладельческого общества, а массы крестьянского населения превратил в люмпен-пролетариат.

Обострение противоречий рабовладельческого общества привело к резкому усилению борьбы рабов против рабовладельцев и тем самым к подрыву экономической основы рабства. Революция рабов нанесла решающий смертельный удар, от которого погибла Римская рабовладельческая держава. Такова действительная причина гибели рабовладельческого строя.

Как известно, гибель рабовладельческого строя еще не означала исчезновения рабства. В разных странах и в разные периоды рабство продолжало сохраняться. Рабство явилось одним из методов первоначального накопления капитала.

Наибольшего развития в период зарождения капитализма рабство достигло в Южных штатах Америки. Огромный толчок развитию рабства в Америке дал рост хлопчатобумажной промышленности. Плантационное рабство в Америке, возникнув в период первоначального накопления, в дальнейшем стало тормозом для развития производительных сил и было сметено. Все прогрессивное, передовое человечество приветствовало отмену рабства в Америке — этот пережиток глубокой древности. Иначе подходят к оценке этого явления фашисты.

По свидетельству Раушнинга, Гитлер по вопросу об Америке говорил, что американцы вступили в фазу расового и политического упадка начиная с войны за независимость, когда Южные штаты были побеждены. Кадры великой социальной иерархии, опиравшиеся на идею рабства и неравенства, были разрушены и с ними якобы было разрушено будущее великой Америки.

Здесь Гитлер с непревзойденным цинизмом расценивает отмену рабства в Америке как фактор ее разложения, он мечтает вернуть Америку к временам рабства.

Между тем именно отмена рабства и отсутствие в Америке феодально-крепостнических пережитков открыли перед ней широкую перспективу экономического развития и обусловили ей первое место по уровню и темпам развития производительных сил в ряду всех капиталистических стран мира.

Так фашистские мракобесы фальсифицируют историю, выбалтывая свои сокроенные мысли о восстановлении рабства во всем мире.

Феодальный строй

1. Возникновение феодального строя

Эпоха господства феодализма в Западной Европе охватывает длительный период, примерно в 13 веков, начиная с V в. н. э. до XVIII в.

Первый этап — возникновение феодализма — начинается с V в. и завершается в половине XI в.

Феодализм возник на развалинах Римской рабовладельческой империи. Его возникновение некоторые ученые объясняют фактом завоевания Римской империи варварами. Такая точка зрения является в корне неправильной.

Само по себе завоевание не может создать нового способа производства, если для него не созрели условия в материальном производстве и прежде всего в области производительных сил.

Энгельс, критикуя теорию насилия, указывал, что состояние банкира, заключающееся в бумагах, нельзя вовсе захватить, если захватчик не подчинится условиям производства и обращения завоеванной страны.

Касаясь причин возникновения феодализма, Маркс и Энгельс писали:

«Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания, и эта организация лишь после завоевания, — благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах, — развилась в настоящий феодализм»⁶⁷.

Феодализм возник благодаря взаимодействию между новыми производительными силами и элементами новых феодальных отношений, зародившимися в виде колоната в Римской империи, и военной организацией завоевавших ее варварских племен.

Рабство изжило себя, а исторические условия для наемного труда еще не сложились. Дальнейший шаг вперед в деле развития

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 74.

производительных сил мог быть сделан в этих условиях лишь на базе хозяйства мелкого зависимого производителя, в известной мере заинтересованного в своем труде.

В конце существования Римской империи развивался быстрыми темпами процесс закрепощения колоннов.

Колонны обязаны были обрабатывать землю землевладельца, уплачивать ему значительную долю собранного ими урожая и, кроме того, выполнять целый ряд повинностей: строить и ремонтировать дороги и мосты, обслуживать своими лошадьми и повозками перевозки как людей, так и грузов, работать в пекарнях и т. д. Колон все более и более прикреплялся к земле, становился, как выражались древние, «рабом земли». Продавать и покупать землю разрешалось только вместе с колоннами.

Одновременно совершался процесс закрепощения и ремесленников.

С прекращением притока рабов острый недостаток в рабочей силе стали испытывать прежде всего предприятия, занимающиеся добычей железной руды, производством всевозможных тканей и предметов роскоши, а также предприятия, связанные с работами по снабжению населения городов.

Был издан целый ряд декретов, запрещающих ремесленникам покидать предприятия и менять свою профессию. Оружейникам на руке выжигали даже специальное клеймо, чтобы облегчить их поимку в случае бегства.

Существовали и другие драконовы меры, направленные к закрепощению ремесленников.

Так совершался процесс феодализации в недрах разлагающейся Римской рабовладельческой империи.

Крушение рабовладельческого строя сопровождалось огромным разрушением производительных сил. «Последние века приходящей в упадок Римской империи и самое завоевание ее варварами, — писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — разрушили массу производительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, из-за отсутствия сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно прервана, сельское и городское население убыло»⁶⁸.

Земледелие стало почти единственным занятием населения.

Таким образом, германские племена, завоевавшие Римскую империю, нашли там зародыши феодальных отношений. Сами эти племена имели военную организацию. Они переживали стадию разложения первобытно-общинного строя и развития патриархального рабства — тот этап в развитии общества, когда, по словам Энгельса, война и военная организация становятся нормальными функциями народной жизни, когда война начинает вестись «ради грабежа становится постоянным промыслом»⁶⁹. Укрепле-

⁶⁸ Там же, стр. 22.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 164.

нию и развитию военной организации варварских племен содействовало непосредственное их соседство с римлянами, с которыми они вели постоянные войны. Эти войны, как мы знаем, в конце концов привели к завоеванию Римской империи варварами.

На развалинах некогда могучей Римской империи возникло множество мелких государств. Самый факт завоевания в огромной степени ускорил разложение родового строя, который еще сохранился у варваров. Родовой строй был несовместим с новыми отношениями, установившимися в результате завоевания варварами Римской империи; «...невозможно было, — говорит Энгельс, — ни принять массы римлян в родовые объединения, ни господствовать над ними посредством последних... Органы родового строя должны были поэтому превратиться в органы государства, и притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро. Но ближайшим представителем народа-завоевателя был военачальник. Защита завоеванной области от внутренней и внешней опасности требовала усиления его власти. Наступил момент для превращения власти военачальника в королевскую власть, и это превращение совершилось» ⁷⁰.

Военная организация варварских племен облегчала им усвоение новых феодальных отношений, развивавшихся на территории бывшей Римской империи.

«Имевшиеся налицо отношения и обусловленный ими способ осуществления завоевания, — говорят Маркс и Энгельс, — развили, под влиянием военного строя германцев, феодальную собственность» ⁷¹.

Германцы, гунны и другие племена, завоевавшие Древнеримскую империю, присвоили и поделили между собой приблизительно $\frac{2}{3}$ всей занятой земли.

Часть завоеванных земель осталась в общем владении отдельных племен и родов. Короли присвоили эти земли себе и начали их раздавать своим дружинникам, приближенным и т. д.

«Так, — говорит Энгельс, — за счет народа создавалась основа новой знати» ⁷².

Королевская власть была еще слаба. Каждый крупный землевладелец имел свое войско, старался быть независимым от королевской власти и стремился к захвату соседних земель. Отсюда постоянные войны и междоусобицы между отдельными государствами, а также между отдельными феодалами. От этих междоусобиц особенно сильно страдало свободное крестьянство. К началу IX столетия свободные земледельцы были совершенно разорены. Феодалы грабили их, захватывали их земли. Слабая королевская власть не могла их защитить. С другой стороны, и сами крестьяне, доведенные до отчаяния грабежами и поборами, вынуждены были

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 150—151.

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 22.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 151.

нередко прибегать к защите знатных феодалов и церкви. Но эта защита доставалась им чрезвычайно дорогой ценой — ценой отказа от прав собственности на землю и отдачи себя в кабалу знатым и могущественным покровителям.

В одной из кабальных грамот, относящихся к истории Франкского государства IX в., говорится: «Господину брату такому-то... Всем ведомо, что крайняя бедность и тяжкие заботы меня постигли, и совсем не имею, чем жить и одеваться. Посему, по просьбе моей, ты не отказал в величайшей моей бедности вручить мне из своих денег столько-то солидов, а мне совсем нечем выплатить эти солиды. И вот я просил совершить и утвердить закабаление тебе моей свободной личности, чтобы отныне вы имели полную свободу делать со мной все, что вы уполномочены делать со своими прирожденными рабами, именно: продавать, выменивать, подвергать наказанию»⁷³.

Так крестьяне постепенно теряли не только землю, но и личную свободу и превращались в крепостных.

Огромное количество земель и крепостных крестьян сосредоточилось в руках церкви и монастырей. Церковь была авторитетной идеологической и политической силой, которую каждый феодал стремился иметь на своей стороне в борьбе с другими феодалами. Авторитет церкви был необходим феодалам также для того, чтобы держать в узде крепостное крестьянство. В силу этого короли и крупные феодалы дарили церкви земли и поместья.

Многие крестьяне также вынуждены были идти в кабалу к монастырям по тем же причинам, которые толкали их в кабалу к феодалам, с тем только различием, что в данном случае закабаление принимало религиозную оболочку.

Так, в одной из грамот, относящихся к Франции XI в., говорится о некоем Роджерсе, происходящем от свободного рода, который, страхом божьим движимый, не имея ничего более ценного для приношения всемогущему богу, самого себя отдал в личную крепостную зависимость св. Мартину.

В результате церковь в феодальном обществе выросла в огромную, не только идеологическую, но также экономическую и политическую силу.

Так сложился феодальный способ производства в Западной Европе.

Процесс феодализации в России начался в XI в. До этого земля находилась в распоряжении крестьянских сельскохозяйственных общин.

Община представляла собой совокупность нескольких больших патриархальных семей. Некоторые семьи насчитывали 50 и более человек. Такая численность семей диктовалась низким уровнем развития производительных сил. Господствовала система подсечного и переложного земледелия, требовавшая колоссального труда.

⁷³ «Социальная история средневековья», т. I. Госиздат, 1927, стр. 180.

До XV—XVI вв. Русь представляла собой совокупность отдельных самостоятельных княжеств. Между князьями происходили постоянные междоусобицы, войны.

В этих условиях крестьянству жилось чрезвычайно тяжело. Оно было совершенно беззащитным, подвергалось многочисленным поборам, страдало от бесконечных насилий и войн, происходивших между князьями. Это вынуждало крестьян идти под «высокую руку» какого-либо князя или монастыря. В результате «покровитель» — князь, боярин или монастырь — забирал крестьянскую землю и превращал крестьян в зависимых людей, крепостных, обязанных на него работать.

Средством закрепощения крестьян было также ростовщичество.

В результате князья и бояре стали собственниками огромных имений, насчитывавших тысячи десятин, а монастыри превратились в огромные хозяйственные предприятия, располагающие колоссальными земельными богатствами и владевшие огромным количеством крепостных крестьян.

В XVI в. во многих княжествах древней Руси от 60 до 95 % всей территории находилось в поместном владении князей, бояр, монастырей.

До середины XV в. крестьяне еще не были прикреплены к земле. Они имели право перейти от одного помещика к другому. В 1447 г. Иван III издал закон, в силу которого крестьянин мог переходить от одного помещика к другому только осенью, после окончания полевых работ, в так называемый Юрьев день. В царствование Ивана IV, в конце XVI в., и это право было у крестьян отнято — они были полностью прикреплены к земле, превратились в крепостных.

2. Существо феодальной эксплуатации

При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства — крепостного, которого феодал не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде.

Отличие феодальной эксплуатации от рабовладельческой, таким образом, заключалось, во-первых, в неполной собственности феодала на работника производства — крепостного крестьянина и, во-вторых, в том, что крепостной крестьянин был единоличным собственником орудий производства и своего частного хозяйства, основанного на личном труде.

Таким образом, закрепощенное единоличное крестьянское хозяйство составляло органическую часть феодального способа

производства в отличие от рабовладельческого, где оно было особым укладом.

Основным средством производства при феодализме являлась земля. Земля составляла собственность феодалов. Она распадалась на две части: на барскую землю и крестьянскую. На барской земле помещалась усадьба феодала со всеми службами. Неподалеку от барской усадьбы располагалась крестьянская земля, т. е. земля, которую феодал предоставлял в пользование крестьянам.

Гиббинс в «Промышленной истории Англии» следующими чертами рисует английское поместье XI—XIII вв.

Земля вокруг манор-гауза (замка) абсолютно принадлежала лорду и обрабатывалась рабами или обязанными поселянами под его личным наблюдением или под наблюдением старосты. Все другие земли, находившиеся в пользовании обязанных поселян, назывались оброчными землями.

Пахотная земля, находившаяся в общем пользовании обязанных поселян, была разделена на множество полос, расположенных на разных полях.

Выгонами крестьяне пользовались сообща.

Лес и поемные луга принадлежали лорду. За пользование имп лорд брал особую плату.

Кроме полос в общем поле, некоторые крестьяне могли пользоваться отдельными участками в особо огороженном поле, которое всегда оставлял за собой манор-лорд и сдавал частями за высокую плату.

На пустошах (необработанных землях) крестьяне пользовались правом выгона, а также могли копать торф и рубить кустарник.

Крепостная деревня была организована по типу сельскохозяйственной общины. Решающее влияние на дела общины оказывал феодал.

«Когда феодал — духовный или светский, — говорит Энгельс, — приобретал крестьянское владение, он вместе с тем приобретал и связанные с этим владением права в марке. Таким образом, новые землевладельцы становились членами марки и первоначально пользовались в пределах марки только равными правами наряду с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже если это были их собственные крепостные. Но вскоре, несмотря на упорное сопротивление крестьян, они приобрели во многих местах привилегии в марке, а нередко им удавалось даже подчинить ее своей господской власти. И все же старая община-марка продолжала существовать, хотя и под господской опекой»⁷⁴.

Феодал присваивал в свою пользу прибавочный труд крепостного крестьянина в форме феодальной ренты.

Отличительной чертой феодальной ренты является то, что она включает в себя весь прибавочный труд крепостного крестьянина,

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 338.

а нередко и значительную часть необходимого труда. Феодальная рента прошла в своем развитии три стадии — отработочную ренту, ренту продуктами и денежную ренту. Первые две формы ренты характерны для раннего феодализма, денежная рента становится господствующей на стадии разложения феодализма. Остановимся прежде всего на отработочной ренте.

В виде отработочной ренты, или барщины, феодал непосредственно присваивал прибавочный труд крепостного крестьянина.

Крепостной крестьянин, допустим, половину времени работал на себя на надельной земле, а другую половину — на барской земле в пользу помещика. Земельный надел в данном случае являлся, по выражению Ленина, натуральной формой заработной платы. Феодал, предоставляя в пользование крепостного крестьянина земельный надел, давал ему возможность воспроизводить свою рабочую силу, необходимую для создания прибавочного продукта в пользу феодала.

Таким образом, труд крепостного крестьянина на феодала и на себя здесь был строго разделен в пространстве и во времени.

Род работ, который полагалось совершать крепостному крестьянину, был чрезвычайно разнообразен: пахота, бороньба и прочие сельскохозяйственные работы — перевозка сельскохозяйственных продуктов, бревен, дров, сена, соломы, кирпича, распиловка леса, расчистка скотных дворов, ремонт зданий, заготовка льда и пр.

Поскольку труд крепостного крестьянина на помещика был трудом подневольным, постольку и здесь, как и в рабовладельческом обществе, одной из острых проблем являлась проблема организации труда крестьянина.

У крестьян не было никакого внутреннего побуждения к повышению производительности своего труда при обработке помещичьей земли. Поэтому феодал прибегал к средствам, основанным на устрашении, как-то: палка надзирателя, штраф, назначение на работу сверхурочно. «Крепостническая организация общественного труда, — говорит Ленин, — держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков»⁷⁵.

Отсюда одной из центральных фигур феодального поместья являлся приказчик — непосредственный начальник над дворовыми людьми и крестьянами.

Отработочная рента, или барщина, соответствует наиболее ранней стадии в развитии феодализма.

С ростом производительных сил отработочная рента была заменена продуктовой рентой или оброком. В чем суть оброка и отличие его от барщины? Если при барщине помещик присваивал прибавочный труд крепостного крестьянина, то при оброке он непосредственно присваивает прибавочный продукт, т. е. крестья-

⁷⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 13.

нин обязан ежегодно доставлять помещику бесплатно определенное количество продуктов в натуре. Барщина требовала самого бдительного надзора помещика или его управляющего за трудом крепостных крестьян и была связана с целой системой мер, основанных на устрашении. При оброке помещик требовал от крестьянина поставки определенного количества продуктов, предоставляя ему по своему усмотрению распределять свое рабочее время. Замена барщины оброком была прогрессивным для того времени явлением.

Однако оброк достигал таких громадных размеров, что поглощал нередко не только весь прибавочный продукт крепостного крестьянина, но и значительную часть необходимого продукта. Чтобы уплатить оброк, крестьянин должен был вести полуголодное существование. Помещик самыми жестокими мерами выколачивал оброк с крепостного крестьянина.

Уже при барщинной системе между отдельными крестьянскими семьями имелось имущественное неравенство. Оно вытекало из единоличной собственности крепостных крестьян на орудия производства. Те, которые располагали лучшими орудиями и имели в семье больше работников, находились в лучшем материальном положении. Это неравенство усилилось с переходом к оброчной системе.

Перед более зажиточным крестьянством оброк открывал известные возможности обогащения и расширения своего хозяйства. Поэтому с переходом от барщины к оброку в феодальной деревне растет имущественное расслоение.

Развитие товарно-денежных отношений приводит к тому, что барщина и оброк сменяются денежной рентой. Денежная рента, как мы увидим дальше, знаменует собой уже период разложения феодализма и развития в его недрах капиталистического способа производства.

Указанными формами феодальной ренты далеко не исчерпывались способы присвоения феодалами прибавочного продукта крепостного крестьянина.

Феодал, пользуясь монополией на некоторые средства производства, как, например, мельницы, кузницы и т. д., облагал крепостных крестьян дополнительным налогом в свою пользу.

Он обязывал зависимых от него крестьян пользоваться услугами только его предприятий, например молоть хлеб только на его мельнице. За помол он брал значительную часть хлеба. В случае нарушения этого правила крестьянин обязан был платить феодалу штраф. Феодал мог конфисковать весь смолотый хлеб и даже лошадь, перевозившую этот хлеб.

Особенно тяжелы и унизительны были для крепостных крестьян такие привилегии феодала, как право «первой ночи», по которому всякая девушка, выходящая замуж, должна была отдаваться прежде всего помещику; право «мертвой руки», предоставлявшее помещику право наследования части имущества, остаю-

щегося после смерти крепостного крестьянина; право суда и расправы: наложение штрафов и телесных наказаний.

Крепостной крестьянин обязан был часть своего продукта отдавать в пользу церкви. «На крестьянина, — говорит Энгельс, — ложилась своей тяжестью вся общественная пирамида: князья, чиновники, дворянство, попы, патриции и бюргеры. Принадлежал ли он князю, имперскому барону, епископу, монастырю или городу — с ним всюду обращались как с вещью или вьючным животным, или же еще того хуже ... Большую часть своего времени он должен был работать в поместье своего господина; а из того, что ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов для себя самого, он должен был выплачивать десятину, чинш, поборы, налоги... местные и общеперские подати»⁷⁶.

Феодальная эксплуатация, так же как и рабовладельческая, покоилась на отношениях непосредственного внеэкономического господства и подчинения.

Это внеэкономическое принуждение выражалось в том, что крепостной крестьянин не имел права распоряжаться своей рабочей силой, был прикреплен к помещичьей земле и обязан был работать на помещика. Помещик имел право насильственными методами принуждать крепостного крестьянина к труду, творить над ним суд и расправу.

Маркс указывал, что в условиях феодализма личная зависимость характеризует общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни.

Феодальное хозяйство в своей подавляющей части, в особенности в начальный период своего развития, было хозяйством натурального типа. Свои потребности оно удовлетворяло в основном своим собственным производством.

Ремесло являлось подсобным производством при земледелии. В имениях были крепостные мастеровые: горшечники, бондари, токари, кузнецы, кожевники, плотники и др.

Те немногие работы, которые не могли быть выполнены силами собственных крепостных крестьян, производились странствующими ремесленниками, которые переходили от одного феодального поместья к другому.

В продажу поступала лишь небольшая часть продукта. Торговля была развита чрезвычайно слабо и по преимуществу была внешней. Она еще не проникла глубоко внутрь феодального поместья. Главными объектами торговли были предметы роскоши: редкие ткани, оружие, ювелирные изделия, пряности и т. д., которые привозились главным образом с Востока и покупались феодалами. Торговля велась лишь странствующими купцами. В те времена она была сопряжена нередко с огромными трудно-

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 356.

стями. Каравану приходилось путешествовать с вооруженной охраной для защиты от нападения разбойников и рыцарей.

Натуральное в своей основе хозяйство феодального поместья базировалось на низкой технике производства. Сельскохозяйственный инвентарь был примитивен: соха, борона, мотыга, серп, цеп и т. д. были основными орудиями производства. Господствовали переложная и двухпольная системы земледелия.

Вследствие низкой техники земледелия имели место постоянные неурожаи, сопровождавшиеся голодом и эпидемиями, уносившими огромное количество жизней.

Ленин следующими чертами характеризует феодальный способ производства: «...во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром... Во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землю в частности; мало того—чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки... В-третьих, условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение»... Наконец, в-четвертых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»⁷⁷.

Феодальный способ производства явился более прогрессивным по сравнению с рабовладельческим и открыл больший простор для развития производительных сил.

Преимущество феодальной системы хозяйства перед рабовладельческой заключалось в том, что она содержала в себе некоторый стимул, толкавший крепостного крестьянина на путь развития своего производства, между тем как рабовладельческая система убивала у раба всякий стимул к повышению интенсивности и производительности своего труда.

Некоторая заинтересованность крепостного крестьянина в труде вытекала из того, что часть времени он работал на себя и был собственником орудий труда и своего частного единоличного хозяйства. Ту часть времени, которую крепостной крестьянин работал на себя на надельной земле, он старался использовать с наибольшей интенсивностью и производительностью.

Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» приводит характерный разговор с крестьянином, которого он встретил

⁷⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 184—185.

в жаркий праздничный день на поле пашущим землю с «великим тщанием» и поворачивающим соху с удивительной легкостью. Радищев сразу вывел отсюда заключение, что это земля не господская, и спросил крестьянина, так ли он работает на своего господина. Крестьянин ему ответил, что грешно было бы так работать на господина, так как у помещика на пашне «сто рук для одного рта», а у него, крестьянина, «две для семи ртов». «Да хотя растянись на барской работе, — заключил он, — спасибо не скажут» ⁷⁸.

В этой возможности часть времени работать на наделной земле в свою пользу и заключалось преимущество феодального способа производства перед рабовладельческим.

Маркс говорит: «...производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается с ростом его опыта, — совершенно так же, как новые потребности, которые у него возникают, совершенно так же, как расширение рынка для его продукта, возрастающая обеспеченность использования этой части его рабочей силы будут поощрять его к усиленному напряжению рабочей силы, причем не следует забывать, что применение этой рабочей силы отнюдь не ограничивается земледелием, но включает и сельскую домашнюю промышленность. Здесь дана возможность известного экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств...» ⁷⁹.

Экономический интерес вынуждал считаться с этим фактором и помещиков. Помещики, так же как и рабовладельцы, руководствовались в своей хозяйственной деятельности стремлением извлечь как можно больше прибавочного продукта из труда крепостных крестьян. Но для того чтобы удовлетворить это свое стремление, помещики вынуждены были по мере развития феодального хозяйства переводить крепостного крестьянина с барщины на оброк, с оброка на денежную ренту, использовать его личную заинтересованность в повышении интенсивности и производительности его труда.

Результаты же более интенсивного и производительного труда крепостного крестьянина помещик присваивал в свою пользу, всячески усиливая его эксплуатацию.

Феодальная система хозяйства, помимо некоторой заинтересованности крепостного крестьянина в своем труде, имела и другие преимущества, вытекающие из крупной земельной собственности.

Крупная земельная собственность, являющаяся базой эксплуатации больших масс крепостного крестьянства, открывала

⁷⁸ А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1938, стр. 62.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 357.

возможность значительного разделения труда внутри феодального поместья как по линии сельского хозяйства, так и ремесла.

Об этом свидетельствует инструкция франкского короля Карла, разосланная им управляющим королевскими имениями.

В этой инструкции говорится:

«1. Желаем, чтобы поместья наши, коим мы определили обслуживать наши собственные нужды, всецело служили нам, а не другим людям...»

20. Каждый управляющий пусть заботится о том, чтобы продукты в течение всего года в изобилии к [господскому] двору притекали...

35. Желаем, чтобы изготовлялось сало от жирных овец, также и от свиней; кроме того, пусть содержат в каждом поместье не менее двух откормленных быков, [чтобы] или на месте употреблять их на сало, или же приводить к нам...

38. Чтобы всегда имели достаточно откормленных гусей и откормленных кур для наших надобностей...

44. Из постного ... ежегодно присылать для нашего стола, именно: овощи, рыбу, сыр, масло, мед, горчицу, уксус, пшено, просо, зелень сушеную и свежую, редьку и еще репу, воск, мыло и прочую мелочь...

45. Чтобы каждый управляющий имел в своем ведении добрых мастеров, именно: кузнецов, серебряных и золотых дел мастеров... птицеловов, мыловаров, пивоваров... хлебопек... людей, хорошо умеющих плести тенета для охоты и сети для рыбной ловли и ловли птиц, а также и других служащих...»⁸⁰.

Из инструкции видно, какая разветвленная система различных специальностей имелась в имениях Карла. Эта система преследовала задачу разностороннего удовлетворения потребностей феодала. В возможности разделения труда внутри феодального поместья заключалось преимущество феодальной системы хозяйства перед единоличным крестьянским хозяйством.

Таковы были возможности развития производительных сил, заложенных в феодальном способе производства.

В то же время феодализм, который пришел на смену рабовладельческому строю, не смог сразу развить свои преимущества перед рабовладельческим строем и, следовательно, те возможности развития производительных сил, которые в нем были заложены.

Это объясняется тем, что феодализм базировался на внеэкономическом принуждении, на мелком закрепощенном крестьянском хозяйстве с его крайне низкой техникой.

Тем не менее хотя и медленно, но рост производительных сил все же совершался под воздействием феодальных производственных отношений. Постепенно обнаруживались преимущества феодализма перед рабством.

На основе тех стимулов развития производительных сил, кото-

⁸⁰ «Социальная история средневековья», т. I, стр. 153—159.

рые были заложены в феодальном способе производства, примерно к VIII и IX вв., в так называемую Каролингскую эпоху, был сделан уже значительный шаг вперед в развитии сельского хозяйства.

Если до этого господствующими системами земледелия были переложная и двухпольная, то теперь намечается во многих местах переход к трехполью. Происходят изменения и в технике производства. Среди этих изменений особо важным было появление плуга с железными лемехом и ножами и бороны с железными зубьями вместо деревянных. Распространяются пшеница, всевозможные садово-огородные культуры и виноградарство. Развивается животноводство, и в особенности коневодство, что было связано с военной службой феодалов. Развитие животноводства ведет за собой расширение лугового хозяйства. Вместе с тем в ряде областей в связи с ростом шерстяного производства развивается овцеводство. Все это показатели роста производительных сил в области сельского хозяйства.

Маркс, говоря о возможностях развития производительных сил, заложенных в феодальном способе производства, указывал, что у крестьянина была возможность заняться домашней промышленностью в виде различных ремесел. И действительно, рост производительных сил феодального общества в деревне совершался не только по линии поднятия уровня техники и развития разделения труда между различными отраслями сельского хозяйства, но и по линии развития целого ряда ремесел.

Развитие производительных сил феодального общества совершалось в антагонистической форме. Феодал, как мы видели, использовал некоторую заинтересованность крепостного крестьянина в своем труде для усиления его эксплуатации. Это вело ко все большему и большему обострению противоречий между помещиками и крепостными крестьянами, к многочисленным крестьянским восстаниям, которыми была полна история феодализма. По мере развития феодализма все более и более обострялось также противоречие между феодальной собственностью и ремеслом. Это противоречие примерно в X и XI вв. перерастает в противоположность между городом и деревней, и все дальнейшее развитие феодализма протекает на основе этой противоположности.

Маркс указывал, что в средние века деревня является отправной точкой истории, дальнейшее развитие которой протекает затем в форме противоположности города и деревни.

3. Рост общественного разделения труда, развитие торговли, образование городов

В XI в. завершился в основном процесс становления феодального способа производства в важнейших странах Западной Европы. Феодализм вступил в полосу своего наивысшего расцвета. Этот

период тянется с XI по XV в. Развитие производительных сил как в области земледелия, так и ремесла, достигнутое на предшествующей стадии, создало предпосылки для роста общественного разделения труда и образования внутреннего рынка.

Начался процесс отделения ремесла от земледелия и образования городов, сыгравший огромную роль в развитии и разложении феодализма.

До поры до времени ремесло могло развиваться в границах феодального поместья. Затем наступил момент, когда оно переросло рамки феодального поместья. Эти рамки стали для него слишком тесны. Дальнейшее развитие ремесла требовало распространения его продукции за пределы феодального поместья, развития внутреннего рынка.

Началось с того, что часть ремесленников с разрешения феодала уходила на отхожий промысел. Переходя от одного поместья к другому, ремесленники на месте валяли валенки, красили холсты и т. д., а через некоторое время возвращались к своему помещику и выплачивали ему определенную сумму денег. Дальнейший рост производительных сил привел к возникновению ремесла, работающего на рынок. Рынки образовались вокруг поместий наиболее крупных феодалов и монастырей. Здесь же начали создаваться города. Начали оживать также старые города, пришедшие в полный упадок и запустение после крушения Римской империи. Средневековый город был укрепленным местом с крепостной стеной, валом и рвом. Обычно во время военных действий окружающее население находило себе убежище за крепостными стенами. С другой стороны, город был ремесленным и торговым центром. Сюда стекались ремесленники и торговцы. Города охотно принимали у себя беглых крепостных ремесленников. Недаром в средние века говорили, что «городской воздух делает людей свободными».

Энгельс говорит: «...создавались новые города; всегда обнесенные защитными стенами и рвами, они представляли собой крепости гораздо более мощные, чем дворянские замки, так как взять их можно было только с помощью значительного войска. За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло, — правда, достаточно пропитанное бюргерски-цеховым духом и ограниченностью, — накапливались первые капиталы, возникла потребность в торговых сношениях городов друг с другом и с остальным миром...»⁸¹.

В составе населения средневековых городов преобладали ремесленники и торговцы.

Экономической основой средневекового города были ремесло и торговля.

Однако городское население не порывало окончательно связи и с сельским хозяйством. В пределах города имелись поля и ого-

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 406.

роды, содержался скот и т. д. Внутренняя организация ремесла носила на себе феодальный отпечаток.

Промышленное население городов было организовано в цехи. Цех представлял собой союз, в который входили все ремесленники одного или нескольких близких ремесел, живущие в одном городе. Лица, не входящие в цех, не могли заниматься данным ремеслом. Каждый цех имел свое выборное правление и свой устав.

Цех регламентировал ремесленное производство самым детальным образом: он устанавливал количество работников в каждой мастерской, цену и качество товара, заработную плату и рабочий день.

Для иллюстрации приведем выдержки из французского статута ткачей шерсти, относящегося к XIII—XIV вв.:

«1. Никто не может быть в Париже ткачом шерсти, если не купит ремесло у короля...»

8. Каждый ткач шерсти в своем доме может иметь не больше одного ученика, но он не может иметь его меньше, чем на 4 года службы и за 4 парижских ливра...

32. Все сукна должны быть целиком из шерсти и так же хороши в начале, как и в середине, если они не таковы, тот, кому они принадлежат, подлежит за каждый кусок сукна 5 су штрафа...

35. Ни один ткач, ни один красильщик, ни сукновал не могут устанавливать в своих цехах цены благодаря какому-либо сооществу...

47. ...Никто из вышеупомянутого цеха не должен начинать работу раньше восхода солнца под угрозой штрафа...

51. Подмастерья-ткачи должны оставлять работу, как только прозвонит первый удар колокола к вечеру...»⁸².

Цех брал на себя снабжение сырьем ремесленных предприятий, организовывал общие склады.

Городские управления предоставляли цехам монополию на производство торговли в городах.

Необычайно развитая регламентация производства и монополия — таковы основные черты городского ремесленного строя в средние века. Кроме того, цех представлял собой организацию взаимопомощи и религиозную корпорацию.

Каждый цех во время войны являлся отдельным боевым отрядом.

Структура городского ремесленного сословия носила на себе отпечаток феодальной иерархии.

Внутри этого сословия развилась система подмастерьев и учеников, создавшая в городах иерархию, подобную иерархии сельского населения.

⁸² «Социальная история средневековья», т. II. Госиздат, 1927, стр. 278, 281, 282, 283, 284.

Члены цеха делились на разряды: мастера, подмастерья, ученики. Цеховой мастер имел собственную мастерскую и работал главным образом на заказ для определенного небольшого круга покупателей или же на местный рынок. Он был собственником средств производства: мастерской, ремесленных орудий, сырья, а также собственником и продуктов ремесленного производства. Это вытекало из характера ремесленных орудий, которые были рассчитаны на индивидуальное применение.

«Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, карликовыми, ограниченными. Но потому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю»⁸³.

Характер орудий труда определял и самые размеры ремесленного предприятия. Оно включало от двух до пяти работников: членов семьи мастера, учеников и подмастерьев. Благодаря малым размерам производства мастер вынужден был личным трудом участвовать в производстве.

Таким образом, его право собственности на продукты ремесленного производства основывалось на личном труде. Правда, мастер извлекал известный доход из труда подмастерьев и учеников.

Обыкновенно он давал своему подмастерью стол и квартиру в своем доме и еще приплачивал немного денег. Труд подмастерьев и учеников создавал больше стоимости, чем то, во что обходилось мастеру их содержание.

Однако высшее положение мастера по отношению к подмастерьям и ученикам опиралось не столько на собственность на средства производства, сколько на его мастерство.

Маркс отмечает, что отношение мастера к ученикам и подмастерьям не есть отношение капиталиста, а отношение мастера ремесла. Его высшее положение в корпорации, а вместе с тем и по отношению к подмастерьям и ученикам покоится на его собственном мастерстве в ремесле.

Это опять-таки объяснялось характером ремесленной техники. Господствовал ручной труд. Разделение труда внутри мастерской было развито чрезвычайно слабо вследствие небольших масштабов производства. Ремесленник, как правило, производил весь продукт с начала до конца. Отсюда особое значение имело личное искусство ремесленника, умение владеть инструментом, профессиональная выучка.

Ремесленник, по выражению Лафарга, «имел свое ремесло в своих пальцах и своем мозгу»; «...каждое ремесло было мистерией, секреты которой открывались посвященным лишь посте-

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 279.

пенно»⁸⁴. Ремесленник был подлинным мастером своего дела. Многие произведения ремесленников до сих пор являются замечательными образцами подлинного народного искусства.

Поэтому ремесло требовало продолжительного ученичества.

Таким образом, хотя эксплуатация подмастерьев и учеников имела место в средневековом ремесле, но она играла сравнительно второстепенную роль.

Целью ремесленного производства, целью хозяйственной деятельности мастера была не столько погоня за деньгами, обогащение, сколько «приличное его положению существование».

«Ограниченность производства рамками данного потребления в его целом, — говорит Маркс, — есть здесь закон»⁸⁵.

Для учеников и подмастерьев работа у мастера была временным состоянием. Проработав несколько лет у какого-нибудь мастера, ученик сдавал экзамен на подмастерье. Затем в качестве подмастерья он обязан был прослужить по найму у мастера известное число лет. После этого подмастерье сдавал экзамен на мастера и получал право на самостоятельное ведение дела. Таким образом, каждый ученик и подмастерье рассчитывал впоследствии сделаться мастером.

Поэтому на первых этапах развития цехового ремесла, несмотря на эксплуатацию мастерами подмастерьев и учеников, противоречие их интересов не получило большого развития. Однако по мере роста товарного производства подмастерья и ученики все более превращались в рабочих, и противоречия между мастерами, с одной стороны, подмастерьями и учениками, с другой, все более обострялись.

Чем же была вызвана цеховая организация городского ремесла?

С одной стороны — цеховой строй, корпоративная собственность в городах отражали на себе воздействие феодальной структуры земельной собственности.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» пишут, что «...феодальной структуре землевладения соответствовала в городах корпоративная собственность, феодальная организация ремесла»⁸⁶.

С другой стороны, цеховая организация ремесла была вызвана развитием товарного производства в недрах феодализма.

Развитие товарного хозяйства породило конкуренцию между ремесленниками. Создавая цеховые организации, ремесленники города прежде всего стремились таким путем защитить себя от конкуренции своих братьев по ремеслу, а также от конкуренции крепостных, которые убегали от своих господ и искали себе прибежища в городах. Эта конкуренция особенно сильно чувствова-

⁸⁴ П. Л а ф а р г. Сочинения, т. II. Госиздат, 1928, стр. 394.

⁸⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 111.

⁸⁶ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 3, стр. 23.

лась благодаря ограниченности торговых отношений, узости рынка.

Этим самым цехи фактически стремились предотвратить процесс дифференциации ремесленников, неизбежно порождаемый развитием товарного производства, конкуренцией между ремесленниками. В условиях относительно слабого развития товарного хозяйства, узости местного рынка цехам удавалось до поры до времени ограничивать конкуренцию. Но как только развитие товарного производства перешагнуло за рамки местного рынка и стало работать на более широкий рынок, так открылось более широкое поле для конкуренции и начался процесс усиленной дифференциации среди ремесленников, несмотря на цеховые ограничения.

Таким образом, можно прийти к выводу, что одной из причин, породивших цехи, было развитие товарного производства, но, с другой стороны, они могли существовать и ограничивать конкуренцию благодаря недостаточному развитию товарного производства.

На путь организации цехов ремесленников толкал и ряд других добавочных причин, как-то: общие условия производства и обмена производимых товаров, потребность в общих складах, торговых зданиях, защита сообща интересов данного ремесла от посягательств других ремесел.

В числе факторов, способствовавших организации цехов, немалую роль играли непрерывные войны, которые городам приходилось вести с феодалами.

В дальнейшем одной из важнейших задач цехов стала борьба мастеров против подмастерьев и учеников.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» дают следующее объяснение причин, породивших цеховую организацию ремесла в средневековом городе. «Конкуренция постоянно прибывавших в город беглых крепостных; непрерывная война деревни против города, а следовательно, и необходимость организации городской военной силы; узость общей собственности на определенную специальность; необходимость в общих зданиях для продажи своих товаров — ремесленники были в ту пору одновременно и торговцами — и связанное с этим недопущение в эти здания посторонних; противоположность интересов отдельных ремесел между собой; необходимость охраны с таким трудом усвоенного ремесла; феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения работников каждого отдельного ремесла в цехи»⁸⁷.

В условиях ограниченных отношений производства — господства ремесленной техники, слабо развитого разделения труда и узкого рынка — цехи играли прогрессивную роль.

Защищая цеховые ремесла от конкуренции беглых крепостных, организуя снабжение ремесленников сырыми материалами, забо-

⁸⁷ Там же, стр. 50—51.

тятся о выпуске доброкачественной продукции, цехи тем самым способствовали укреплению и развитию городского ремесла и поднятию его техники.

Положение резко изменилось, как только развитие товарного производства поставило в порядок дня вопрос о переходе от ремесла сначала к мануфактуре, а затем к фабрике. Цехи тогда превратились в тормоз для развития производительных сил.

Города были не только ремесленными, но и торговыми центрами. Торговое население группировалось в гильдии наподобие цехов ремесленников.

Так, Энгельс пишет о венецианских и генуэзских купцах, что они были организованы в торговые общины. Они договаривались между собой о ценах на товары, о качестве товаров, которое удостоверялось наложением клейма. На тех купцов, которые нарушали установленные цены, налагались штрафы, или же им объявлялся бойкот, грозивший в тех условиях полным разорением.

В иностранных гаванях, например в Александрии, Константинополе и других, торговая община имела свой гостинный двор, состоящий из жилого помещения, ресторанов, склада, выставочного помещения и магазина.

Торговый капитал в условиях феодализма выступал как посредник в обмене присваиваемого феодалом прибавочного продукта на всевозможные предметы роскоши, вывозимые в значительной мере из восточных стран, с другой стороны, он являлся посредником в обмене продукции феодального крестьянина и цехового ремесленника.

Торговая прибыль извлекалась путем неэквивалентного обмена, т. е. покупки товаров ниже стоимости или продажи по ценам, превышающим стоимость, или одновременно и тем и другим путем.

«Чистая независимая торговая прибыль *prima facie* кажется невозможной, — говорит Маркс, — если продукты продаются по их стоимости. Дешево купить, чтобы дорого продать, — вот закон торговли»⁸⁸.

Поскольку феодализм был в основном натуральным типом хозяйства, постольку продажа продуктов по их стоимости имела второстепенное значение.

В конечном счете источником торговой прибыли был труд мелкого производителя — ремесленника и крестьянина.

Торговцы, ростовщики, богатые домовладельцы и собственники городских земель, наиболее зажиточные мастера составляли городскую верхушку, так называемый патрициат. Их сила заключалась в богатстве. Даже самый богатый мастер представлял лишь мелкое ремесленное производство, где возможности накопления богатств были очень ограничены вследствие небольших масштабов производства. Наоборот, торговый капитал, являясь посред-

⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 362.

ником в обмене между городом и деревней, имел возможность накапливать в больших размерах денежные средства за счет эксплуатации массы мелких производителей как города, так и деревни. То же самое относится и к ростовщическому капиталу.

О накоплении богатств у торговцев и ростовщиков в средневековых городах Германии и Швейцарии могут дать представление следующие данные, относящиеся к XIV—XV вв.:

Город	Верхушка городской буржуазии, % ко всему городскому населению	У них сосредоточено всех городских имуществ, %
Фрейбург	2	50
Эрфурт	7	$2/3 \approx 60$
Базель	3—5	53—59
Галле	4,7	52
Равенсбург	4,6	72,7 *

* И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы, т. 1. Госиздат, 1926, стр. 136.

Из этих данных видно, что торговцы и ростовщики, составляя сравнительно очень небольшой процент среди городского населения, сосредоточивали в своих руках от 50 до 75% всех городских имуществ.

Не мудрено, что эта богатая верхушка обладала и политической властью. В ее руках находилось городское самоуправление, финансы, суд, военная сила. Это давало ей возможность всю тяжесть налогового бремени и других повинностей перекладывать на ремесленников.

Итак, рост производительных сил, рост общественного разделения труда привели к тому, что феодальный мир раскололся на земледельческую крепостную деревню и ремесленно-торговый город.

С образованием городов в феодальном обществе возникла новая экономическая сила, сила товарного производства. К городам перешла ведущая роль в развитии производительных сил феодального способа производства. Сравнительно быстрое развитие городов, рост ремесла и торговли составляли контраст неподвижности, рутине, господствовавшим в феодальной деревне.

Сравнительно быстро возрастало городское население за счет сельского. Так, в Англии численность городского населения с 75 000 в 1086 г. выросла до 168 720 в 1377 г., а процент городского населения ко всему населению Англии за тот же период возрос с 5 до 12. Тем не менее даже к концу средних веков городские жители составляли сравнительно небольшой процент среди всего населения.

4. Противоположность между городом и деревней в условиях феодализма

Особенность взаимоотношений между городом и деревней в условиях феодализма заключается в том, что политически деревня господствует над городом, а экономически город эксплуатирует

деревню в лице массы крепостного крестьянства. «Если в средние века, — говорит Маркс, — деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством»⁸⁹.

В чем заключается политическое господство деревни над городом в условиях феодализма?

Прежде всего города возникают на земле феодала и на первых порах являются его собственностью. Феодал взимает с населения города налоги, обязывает его пести всевозможные повинности, творить над ним суд и расправу. Более того, феодал имеет право принадлежавший ему город передавать по наследству, продавать и закладывать.

Так, например, город Арль в XII в. разбивался на четыре части, разделенные оградой и принадлежащие четырем владельцам: одна часть принадлежала местному архиепископу, другая часть принадлежала тому же архиепископу, совместно с графом Прованским. Городской рынок принадлежал виконту Марсельскому, часть города принадлежала городским судьям. Можно себе представить, какие сложные взаимоотношения были в этом городе, который по частям принадлежал разным собственникам.

Города возникают и развиваются в ожесточенной борьбе с феодалами. Власть феодалов мешала развитию ремесла и торговли в городах. Города всячески стремились освободиться от этой тяжелой феодальной зависимости. Они боролись за предоставление им права самоуправления — за право суда, чеканки монет, за освобождение от многочисленных налогов, таможенных пошлин и т. д. В ряде феодальных государств (Франции, Италии) города, приобретавшие независимость от феодалов или известную автономию, назывались тогда коммунами.

«Забавно, — пишет Маркс в письме к Энгельсу, — что слово «communiо» нередко вызывало такую же брань, как в наши дни коммунизм. Так, например, поп Гвиберт Ножанский пишет: «Коммуна — новое и отвратительное слово»⁹⁰.

По временам между городом и феодалами велись кровопролитные войны. Нередко города откупались от феодалов деньгами и таким путем приобретали самостоятельность. По мере роста экономической и военной силы городов они все более и более сбрасывали с себя бремя тяжелой политической зависимости от феодалов и становились самостоятельными. Одновременно борьба городов с феодалами все более превращалась в борьбу против самого феодального способа производства.

Таким образом, противоположность между городом и деревней

⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 365.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 28, стр. 324.

прежде всего выражалась в антагонизме между феодалами, стремившимися удержать свое политическое господство над городом и использовать его для всевозможных поборов, и городами, стремившимися добиться независимости от феодалов.

Далее, противоположность между городом и деревней находила свое выражение в экономической эксплуатации городом деревни.

Разрозненному феодальному крестьянству на рынке противостояли купцы и ремесленники, организованные в купеческие гильдии и ремесленные цехи.

Благодаря объединению в цех ремесленники имели возможность выступать на городском рынке единым фронтом против раздробленной и неорганизованной деревни и повышать цены на продукты ремесленного производства.

В то же время цехи в целях укрепления своего монопольного положения всячески боролись против развития ремесла в деревне, не останавливаясь иногда перед насильственным уничтожением деревенских ремесленных мастерских. В еще большей степени, чем цехи, имели возможность взвинчивать цены на предметы городского производства представители торгового капитала. Торговый капитал развивался прежде всего на жесточайшей эксплуатации мелкого производителя — феодального крестьянина. Торговец покупал у крестьянина продукцию по низким ценам, а продавал ему продукты ремесла по высоким ценам.

Таким путем торговый капитал присваивал значительную часть труда крестьянина, пользуясь его экономической зависимостью, незнанием рынка, невозможностью непосредственно сноситься с потребителями его продукции. Но мало этого, торговый капитал снабжал феодалов главным образом предметами роскоши, которые феодалам приходилось оплачивать по очень дорогой цене. Таким путем торговый капитал присваивал значительную долю их ренты, что вело в конечном счете к усилению эксплуатации крепостных крестьян.

Средневековый город эксплуатировал деревню также посредством ростовщичества.

«... Характерные формы существования ростовщического капитала во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства, — говорит Маркс, — были две. ... Эти две формы следующие: *во-первых*, ростовщичество путем предоставления денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; *во-вторых*, ростовщичество путем предоставления денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит ремесленник, но в особенности крестьянин...»⁹¹.

Чем более деревня втягивалась в товарно-денежные отношения, тем в большей степени крестьянин попадал в сети ростовщика, который высасывал из него все жизненные соки.

⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 143.

Торговый и ростовщический капитал эксплуатировал также и деревенское ремесло.

В сети торгово-ростовщического капитала попадали также средние и мелкие феодалы, рыцари. Однако и в этом случае расплачиваться за их долги приходилось тем же крепостным крестьянам.

Ростовщический процент достигал чудовищных размеров.

Города были центрами феодальной власти и притом не только светской, но и духовной. Как центры сосредоточения аппарата светской и духовной власти города эксплуатировали деревню при помощи бесчисленных налогов, повинностей и всяких других поборов, уплачиваемых крестьянами в пользу светских и духовных феодалов.

Таковы были формы экономической эксплуатации деревни городом в условиях феодального строя.

Тенденция развития заключалась в том, что города по мере роста и усиления своей экономической и военной мощи все более освобождались от феодальной зависимости и подчиняли себе деревню.

«Борьба буржуазии против феодального дворянства, — говорит Энгельс, — есть борьба города против деревни, промышленности против землевладения, денежного хозяйства против натурального, и решающим оружием буржуазии в этой борьбе были находившиеся в ее распоряжении средства *экономической* силы, которые непрерывно возрастали вследствие развития промышленности, сначала ремесленной, а затем превратившейся в мануфактуру, и вследствие расширения торговли»⁹².

5. Дальнейший рост торговли в феодальном обществе.

Крестовые походы и их влияние на развитие экономики феодализма

Отделение города от деревни, являясь выражением роста производительных сил, ведет к значительному развитию как внутренней, так и внешней торговли в феодальном обществе.

Внутренняя торговля велась между городскими ремесленниками, с одной стороны, крестьянами и феодалами — с другой. Центрами этой торговли были города. Ремесленники выносили туда свои промышленные изделия, а феодалы и крепостные крестьяне — продукты сельского хозяйства. Этот внутренний местный рынок охватывал меновыми связями поместья и деревни, лежавшие примерно на таком расстоянии, что если утром выехать из них в город, то к вечеру можно вернуться обратно.

Дальнейший рост производительных сил и общественного разделения труда вызвал также и оживление внешней торговли. Это оживление торговли начинается прежде всего на старых путях обмена, которые были проложены еще в эпоху господства рабовла-

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 168.

дельческого строя. Италия лежала на большом торговом пути с Востока на Запад. Поэтому такие города, как Венеция и Генуя, стали крупнейшими центрами торговли.

До XI в. активная роль в области внешней торговли принадлежала главным образом арабам и византийским купцам, которые привозили в Западную Европу восточные пряности, предметы роскоши, а увозили оттуда сырье, хлеб, рабов.

В XI в. положение в области внешней торговли сильно изменилось. Активная роль во внешней торговле все более и более начала переходить к европейским купцам. В связи с этим сильно возрос интерес к восточным странам. Начались путешествия на Восток.

Эти путешествия на Восток, имеющие в своей основе экономические и торговые интересы, в то же время прикрываются религиозными мотивами — паломничеством к «гробу господню», который, согласно преданию, будто бы находился в Палестине.

Таким образом, рост производительных сил, развитие ремесла и сельского хозяйства вызывали необходимость оживления торговых сношений Западной Европы с Востоком. Между тем возникло очень серьезное препятствие на пути развития этих отношений.

Турки захватили Багдадский халифат и значительную часть византийских владений. Этот захват затормозил торговлю между Востоком и Западом и в высшей степени затруднил паломничество в Иерусалим, что и послужило внешним поводом к возникновению идеи крестовых походов.

В крестовых походах был прежде всего заинтересован западноевропейский торговый капитал, и в особенности города Венеция и Генуя, через которые велась торговля с Востоком.

Кроме того, крупные феодалы и многочисленное рыцарство связывали с крестовыми походами свою надежду на захват новых земель. Большую роль сыграл так называемый майорат, т. е. такой порядок наследования, при котором имущество переходит после смерти феодала к старшему сыну, а остальные дети лишаются права наследования. Благодаря этому создается слой рыцарей, лишенных земли, воинственно настроенных, жаждущих захвата земель, падких на всякие авантюры.

Католическая церковь придала всему этому движению религиозную оболочку, провозгласив его целью борьбу с неверными за освобождение «гроба господня».

Как идейный руководитель, властитель душ феодального мира, католическая церковь стремилась расширить свою духовную власть, подчинив своему влиянию магометанский мир. Как крупный землевладелец она надеялась при помощи крестовых походов расширить свои земельные владения, и как крупный торговец она была заинтересована в развитии торговли с Востоком.

Рост внутреннего и внешнего рынка и в другом отношении способствовал популярности идеи крестовых походов. Развитие товарных отношений, растущие возможности реализации на

рынке прибавочного продукта привели к усилению эксплуатации крестьянства феодалами. Если к этому еще прибавить постоянные голодовки и эпидемии, которые являлись результатом низкой техники и бесчеловечной эксплуатации крестьянства, то станет понятным стремление крестьян принять участие в крестовых походах, чтобы вырваться из невыносимых тисков феодальной эксплуатации.

Все эти причины, в конечном счете своими корнями уходившие в экономику феодального общества той эпохи, и привели к крестовым походам.

Крестовые походы начались в 1096 г. и окончились в 1270 г. Всех крестовых походов было восемь. В 1099 г. крестоносцы захватили Иерусалим и значительную территорию, принадлежавшую туркам. На захваченной территории они основали целый ряд городов и княжеств. Началась довольно оживленная торговля между Западной Европой и Востоком, от которой прежде всего выиграли Генуя и Венеция, выделившие большие средства на крестовые походы.

Однако вскоре счастье изменило крестоносцам. Они начали терпеть поражения. Последний, восьмой поход, происходивший в 1270 г., окончился разгромом и гибелью крестоносцев.

Крестовые походы оказали огромное влияние на дальнейшее экономическое развитие Западной Европы. Во-первых, крестоносцы познакомились с достижениями восточной техники, многое позаимствовали у восточных народов и тем самым содействовали более быстрому развитию производительных сил.

Во-вторых, ознакомление с восточной культурой содействовало расширению запросов и потребностей господствующих классов феодального общества. А этот рост потребностей в свою очередь дал толчок к развитию соответствующих отраслей производства и торговли.

В-третьих, крестовые походы вызвали оживление торговли со странами Востока, откуда привозились пряности, красивые вещества, всевозможные благовония, лекарственные средства и т. д. Центрами этой торговли на Средиземном море были Венеция, Генуя, Флоренция и другие города. Другими центрами внешней торговли были города Гамбург, Любек, Бремен, Кельн, Магдебург, Франкфурт и др. В этих городах сосредоточилась торговля на Балтийском и Северном морях. Они образовали так называемый Ганзейский союз.

Ганзейско-венецианские компании в конце XIV в. и в начале XV в. на торговле пряностями наживали следующие проценты прибыли к покупной цене: перец — 70—100, имбирь — 25—237, корица — 87—287, гвоздика — 100, мускатный орех — 87—237 и т. д. Ограбление чужих стран и огромная торговая прибыль вели и к расширению внутреннего рынка. В особенности оживилась торговля текстильными и металлическими товарами.

Значительного развития достиг ростовщический капитал, а также кредит. Сначала кредитными и ростовщическими операциями занимались торговцы, впоследствии из их среды выделились банкиры.

Рост товарно-денежных отношений вызвал глубокие изменения в феодальной деревне. Начался перевод натуральных повинностей в денежные. Усилилась эксплуатация крестьянства помещиками. Гораздо быстрее начал развиваться и процесс дифференциации крестьянства, процесс зарождения в недрах феодализма капиталистических отношений.

6. Политический строй феодализма. Роль церкви

Феодальный строй имел иерархическую структуру, в основе которой лежала иерархия земельной собственности. Те, кто владел наибольшим количеством земли, стояли наверху иерархической лестницы. Вершину ее занимал король — самый крупный земельный собственник-феодал.

Более крупные феодалы — сеньоры ставили в зависимость от себя менее крупных феодалов, которые назывались вассалами. Фундаментом всей этой иерархической лестницы была эксплуатация крепостных крестьян.

Политический строй феодализма характеризовался крайней раздробленностью. Вся Европа была разделена на множество мелких и крупных поместий — государств. Во главе каждого поместья стоял крупный феодал — в то же время и государь. В пределах своих владений он обладал всей полнотой власти, содержал собственное войско и чеканил монету.

Мелкие феодалы, как мы уже указывали, находились обыкновенно под покровительством и защитой более сильных феодалов — сюзеренов. За эту защиту они обязаны были платить дань и помогать в войне своим покровителям. Но и сюзерены, имеющие вассалов, в свою очередь могли быть вассалами еще более крупных феодалов. Самым крупным сюзереном был король.

Феодалы имели право самостоятельно заключать между собой договоры, вести войны и т. д.

Эта политическая раздробленность феодального мира определялась экономикой феодализма, слабым развитием общественного разделения труда, а следовательно, товарного производства и обмена. При господстве натурального хозяйства экономические связи между отдельными феодальными поместьями были очень ограничены. Каждое феодальное поместье в своей основе представляло замкнутое натуральное хозяйство, существующее главным образом продуктами собственного производства.

В условиях экономической и политической раздробленности феодального общества большую роль играла католическая церковь. Она по существу была политической организацией, объединившей раздробленный феодальный мир. Сама католическая цер-

ковь была построена по тому же нерархическому типу, какой лежал в основе феодального общества. Во главе ее стоял папа, обладавший неограниченной единоличной властью. Такая организация католической церкви была наиболее приспособлена как для борьбы с феодалами и подчинения их духовной власти, так и для порабощения крепостного крестьянства.

В руках церкви было сосредоточено не менее трети всей земли. Все это делало ее самым могущественным из феодалов. Влияние церкви базировалось, таким образом, не только на религиозном дурмане, но и на ее огромной экономической силе.

Огромные церковные поместья давали большое количество продуктов, которое духовенство не могло потребить. В условиях господства натурального хозяйства избыток продукции не мог быть полностью обращен в деньги. На этой почве возникла благотворительная деятельность церкви, которая помогала ей укреплять свою идеологическую власть над трудящимися массами. В свою очередь идеологическая власть использовалась для дальнейшего преумножения экономической силы и богатства церкви. Церковь установила в свою пользу своеобразный налог на земле-владение в форме церковной десятины и организовала множество всевозможных поборов на благочестивые цели.

Дальнейший рост производительных сил, отделение города от деревни и развитие торговых отношений ведут к усилению экономических связей между отдельными областями и государствами. Возникает необходимость в уничтожении политической раздробленности феодального мира. Начинается образование крупных национальных государств в форме абсолютных монархий.

Централизация государственной власти осуществлялась королевской властью в борьбе с феодалами, которые не хотели поступиться своей самостоятельностью. В этой борьбе королевская власть опиралась на растущую городскую буржуазию. Это был период, когда, по словам Энгельса, «... королевская власть в своей борьбе с дворянством пользовалась буржуазией, чтобы сдерживать одно сословие с помощью другого...»⁹³.

7. Разложение и гибель феодализма.

Простое товарное хозяйство как база развития капиталистических отношений

Феодализм двинул вперед развитие производительных сил. Это нашло свое выражение в усилении общественного разделения труда внутри феодальной деревни, в повышении техники сельского хозяйства, в возникновении новых отраслей как в области полеводства, так и садово-огородных культур. Еще больший прогресс был достигнут в области ремесленного производства.

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 168.

Особенно сильно прогресс в области производительных сил проявился во второй половине средних веков. Значительную роль, как мы уже указывали, в этом отношении сыграли крестовые походы. Крестовые походы дали возможность европейцам ознакомиться с целым рядом технических усовершенствований в области садоводства, огородничества, инженерного искусства, в области технической химии.

В конце средних веков прогресс производительности труда идет ускоренным темпом и проявляется во множестве изобретений и открытий, имеющих важное практическое значение: создаются новые отрасли промышленности, оказывающие огромное влияние на дальнейшую экономическую жизнь, появляются доменные печи и возникает чугунолитейное дело; совершенствуется техника мореплавания, в особенности благодаря изобретению компаса; изобретаются бумага, порох, часы.

Рост производительных сил сопровождался расширением рынка.

Расширяющийся рынок предъявлял все возрастающий спрос на продукты ремесленного производства, а мелкое ремесленное производство все менее и менее было в состоянии его удовлетворить. Назрела необходимость в переходе от мелкого ремесленного производства к крупному капиталистическому производству, к мануфактурному, а затем и к машинному.

Производственные отношения феодального общества с их крепостным трудом, цеховой замкнутостью и ограниченностью стали тормозом для дальнейшего роста производительных сил.

Феодализм вступил в стадию своего разложения и развития капиталистических отношений. Эта стадия охватила период с XVI по XVIII в.

Базой для развития капиталистических отношений, капиталистического уклада в недрах феодализма послужило простое товарное хозяйство в форме цехового ремесла в городе и все более и более втягиваемого в обмен крестьянского хозяйства в деревне.

Простое товарное хозяйство производит продукты с целью продажи на рынке. Этим оно коренным образом отличается от натурального хозяйства.

Крестьянин, живший в условиях натурального хозяйства, питался продуктами собственного производства, вечерами жег лучину, носил одежду из холста, вытканного из собственного льна и конопли, зимой одевал полушубок и тулуп, сшитый из овчин от своих овец, и т. д. Ремесло было связано с земледелием. Общественное разделение труда не было развито.

Иное в условиях товарного хозяйства. Основой товарного хозяйства является общественное разделение труда. В силу этого всякий товаропроизводитель производит только один какой-нибудь товар и, продавая этот товар на рынке, покупает необходи-

димые для него товары, производимые другими товаропроизводителями.

Крестьянин, втянутый в обмен, уж значительную и все возрастающую часть товаров вынужден покупать на рынке: одежду шить из ситца, сделанного на фабрике, освещать по вечерам избу керосиновой лампой, купленной в магазине, носить обувь, изготовленную на кожевенной фабрике, и т. д.

Все же крестьянское хозяйство даже в период развитых товарных отношений в очень большой степени сохраняет натуральный характер.

Наиболее типичным представителем простого товарного хозяйства является ремесленник, производящий продукты на продажу и потребляющий лишь ничтожную часть продукции собственного производства.

Второй основной чертой товарного хозяйства является частная собственность товаропроизводителя на средства производства, основанная на личном труде. Это вытекает из характера ремесленных орудий труда.

Простое товарное хозяйство базируется на ручной примитивной технике. Самопрялка, ручной ткацкий станок, молот, соха и т. д. — таковы орудия труда, характерные для этого хозяйства. Эти орудия труда рассчитаны на единоличное употребление, что ведет к тому, что в простом товарном хозяйстве преобладают мелкие ремесленные мастерские или мелкие земледельческие хозяйства, разбросанные на жалких клочках земли.

Будучи собственником средств производства и лично работая в своем маленьком хозяйстве, мелкий товаропроизводитель естественно является собственником продуктов своего труда. Присвоение мелким товаропроизводителем произведенных продуктов основано таким образом: 1) на его личном труде и 2) на частной собственности на средства производства.

Простое товарное хозяйство таит в себе глубокое внутреннее противоречие. С одной стороны, в его основе лежит общественное разделение труда. Благодаря общественному разделению труда мелкие товаропроизводители оказываются связанными друг с другом и работают друг на друга. Следовательно, труд их носит общественный характер, хотя последний в процессе производства непосредственно не проявляется, остается скрытым.

С другой стороны, основой простого товарного хозяйства является частная собственность товаропроизводителя на средства производства. Благодаря частной собственности на средства производства мелкие товаропроизводители оказываются раздробленными, работающими изолированно друг от друга, вне какого-либо общего плана, каждый исключительно на свой страх и риск. Благодаря этому труд товаропроизводителя является непосредственно частным трудом. Следовательно, труд товаропроизводителя в одно и то же время является общественным и частным.

Это противоречие между общественным и частным трудом и

является основным противоречием простого товарного хозяйства. Оно порождает анархию товарного производства и ожесточенную конкуренцию между товаропроизводителями.

А это ведет в свою очередь к разложению простого товарного хозяйства и к развитию капиталистических отношений. «Нет, — писал Ленин, — ни одного экономического явления в крестьянстве... которое не выражало бы борьбы и розни интересов, не означало плюс для одних и минус для других»⁹⁴.

В силу этого простое товарное хозяйство, по словам Ленина, «...рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежедневно, стихийно и в массовом масштабе»⁹⁵.

Какие же внутренние закономерности лежат в основе развития капиталистических отношений на базе товарного производства?

Чтобы ответить на это, мы должны рассмотреть отношения, скрывающиеся за обменом товаров. Продукт, производимый с целью продажи, является товаром. Всякий товар имеет прежде всего потребительную стоимость.

Потребительная стоимость товара состоит в его способности удовлетворять какую-либо человеческую потребность.

Продукт, не обладающий потребительной стоимостью, не может стать товаром, так как его никто не купит.

В обмене один товар приравнивается к другому товару. Допустим, 1 топор приравнивается 50 кг хлеба. Возникает вопрос: что же лежит в основе равенства двух товаров?

В основе этого равенства не может лежать потребительная стоимость товара, так как условием обмена является различие потребительных стоимостей двух обмениваемых товаров. Никто не станет обменивать топор на топор и хлеб на хлеб.

Очевидно, что в основе равенства двух товаров лежит их стоимость.

Обмениваются товары, имеющие одинаковую стоимость. Обменивая 1 топор на 50 кг хлеба, мы этим самым говорим, что один топор стоит столько же, сколько 50 кг хлеба. Следовательно, товар помимо потребительной стоимости должен обладать стоимостью.

Чем же определяется стоимость товара?

Стоимость товара определяется трудом, затраченным на его производство.

В самом деле, мелкие товаропроизводители — ремесленники и крестьяне — обмениваются продуктами своего труда. «Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд — и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других производителей иначе, чем пропорционально

⁹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 164.

⁹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 6.

затраченному труду? Рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подходящим мерилom у них для количественного определения подлежащих обмену величин, но всякое другое мерило было совершенно немыслимо»⁹⁶.

Если таким образом обмен производился по количеству затраченного труда, то как определялось самое количество труда?

«Очевидно, лишь путем длительного процесса приближения зигзагами, часто в потемках, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт учил людей. Необходимость для каждого в общем и целом возместить свои издержки содействовала в каждом отдельном случае нахождению правильного пути, ограниченное же число видов предметов, поступавших в обмен наряду с неизменяющимся — нередко на протяжении многих столетий — характером их производства, облегчали эту задачу»⁹⁷.

Следовательно, только в процессе обмена стихийно складываются такие меновые отношения между товарами, которые в общем соответствуют их стоимости, определяемой количеством затраченного на них труда.

Количество затраченного труда измеряется временем. Чем больше рабочего времени затрачено на производство товара, тем выше его стоимость, и наоборот.

Но дело в том, что в отношении количества времени, затрачиваемого на производство товара, между отдельными товаропроизводителями имеются большие различия. Одни работают при помощи хороших орудий, другие — при помощи плохих, одни работают на хорошем сырье, другие — на плохом, одни более интенсивно, другие — менее интенсивно, одни являются более искусными в своем ремесле, другие — менее искусными.

Следовательно, индивидуальные количества рабочего времени, затрачиваемые отдельными товаропроизводителями на производство товара, чрезвычайно разнообразны. Каким же временем будет определяться стоимость товара?

Стоимость товара будет определяться не индивидуальным временем, затрачиваемым на производство товара отдельным товаропроизводителем, а общественно необходимым временем, затрачиваемым большинством товаропроизводителей. «Общественно необходимое рабочее время, — говорит Маркс, — есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»⁹⁸.

Товаропроизводители, которые работают в условиях лучших по сравнению со средними, при помощи лучших орудий, с большей умелостью и интенсивностью, затрачивают меньше индивидуаль-

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 472.

⁹⁷ Там же, стр. 473.

⁹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 47.

ного рабочего времени на производство данного товара, а на рынке они продают этот товар по цене, определяемой не индивидуальным, а общественно необходимым временем. Следовательно, они находятся в более выгодных условиях, чем другие товаропроизводители.

Наоборот, те товаропроизводители, которые работают в условиях ниже средних, с худшими средствами производства, с меньшей умелостью и интенсивностью, находятся в менее выгодных условиях по сравнению с другими.

Таким образом, в основе дифференциации мелких товаропроизводителей и развития капиталистических отношений лежит противоречие между частным и общественным трудом, между индивидуальным и общественно необходимым временем. В силу этого противоречия конкуренция, разыгрывающаяся между товаропроизводителями, ведет к обогащению одних и разорению других, к развитию капиталистических отношений.

8. Разложение цехового ремесла

Возникновение цеховых организаций в городе являлось результатом развития товарного производства. Но в то же время цехи могли держаться и ограничивать конкуренцию лишь до тех пор, пока товарное производство было еще недостаточно развито, пока ремесло работало на местный узкий рынок, когда ремесленник был в то же время и продавцом своего товара.

Рост товарных отношений в корне изменил положение. Если раньше ремесленник работал на заказ или на местный рынок и непосредственно имел дело с потребителем, то теперь он вынужден был перейти к работе на более широкий, неизвестный ему рынок.

Это вызвало необходимость в посреднике — скупщике-торговце. Скупщик вырастает из среды самих ремесленников. На первых порах он совмещает торговые операции с занятием ремеслом, а затем целиком посвящает себя торговле.

Этот процесс выделения и роста торгового капитала интенсивно протекал в цеховом ремесле в конце средних веков.

С другой стороны, расширяющийся рынок предъявлял все большие требования на продукцию ремесла.

Рост производительных сил становился в непримиримое противоречие с цеховым строем, с его замкнутостью, рутинной, враждебностью ко всяким техническим нововведениям, и требовал его устранения.

Достаточно сослаться на то, что цехи не допускали применения самопрялки, запрещали пользоваться валяльной мельницей в суконном производстве и т. д.

Цеховой дух, стремление скрывать технические изобретения от своих конкурентов также не могли не тормозить дальнейшего роста производительных сил.

Ленин в работе «Развитие капитализма в России» приводит яркий пример засекречивания производства ремесленниками-кустарями.

«Основатели нового промысла или лица, введшие в старый промысел какие-либо усовершенствования, — говорит Ленин, — всеми силами скрывают выгодные занятия от односельчан, употребляют для этого разные хитрости (напр., для отвода глаз сохраняют старые устройства в заведении), не пускают никого в свои мастерские, работают на подволоке, не сообщают о производстве даже родным детям... Об известном своим металлоиздельным промыслом селе Безводном Нижегородской губернии мы читаем: «Замечательно то, что жители Безводного до сих пор ... тщательно скрывают свое мастерство от соседних крестьян... они не выдают своих дочерей за женихов соседних деревень и, насколько возможно, не берут оттуда девушек в замужество»⁹⁹.

Мелочная регламентация, существовавшая в цеховом ремесленном производстве, запрещение иметь подмастерьев и учеников сверх определенного числа — все это противоречило потребностям экономического развития, потребностям растущего капиталистического уклада. Поэтому, несмотря на все рогатки, которые цеховой строй ставил развитию конкуренции, она проникла в пределы цехового производства. Среди цеховых мастеров началась дифференциация. Стали выделяться более зажиточные мастера, которые расширяли производство, не считаясь с цеховыми правилами.

Чтобы избежать цеховых рогаток и ограничений, отдельные более зажиточные мастера и торговцы перенесли организацию производства в деревню, раздавали там заказы на дом.

Это подрывало монопольное положение цехов.

Торговый капитал проникал в цеховые организации. Более зажиточные мастера становились скупщиками и ростовщиками. Жажда накопления побуждала таких мастеров обходить и нарушать те правила уставов, которые препятствовали им расширять собственное производство и окончательно подчинять себе хозяйства более бедных мастеров. Так, при производстве на вывоз для мастеров, которые имели непосредственную связь с рынком, являлись стеснительными те постановления цехов, которые устанавливали цену продуктов и мешали дешево скупать их. Часто не выполнялись на практике и те статьи уставов, которые ограничивали число наемных работников у отдельного мастера и, следовательно, не допускали расширения предприятий.

Начался процесс дифференциации среди ремесленников, процесс разложения цехового ремесла.

Наряду с этим обостряются противоречия между мастерами, с одной стороны, подмастерьями и учениками — с другой.

⁹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 333—334.

Мастера, все более и более попадавшие в зависимость от торгового капитала, чтобы сколько-нибудь поддержать свое колеблющееся положение, усиливали эксплуатацию подмастерьев и учеников, требовали от них более продолжительной и более интенсивной работы, меньше платили им, хуже содержали.

Цеховые организации все в большей степени превращались в организации борьбы мастеров против подмастерьев. Принимались самые энергичные меры, чтобы затруднить подмастерьям переход в ряды мастеров, потому что возрастание числа мастеров усиливало конкуренцию. Были установлены более длительные сроки ученичества и службы по найму в подмастерьях. При сдаче подмастерьем экзамена на мастера предъявлялись особо строгие требования. Требовали представления «образцовых произведений», в которых подмастерье должен был обнаружить свое искусство, например, сделать подковку без всякого обмера, на глазок, для скачущей мимо лошади и т. п. Были установлены высокие залоги при вступлении в цех.

Так, во Франции лица, претендующие на приобретение звания цехового мастера, должны были платить в первой половине XIV в. 20 солидов, во второй половине XIV в. — 40—50 солидов, в XV в. — 200 солидов.

Кроме того, подмастерье, желающий стать мастером, должен был делать подарки старшинам цеха. По уставу любекских золотых дел мастеров, относящемуся к 1492 г.: «желающий принять положение самостоятельного мастера в цехе должен (помимо выполнения многих других требований) сделать следующие предметы: золотое колечко ажурной работы, английское запястье, даримое при обручении, гравированное и черненное, и кольцо для рукоятки кинжала. Эти драгоценности он должен представить старшинам и старейшим членам цеха».

Изменения в цеховом устройстве происходили со значительной быстротой начиная с XIV в.

Новые правила цехов проводились в жизнь с крайним пристрастием. Для сыновей мастеров делались всевозможные исключения, благодаря которым все испытания и трудности обращались нередко в пустую формальность, тогда как для людей иного происхождения вступление в цех становилось почти невозможным делом. Цеховые привилегии приобретали узко сословный характер, связывались уже не столько с искусством и знанием, сколько с происхождением.

Все эти нововведения вызывали энергичный отпор подмастерьев, которые начали создавать свои собственные организации, — вначале просто религиозные корпорации или союзы материальной взаимопомощи, которые затем превращались в ассоциации для борьбы за общие интересы против мастеров.

Подмастерьям нередко удавалось принуждать мастеров к различным уступкам. Мастера всячески старались уничтожить союзы подмастерьев и нередко добивались законов, запрещаю-

щих эти союзы. Но этим достигалось только то, что союзы подмастерьев превращались в тайные, но не переставали существовать. Главным орудием в борьбе подмастерьев против мастеров являлись стачки и бойкот предпринимателей.

Так под влиянием роста товарно-капиталистических отношений совершался процесс разложения цехового ремесла.

9. Разложение феодальной деревни. Восстания крепостных крестьян. Гибель феодализма

Тот же процесс разложения феодальных и развития капиталистических отношений совершался и в деревне.

Когда хозяйство феодала из натурального стало превращаться в меновое, характер его отношений с крепостным крестьянином начал быстро изменяться. Прежде, при натуральном хозяйстве, размеры барщины и оброка находили свою границу в размерах потребностей феодала; теперь эта граница исчезла. Если в условиях натурального хозяйства накапливать слишком большие запасы хлеба не имело смысла, то при денежном хозяйстве их стоимость могла быть сохранена в виде денег. Следствием этого явился переход от барщины и оброка к денежной ренте. Нуждаясь в деньгах, феодал требовал от своих крестьян уплаты оброка в денежной форме. Многочисленные натуральные повинности переводились в денежные. Теперь крепостной крестьянин должен был не только создавать своим трудом прибавочный продукт, но и продавать его на рынке, чтобы затем уплатить денежную ренту феодалу.

Крепостная деревня тем самым все более и более втягивалась в обмен. Начался быстрый процесс расслоения внутри крепостного крестьянства. С одной стороны, рос кулак, который постепенно откупался от крепостной зависимости и наряду с феодалом становился эксплуататором крестьянства.

Среди крепостных крестьян графа Шереметева (дер. Иваново, Владимирской губ.):

а) были купцы, фабриканты, обладатели огромных капиталов, дочери которых при выходе замуж не за графских крестьян платили выкуп по 10 тыс. руб. и более;

б) до реформы 1861 г. выкупилось 50 ивановских крестьян. Средняя цена выкупа составляла 20 тыс. руб.

С другой стороны, усиливалась эксплуатация крестьянства феодалами и быстрым темпом шло разорение основной массы крестьянства.

Под влиянием роста рыночных отношений феодал всячески старался увеличить размеры денежной ренты, взимаемой с крестьянства. Так, денежные платежи с крестьян во Франции, по данным одного имения в Бретани, выросли с 200 ливров в 1778 г. до 400 ливров в 1786 г. Феодал также старался расширить размеры собственного хозяйства и с этой целью обыкновенно при-

сваивал земли, находившиеся у него в общем пользовании с крестьянами. Предприятия, которые составляли монополию феодала, как, например, мельницы, пекарни, мосты, становились теперь средством для усиленных поборов и вымогательств.

Вместе с усилением экономического гнета более тяжелыми становились и юридические формы зависимости. «Грабеж крестьян дворянством, — говорит Энгельс, — с каждым годом становился все более изощренным. Из крепостных высасывали последнюю каплю крови, зависимых людей облагали новыми поборами и повинностями под всякого рода предлогами и названиями. Барщина, чинши, поборы, пошлины при перемене владельца, посмертные поборы, охранные деньги и т. д. произвольно повышались, несмотря на все старинные договоры»¹⁰⁰.

Под влиянием все того же роста товарного производства и обмена усиливается эксплуатация крестьян духовенством. Оно не довольствуется церковной десятиной и изыскивает новые источники доходов, устраивает торговлю индульгенциями («отпущением грехов»), организует новые армии нищенствующих монахов. Со своими собственными крепостными духовенство поступает ничуть не лучше прочих феодалов.

Невыносимые условия жизни крепостных крестьян вызывали крестьянские возмущения и бунты. Вначале, пока общественное разделение труда было слабо развито, пока меновые связи оставались сравнительно узкими и каждая область жила своей обособленной жизнью, крестьянские восстания имели местный характер и подавлялись сравнительно легко. Развитие товарных отношений создало почву для более широких крестьянских восстаний, охватывающих целые страны. С другой стороны, резкое усиление эксплуатации крепостного крестьянства феодалами придало этим восстаниям особенно глубокий и упорный характер. В Италии в XIII в., в Англии и Франции в конце XIV в., в Богемии в XV в., в Германии в начале XVI в. происходили настоящие крестьянские войны, для подавления которых понадобилось со стороны государственных органов огромное напряжение сил.

Так, в 1358 г. вспыхнуло восстание французских крестьян, известное под названием Жакерии. Это восстание явилось результатом чрезвычайного усиления эксплуатации разоренного войнами и многочисленными поборами крестьянства. Восстание было подавлено с небывалой жестокостью. Свыше 20 тыс. восставших крепостных крестьян были физически уничтожены. Были разрушены и снесены целые деревни и конфисковано много земель и имущества.

В Англии в 1381 г. вспыхнуло восстание английских крестьян, возглавлявшееся Уотом Тайлером. Ему предшествовала эпидемия чумы, от которой погибло большое число людей. Вследствие этого

¹⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 350.

помещики испытывали особо острую нужду в рабочей силе и усилили эксплуатацию оставшихся в живых крепостных крестьян. Крестьянство ответило на это восстанием. К восставшим примкнули подмастерья и ученики. Восставшие утверждали, что дворянство — это временное явление и оно должно исчезнуть. Поэтому особой популярностью среди крестьян пользовались проповеди на тему: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?»

Крестьяне требовали освобождения от всякого рода личной зависимости и рабства. Восставшие крестьяне и ремесленники направились в Лондон, сжигая по пути помещичьи имения, разрушая замки высшего дворянства. Испугавшийся король дал согласие на удовлетворение требований восставших. Крестьяне, успокоенные его обещаниями, разошлись по домам. Тогда 40-тысячная армия короля без труда уничтожила остатки вооруженных сил повстанцев. Тем не менее в результате восстания раскрепощение крестьянства усилилось, и в XV в. в Англии крепостное право было отменено.

В Испании после ряда восстаний крепостных крестьян, к которым присоединялись также наиболее эксплуатируемые элементы городского населения, крепостничество было сметено в 1486 г.

В 1525 г. разразилось восстание крепостных крестьян в Германии, превратившееся в настоящую войну крестьян против феодалов.

История дореволюционной России дает нам также яркие примеры грандиозных крестьянских восстаний, потрясших основы царской империи и заставлявших трепетать господствующие классы. Наиболее известные из них — это восстания Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Огромное революционное значение этих восстаний заключалось в том, что они расшатали основы феодализма и явились решающей силой, приведшей в конечном счете к отмене крепостного права, к гибели феодальной системы эксплуатации.

Разложение феодализма и развитие капиталистических отношений сопровождалось, с одной стороны, ростом буржуазии, а с другой — образованием пролетариата из среды разоряющихся мелких производителей — крестьян и ремесленников. Здесь уместно сравнить исторические судьбы феодального способа производства с рабовладельческим. И там и здесь имел место процесс разорения мелких производителей. Однако в условиях рабовладельческого строя разоряющийся мелкий производитель не мог найти для себя производительного занятия. Рабовладельческий строй не смог вступить на путь развития техники, так как рабство по мере своего распространения все более превращало труд в позорное дело, недостойное свободного человека. Поэтому разоряющихся мелких производителей в условиях рабовладельческого строя ожидала участь люмпен-пролетариев.

Наоборот, феодализм, базировавшийся на мелком производстве крепостных крестьян и городских ремесленников, по мере своего развития создавал условия для роста производительных сил, подъема техники на основе развития капиталистического уклада, зародившегося в его недрах. В этих условиях разоряющиеся ремесленники и крестьяне составляли кадры пролетариев, в которых нуждалась развивающаяся крупная капиталистическая промышленность.

Капиталистический способ производства зародился в виде уклада в недрах феодального общества. Но его рождение стоило жизни матери. Развитие капиталистического уклада в недрах феодального общества совершалось с такой быстротой и интенсивностью, что скоро обнаружилось полное несоответствие, с одной стороны, между новыми производительными силами и, с другой — экономическим и политическим строем феодализма.

Маркс и Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии», что условия, «... в которых происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты.

Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем. . .»¹⁰¹

Этот переворот был осуществлен буржуазией посредством революции, в которой на долю крестьян выпала роль рядовых бойцов против феодализма. Плодами революционной борьбы крестьянства воспользовалась буржуазия. Рабочий класс был еще слаб и неорганизован. Он не мог еще повести за собой крестьянство. В результате одна система эксплуатации сменилась другой. Феодальная эксплуатация сменилась капиталистической.

В то время как в Англии и в других европейских странах развитие капитализма привело к быстрой ликвидации феодальных отношений, в Германии, Румынии, России они еще существовали. По ряду причин и прежде всего в силу экономической отсталости этих стран они пережили «рецидив» феодальной эксплуатации в ее наиболее жестокой форме. Открывшийся мировой рынок для продуктов сельского хозяйства толкал помещиков на расширение собственного производства этих продуктов, которое базировалось еще на феодальной эксплуатации, на крепостном труде. В этих условиях расширение помещичьего земледелия означало расширение применения крепостного труда и усиление эксплуатации крепостных крестьян. Помещики, нуждавшиеся в рабочей силе, стали переходить на барщину и натуральный оброк и окончательно закрепощать крестьян, чтобы

¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 429.

выжать как можно больше прибавочного продукта для продажи его на рынке. Эксплуатация крепостного крестьянства приняла чудовищные размеры, граничащие с рабством.

Маркс говорит: «...как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда»¹⁰².

Крепостничество не есть какой-то особый способ эксплуатации, принципиально отличный от феодализма. Существо эксплуатации здесь одно и то же. Крепостничество — это ступень в развитии феодализма, связанная с обострением и усилением эксплуатации крестьян помещиками в отсталых странах, втягиваемых в мировой рынок.

Так, например, Германии после крестьянского восстания пришлось пережить, по выражению Энгельса, «второе издание» крепостничества в его наиболее жестокой форме. Лишь революция 1848 г. уничтожила крепостничество в Германии. Однако пережитки его остались и после этого.

Они наложили огромный отпечаток на последующее развитие Германии, которое Ленин охарактеризовал как прусский путь развития капитализма. Остатки крепостнических отношений имели место в Германии и в период развитого капитализма. Приход фашистов к власти привел к резкому усилению реакционных, феодально-крепостнических тенденций в Германии. Фашисты, пытаясь повернуть вспять колесо истории, усиленно насаждали рабско-крепостнические порядки на всей временно захваченной ими территории, а огромные массы населения насильственно угоняли в Германию и превращали фактически в рабов и крепостных.

В России в XVII, XVIII и отчасти XIX вв. крепостничество приняло наиболее грубые формы насилия и личной зависимости. Недаром Ленин называл его «крепостным рабством».

Помещики наподобие рабовладельцев продавали крепостных, меняли на собак, женщин заставляли нередко откармливать грудью щенят, проигрывали крепостных в карты и т. д.

В газетах того времени нередко можно было встретить объявления о продаже наряду с бриллиантами, беговыми дрожками, коровами и собаками дворовых девок, портных, часовщиков и т. д.

Лучшие передовые русские люди — Радищев, декабристы, Герцен и Чернышевский вели непримиримую борьбу с крепостничеством.

Русский народ в лице прежде всего многомиллионного

¹⁰² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 247.

крестьянства при помощи революционных восстаний боролся за свое освобождение. Эта революционная борьба и явилась решающим фактором, приведшим к отмене крепостного права в 1861 г. Однако пережитки крепостничества существовали и после отмены крепостного права и были окончательно сметены Великой Октябрьской социалистической революцией, которая одним ударом уничтожила помещичье землевладение со всеми его кабальными феодально-крепостническими методами эксплуатации.

10. Экономические воззрения эпохи феодализма

Огромная власть и сила церкви как в области экономики и политики, так и идеологии выражалась в том, что литература того времени, споры, дискуссии, аргументация носили богословский характер. Самым убедительным доводом был довод божественного писания.

Единственное, что средневековые «...заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство... В результате, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополия на интеллектуальное образование досталась попам, и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер... А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»¹⁰³.

Поэтому и экономические взгляды того времени отражались главным образом в религиозно-философских произведениях. Среди этих произведений заслуживают быть отмеченными произведения Фомы Аквинского, относящиеся к XIII в. Они для нас представляют интерес постольку, поскольку отражают экономику феодального общества, точно так же как высказывания о труде философов, историков и писателей античного мира отражали положение труда в рабовладельческом обществе.

Основой рабовладельческого строя была эксплуатация рабского труда. Отсюда взгляд на труд, как на позорное занятие, недостойное свободного человека. Феодальный строй базировался на мелком производстве крепостных крестьян в деревне и цеховом мелкотоварном ремесленном производстве в городе, основанных на частной собственности и личном труде производителя. Причем господствующий класс — феодалы, стремясь к извлечению максимума прибавочного продукта, вынуждены были в целях стимулирования труда крепостного крестьянина переходить к таким формам ренты, которые давали последнему большую экономическую самостоятельность, развивали его инициативу, разжигали в нем интерес частного собственника. Отсюда иной взгляд

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 360—361.

на труд в феодальном обществе по сравнению со взглядом рабовладельцев.

Фома Аквинский считает труд единственным законным источником богатства и дохода. Только труд, по его мнению, сообщает стоимость другим предметам.

Однако взгляды Фомы Аквинского в известной мере отличаются от взглядов ранних христиан. Если Августин считал достойным уважения всякий труд, то иначе подходит к этому вопросу Фома Аквинский. Он проводит различие между трудом физическим и духовным. Физический труд он рассматривает как труд простой, черный, умственный труд — как труд благородный.

В таком разделении труда Фома Аквинский видит основание для сословного деления общества, составляющего характерную черту феодального строя.

Подобно тому, как пчелы строят восковые ячейки и собирают мед, а их королевы освобождены от этого труда, так и в человеческом обществе одни должны заниматься физическим трудом, другие — духовным.

Иначе по сравнению с древними христианами относится Фома Аквинский к богатству. Первые христиане осуждали частную собственность и богатство.

По-иному относится к частной собственности и богатству Фома Аквинский. Частную собственность он считает таким же необходимым институтом человеческой жизни, как одежду.

Во взглядах на богатство у Фомы Аквинского преобладает тот же феодально-сословный подход. Каждый человек должен располагать богатством в соответствии с тем положением, которое он занимает на феодальной иерархической лестнице.

Большой интерес представляет учение Фомы Аквинского о «справедливой цене».

«Справедливая цена» должна отражать два фактора: 1) количество труда, затраченного на производство товара, и 2) сословное положение производителя — она должна обеспечить производителю «приличное его положению существование».

Фома Аквинский и другие средневековые писатели, осуждая доходы от торговли, все же допускали получение торговой прибыли, поскольку она вознаграждает труд перевозки и обеспечивает торговцу приличное его положению существование.

С еще большим осуждением средневековые христианские писатели относились к ростовщичеству. Такое отношение к торговле и ростовщичеству отражает тот факт, что идеологи феодализма рассматривали богатство с потребительской точки зрения.

Однако с развитием товарного производства и обмена отношение к торговле и ростовщичеству становилось все более и более терпимым.

Через всю историю феодализма проходит красной нитью революционная борьба крепостных крестьян против феодальной

эксплуатации, а также борьба между городами и феодалами. Эта революционная борьба против феодализма находила отражение и в области идеологии, принимая религиозную форму. Революционные экономические и политические учения выступали в форме богословских ересей.

«Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹⁰⁴.

Поскольку за борьбой против господства феодалов скрывались различные классовые группировки, постольку она велась под разными лозунгами. Выдвигаемые в этой борьбе программы и отражали интересы этих группировок.

Движение крестьян и плебеев представляло наиболее радикальное, наиболее революционное крыло феодальной оппозиции.

Крестьянско-плебейское движение против феодализма также принимало форму церковной ереси. Крестьяне и плебеи, так же как бюргерство и низшее дворянство, требовали возврата к раннехристианскому церковному строю. Этим их программы далеко не исчерпывались.

Они хотели того равенства, которое существовало в ранних христианских общинах. Это требование они обосновывали равенством всех людей как сынов божьих. Исходя из этого, они требовали отмены крепостного права, налогов и привилегий и уравнивания дворян с крестьянами.

Так, в период восстания Уота Тайлера в 1381 г. в Англии среди крестьян пользовались колоссальным успехом выступления знаменитого проповедника Джона Болла на тему «Когда Адам пахал, Ева пряла, кто тогда был дворянином?» Джон Болл стремился подчеркнуть первоначальное естественное равенство людей, не знавших деления на сословия.

Вождь восставших крестьян в России Пугачев выдвигал идею упразднения господства дворян, ликвидации крепостного права и требовал наделения всех крестьян землей, а также освобождения крестьян от налогов, податей и мздоимцев-судей.

Наряду с уравниванием дворян с крестьянами крестьянско-плебейское движение выставляло требование уравнивания привилегированных горожан с плебеями.

В крестьянско-плебейском движении, в его лозунгах и программах довольно ярко выступала тенденция к ликвидации имущественного неравенства, к установлению потребительского коммунизма первых христианских общин.

Наиболее радикально настроенная часть крестьянства в Чехии во время восстания 1419 г. в лице таборитов выступала с требованием возврата к первоначальному христианству: ликвидации частной собственности, введения общности имущества и

¹⁰⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361.

равенства всех перед законом. Табориты пытались на практике осуществить свои идеалы. Так, они организовывали по примеру первых христиан общины, которые имели общую кассу, куда вносились излишки от заработков.

Вождь революционного восстания крестьян и плебеев в Германии Томас Мюнцер пропагандировал идею тысячелетнего царства Христа, в котором не будет ни богатых, ни бедных, будет царить всеобщее равенство и блаженная жизнь, а имущество будет принадлежать всему обществу. Здесь мы видим, как движение наиболее угнетенных слоев феодального общества стремилось выйти за пределы борьбы против феодализма и привилегированных горожан, за пределы зарождавшегося в то время в недрах феодализма буржуазного общества.

Однако в условиях феодализма не было реальной почвы для осуществления подобных мечтаний, ибо только назревала экономическая потребность в переходе от феодального общества к капиталистическому.

Поэтому «... стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего, — говорит Энгельс, — могло быть лишь фантастическим, лишь насилием над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускались тогдашними условиями. Нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были выродиться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превращалось в конце концов в учреждение республиканских правительств, избираемых народом. Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений»¹⁰⁵.

Революционная, прогрессивная роль крестьянских восстаний заключалась в требованиях ликвидации крепостничества, ставшего тормозом общественного развития, в реальных революционных действиях, направленных к его уничтожению. Революция крепостных крестьян, явившись решающим фактором низвержения феодализма, расчистила тем самым дорогу для более передового — капиталистического способа производства.

11. Фальсификация фашистами истории феодального строя

Падение рабовладельческого строя фашисты объясняют упадком арийской расы, которая стала скрещиваться с «низшими расами». В результате этой потери чистоты северной расы погибла Римская империя.

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 363—364.

Мир был спасен, по утверждению фашистских фальсификаторов, германцами, которые в неприкосновенности сохраняли чистоту арийской крови и которые завоевали Римскую империю.

Фашисты утверждают, что древние германцы свято соблюдали чистоту своей нордической расы, о чем свидетельствует обычай убийства слабых детей.

Благодаря чистоте расы германцы будто бы и создали истинно нордическую средневековую культуру.

Таким образом, и возникновение средневековой культуры, так же как и античной, фашисты объясняют все тем же неизменным всеспасающим фактором — фактором арийской животворящей крови.

Непонятно, почему в одних случаях одна и та же неизменная арийская кровь приводит к рабовладельческому строю, а в других случаях — к феодальному. На этот вопрос фашистские мракобесы бессильны дать какой-либо вразумительный ответ.

Германские племена, проходившие в ту пору высшую ступень варварства, безусловно сыграли известную роль в смене рабовладельческого строя феодальным. Но эта роль не имеет никакого отношения к их арийской крови.

Феодализм возник в результате того, что рабство изжило себя, а исторические условия для наемного труда еще не сложились. В этих условиях дальнейший шаг вперед в развитии производительных сил мог быть сделан лишь на базе хозяйства мелкого зависимого производителя, в известной мере заинтересованного в своем труде.

Вопреки заверениям фашистов, древние германцы были варварами, стоявшими на более низкой ступени культурного развития.

Крушение Римской империи сопровождалось огромным разрушением производительных сил. В этом разрушении производительных сил немалая роль принадлежит германцам, завоевавшим Римскую империю.

Понадобилось много времени, чтобы феодализм доказал свое превосходство над рабством и двинул вперед развитие производительных сил. Но это произошло не благодаря каким-то чудодейственным свойствам арийской крови, а благодаря большей заинтересованности крепостного крестьянина в своем труде по сравнению с рабом.

Наконец, среди самих германцев — этой, по утверждению фашистов, расы господ — в процессе феодализации возникают господа-феодалы и подчиненные крепостные крестьяне. Таким образом, большинство носителей арийской крови становится крепостными, что по мнению фашистов, является уделом «низших рас».

Следовательно, и сами завоеватели подчиняются тем же экономическим законам развития, каким и покоренные ими будто бы

«низшие расы». Все это говорит о том, что в расовой теории фашистов нет ни грана науки.

Фашисты воспевают сословную организацию феодального общества. Замкнутый характер сословий содействует, по мнению фашистов, сохранению чистоты арийской расы.

Господство арийской расы в Европе фашисты относят к V—VI вв., а в Германии — к X—XI вв. А затем наступает упадок. Этот упадок, по мнению фашистов, опять-таки объясняется потерей чистоты арийской расы. Храбрые и предприимчивые германцы будто бы гибнут в крестовых походах, уменьшается замкнутость высших сословий. Рыцарство смешивается с людьми «низших рас». На самом деле потеря чистоты арийской крови так же не имела никакого отношения к гибели феодализма, как и сохранение ее к возникновению феодализма.

Производительные силы феодального общества переросли рамки феодальных производственных отношений. Вследствие этого феодализм вступил в стадию своего разложения, которая была вместе с тем стадией развития капиталистических отношений.

Решающая роль в ликвидации крепостничества принадлежит революции крепостных крестьян.

Фашистские фальсификаторы в интересах своей безумной политики завоевания мира и порабощения трудящихся фальсифицируют историю докапиталистических формаций. Они мечтают вернуть мир к худшим временам рабства и крепостничества. Но рабство и крепостничество, в свое время явившиеся необходимыми ступенями общественного развития, отошли навсегда в прошлое.

Политика, построенная на возврате к давно пройденным ступеням исторического развития, находится в вопиющем противоречии с экономическими законами и потребностями развития общества и обречена на неминуемый провал, о чем весьма ярко и убедительно свидетельствуют блестящие победы Красной Армии.

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАПИТАЛИЗМА

ТРИ СТАДИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ¹

Простая кооперация

Развитие капитализма в промышленности проходит три стадии: простую кооперацию, мануфактуру и фабрику или, другими словами, крупную машинную индустрию.

Три стадии развития капитализма в промышленности есть в то же время стадии развития производства относительной прибавочной стоимости. Рост капиталистической техники, рост производительных сил совершается в капиталистическом обществе под влиянием погони за прибавочной стоимостью.

С другой стороны, всякий прогресс в развитии производительных сил означает увеличение эксплуатации, сокращение необходимого времени, в течение которого рабочий работает на себя, и увеличение прибавочного времени, в течение которого он работает на капиталиста.

Исходным пунктом развития капитализма является мелкое товарное производство.

«... Основная тенденция мелкого товарного производства, — говорит Ленин, — состоит в развитии капитализма, в частности — в образовании мануфактуры, а мануфактура на наших глазах с громадной быстротой перерастает в крупную машинную индустрию»².

Преобразование ремесленного производства в капиталистическое начиналось с расширения размеров этого производства за рамки ремесла, с объединения под командой капиталиста значительного числа рабочих.

«Действие многих рабочих, — говорит Маркс, — в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет

¹ ВПШ при ЦК КПСС. М., 1938.

² В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 542.

исторически и логически исходный пункт капиталистического производства»³.

Из среды мелких товаропроизводителей-ремесленников выделяются те, кто побогаче и у кого в семье больше работников. Эти семьи начинают применять наемный труд.

Сначала он применяется в сочетании с трудом семьи ремесленника, затем, когда число наемных рабочих в ремесленной мастерской достигает 10—20 человек, роль семейного труда падает до ничтожной величины. Семейная кооперация, как говорит Ленин, превращается в капиталистическую. Сравнительно небольшая доля таких предприятий сосредоточивает у себя большую часть всего производства.

Так, по данным Ленина, в дореволюционной России в Пермской губ. в конце XIX в. крупные кустарные заведения занимали около $\frac{1}{10}$ общего их числа. И эта $\frac{1}{10}$ часть крупных заведений сосредоточивала $\frac{1}{5}$ всего числа рабочих и около $\frac{2}{5}$ всего дохода. Капиталистическая простая кооперация — сотрудничество многих рабочих, объединенных под командой капиталиста и выполняющих однородные трудовые операции без разделения труда.

Хотя капиталистическая простая кооперация еще не вызывает революции в технике производства, тем не менее уже самый факт объединения значительного количества рабочих под командой капиталиста не только повышает путем кооперации индивидуальную производительную силу, но и создает новую производительную силу, «... которая по самой своей сущности есть массовая сила»⁴.

Возьмем переноску тяжестей. Каждый рабочий, взятый сам по себе, не в состоянии поднять большую тяжесть. Между тем несколько рабочих соединенными усилиями могут поднять подчас очень большие тяжести.

Гигантские египетские пирамиды, колоссальные статуи, вызывающие до сих пор удивление путешественников, были созданы на основе простой кооперации поработенными азиатскими народами исключительно физическим трудом. Однако самая их численность была силой, «... из глубины океана поднимаются мощные коралловые рифы и образуют острова и сушу, несмотря на то, что каждый индивидуальный участник (depository) этого процесса ничтожен, слаб и жалок»⁵.

Всем знакома песня волжских бурлаков «Дубинушка». Под протяжные звуки этой песни бурлаки, впрягшись как вьючные животные, тянули, выбиваясь из сил, нагруженные суда, плоты, застревавшие на отмелях или не могущие преодолеть силы встречного ветра. При этом в среднем четверем—пяти бурлакам приходилось тянуть до 1000 пудов.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 333.

⁴ Там же, стр. 377.

⁵ Там же, стр. 345.

Песня сообщала ритм их работе, позволяла одновременно напрягать свои силы и передвигать эти тысячепудовые грузы.

Новая производительная сила, порождаемая простой кооперацией, является производительной силой масс.

Эту новую производительную силу, создаваемую кооперацией рабочих, бесплатно присваивает себе капиталист.

Ведь рабочий располагает своей рабочей силой лишь до того, как он продал ее капиталисту. После продажи она уже принадлежит капиталисту, который волен ею распоряжаться, волен заставить рабочего работать в одиночку или в кооперации с другими рабочими. Капиталист оплачивает лишь индивидуальную стоимость рабочей силы. А из соединения многих рабочих получается новая мощная производительная сила, которая ему ничего не стоит, хотя и дает ему огромную выгоду.

Так капиталист присваивает результаты кооперирования труда в виде относительной прибавочной стоимости.

Отсюда возникает иллюзия, что новая производительная сила, получаемая из усилий объединенного труда, является производительной силой капитала. За эту иллюзию и хватается вулгарный экономист, чтобы доказать производительность капитала.

Фетишизм, опутывающий капиталистические производственные отношения, ставит на голову отношения между трудом и капиталом. То, что на самом деле является результатом кооперированного труда, представляется как результат производительности капитала.

Простая кооперация была известна и докапиталистическим способам производства. Однако капиталистическая простая кооперация в корне отлична от докапиталистических форм простой кооперации.

Капиталистическая простая кооперация предполагает наличие отношений капиталистической эксплуатации, наемных рабочих, продающих рабочую силу капиталистам и создающих для них прибавочную стоимость.

Самый масштаб простой капиталистической кооперации зависит от размеров капитала, которыми располагает капиталист. Кооперирование труда рабочих — средство в руках капиталиста для повышения нормы эксплуатации рабочего, средство увеличения массы прибавочной стоимости, выжимаемой из рабочих.

«Простая кооперация всегда является господствующей формой в тех отраслях производства, где капитал оперирует в крупном масштабе, а разделение труда и машины не играют еще значительной роли»⁶.

⁶ Там же, стр. 347.

**Торговый капитал в мелком производстве.
Капиталистическая система домашней промышленности**

Посмотрим теперь, каким же образом и в каких конкретных формах совершается развитие простой капиталистической кооперации и переход к мануфактуре.

До тех пор, пока ремесленник работает или непосредственно на заказ, или на ближайший к нему рынок, он может обходиться без посредника-торговца.

Но развитие ремесленного производства приводит к тому, что оно перерастает рамки местного рынка. Ремесленники начинают работать на более отдаленный рынок. Ввозить товар маленькими партиями на этот рынок становится невыгодным. В связи с этим возникает необходимость в скупщике-торговце, который начинает заниматься продажей товаров ремесленного производства и становится таким образом между ремесленником и потребителем его продукции.

Этот процесс происходит везде, где возникает капитализм. Он чрезвычайно ярко описан Лениным в его замечательном исследовании «Развитие капитализма в России».

В этой работе Ленин описывает появление скупщика в кружевном производстве.

В начале XIX в. в Московской губернии кружевницы работали непосредственно на окружающих помещиков. Производитель был близок к потребителю. Нужды в скупщике-посреднике не было.

По мере развития промысла кружевницы начали отсылать кружева в Москву. Каждой кружевнице было невыгодно возить кружева в Москву маленькими партиями. Возникла необходимость в торговом посреднике. Из среды мастериц выдвигаются скупщицы-торговки, которые специально начинают заниматься продажей кружев в Москве. Мало-помалу скупщица-торговка забирает в свои руки и снабжение кружевниц материалом для плетения кружев. Вырабатывается тип торговки, которая живет исключительно комиссионерством. Она все более и более подчиняет себе мастериц. Она наживается на продаже кружев, прикарманивая разницу между покупкой и продажной ценой и накидывая на бумагу, нитки и т. д.

Кроме того, она начинает заниматься ростовщическими операциями, ссужая кружевниц деньгами.

Таким образом, из среды кружевниц вырастает женщина-кулак, которая начинает жить эксплуатацией их труда.

Подобную картину можно встретить в истории развития капитализма любой страны.

Так, в производстве холодного оружия в Золингене, известном центре оружейной промышленности, «первоначально торговцы, сбывавшие оружие, были вместе с тем и ремесленниками и, возвратившись с ярмарки, снова принимались за отделку ору-

жия и изготовление ножен для мечей. Но чем более расширялась торговля Золингена, чем более отдельные торговцы, более энергичные, более бережливые и имевшие большую удачу, стали посвящать себя исключительно торговой деятельности, тем более они выделялись в самостоятельный класс купцов... Все реже и реже кузнецы сами сбывают мечи, все более и более общим становится явление, что они работают, как и другие мастера, по заказу купцов»⁷.

Так возникает торговый посредник, который все более ставит в зависимость от себя мелкого производителя. Появление скупщика-торговца вносит переворот в жизнь мелких товаропроизводителей-ремесленников.

Уже с самого начала торговец-скупщик не ограничивается сбытом. Он начинает снабжать ремесленников сырьем, а затем и орудиями производства. Вместе с тем он начинает диктовать ремесленникам определенные условия в отношении качества производимой продукции и в конце концов фактически превращает их в наемных рабочих с тем лишь различием, что они работают не в мастерской капиталиста, а у себя на дому.

Так возникает капиталистическая система домашней промышленности, первая ступень мануфактуры.

Ярким примером этого является купец-суконщик в Англии.

«Он покупает сырую шерсть и за свой счет отдает ее в ческу, пряденье, тканье, валянье и аппретуру. Он собственник сырья, а следовательно, и изделия во всех его последовательных формах; лица же, через руки которых это изделие, преобразуясь, проходит, являются, несмотря на свою кажущуюся независимость, только рабочими, состоящими на службе у хозяина»⁸.

Правда, эти кустари-ремесленники не порывают своей связи с сельским хозяйством. Но никто из них не в состоянии существовать одним сельскохозяйственным трудом. Сельское хозяйство носит характер добавочного источника средств существования. Купец-суконщик учитывает это обстоятельство, снижая до нищенского уровня оплату кустаря. Но этого мало. Необеспеченное, неустойчивое положение кустаря-ткача приводит к тому, что любая неудача: неурожай, болезнь и т. д. повергает его в нищету и заставляет обращаться к торговцу-суконщику за займом. Этот заем он получает под обеспечение, каким является его ткацкий станок.

Так, купец-суконщик, постепенно закабалая кустаря, становится собственником не только сырья, но и орудий производства, а кустарь постепенно превращается в лишенного средств производства наемного рабочего.

⁷ И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы, т. II. Соцэкгиз, 1931, стр. 95.

⁸ П. Манту. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. Соцэкгиз, 1937, стр. 35.

Положение кустарей, а фактически — пролетариев, чрезвычайно тяжелое. Недаром домашняя система капиталистической промышленности получила в Англии название системы выживания пота.

Благодаря своей неорганизованности и наличию дополнительного источника существования в виде земельного участка кустари соглашались на самую низкую заработную плату и самый длинный рабочий день. Они вынуждены вовлекать в работу всех членов своей семьи, и не только женщин, но и детей самого младшего возраста. Они вынуждены работать в лачугах, которые являются для них одновременно и жильем и мастерской, где отсутствуют самые элементарные санитарно-гигиенические условия. Раздробленность мелкого производства чрезвычайно затрудняет организацию и борьбу кустарей против эксплуататоров. Все это ведет к тому, что эксплуатация труда при домашней системе капиталистической промышленности достигает ужасающих размеров.

Мануфактура

Мануфактура возникает приблизительно с половины XVI столетия, и вплоть до промышленного переворота является ведущей формой производства. Мануфактура — это кооперация, основанная на разделении труда.

«Кооперация, основанная на разделении труда, — говорит Маркс, — приобретает свою классическую форму в мануфактуре»⁹.

Мануфактура в наиболее чистом виде выступает перед нами тогда, когда капиталист объединяет бывших ремесленников под одной крышей в собственной мастерской.

Мануфактура возникает двояким способом. Во-первых, капиталист объединяет в своей мастерской ремесленников разных специальностей.

Возьмем для примера изготовление кареты. До мануфактуры над созданием кареты работали самостоятельные ремесленники: каретники, шорники, портные, слесари и т. д. Каждый приготавливал какую-то часть кареты. Объединяя всех этих ремесленников, капиталист добивался того, что карета производилась с начала до конца в одной мастерской.

То разделение труда, которое уже сложилось в обществе между различными самостоятельными ремеслами, капиталист переносил в мастерскую.

Второй способ возникновения мануфактуры — это объединение в мастерской капиталиста ремесленников одной специальности, каждый из которых производил весь продукт с начала до конца. Например: булавки, бумагу и т. п.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 348.

Но уже самый факт объединения многих рабочих в одной мастерской толкал капиталиста на введение между ними разделения труда.

Возьмем производство булавок. До мануфактуры каждый ремесленник с начала до конца последовательно проделывал все операции, необходимые для производства булавки. Объединение многих ремесленников, производящих булавки, в одной мастерской сразу обнаружило нецелесообразность такой организации труда и натолкнуло предпринимателя на введение между ними разделения труда и прикрепление каждого рабочего к одной детальной операции.

Подробное описание мануфактурного разделения труда в производстве булавок мы находим у Адама Смита в его работе «Исследование о природе и причинах богатства народов».

Один рабочий тянет проволоку, другой выравнивает ее, третий обрезает, четвертый заостряет, пятый только obtачивает конец для посадки головки. Выделка головки сама по себе служит предметом двух или трех операций: особая операция — насадить ее, другая — отполировать булавку, совсем особое самостоятельное занятие — упаковка булавок в бумажки.

А. Смит далее рассказывает, что он видел маленькую мастерскую, в которой работало всего 10 человек, причем некоторым из них приходилось выполнять по две-три операции, и при этих условиях они успевали выработать 48 000 булавок, по 4900 булавок каждый.

Между тем в одиночку каждый из них мог произвести в лучшем случае два десятка булавок за весь рабочий день.

Мануфактура является переходной формой от ремесла и мелкотоварного производства к крупной машинной индустрии.

От ремесла ее отличает то, что, во-первых, она — крупное капиталистическое производство, основанное на эксплуатации наемного труда, и, во-вторых, широко применяемое разделение труда внутри предприятия.

От крупной машинной индустрии ее отличает ручная техника.

Мануфактурное разделение труда в огромной степени повышает производительность труда и развивает новые способы сокращения необходимого времени, увеличения прибавочного времени и, следовательно, увеличения относительной прибавочной стоимости.

Это достигается тем, что рабочий превращается в частичного рабочего. Он на всю жизнь приковывается к частичной операции и достигает исключительной виртуозности в работе, вызывающей изумление наблюдателей.

Мануфактура, разбив процесс труда на ряд детальных операций, создает более усовершенствованные и приспособленные для каждой из этих операций инструменты. Это также содейст-

вует росту производительности труда, а следовательно, и увеличивает относительную прибавочную стоимость.

Крупная централизованная мануфактура, объединяющая под одной крышей многих рабочих, дает также ряд других преимуществ перед ремеслом и домашней системой капиталистической промышленности. Во-первых, предприниматель освобождается от необходимости иметь многочисленных посредников при раздаче материалов кустарям и сбора изготовленной продукции. Во-вторых, в условиях мануфактуры рабочие не имеют возможности утаивать материал, как они это делали при работе на дому.

Между тем утайка материала и всевозможные способы фальсификации продукции были очень распространены, как, например, замена тонкой пряжи толстой, прибавление в пряжу песка для увеличения веса и т. д. Наконец, мануфактура как относительно более крупное производство дает экономию на зданиях, материалах и других издержках производства.

Те формы, в которых выступает мануфактура, чрезвычайно разнообразны. Мануфактура зиждется на широком основании мелкого производства.

«Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, — говорит Маркс, — широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»¹⁰.

Наиболее часто встречающимся типом мануфактуры является сочетание крупных мануфактурных мастерских, принадлежащих капиталисту, с раздачей работы на дом фактически полностью подчиненным хозяину многочисленным кустарям, между которыми проводится довольно детальное разделение труда.

Решающие основные черты мануфактуры — разделение труда и полное подчинение массы деталей рабочих капиталу. В этом смысле мы можем иметь мануфактуру или во всяком случае организацию производства, приближающуюся к мануфактуре, даже там, где еще не создано крупных мануфактурных мастерских, объединяющих под одной крышей мануфактурных рабочих.

Сошлемся на пример организации ткацкого промысла, приводимый Лениным в книге «Развитие капитализма в России».

«Во главе промысла, — пишет Ленин, — стояли крупные капиталистические мастерские с десятками и сотнями наемных рабочих; хозяева этих мастерских, обладая крупными капиталами, производили в широких размерах закупку сырья, отчасти перерабатывая его в своих заведениях, отчасти раздавая пряжу и основу мелким производителям (светелочникам, заглодам, мастеркам, крестьянам-«кустарям» и пр.), которые и ткали у себя дома или в мелких заведениях материи за сдельную плату»¹¹.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 381.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 386.

Подобная организация производства существовала в мануфактурный период, предшествующий промышленному перевороту в Англии, Франции, Голландии и в других странах.

Вот картина организации шерстяной и суконной промышленности во Франции накануне революции, которую дает Балло.

Торговец покупает шерсть, моет ее, очищает, окрашивает, пользуясь трудами своих рабочих. Затем передает шерсть... мелкому предпринимателю, который раздает работу в своей деревне. Когда ему вернут пряжу, он передает ее другому предпринимателю, который дает набить основу, далее основа с утком передвинется к ткачу. Отделываться ткань будет городскими рабочими.

Рабочие не имеют возможности купить пряжу или основу, отсюда... вторжение капиталистов, посредников, так называемых купцов-фабрикантов. Они настоящие хозяева, которые управляют благодаря своим капиталам всем производством.

Мануфактура развивалась в непримиримой борьбе с цеховым строем — этим детищем средневековья. Борьба начинается с момента появления торговца-скупщика.

Цеховые правила не разрешали ремесленникам сбывать продукцию через посредников, не состоящих членами цеха. Однако весь ход экономического развития вызывал необходимость появления скупщика, подрывая основы цехового строя.

Внутри цехового ремесла быстро развивался процесс дифференциации, приводивший к обеднению массы ремесленников. Эти обедневшие ремесленники не могли уже содержать своей собственной мастерской, не имели средств производства и нуждались в скупщике, который снабдил бы их сырьем и средствами производства. В результате была пробита первая брешь в цеховых правилах. Обедневшим ремесленникам, не имевшим возможности держать собственную мастерскую, было разрешено работать по заказу мастера, «...чтобы они могли сыскать себе пропитание».

Кроме того, купец-скупщик, пользуясь бедностью ткачей, давал им в ссуду деньги, обязывая их возвращать ссуду сукном.

Торговцы, чтобы избежать цеховых ограничений, стали организовывать промыслы и мануфактуры в деревнях.

На цеховое ремесло разрушающе действовало также насаждение мануфактуры с помощью иностранных мастеров.

Государственная власть — короли, правительства — всячески поощряла развитие мануфактур. Рост товарных отношений имел своим следствием повышение значения денег и создавал усиленный спрос на них как со стороны торгового капитала, так и государства.

Отсюда выросла *меркантилистическая политика*, суть которой заключалась в принципе — как можно больше продавать и меньше покупать, чтобы деньги и, в частности, золото оставались внутри государства. Из этой политики вытекал *протекцио-*

низм, создание таможенных барьеров и всевозможных мероприятий, направленных на защиту национальной промышленности и торговли против иностранной конкуренции.

Исходя из покровительства развитию отечественной промышленности и торговли, короли и правительства старались создавать у себя новые отрасли производства, выписывая для этого иностранных мастеров и основывая крупные мануфактуры.

Покровительствуя развитию отечественной промышленности и торговли, государственная власть в то же время всячески опекала ее, вмешивалась в производственный процесс, определяла самым детальным образом методы производства, контролировала качество выпускаемой продукции, определяла максимальную заработную плату, применяла всевозможные поощрительные мероприятия, направленные на развитие промышленности, в виде премий, субсидий, устанавливала ввозные пошлины и т. д.

Так, в Англии под особым покровительством находилась шерстяная промышленность. Парламент в многочисленных актах регламентировал шерстяную промышленность, определяя длину, ширину и вес кусков материи, способы окраски и отделки сукна, способы его упаковки и т. д.

Для контроля за этими предписаниями был создан многочисленный штат чиновников и инспекторов.

Одним из ярких представителей меркантилизма во Франции был Кольбер. Кольбер всячески старался развить отечественные мануфактуры, главным образом текстильные: суконные, шелковые, полотняные и т. д.

В этих целях он выдавал субсидии мануфактуристам, освобождал их от налогов, выдавал премии, проводил политику низких цен на хлеб, запрещая вывоз его за границу, чтобы снизить заработную плату и т. д.

Вместе с тем Кольбер предъявлял строгие требования к качеству производимой продукции, стремясь к тому, чтобы побить конкурентов на внешнем рынке. Регламентация производства достигла исключительных размеров.

Кольбером было издано бесконечное количество регламентов и инструкций, которые пытались объять самые мельчайшие детали производства и отделки тканей.

Бесчисленный сонм контролеров и инспекторов должен был следить за соблюдением этих сложных регламентов и инструкций. Нарушителям грозили всякие штрафы, конфискации и т. д.

Во Франции в начале XVII в. была создана знаменитая Луврская галерея, которая превратилась в огромную мануфактуру, где имелись мастерские: ковровые, мебельные, ювелирные, оружейные.

Большую известность приобрела во Франции знаменитая мануфактура гобеленов, которая насчитывала 250 рабочих иностранцев: голландцев, итальянцев, фламандцев. Мануфактура гобеленов занималась производством золотых и серебряных изде-

лий, драгоценных камней, роскошных ковров, люстр и т. д. К работе были привлечены живописцы, скульпторы, граверы.

Аналогичную картину мы видим в России в эпоху Петра I. Петр I насаждал горные, оружейные предприятия, судостроительные верфи, суконные, полотняные и парусные мануфактуры. Он выписывал лучших голландских, немецких и других мастеров, ставил их в привилегированное положение, давал большие субсидии предпринимателям. В целях защиты молодой нарождающейся мануфактуры от иностранной конкуренции Петр I проводил протекционистскую политику.

Чтобы обеспечить вновь созданные мануфактуры рабочей силой, Петр I приписывал к ним крепостных крестьян. В указе от 18 января 1721 г. фабрикантам предоставлялось право приобретать имения с людьми и «под такою кондицией, дабы те деревни всецело были уже при тех заводах неотлучно».

При Петре I возникло свыше 200 мануфактур. Созданные им мануфактуры отличались довольно крупными размерами. Так, на казенной парусной фабрике в Москве работало 1162 рабочих, на Московской суконной фабрике Щеголина работало 730 рабочих на 130 станах, на казанской суконной фабрике Микляева работало 742 человека и т. д.

Мануфактурный период в развитии капитализма знаменует дальнейший этап в развитии относительной прибавочной стоимости и, следовательно, рост эксплуатации рабочего капиталистом и обострение классовых противоречий между капиталом и трудом.

«Мануфактурное разделение труда, — говорит Маркс, — ... с одной стороны... является историческим прогрессом и необходимым моментом в экономическом развитии общества... с другой стороны, оно есть орудие цивилизованной и утонченной эксплуатации»¹².

Мануфактура, как мы уже говорили, превращает рабочего в частичного рабочего; рабочий на всю жизнь приковывается к отдельной детальной операции. Это знаменует собой разрыв между умственным и физическим трудом.

В самом деле, ремесленник, по выражению Поля Лафарга, «... имел все свое ремесло в своих пальцах и в своем мозгу»¹³. В этом смысле его работа была довольно разносторонней, требующей известной сообразительности, ловкости, умения и художественного вкуса.

Помимо занятия ремеслом ремесленник, как правило, имел хотя бы крохотный участок земли и сочетал в той или иной степени занятие ремеслом с занятием земледелием.

Кроме того, поскольку он был собственником продукта своего труда, он должен был продавать его на рынке.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 377.

¹³ П. Лафарг. Сочинения, т. II. ГИЗ, 1928, стр. 399.

Переход к мануфактуре в корне изменил положение ремесленника. Он превратился теперь в пролетария, а разделение труда на всю жизнь приковало его к какой-нибудь одной частичной операции. Мануфактурный рабочий — раб своей узкой специальности. В ней он должен стать виртуозом. Ей в жертву он должен принести свое физическое и умственное развитие, во имя нее он должен стать уродом с односторонне развитыми пальцами, или с односторонне развитым зрением, или осязанием в ущерб всем остальным функциям организма.

От частичного рабочего не требуется более художественного вкуса, мысли или воображения. Для этого есть специалисты, руководители, художники и т. п. Труд мануфактурного рабочего в этом смысле сводится к немногим механическим движениям, отупляющим ум и убивающим всякую мысль.

«Мануфактура, — говорит Маркс, — уродует рабочего, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований, подобно тому как в Аргентине убивают животное для того, чтобы получить его шкуру или его сало»¹⁴.

Для иллюстрации сошлемся на производство часов в Швейцарии.

Нужно видеть в действительности, как выделяются все эти колесики, пластинки и винтики, как просверливаются дырочки для винтиков и колесиков, как изготавливаются тончайшие пружинки и волоски, чтобы понять истинно каторжный характер этого напряженного труда.

Все работающие до крайности напрягают зрение, вооруженное лупой, и сидят почти неподвижно, затаив дыхание, при глубочайшей тишине, соблюдаемой, однако, не потому, что было запрещено говорить, а потому что с разговорами не только не сделаешь ни колесика, ни пластинки, даже сильное дыхание сносит со стола мелкие частицы механизма.

Эта изумительная по тонкости работа невольно приводит на память тех знаменитых тульских мастеров из рассказа Лескова, которые подковали «Аглицкую блоху».

Главная цель капиталистов и поддерживающей их власти сводилась к тому, чтобы как можно больше удешевить производство и сделать его конкурентоспособным на внешнем рынке.

Отсюда все усилия капиталистов и государства были направлены на максимальное снижение заработной платы, на удлинение рабочего дня, на эксплуатацию детского и женского труда и применение в больших размерах принудительного труда.

Чтобы обеспечить дешевой рабочей силой вновь возникающие мануфактуры, правительство не останавливалось перед созданием института крепостных рабочих.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 373.

Это в особенности имело место в таких предприятиях, как угольные, соляные копи и т. д.

Так, в Шотландии рабочие на всю жизнь прикреплялись к угольным и соляным копиям. Если владелец продавал копи, то вместе с ними продавались и рабочие. Рабочие должны были носить и внешнее клеймо своего крепостного состояния: у них на воротниках было вырезано имя их господина. Такие порядки существовали в Шотландии до 1787 г. То же имело место и во Франции в королевской зеркальной мануфактуре и в других, в Пруссии и т. д.

Как мы видели, чрезвычайно широко применялся труд крепостных в русских мануфактурах.

Немудрено, что это закабаление рабочих, их жен и детей встречало резкое сопротивление со стороны рабочих и ремесленников. Рабочие и разоряемые развитием мануфактуры ремесленники не останавливались перед порчей и разрушением станков. Так, в 1789 г. была сожжена мануфактура Ревельона во Франции, находившаяся в Сент-Антуанском предместье.

Ревельон решил снизить заработную плату взрослым рабочим до 15 су, и в качестве средства такого снижения он стал вовлекать в производство детей, платя им по 8—12 су. Это совпало с выборами депутатов в генеральные штаты в Сент-Антуанском предместье. Знать выдвинула в депутаты ненавистного ремесленника и рабочим Ревельона. Это переполнило чашу терпения последних. Возмущенные ремесленники и рабочие произвели торжественное повешение на Гревской площади, где обычно совершались казни, портрета с изображением Ревельона, разграбили и сожгли его мануфактуру.

Мануфактура усиливает отделение города от деревни, промышленности от земледелия.

В мануфактуре руководящая роль принадлежит купцу и мануфактуристу, которые уже не связаны с земледелием.

Мануфактура создает также кадры частичных рабочих, порвавших с земледелием.

Мануфактурное разделение труда «...приковывает рабочего к одной специальности и поэтому делает его, с одной стороны, негодным для земледелия (слабосильным и пр.), с другой стороны, требует непрерывного и продолжительного занятия мастерством»¹⁵.

Мануфактура порождает противоречие между организованностью производства на отдельных предприятиях и анархией производства во всем обществе.

В чем суть этого противоречия?

Товарное производство базируется на общественном разделении труда. Сущность общественного разделения труда заключается, по словам Ленина, в том, что «Промышленность обраба-

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 432.

тывающая отделяется от добывающей, и каждая из них подразделяется на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами. Развитие товарного хозяйства ведет таким образом к увеличению числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности; тенденция этого развития состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта; — и не только производство продукта, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению»¹⁶.

Общественное разделение труда нужно отличать от разделения труда внутри предприятия.

Мы видели, что мануфактурное производство основано на весьма детальном разделении труда внутри предприятия.

Это разделение труда внутри предприятия, возникшее при мануфактуре, в дальнейшем росло и развивалось.

Современное капиталистическое предприятие представляет собой необычайно сложную организацию со сложнейшей системой разделения труда между отдельными цехами, между инженерами, мастерами и рабочими.

Маркс, устанавливая следующее различие между разделением труда внутри общества и разделением труда внутри предприятия, говорит: «... что устанавливает связь между независимыми работами скотовода, кожевника и сапожника? Бытие их продуктов в качестве товаров. Напротив, что характеризует разделение труда в мануфактуре? Тот факт, что здесь частичный рабочий не производит товара. Лишь общий продукт многих частичных рабочих превращается в товар... В мануфактуре железный закон строго определенных пропорций и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями; наоборот, прихотливая игра случая и произвола определяет собой распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда... Мануфактурное разделение труда предполагает безусловную власть капиталиста над людьми, которые образуют простые звенья принадлежащего ему совокупного механизма; общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов...»¹⁷

Характерной чертой капиталистического способа производства являются анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда.

Будучи существенно отличными и прямо противоположными,

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 21.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 367, 368, 369.

они существуют в капиталистическом обществе вместе, дополняя и обуславливая друг друга, ибо степень и характер разделения труда в мануфактуре обусловлены общественным разделением труда, но в то же время, чем больше растет с развитием капитализма деспотия разделения труда внутри предприятия, тем больше растет анархия производства во всем обществе.

«Анархия общественного производства, — говорит по этому поводу Энгельс, — выступила наружу и принимала все более и более острый характер. А между тем главное орудие, с помощью которого капиталистический способ производства усиливал анархию в общественном производстве, представляло собой прямую противоположность анархии: это была растущая организация производства как производства общественного на каждом отдельном производственном предприятии»¹⁸.

Мануфактура благодаря разделению труда двинула вперед развитие производительных сил. Однако она базировалась на малопроизводительном ручном труде.

Ее дальнейшее развитие натолкнулось на узость ее технической базы — ручного труда.

«Ее собственный узкий технический базис, — говорит Маркс, — вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства»¹⁹.

Вместе с тем мануфактура подготовила все необходимые условия для революции в техническом базисе производства.

Мануфактура, введя детальное разделение труда внутри предприятия, чрезвычайно упростила процесс производства и создала разнообразный ассортимент орудий труда, приспособленных для каждой частичной операции.

Огромное значение имели созданные мануфактурой мастерские для производства орудий труда. Маркс приводит следующие слова Э. Юра:

«Такая мастерская... представляла собой картину разделения труда со всеми его многочисленными ступенями. Сверло, резец, токарный станок имели каждый своего собственного рабочего, иерархически связанного с другими тем или иным способом в зависимости от степени его искусства»²⁰.

Таким образом, мануфактура создает предпосылки, необходимые для появления машины. Машина представляет собой не что иное, как комбинацию различных ремесленных инструментов, двигателем которых является уже не рука ремесленника или мануфактурного рабочего, а механическая сила.

Назрела также экономическая потребность в машине. Возможности дальнейшего развития ремесленной и мануфактурной техники были уже исчерпаны.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 284.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 381.

²⁰ Там же.

Эксплуатация рабочих по линии дальнейшего удлинения рабочего дня встречала все большее сопротивление рабочих. Погоня за прибавочной стоимостью и развертывающаяся конкуренция толкали капиталистов на снижение издержек производства. Расширялся мировой рынок. Мануфактура и ремесло уже не в состоянии были удовлетворить возросший спрос на продукты промышленного производства. Все это с особой остротой поставило проблему замены ручного труда машинным.

Машина и крупная промышленность

Машина — такое рабочее орудие, которое в самом выполнении работы заменяет физическую силу человека силами природы.

В законченном комплекте машин следует различать три основные части: двигатель, передаточный механизм и рабочую часть (или механический инструмент).

Двигательная часть представляет источник какой-нибудь механической силы: например, в водяной мельнице двигатель — наливное или подливное колесо, на которое действует сила падения воды; в паровой машине — паровой котел, в котором развивается давление пара.

Вторая часть — это передаточный механизм, который передает силу двигателя рабочей машине.

Он представляет собой сложную систему зубчатых колес, валов, эксцентриков, шатунов и т. д.

Третья и главная часть это — рабочая машина.

Если внимательно всмотреться в нее, то мы откроем в ней те же инструменты, которыми работает ремесленник или мануфактурный рабочий, производящий товары с помощью ручного труда. Но главное их отличие от инструментов ручного труда заключается в том, что они приводятся в движение не руками человека, а машиной.

Внутри капиталистического предприятия существует сотрудничество машин и разделение труда между ними. Пример простого сотрудничества представляет ткацкая фабрика, которая состоит из множества механических ткацких станков, помещенных в одном здании и выполняющих одинаковую работу. Один и тот же двигатель в этом случае приводит в действие множество одинаковых машин.

Разделение труда между машинами (или система машин) состоит в том, что целый ряд различных, но находящихся во взаимной связи машин, одна за другой обрабатывают один и тот же материал, пока он не получит своей окончательной формы.

Когда рабочие машины без содействия человека выполняют все движения, необходимые для обработки материала, так что со стороны человека требуется только надзор в управлении, то получается самодействующий (автоматический) механизм. Это — наиболее развитая, высшая форма машинного производства.

Промышленный переворот начался с хлопчатобумажной промышленности. Хлопчатобумажная промышленность была сравнительно более молодой отраслью в Англии. Ей пришлось завоевывать себе место под солнцем в борьбе со старой шерстяной промышленностью.

Шерстяная промышленность в течение многих лет занимала господствующее положение в Англии. По заявлению одного писателя XVIII в., шерсть — это «священный предмет», «основа всего нашего богатства».

Хлопчатобумажная промышленность, свободная от рутины, подстегиваемая конкуренцией с шерстяной промышленностью, стала на путь технической революции и открыла этим важнейшую страницу в развитии капитализма, эпоху промышленного переворота.

Непосредственным толчком к промышленному перевороту послужило отставание прядения от ткачества. Производительность труда в прядении была гораздо ниже, чем в ткачестве. Пряжа, на обработку которой требовалось от 8 до 10 прях, обрабатывалась за такое же время одним ткачом.

Ткацкие предприятия испытывали огромную нужду в пряже. Прядение задерживало развитие ткачества.

Это отставание прядения от ткачества еще более усилилось, когда Кэем был изобретен в 1733 г. механический «летающий челнок».

Челнок встретил отчаянное сопротивление ткачей, которые обвиняли Кэя в стремлении лишить их куска хлеба. Дело дошло до того, что ткачи разгромили дом Кэя, который спасся, спрятавшись в мешок с шерстью.

Однако экономическая выгодность челнока в конечном счете победила, и изобретение Кэя скоро получило всеобщее распространение. Челнок Кэя поднял производительность ткачества вдвое.

Это обстоятельство до крайней степени обострило отставание прядения. Цена на пряжу повысилась, часто вообще нельзя было ее достать. Ткацкие станки подолгу бездействовали. Ткачи разорялись.

Проблема технического переворота в прядильном деле встала с невиданной остротой.

Изобретение новой прядильной машины связано с двумя именами: Джон Уайт и Льюис Пауль. Однако главная роль в этом деле принадлежала Джону Уайту, который еще до этого имел ряд изобретений.

Джон Уайт был связан с Льюисом Паулем договором, по которому последний приобрел права на эксплуатацию изобретения Уайта.

Сын Джона Уайта пишет, что в 1733 г. отцу удалось осуществить свою идею о прядильной машине, с которой он носился уже давно. Первая хлопчатобумажная нить, по его свидетельству,

была выпрядена Джоном без помощи человеческих пальцев на модели в два квадратных фута в 1733 г.

Патент на изобретение был зарегистрирован на имя Льюиса Пауля.

Человеческие пальцы в машине Уайта и Пауля заменяли вращающиеся валики.

Нить, проходя между валиками, вращающимися все с большей скоростью, вытягивается и становится все тоньше и тоньше и затем наматывается на веретено. Однако прядельная машина Уайта и Пауля, чтобы получить широкое распространение, нуждалась в дальнейших усовершенствованиях.

И вот появляются почти одновременно два изобретения: прядельная машина Харгривса, названная им в честь его дочери «Дженни», в 1765 г. и ватерная машина Аркрайта — в 1767 г.

Машина Харгривса представляла собой раму. На одном конце этой рамы было вставлено 8 веретен, поперек находилось два бруска, которые тесно прилегали друг к другу. Будучи помещены на каретке, они могли двигаться взад и вперед. Каретка в данном случае заменяла руки и пальцы прядельщика.

Хлопок проходил между брусками и затем прикреплялся к веретенам. Прядельщик одной рукой сообщал движение каретке, а другой — вертел рукоятку и тем самым приводил в движение веретена.

Таким образом нить вытягивалась и скручивалась²¹.

Харгривс устроил машину с 8 веретенами. Но количество их можно было увеличить в 10 раз и больше.

«Дженни» получила широкое распространение в маленьких мастерских, так как она была проста и не нуждалась ни в какой искусственной двигательной силе.

Машина, носящая имя Аркрайта, была построена в 1768 г. часовщиком Кзем, которого он пригласил к себе в помощники. В основном машина Аркрайта воспроизводила машину Уайта, отличаясь от нее рядом усовершенствований в отдельных частях и деталях.

В отличие от машины Харгривса она приводилась в движение водой, отсюда ее название ватерной машины.

Выделяемая на ней бумажная нить отличалась крепостью, превосходя в этом отношении продукцию самых лучших прядельщиков.

В дальнейшем в машину Аркрайта был введен ряд усовершенствований.

Аркрайт применил свою прядельную машину в крупном предприятии, которое было им организовано сначала в Ноттингеме, а затем перенесено в Кромфорд. В нем работало до 300 рабочих, которые обслуживали несколько тысяч веретен.

²¹ П. Манту. Промышленная революция XVIII столетия в Англии, стр. 176.

Все эти изобретения в области прядения были завершены машиной Кромптона, в которой были соединены лучшие стороны «Дженни» и машины Аркрайта. В результате получалась тонкая и крепкая бумажная нить. Кромптон назвал свою машину «Мюль-машиной»²².

Переворот в области прядения привел к расцвету в Англии текстильной промышленности, которая стала производить хлопчатобумажные ткани, превосходящие по своей прочности и тонкости произведения лучших мастеров Индии, искусство которой до этого не знало конкурентов.

Вместе с тем в корне изменилась картина взаимоотношений между прядением и ткачеством. Теперь прядение настолько вырвалось вперед, что начало безнадежно отставать ткачество. Ткачи не успевали перерабатывать колоссального количества производимой пряжи.

Теперь со всей остротой встала проблема механического ткачества.

Много изобретателей работало в этом направлении. Однако разрешить эту проблему удалось Картрайту в 1785 г.

Картрайт не был ни механиком, ни фабрикантом.

По окончании Оксфордского университета он сделался сельским священником.

Но проблема механического ткачества до такой степени назрела, что идея его буквально носилась в воздухе.

Непосредственным толчком для Картрайта к тому, чтобы заняться изобретательством, послужил спор в компании фабрикантов из Манчестера. Обсуждался вопрос об отставании ткачества

²² Судьба самого изобретателя, открывшего начало бурному перевороту в капиталистическом производстве, весьма поучительна с точки зрения характеристики капиталистической системы эксплуатации.

Кромптон не имел средств даже на то, чтобы хлопотать о патенте на свое изобретение. Перед ним стала дилемма: или предоставить свое изобретение в бесплатное всеобщее пользование капиталистам, или сломать.

Он предпочел первое.

«В течение $4\frac{1}{5}$ лет, — говорил он, — я тратил все свое время, все силы своего ума, все средства, которые мог добыть своим трудом, исключительно на одну цель — производить хорошую пряжу для ткачей. Разрушить эту машину я не был в силах».

И он предоставил ее во всеобщее пользование безвозмездно. Фабриканты собрали в благодарность изобретателю по добровольной подписке 67 фунтов стерлингов.

Пользуясь изобретением Кромптона, фабриканты извлекали из рабочих десятки и сотни тысяч рублей избыточной прибавочной стоимости. А талантливый изобретатель прозябал в бедности и нищете. Поэтому, не мудрено, что когда Кромптон изобрел машину для кардования, он не захотел и ее отдать фабрикантам.

Он ее разбил, воскликнув с болью в душе: «Этой машины, по крайней мере, они не получат!»

Так капитализм оценил своего изобретателя (П. Манту. Промышленная революция XVIII столетия в Англии, стр. 192, 193).

от прядения. Картрайт высказал мысль, что выход может быть найден лишь на пути изобретения ткацкой машины. Присутствующие заявили, что это невозможно.

Этот спор и побудил Картрайта заняться изобретательством.

В 1785 г. его усилия увенчались успехом. Он изобрел ткацкий станок, где гребень и челнок приводились в действие не руками человека, а посредством механического приспособления. Станок автоматически останавливался, когда обрывалась нить.

Однако в промышленности ткацкий станок начал широко применяться лишь в 1813 г. Применение ткацкого станка в огромной степени повысило производительность труда.

Один ткач при помощи станка в одно и то же время производил количество продукции, которое при ручной технике давали 40 человек.

Началось стремительное развитие текстильной промышленности в Англии, сопровождавшееся разорением и гибелью мелкого производства.

Один из показателей этого подъема в области текстильной промышленности — ввоз в Англию хлопка-сырца, который за столетие увеличился с 1 млн. фунтов до 60,5 млн., т. е. в 60 раз.

Росту ввоза хлопка соответствовал и вывоз изделий, который с 1780 по 1802 г. увеличился с 360 тыс. фунтов стерлингов до 7,8 млн. фунтов стерлингов.

Металлургическая промышленность Англии

Почти параллельно с переворотом в текстильной промышленности начался переворот в металлургической промышленности. Развитие металлургии со всей остротой выдвинуло проблему топлива.

Основным видом топлива, которое использовалось как для добычи и обработки железной руды, так и для обработки железа, был лес.

Лес хищнически уничтожался. Металлургия пожирала его в огромном количестве. Чтобы получить тонну железа, надо было сжечь четыре сажени дров.

Англия встала перед угрозой полного исчезновения лесов.

Назрел вопрос о замене леса минеральным топливом. Из-за недостатка топлива английская горная и металлургическая промышленность находилась в застойном положении, а металлообрабатывающие предприятия вынуждены были прибегать к ввозу железа из Швеции и России.

И это в то время, когда Англия изобиловала железными и угольными месторождениями.

Эта проблема и была решена в 1735 г. Авраамом Дерби, — владельцем завода в Иольбруккене. Он сам как заводчик почувствовал всю остроту проблемы, когда лес, окружающий его завод, был уничтожен, и на него надвинулась угроза остаться без топлива.

Он занялся усовершенствованием методов изготовления и увеличения силы воздуходувок.

В целях избежания порчи металла во время плавки он начал прибавлять к руде негашеную известь и другие химические вещества. В результате ему удалось добиться замены древесного угля каменным при изготовлении чугуна.

Этим была решена одна сторона проблемы — производство чугуна. Но оставалась нерешенной проблема превращения чугуна в ковкое железо и сталь.

В то время как процесс производства чугуна быстро двинулся вперед, переработка чугуна стала крайне узким местом. Возникла диспропорция между производством чугуна и изготовлением из него железа. Чугун заполнил рынки, и это перепроизводство грозило принять характер хронического бедствия. Ряду изобретателей, среди которых наиболее важную роль сыграл Дерби, в первой половине XVIII в. удалось добиться того, что переработка чугуна в железо начала также производиться на каменном угле в отражательных печах, где чугун терял содержащийся в нем углерод благодаря соединению с кислородом и получалась тестообразная масса железа.

Прокатка железа стала производиться на прокатных вальцах, что в огромной степени увеличило производительность труда при обработке железа.

Началось быстрое развитие каменноугольной и металлургической промышленности в Англии.

Добыча каменного угля поднялась с 2600 т в 1700 г. до 27 тыс. т в 1816 г.

Вывоз чугуна поднялся с 8900 т в 1829 г. до 50 тыс. т в 1840 г.²³

С этого момента металлургия превратилась в главную основу дальнейшего развития капитализма. Благодаря металлургии капитализм получил возможность изрезать весь мир железными дорогами; благодаря ей возникли колоссальные гиганты-корабли, пересекающие в разных направлениях моря и океаны; благодаря ей многоэтажные дома и громадные фабричные корпуса получили прочные металлические скелеты. Металлургия послужила основой для завоевания человеком не только суши и морей, но и воздуха. Наконец, металлургия была использована для создания таких гигантских орудий разрушения и смерти, которые и не снились предшествующим поколениям.

Изобретение паровой машины

«...Создание рабочих машин сделало необходимой революцию в паровой машине»²⁴.

²³ И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы, т. II, стр. 377.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 386.

До изобретения паровой машины в качестве двигателя употреблялись руки человека, сила животных, ветер и вода.

Появление прядильной машины открыло возможность создания крупных предприятий с огромным количеством машин. Но ни сила животных, ни вода, ни тем более сила человека не были для этого достаточны. Сила человека и животных до крайности ограничена, сила ветра изменчива и непостоянна, вода приковывает производство к определенному месту. Назрела острая потребность в паровом двигателе.

Но эта потребность с неменьшей остротой чувствовалась и в горном деле, где до зарезу нужен был паровой насос для откачивания воды.

В рудниках на определенной глубине галереи начинают затопляться водой. Воду приходилось откачивать насосом. За известным пределом выкачать воду оказывалось невозможным.

В 1698 г. Томас Севери изобрел огневую (паровую) машину, которую он назвал «другом горнозаводчика».

Однако эта машина была несовершенна, и потому получила распространение лишь после ее усовершенствования Ньюкоменом и Коуле.

Но и в усовершенствованном виде эта машина страдала рядом дефектов, в частности она «пожирала» чрезмерное количество топлива и была недостаточно сильна.

Проблема была полностью разрешена Джемсом Уаттом. Уатт был разносторонне образованный человек, стоящий на уровне научных достижений своего времени.

Он работал по производству лабораторных инструментов.

Джемс Уатт внес существенные изменения в машину Ньюкомена и добился того, что она стала потреблять в 3 раза меньше топлива, чем раньше.

Машина Уатта получила широкое распространение.

Но в таком виде она еще не могла стать машиной-двигателем, она была лишь усовершенствованным автоматическим насосом.

В 1784 г. Уатт добился превращения качательного движения коромысла в непрерывное вращательное движение вала.

Благодаря этому паровая машина Уатта из автоматического насоса превратилась в машину-двигатель. Открывшиеся возможности ее использования были огромны. Капитализм вступил в век пара.

Переворот в области транспорта

Революция в области промышленности потребовала соответствующего переворота в средствах сообщения и прежде всего в области транспорта. Промышленный переворот создал огромные массы продукции, которые надо было переправлять из одного конца страны в другие, развозить по всему миру, создал величайшую подвижность капитала, который в погоне за прибавочной

стоимостью перебрасывался из одних отраслей в другие, а вслед за движением капитала должны были следовать массы рабочих.

«... Средства транспорта и связи, унаследованные от мануфактурного периода, — говорит Маркс, — скоро превратились в невыносимые пути для крупной промышленности...»²⁵

В результате быстро двинулось вперед развитие шоссейных дорог и водного транспорта, речных и океанских судов.

Однако подлинную революцию в транспорте произвело изобретение железной дороги, честь которого принадлежит Стефенсону.

Стефенсон в 1812 г. добился того, что локомотив, пущенный им в каменноугольных копях Ньюкастля на железных рельсах, вез за собой восемь вагонов с грузом в 30 т со скоростью 6 км в час.

На первых порах введение железнодорожного транспорта встретило довольно сильную оппозицию прежде всего владельцев водных каналов и дилижансов, которые в железнодорожном транспорте видели опасного конкурента.

До каких пределов глупости доходили при этом противники железных дорог, можно судить по прениям в английском парламенте, когда в 1825 г. там обсуждался проект постройки первой железной дороги.

Какие только выдумки, одна глупее другой, ни приводились противниками железных дорог против этого проекта.

В результате постройки железных дорог, говорили они, поля будут сожжены искрами, сыплющимися от паровоза, скот погибнет от страха при звоне и свистках локомотива, куры перестанут нести яйца, и у пассажиров, и у людей, живущих вблизи железнодорожных линий, начнутся страшные мозговые заболевания. Пытались даже железные дороги представить как изобретение дьявола.

Однако экономические интересы, требовавшие революции в средствах сообщения, были настолько сильны, что сопротивление в конце концов было сломлено и началось быстрое развитие железных дорог, сначала в Англии, а затем и по всему миру.

Производство средств производства

Для завершения промышленного переворота необходимо было, чтобы крупная промышленность овладела производством самих машин, которые изготовлялись мануфактурным способом.

«... Огромные массы железа, — говорит Маркс, — которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь требовали таких циклопических машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах»²⁶.

По мере распространения машин в производстве постепенно возникает машинное производство самих машин. Толчок к быст-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 395.

²⁶ Там же, стр. 396.

рому развитию производства машин машинами был дан железнодорожным строительством и пароходством, которые потребовали создания гигантских машин, необходимых для постройки моторов.

Важнейшая задача заключалась в производстве отдельных частей машин, которые требовали значительной точности и строгой геометрической формы.

В первом десятилетии XIX в. эта проблема была решена. Был создан автоматический станок, который производил отдельные части машин с такой легкостью, точностью и быстротой, которая во много раз превосходила искусство самого опытного мануфактурного рабочего.

Тем самым под крупную капиталистическую промышленность была подведена соответствующая ей техническая база. Машина овладела всем процессом производства с начала до конца, а рабочий превратился в придаток к ней.

Если мануфактура в основе своей имела кооперацию частичных рабочих, то фабрика имеет кооперацию частичных машин с могучим сердцем в виде парового двигателя. В результате создается единый железный организм, действующий автоматически. Всмотревшись в станки и машины, наполняющие фабричные корпуса, мы узнаем в них те же ремесленные инструменты, но огромных размеров, приводимые в движение не слабой рукой человека, а мощными паровыми двигателями.

Так, строгальная машина — железный плотник, обрабатывающий железо тем же орудием, как плотник обрабатывает дерево, а паровой молот действует головкой обыкновенного молотка, но такого веса, что «он легко превращает в порошок гранитную глыбу и не менее способен к тому, чтобы вбить гвоздь в мягкое дерево рядом легких ударов»²⁷.

Разрешение проблемы производства машин машинами окончательно устранило узкий базис ремесленной ручной техники, препятствовавший дальнейшему росту производительных сил.

Машина принесла с собой освобождение производства от физической ограниченности человеческого организма.

«Количество рабочих инструментов, — пишет Маркс, — которыми человек может действовать одновременно, ограничено количеством его естественных производственных инструментов, количеством органов его тела... прядильщики-виртуозы, которые могли бы одновременно прясть две нитки, встречались почти так же редко, как двуголовые люди. Напротив, дженни (прядильная машина. — К. О.) уже с самого своего появления прядет 12—18 веретенами, чулочновязательная машина разом вяжет многими тысячами спиц и т. д.»²⁸.

Современные прядильные машины перешли от десятков и сотен к тысячам веретен. Гигантские механические крапы,

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 397.

²⁸ Там же, стр. 385.

подъемники, управляемые слабой женской рукой, легко поднимают и переносят громадные глыбы железа и других материалов; внутризаводские железные дороги и другие механические усовершенствования выполняют работу с точностью и аккуратностью, превосходящими работу самого способного, аккуратного и исполнительного работника.

Машины сделали ненужной не только физическую силу, но и искусство ремесленника, ловкость рук, точность его глаз, виртуозность в работе, приобретенную в течение многих лет. Целый ряд измерительных приборов позволяет добиться такой точности в производстве, которая даже и не снилась при ремесленном и мануфактурном производстве.

Машинная техника на место личного опыта целого ряда поколений ремесленников, передаваемого «по преемству, втайне», поставила научное исследование и изучение процессов производства. Центром технических изобретений и усовершенствований стали лаборатории. Так под крупную капиталистическую промышленность была подведена соответствующая ей техническая база.

Англия надолго превратилась в мастерскую мира.

Промышленная революция на континенте

Промышленная революция лишь с значительным опозданием перебралась в европейские страны.

И в торговом и в промышленном отношении эти страны к моменту промышленного переворота оказались значительно более отсталыми по сравнению с Англией.

Так, во Франции, Пруссии и других странах Европы значительно дольше существовали цехи, дольше сохранилось монопольное привилегированное положение отдельных мануфактуристов, медленнее происходило разложение мелкого производства и образование пролетариата.

Все это задерживало развитие машинной индустрии.

Тем не менее и на континенте, правда, с некоторым запозданием и, может быть, с меньшей остротой встала та же проблема замены ручной техники машинной, что и в Англии. Во Франции, Пруссии, Бельгии и т. д. наблюдалось то же отставание прядения от ткачества в центрах хлопчатобумажной промышленности, тот же топливный голод в области металлургии, вследствие хищнического истребления лесов и т. д.

Однако вследствие отсталости экономического развития указанных стран там не были созданы технические и экономические предпосылки для разрешения всех этих проблем в такой мере, как это имело место в Англии. Поэтому долгое время Европа плелась в хвосте Англии. Англия не только забрасывала Европу продукцией своей быстро растущей индустрии, но и была рассадником новой техники, хотя и вопреки своему желанию.

Ведь новая техника, новые машины были для Англии источником добавочной прибавочной стоимости, достигавшей огромных размеров, источником ее экономического могущества.

Англия не хотела вооружать новейшей техникой своих конкурентов. Поэтому она запрещала вывоз машин за границу, и это запрещение оставалось в силе в течение всей первой трети XIX столетия.

Вывоз машин и рабочих из Англии в Европу карался штрафами, тюрьмами, ссылками в колонии и т. д.

Тем не менее, несмотря на все запрещения, модели машин, равно, как и самые машины, проникали в Европу и постепенно революционизировали технику.

Европейские страны вынуждены были ввозить не только машины, но и английских механиков и рабочих, ибо своих кадров, которые владели бы новейшей техникой, в Европе не было.

Поэтому промышленники во Франции и в других странах всячески старались заполучить английских механиков, техников и простых рабочих, работавших на английских предприятиях.

До второй половины XIX в. паровые машины в Европе не получали еще сколько-нибудь значительного распространения.

В то время как в Англии уже в 1810 г. применялось примерно около 5000 паровых двигателей, во Франции и Пруссии они начинают распространяться лишь с 30—40-х годов XIX столетия. То же самое относится и к прядильным машинам. В Англии в 1790 г. уже насчитывалось около 28 тыс. машин «Дженни» и машин Аркрайта, во Франции — лишь 90 машин «Дженни».

В Англии в 1835 г. было 116 тыс. ткацких машин, в странах Европы значительно позднее, в середине XIX в., их насчитывалось значительно меньше.

Со значительным опозданием происходила в Европе замена древесного топлива минеральным. В Англии уже в начале XIX столетия каменный уголь становится господствующим видом топлива в металлургической промышленности и вытесняет древесное топливо.

Во Франции минеральное топливо вытесняет древесное лишь во второй половине XIX в., примерно в 60-х годах.

В России бурное развитие капитализма начинается лишь после реформы 1861 г., которая отменила крепостное право, но зато это развитие было ускорено примером и помощью старых капиталистических стран.

Возьмем прежде всего применение паровых двигателей. В период примерно с 1876 по 1892 г. количество паровых двигателей в России выросло с 6 353 до 13 085, а их мощность — с 114 977 до 345 209 л. с., т. е. — за 16 лет в 3 раза.

Добыча каменного угля поднялась с 26,7 млн. пудов в 1867 г. до 1 млрд. пудов в 1902 г. Темпы развития горной промышленности в России были значительно выше, чем в странах Европы

и даже Америки. С 1886 по 1896 г., т. е. за 10 лет, выплавка чугуна в России поднялась с 32,5 млн. пудов до 96,5, т. е. утроилась, в то время как Франция достигла такого роста за 28 лет, США — за 23 года, Англия — за 22 года, Германия — за 12 лет.

Таким образом, хотя и медленно, но верно промышленная революция, преодолевая все рогатки и препятствия, прокладывала себе пути в Европе, сметая ремесленную ручную технику и перестраивая до самого основания на капиталистический лад всю экономику и всю систему общественных отношений.

Крупная промышленность и рост буржуазии

В крупной промышленности, говорит Ленин, «...крайности общественных противоположностей достигают высшего развития»²⁹.

Крупная промышленность создает классы с взаимнопротивоположными антагонистическими интересами: с одной стороны, «миллионеров-промышленников», а с другой — миллионы пролетариев, наемных рабов капитала.

Промышленный переворот создал материальную базу для экономического и политического господства буржуазии. Благодаря дифференциации из среды мелких производителей выделялись торговцы-скупщики, которые превращались в мануфактуристов-предпринимателей, а затем и в крупных промышленных капиталистов.

«Может быть, одним из наиболее рельефных проявлений тесной и непосредственной связи между последовательными формами промышленности, — отмечал Ленин, — служит тот факт, что целый ряд крупных и крупнейших фабрикантов сами были мелкими из мелких промышленников и прошли через все ступени от «народного производства» до «капитализма»³⁰.

Так, известный фабрикант Савва Морозов начал свое жизненное поприще ткачом-кустарем, затем стал владельцем раздаточной конторы и, наконец, владельцем двух текстильных фабрик с миллионными оборотами.

Известный табачный фабрикант Асмолов начал карьеру с мелкого торговца, потом стал владельцем мастерской табачных изделий, а затем — крупной табачной фабрики.

Капиталист растет вместе с ростом его предприятия. Если его предприятие мелкое, то он сам вынужден участвовать в трудовом процессе рядом со своими рабочими. Расширение предприятия дает ему возможность освободиться от непосредственного участия в производстве и оставить за собой лишь организаторские и коммерческие функции.

²⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 545.

³⁰ Там же, стр. 542.

«Можно привести в связь положение хозяина мастерской с числом его рабочих, — пишет А. Исаев, — ... Два-три работника дают хозяину столь небольшой излишек, что он работает наряду с ними... Пять работников уже дают хозяину столько, что он до известной степени освобождает уже себя от ручного труда, несколько поленивается и исполняет, главным образом, две последние хозяйские роли» (т. е. покупку материалов и сбыт товаров). «Коль скоро число наемных рабочих достигает 10 или превышает эту цифру, то хозяин не только оставляет ручной труд, но даже почти прекращает свой надзор за рабочими: он заводит главного мастера, наблюдающего за работниками... Здесь он становится уже маленьким капиталистом, «коренным хозяином»³¹.

Так из мелкого производителя по мере роста предприятия вырастает капиталист. Раньше по своему образу жизни, по уровню потребностей мелкий хозяйчик мало выделялся из среды своих рабочих.

Когда развитие капитализма достигает мануфактурной стадии, пропасть между владельцем средств производства и работником достигает уже значительных размеров.

Мануфактурист представляет собой уже тип промышленного предпринимателя. Хотя он еще и связан с торговлей, но главной его функцией все более становится организация мануфактурного производства. Полностью тип промышленного капиталиста складывается с переходом к машинной индустрии, когда капитализм вступает в век пара и машины.

Вместе с тем промышленный капиталист все более и более освобождается от функций непосредственного управления производством, перекладывая их на специальных директоров предприятий, и если сохраняет еще за собой кое-какие функции, то главным образом в области обращения.

Наиболее яркое выражение эта тенденция к устранению предпринимателя от всякого руководства и даже участия в производственном процессе находит в акционерных компаниях, где роль предпринимателя сводится исключительно к получению дивидендов, к распоряжению своими капиталами и участию в биржевой игре.

Словом, тенденция развития все более и более сводит к нулю роль капиталиста в производственном процессе.

Буржуазные ученые, апологеты капитализма, стараются представить прибыль как оплату неопценимых организаторских и всяких других услуг капиталиста.

На самом деле даже капиталист, самолично выполняющий функции управления своим предприятием, коренным образом отличается от наемного служащего, выполняющего те же функции.

«Капиталист, — говорит Маркс, — не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наобо-

³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 355—356.

рот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист»³².

С другой стороны, та прибавочная стоимость, которую получают капиталисты, отнюдь не совпадает даже с самой высокой заработной платой наемного служащего. Прибавочная стоимость, получаемая капиталистом, соответствует не его личному труду по управлению производством, а величине применяемого им капитала.

Отсюда понятна вздорность утверждений тех буржуазных экономистов, которые в целях маскировки капиталистической эксплуатации рассматривают доходы капиталиста как оплату за его труд как руководителя.

В том великом промышленном перевороте, который создал капиталисту адекватную техническую базу, мы в виде исключения встречаем среди капиталистов изобретателей. Точно так же изобретателям редко удавалось создать крупные капиталистические предприятия.

Возьмем наиболее яркую фигуру капиталистического предпринимателя — Аркрайта.

Буржуазная историография изображает Аркрайта как предпринимателя, который был не только крупнейшим организатором и коммерсантом, но и изобретателем, основателем современной промышленности. Однако все изобретения, на которые им были взяты патенты, были им уворованы у разных изобретателей.

«Кто знаком с биографией Аркрайта, — говорит Маркс, — тот никогда не даст этому гениальному цирюльнику названия «благородный». Из всех великих изобретателей XVIII века это был бесспорно величайший вор чужих изобретений и самый низкий субъект»³³.

Таким образом, главная роль капиталистов свелась к эксплуатации чужих изобретений за самыми редкими исключениями.

В 1803 г. в хлопчатобумажной промышленности Англии была проведена анкета, в которой стоял, между прочим, вопрос о том, в какой мере хозяева сведущи в технических вопросах. Ответ получился отрицательный.

Они «... никогда ничего не знали о ткацком искусстве. Хозяин довольствуется тем, что приставляет к делу знающего ремесло человека; он вносит свой капитал, и раз он может продавать по рыночной цене, он смело идет вперед»³⁴.

Вместе с тем по своему образу жизни это были уже не те мелкие хозяйчики, которые пили вино раз в год на Рождество и по вечерам в таверне «прокучивали» 4 пенса на эль и 1/2 пенни на табак. Это уже были буржуа, которые быстро усвоили барские

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 344.

³³ Там же, стр. 435. Примечание.

³⁴ П. Манту. Промышленная революция XVIII столетия в Англии, стр. 314.

привычки, жили на широкую ногу, владели роскошными особняками в городе и барскими усадьбами в деревне с лакеями и штатом прислуги, имели шикарные выезды, словом, вели роскошный образ жизни. Этот роскошный образ жизни, «...являясь демонстрацией богатства и, следовательно, средством получения кредита, становится даже деловой необходимостью для «несчастливого» капиталиста. Роскошь входит в представительские издержки капитала»³⁵.

Новый класс капиталистов представляет собой не что иное, как персонифицированный капитал, у которого нет других стимулов производства, кроме погони за прибылью, бесконечного возрастания богатства.

«Мое дело, — писал Форд, — могло бы вместо успеха привести к полной неудаче, если бы я не действовал, исходя из умеренной прибыли для себя и для участников предприятия»³⁶.

Здесь Форд, обычно прикрывающий свои капиталистические вожделения и стремления лживыми и лицемерными заявлениями о служении обществу, высказывает подлинную цель своего производства.

Как носитель этой капиталистической страсти к наживе и погони за прибавочной стоимостью, капиталист становится черствым, деспотичным в отношении к объекту своей эксплуатации — рабочим.

Каждая лишняя минута труда рабочих, каждая копейка экономии в оплате их рабочей силы, помноженная на количество рабочих, вырастает в огромные суммы прибавочной стоимости. Поэтому капиталист может тратить тысячи на кутежи и на всякие другие цели, но там, где речь идет о мизерной прибавке к заработной плате или о сокращении рабочего времени, он становится беспощаден. Капиталист может быть «...образцовым гражданином, даже членом общества покровительства животных и вдобавок пользоваться репутацией святости, но у той вещи, которую ты представляешь по отношению ко мне, нет сердца в груди»³⁷.

Поэтому и прогресс капиталистической техники явился в руках капиталиста лишь могучим орудием беспощадной эксплуатации и порабощения рабочего класса.

Крупная промышленность и положение рабочего класса.

Рабочий — придаток к машине

Введение машин в огромной степени повышает производительность труда и сокращает время, необходимое для производства товаров.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 607.

³⁶ Г. Форд. Моя жизнь, мои достижения. М., изд-во «Время», 1924, стр. 224.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 246.

Казалось бы, введение машин должно было бы облегчить труд рабочего.

Древнегреческий поэт Антипатр приветствовал первую машину — водяную мельницу — как освободительницу рабов.

Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом движут глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой³⁸.

Однако все мечты, которые связывали древнегреческие мыслители с появлением машин, были жестоко разбиты жизнью. Это вынужден был констатировать не кто другой, как буржуазный экономист Джон Стюарт Милль, который писал:

«Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили труд хотя бы одного человеческого существа»³⁹.

Многочисленные открытия и изобретения в условиях капиталистического их применения стали орудием угнетения и порабощения наемных рабов капитала. Да это и понятно: капиталистическое применение машин никогда и не ставило перед собой задачи облегчения труда рабочих. Оно преследовало лишь одну единственную цель — сокращение необходимой части рабочего дня, которую рабочий тратит на себя, и увеличение прибавочного времени, в течение которого он создает прибавочную стоимость для капиталиста. Машина, вместо того, чтобы облегчить труд рабочего, стала для него источником новых бедствий, нового порабощения.

Прежде всего машина в корне изменила положение рабочего в процессе производства.

Если мануфактурное разделение труда превратило рабочего в частичного рабочего, на всю жизнь прикованного к отдельной операции, то фабрика превратила его в придаток к машине и освободила труд его от всякого содержания.

В самом деле, в мануфактуре рабочий господствует над орудиями своего труда, он ими управляет и заставляет служить своим целям. Сама мануфактура представляет собой не что иное, как многорукий живой механизм, состоящий из частичных рабочих.

Что же мы видим на фабрике? Здесь не рабочий господствует над машиной, а машина над рабочим. Рабочий должен следовать за ее автоматическими движениями. Фабрика представляет собой железный механизм, состоящий из системы машин, и рабо-

³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 419.

³⁹ Там же, стр. 382.

чие являются лишь живым придатком к этому железному само-движущемуся автомату.

Стоит только ускорить движение машины, и рабочий вынужден будет работать вдвое, втрое быстрее. Так, рабочий, следуя за двумя мюль-машинами, в течение 12 рабочих часов в 1815 г. делал 8 миль ходьбы, а в 1832 г., когда движения машины были ускорены, ему пришлось делать 20 миль и больше.

Джек Лондон чрезвычайно ярко описывает в своем произведении «Отщепенец» положение рабочего, превращенного в придаток к машине, в лице подростка Джонни. Труд его свелся исключительно к ряду механических движений, необходимых для наблюдения и обслуживания машины.

Вот Джонни на суконной фабрике.

«На этот раз, — пишет Джек Лондон, — ему попалась удивительно легкая работа. Ему приходилось только сидеть и при помощи небольшой палочки направлять полосу сукна, проходившую перед ним нескончаемым потоком... Он стал частью, необходимым придатком машин... Он был еще молод, и ему были доступны мечты и заблуждения. Пока он следил за бесконечной полосой сукна, перед его глазами проносились чудесные видения. Но так как работа не требовала ни малейшего напряжения и не заставляла работать мозг, то со временем он стал мечтать все меньше и меньше, и ум его стал тусклым и сонным».

В конце-концов он не вынес этого нечеловеческого напряжения, этого невыносимого, оупляющего однообразия работы, и заболел.

Его воспаленный мозг работал лихорадочно над неразрешимой задачей — определить то количество движений, которое он проделал за свою молодую, короткую жизнь.

«Я до смерти устал, — говорит Джонни. — Отчего я так устал? От движения... Помните, как я работал на стеклянном заводе? Я приготовлял тогда 300 дюжин пробок в день. Теперь все вспоминается, что для каждой бутылки я делал десять различных движений, значит, в день я делаю тридцать шесть тысяч движений; в десять дней триста шестьдесят тысяч движений; в месяц — миллион и восемьдесят тысяч движений. Сбросьте эти восемьдесят тысяч. Останется миллион движений в месяц, 12 миллионов в год. Теперь за ткацкими станками я делал вдвое больше движений. Я делал по меньшей мере 25 миллионов в год, и мне кажется, что двигался таким образом почти миллион лет».

Здесь мы видим, как капитализм, превращая рабочего в придаток к машине, вместе с тем завершает и углубляет процесс отделения умственного труда от физического.

«Даже облегчение труда, — говорит Маркс, — становится средством пытки, потому что машина освобождает не рабочего от труда, а его труд от всякого содержания»⁴⁰.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 434.

Мелкий производитель, по выражению Лафарга, «...объединял в одном лице обе функции производства: проектирующей головы и выполняющей руки».

Теперь интеллектуальный труд становится привилегией специальных работников: руководителей предприятий, инженеров, техников, переносится в специальные научные лаборатории.

Умственный труд становится силой, противостоящей физическому труду.

Физический труд до крайности упрощается, сводится к несложным механическим движениям, опустошается, лишается всякого интереса. Рабочий превращается в автомат при машине.

Рабочие, говорит Лафарг, — «...уже не люди, а просто руки; им не нужно напрягать свои головы; они — колеса из мяса и костей, прицепленные к машине из железа и стали, которая приводит их в движение и управляет ими, как если бы в нее перешел разум ремесленника»⁴¹.

Мануфактурный рабочий обладал определенным искусством и техническими навыками в своей области. Его нелегко было заменить первым встречным продавцом своей рабочей силы. Наоборот, рабочий у машины быстро может быть заменен любым неквалифицированным рабочим.

Таким образом, отделение умственного труда от физического чрезвычайно ухудшило положение рабочих.

Здесь средства труда — машина в руках капиталиста прямо становится орудием порабощения рабочего. Очень часто капиталист вводит машину с прямой целью обуздать рабочих. Целый ряд изобретений был вызван к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущения рабочих.

И какие панегирики поют капиталисты этой роли машины!

С каким восторгом они говорят о том, что благодаря машинам предприниматели были освобождены от «невыносимого рабства» и «были восстановлены в своих законных правах — правах головы над другими частями тела»; о сдаче рабочих «на милость и гнев победителей», т. е. капиталистов, благодаря введению машин; о том, что «капитал, заставив науку служить себе, постоянно принуждает мятежные руки труда к покорности».

Но не только пролетарий физического труда несет на себе тяжелые последствия растущей противоположности между умственным и физическим трудом.

Работники умственного труда так же, как и физического, составляют в условиях капитализма лишь объект для эксплуатации их капиталом.

Чем дальше развивается капитализм, тем все хуже и хуже становится положение работников умственного труда, за исключением сравнительно небольшого количества высокооплачиваемых служащих: директоров предприятий, крупных инженеров и т. д.

⁴¹ П. Лафарг. Сочинения, т. II, стр. 407.

Работники умственного труда в условиях капитализма получают одностороннее, однобокое развитие в ущерб физическому состоянию своего организма. Если в рабочем ценятся только руки, то в работнике умственного труда — только узкое знание им его специальности. Поэтому «их пичкают знаниями, — по образному выражению Лафарга, — как откармливают уток и гусей для получения жирной печенки». И здесь все подчинено исключительно одной цели — интересам капиталистической эксплуатации, интересам выжимания прибавочной стоимости.

Умственное переутомление, нервные и психические заболевания, малокровие, расстройство зрения и т. д. являются неизбежными спутниками такого одностороннего развития. Но капитализм уродует не только физическое, но и моральное состояние работников умственного труда.

Поскольку в капиталистическом обществе все подчинено извлечению прибавочной стоимости, постольку этой цели должны служить своими знаниями и работники умственного труда. Инженер должен к выгоде капиталиста повышать производительность и интенсивность труда рабочего, изобретатель должен давать в руки капиталиста все новые и новые орудия порабощения рабочего, буржуазный ученый должен теоретически оправдывать существование капитализма.

Капиталист оплачивает работников умственного труда лишь в той мере и до тех пор, пока они служат этой цели максимального увеличения эксплуатации рабочего. Отсюда среди образованных слоев капиталистического общества пышным цветом расцветают раболепие, прислужничество, торговля идеями, самая гнусная апологетика капитализма.

Эксплуатация женского и детского труда

Однако этим далеко не исчерпываются те последствия, которые несет машина рабочему классу. Уже мануфактура в больших размерах вовлекает в производство женский и детский труд.

Введение машин в огромной степени усиливает эту тенденцию. Машина делает излишней мускульную силу человека. С другой стороны, как мы видели, она в высшей степени упрощает процесс производства, сводит труд рабочего к ряду несложных механических движений.

Все это увеличивает сферу применения женского и детского труда. Нередко гибкие детские пальцы и женские руки даже более приспособлены к ряду операций, производимых на фабрике.

Мы видели, что стоимость рабочей силы включает в себя содержание средней семьи.

Вовлечение женщин и детей в производство приводит к тому, что они сами начинают зарабатывать на свое существование.

В силу этого заработок главы семьи рабочего снижается.

Кроме того, уже самый факт конкуренции женского и детского труда помимо всего прочего сам по себе приводит к снижению заработка взрослых рабочих-мужчин. В свою очередь труд женщин и детей оплачивается, как правило, нанимателями ниже, чем труд взрослого мужчины. Неизбежным спутником капиталистической эксплуатации женского труда является проституция.

На капиталистической фабрике женщину-работницу преследует всемогущий мастер, требуя от нее взятки женским телом. В его власти дать сравнительно более легкую и лучше оплачиваемую работу или замучить низкооплачиваемой работой, в его власти принять или забраковать изготовленную продукцию и, наконец, в его власти вышвырнуть «гордую», т. е. не желающую торговать своим телом, работницу за ворота.

Вне фабрики нищенский, полуголодный заработок нередко гонит работницу на панели городских улиц.

Фабричная система разрушающе действует на рабочую семью еще и потому, что женщина, вынужденная с утра до ночи работать на фабрике, забрасывает детей на произвол улицы.

Ужасно положение детей на капиталистической каторге. Капиталисты заставляют их работать с раннего утра до поздней ночи. Обращение с детьми на многих предприятиях по своей жестокости превосходит всякие пределы. Невероятная грубость и утонченная жестокость являются неизбежными спутниками эксплуатации детского труда. Надсмотрщики и мастера, пользуясь полной беззащитностью детей, пускают в ход плетку, кулаки и т. д.

Капитализм отнимает у детей все радости детства, а капиталистическая техника безжалостно вытягивает их в свое движение и заставляет отдавать все их юные, неокрепшие силы до полного изнеможения на дело создания прибавочной стоимости для капитализма. Яркое изображение этого положения детей в условиях капиталистического наемного рабства дает английская писательница Броунинг в следующих стихах, переведенных Некрасовым:

Нам гулять не довелось
По полям и нивам золотым;
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим.
Погоди, ужасное круженье,
Дай нам память слабую собрать,
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не падит.
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит,
Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать.
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы спать.

Капиталисты и их апологеты старались представить капиталистическую систему как систему, покоящуюся на свободном договоре между капиталистом и рабочим как двумя равноправными товаровладельцами. На самом деле этот свободный договор — чистейшая фикция. Но когда капиталист покупает рабочую силу детей, то здесь нет даже видимости свободного договора.

Капиталист ставит рабочего в такое положение, что он под угрозой голодной смерти вынужден продавать не только свою рабочую силу, но и своих жен и детей. Он, по выражению Маркса, становится работоторговцем.

Жена и дети рабочего становятся машинами для создания прибавочной стоимости и вынужденными конкурентами своих мужей и отцов.

Удлинение рабочего дня

Одним из важнейших последствий введения машины является удлинение рабочего дня. Сама по себе машина, повышая производительность труда рабочего, тем самым сокращает время, необходимое для производства товара, и, следовательно, должна была бы привести к сокращению рабочего дня.

Однако в условиях капитализма она становится одним из наиболее действенных средств всемерного удлинения рабочего дня.

Машина создает новые стимулы, толкающие капиталиста на увеличение эксплуатации рабочего, разжигает неутолимую жажду чужого труда.

Каким образом? Орудия труда — машины, станки, фабричные здания — снашиваются от работы и от действия сил природы. Износ этот возмещается капиталисту лишь во время работы машины, так как только труд рабочего способен переносить стоимость средств производства на новый товар. Уже одно это обстоятельство заставляет капиталиста всячески удлинять рабочий день, вводить ночной труд и т. д., чтобы полностью использовать машину в течение ее жизни.

Некоторые же орудия производства, как, например, домы, вообще не терпят перерыва в работе.

«Домна, — пипет Серафимович в рассказе «На заводе», — живет до тех пор, пока горит ее раскаленная внутренность, а этот адский огонь горит днем и ночью, зимой и летом, недели, месяцы, годы. Ни на минуту нельзя отойти от этого прожорливого чудовища: оно требовало к себе постоянного, напряженного внимания, требовало, чтобы возле него всегда были люди, ни на минуту не давая им передохнуть, и если его хоть на мгновение забывали, мстило тем, что внутренность его затвердевала... это значит, наступала смерть домны, и ее нужно было тогда гасить, всю разбивать до последнего кирпича и вновь складывать».

Но в условиях быстрого развития капиталистической техники

машине редко приходится кончать свою жизнь естественной смертью, т. е. когда она уже полностью износится.

Помимо материального снашивания, о котором мы только что говорили, существует моральное снашивание, когда машина стареет раньше, чем успевает износиться под влиянием работы и стихийных сил природы, вследствие того, что или снижается стоимость производства машины, или изобретается новая, более совершенная машина, вытесняющая старую.

Это ведет к обеспечению капитала, вложенного в старые машины, и в еще большей степени усиливает тенденцию к удлинению рабочего дня.

Таким образом, машину, это самое мощное средство для сокращения рабочего времени, капитализм превращает в надежнейшее средство для того, чтобы большую часть жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, предоставляемое капиталу для увеличения его стоимости.

Повышение интенсивности труда

Далее прямым следствием развития капиталистической техники является необычайное повышение интенсивности труда.

Введение машин на первых порах приводит к удлинению рабочего дня. Однако это стремление к безудержной эксплуатации рабочей силы путем удлинения рабочего дня наталкивается, как мы уже знаем, на отчаянное сопротивление рабочих, и капиталисты бывают вынуждены в известные периоды под давлением рабочих становиться на путь сокращения и ограничения рабочего времени. Но зато с тем большей силой энергия капитала направляется на то, чтобы поднять интенсивность труда.

Наоборот, повышение интенсивности труда означает увеличение затраты труда в единицу времени, большее напряжение мускулов, нервов, устранение промежутков в рабочем дне, или, другими словами, уплотнение рабочего дня.

С этой точки зрения один час более интенсивной работы содержит столько же или больше труда, чем, допустим, полтора-два часа менее интенсивной работы.

Неутолимая жажда прибавочной стоимости толкает капиталистов на максимальное повышение интенсивности труда. Капиталист достигает этого различными способами: ускорением хода машин, увеличением количества машин, которые должен обслуживать рабочий, увеличением самого размера механизмов, находящихся под контролем рабочих, повышением нормы выработки, приходящейся на одного рабочего, и, наконец, различными формами оплаты, заставляющими рабочего работать до полного изнеможения.

Капиталист дорожит каждой минутой, более того, каждой секундой рабочего времени и стремится к тому, чтобы каждая секунда была целиком заполнена трудом рабочего.

«Ни одной потерянной секунды уже нельзя было вернуть, — пишет Б. Келлерман в «Туннеле», — и она равнялась потере целого состояния. Если человек терял в минуту секунду, то это составило при 180 тыс. рабочих, из которых постоянно работало в штольнях 60 тыс., потерю 24 тыс. рабочих часов в один рабочий день».

Наиболее часто практикуемым способом повышения интенсивности труда является ускорение хода машин. Рабочий, превращающийся по мере развития техники все более и более в придаток к машине, должен приравливать темп (быстроту и напряженность) своей работы к темпу самой машины; напряжение внимания рабочего достигает высочайших пределов.

Ярким примером повышения интенсивности труда может служить система конвейера.

Система конвейера превращает рабочего в автомат, который без отдыха должен непрерывно повторить в течение всего рабочего дня несколько монотонных механических движений. Темп его работы не зависит от него, он должен поспеть сделать все в те немногие минуты или секунды, которые для него отведены. И горе тому, кому изменят силы, это задержит весь процесс работы, и рабочего не потерпят после этого на фабрике.

С большой художественной силой весь ужас этой зависимости рабочего от автоматического движения бездушного автомата изображен в кинофильме Чарли Чаплина «Новые времена».

Насколько рост капиталистической техники действительно ухудшает условия жизни рабочего класса, увеличивает напряженность его труда, показывают данные о продолжительности жизни и работоспособности рабочего. Эти данные говорят о необычайной изнашиваемости организма современного рабочего. Для того чтобы поддержать свои силы, рабочие, особенно в передовых капиталистических странах, прибегают к всевозможным возбуждающим средствам, сжигая свой организм для блага капитализма. Большинство рабочих современного капиталистического общества к 35—40 годам теряет работоспособность.

В Америке принято рабочего с сединой не принимать на работу.

Между тем среди состоятельных классов человек к 35—40 годам, как принято говорить, только становится на ноги. Большинство буржуазных ученых и политических деятелей именно с этого времени начинает свою карьеру.

В настоящее время интенсивность труда в капиталистических странах достигла громадных размеров. В то же время идет усиленное наступление на продолжительность рабочего дня. Торжественно провозглашенный для успокоения рабочих в первые послевоенные годы 8-часовой рабочий день отменен и заменен фактически 9-, 12- и даже 15-часовым рабочим днем.

Все это сопровождается снижением уровня заработной платы. Можно себе представить, к какому быстрому изнашиванию

рабочей силы приводит удлинение рабочего дня в сочетании с самыми утонченными способами повышения интенсивности труда.

Результатом этого является рост несчастных случаев в капиталистических странах.

«...Машина, — говорит Маркс, — сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлиняет рабочий день... сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность; ...сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же ее применение порабощает человека силами природы; ...сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера...»⁴²

Границы развития производительных сил при капитализме

Процесс капиталистического развития полон неустрашимых противоречий. С одной стороны, капиталистическая система эксплуатации, как мы видели, развивает производительные силы. Но, с другой — она содержит в себе и факторы, тормозящие это развитие.

Какие же это факторы?

Это, во-первых, хищническая эксплуатация главной производительной силы, т. е. рабочего класса.

Во-вторых, незаинтересованность рабочего в капиталистическом производстве, ибо он оторван от средств производства, которые принадлежат его классовому врагу — капиталисту, и знает, что продукт его труда принадлежит не ему, а капиталисту.

Ему же достаются лишь жалкие крохи в виде заработной платы. Его положение на капиталистической фабрике таково, что он не является активным участником производительного процесса, а его придатком.

Положение рабочего в капиталистическом производстве — это положение наемного раба.

Рабочий при этих условиях не может быть заинтересован в своем подневольном труде на капиталиста, он ненавидит этот труд.

В-третьих, капиталистическая система эксплуатации, порождая чрезмерную напряженность и дешевизну труда рабочего, тем самым ослабляет, а в известные моменты и на известных этапах тормозит применение новых технических усовершенствований и изобретений.

Вот почему рост техники в капиталистическом обществе всегда, даже в период его наивысшего расцвета, имел известные пределы. Вот почему не всякое техническое усовершенствование

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 451—452.

осуществляется капиталистом. Если цена какой-либо новой машины окажется выше затрат капиталиста на рабочую силу заменяемых ею рабочих, как бы машина ни была хороша, как бы она ни облегчала труд, капиталист откажется от ее применения.

Поясним это на примере. Допустим, что какая-нибудь вновь изобретенная машина стоит 10 тыс. часов рабочего времени. Допустим, что эта машина может заменить 12 тыс. часов труда рабочего и даст, таким образом, экономии на 2 тыс. часов. Но это еще не значит, что машина выгодна капиталисту и что он ее введет. Ведь капиталист оплачивает рабочему не труд, а рабочую силу. Поэтому ему неважно, сколько труда экономит машина; его интересует лишь вопрос о том, какую экономию может дать ему машина по сравнению с затратами на рабочую силу рабочих, заменяемых этой машиной. Если предположить, что стоимость рабочей силы, или оплачиваемый труд рабочих, могущих быть замененными машиной, равен 600 часов, то капиталисту машина, стоящая 10 тыс. часов, будет невыгодна, и он откажется от ее применения, несмотря на то, что она могла бы облегчить человеческий труд.

«В Англии, — говорит Маркс, — для того, чтобы барку тянуть по каналу и т. д., иногда вместо лошадей все еще применяются женщины, потому что труд, необходимый для производства лошадей и машин, представляет собой математически определенную величину, труд же, необходимый для содержания женщин из избыточного населения, ниже всякого расчета. Поэтому нигде нет более бесстыдного расточительства человеческой силы на всякие пустяки, чем именно в Англии, в стране машин»⁴³.

Эти слова относятся к Англии эпохи Маркса, но и теперь можно было бы найти много таких примеров.

Необычайная дешевизна труда китайских кули делает невыгодным применение в Китае кранов и других приспособлений, составляющих необходимую принадлежность европейски оборудованных портов при нагрузке и разгрузке океанских пароходов. Однако и в самых передовых капиталистических странах много в высшей степени ценных изобретений лежит под спудом из-за алчности капиталистов, думающих только об извлечении прибавочной стоимости всеми доступными им средствами.

В-четвертых, чем дальше развивается капитализм, чем больше развивает он свои производительные силы, чем больше он обобществляет производство, тем больше его дальнейшее развитие наталкивается на узкие своекорыстные интересы, порождаемые частной собственностью и частным характером присвоения.

Это ярко видно хотя бы на электрификации. Для того чтобы провести высоковольтные провода, необходимо добиться на это разрешения многочисленных землевладельцев.

Владельцы электрических станций берут в штыки проекты

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 405—406.

создания гидростанций, так как это может повредить их интересам.

На эту борьбу тратятся миллионы, и нет таких средств, которые не применялись бы в этой борьбе.

Как мы увидим в дальнейшем, тенденция в задержке технического прогресса в особенности обостряется и становится преобладающей в эпоху империализма.

Тенденция к ограничению технического прогресса, вытекающая из существа капиталистической эксплуатации, в особенности бросается в глаза при сопоставлении темпов развития производительных сил капитализма даже в периоды его наивысшего расцвета в наиболее передовых капиталистических странах с бесконечно превосходящими их темпами развития производительных сил в Советском Союзе, где отсутствуют те ограничения, те пределы, которые ставит капитализм развитию производительных сил.

Капиталистическое обобществление производства

Промышленная революция по своему значению и по своим последствиям вышла далеко за пределы революции в технике производства.

Она принесла с собой полный переворот в экономических, классовых отношениях, равно как и в идеологических надстройках, она послужила материальным базисом для утверждения экономической и политической власти промышленного капитала. Капитализм переживал период бури и натиска, период своего расцвета, период быстрого развития производительных сил.

Век пара и машины, естественно, на первый план выдвинул отрасли, производящие средства производства. В соответствии с этим особенно усилились каменноугольная и металлургическая отрасли промышленности.

Так, за 70 лет, с 1801 по 1870 г., добыча каменного угля возросла в Европе и США с 299 млн. т до 1814 млн. т, т. е. в 6 раз.

Производство чугуна за 40 лет, с 1830 по 1870 г. выросло (в тыс. т):

Англия	667—5964	Россия	120— 350
Франция	220—1178	США	180—1670
Германия	120—1262		

Не менее быстрыми темпами росло потребление чугуна и железа в указанных странах. За период с 1830 по 1870 г. потребление чугуна и железа возросло (в тыс. т):

Англия	560—4260	Россия	120— 655
Франция	250—1350	США	200—1730
Германия	120—1340		

По Европе и Америке за 20 лет, с 1850 г. до 1870 г., железнодорожная сеть выросла с 38 тыс. км до 190,3 тыс., т. е. в 5 раз.

Этот подъем производительных сил имел в своей основе рост крупного фабричного производства и массовое разорение мелких производителей. Место мелких кустарных мастерских заняли крупные заводы, которые повергали в изумление современников.

Вот как описывает французский минералог Фож де Сен-Фон свои впечатления, произведенные на него карронскими заводами в Англии. Это еще до века пара и машин.

«...когда замечаешь, — пишет он, — на некотором расстоянии такие массы пылающего угля, с одной стороны, а с другой — снопы огненных языков, вырывающиеся из доменных печей, когда слышишь стук тяжелых молотов, ударяющих по звенящим наковальням, смешанный с резким свистом воздушных насосов, то не знаешь, находишься ли ты у подножия вулкана во время извержения, или же ты каким-нибудь волшебством перенесен к входу в пещеру, где Вулкан со своими циклопами кует молнию»⁴⁴.

Чтобы получить представление о темпах роста фабричного производства, сошлемся на следующие данные. За 40 лет, с 1820 по 1860 г., фабричная промышленность Англии выросла с 1411 млн. долл. в 1820 г. до 2808 млн. долл. в 1860 г., т. е. в 2 раза, а фабричная промышленность США за то же время — с 268 млн. долл. до 1907 млн. долл., т. е. в 7 раз.

Неизбежным спутником такого быстрого роста фабричного развития явились разорение и гибель мелких производителей.

Промышленный капитализм развивался на костях мелкого производства. Каждый шаг вперед новой капиталистической системы, каждое техническое усовершенствование, вносимое им в производство, покупалось ценой разорения и гибели десятков и сотен тысяч ремесленников и кустарей.

«Всемирная история, — говорит Маркс, — не знает более ужасающего зрелища, чем постепенная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских ручных хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями на 2½ пенса в день»⁴⁵.

Не менее трагической оказалась судьба индийских ткачей. Введение английских хлопчатобумажных машин в Ост-Индии действовало на ткачей, как эпидемия чумы. «Равнины Индии белеют костями хлопчаткачей»⁴⁶, — вынужден был констатировать ост-индийский губернатор в 1834—1835 гг.

Та же картина воспроизводилась повсюду, где «старый строй разрушал капитал-властелин».

⁴⁴ П. Манту. Промышленная революция XVIII столетия в Англии, стр. 259.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 441.

⁴⁶ Там же, стр. 442.

Многочисленные ремесленники, разоряемые в процессе капиталистического развития, попадая в ряды пролетариев и пополняя собой армию безработных, в огромной степени ухудшали положение рабочего класса.

Переворот в размещении производительных сил

Промышленная революция привела к перевороту в размещении производительных сил в капиталистических странах.

Старая промышленность, базировавшаяся на мануфактуре и ремесле и не знающая парового двигателя, тяготела к рекам, где она находила для себя двигательную силу и удобные пути сообщения к лесным массивам, топливо и т. д.

Изобретение парового двигателя, развитие железнодорожного транспорта, переход железоделательной и железообрабатывающей промышленности на каменный уголь привели к громадным изменениям в размещении промышленности.

Промышленность освободилась от пут старой, ремесленной техники.

Она могла теперь более свободно располагаться по лицу земли в зависимости от нахождения сырья, рынков сбыта, от местонахождения источников рабочей силы.

Промышленная революция дала мощный толчок развитию отраслей, производящих средства производства и сырье. Начался бурный рост горной и железоделательной промышленности. Быстрыми темпами развилось машиностроение.

К этим отраслям перешла ведущая роль.

Ряд мест господства старой ремесленной мануфактурной промышленности захирел, и на первый план выдвинулись новые промышленные районы.

В этом отношении в высшей степени показательно развитие горной промышленности в дореволюционной России.

В дореформенный период центром горной промышленности был Урал. В XVIII в. Россия была поставщиком железа в ряд стран Европы и Англию.

«В течение двухсот лет, — читаем мы в статье «Итоги горно-промышленных съездов на Урале» («Вестник финансов» за 1897 г.), — вся Россия пахала и жала, ковала, копала и рубила изделиями его (Урала. — *К. О.*) заводов»⁴⁷.

Автор статьи ставит в особую заслугу Уралу то, что он не гонялся за модой, не увлекался производством рельсов. В XVIII в. Россия была поставщиком железа в Англию и в другие страны Европы.

Производство на Урале было основано на крепостном труде и примитивной отсталой технике.

Но вот началось стремительное развитие капитализма

⁴⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 489.

в России, затрещали по швам исконные традиции крепостничества и вековой отсталости. На юге России начала быстро расти горная промышленность.

Юг не имел за плечами вековых традиций Урала с его крепостничеством и технической отсталостью. На Юге быстро начала насаждаться при участии иностранного капитала молодая капиталистическая промышленность с передовой техникой. Из-за границы привозились целые заводы. Так, например, был целиком заказан в Америке и перевезен в Россию трубопрокатный завод Никополь-Мариупольским обществом. В результате Урал все более и более оттесняется Югом.

Если в 1867 г. из всего количества выплавленного чугуна в России 65,1% падало на Урал и лишь 0,3% на Юг, то в 1902 г. картина резко меняется. Урал дает лишь 28,2%, а Юг — 53,1%. И автор упомянутой статьи из «Вестника финансов» с глубокой горечью вынужден констатировать, что Урал «... за эту его вековую службу ... был в один прекрасный день забыт и заброшен»⁴⁸.

Так молодой капитализм, идущий во всеоружии новой техники, подрывал старые, вековые устои и давал иное направление размещению производительных сил. То перемещение центров горной промышленности, которое имело место в России, повторялось и в других отраслях производства в масштабе не только отдельных стран, но и всего мира. Одни части земного шара становились мастерскими мира, а другие превращались в их сырьевые придатки.

Создание крупных промышленных центров и углубление противоположности между городом и деревней

Следствием промышленного переворота явилось создание крупных промышленных центров и завершение веками и тысячелетиями развивавшегося процесса отделения промышленности от земледелия.

Капиталистические города становятся местом сосредоточения крупнейших индустриальных предприятий и в то же время экономическими, политическими и культурными центрами.

В корне меняется самый облик городов.

В этом отношении можно считать типичной эволюцию, пережитую Манчестером.

«В 1786 г. над городскими домами возвышалась, по словам одного современника, только одна фабричная труба — прядильни Аркрайта. Пятнадцатью годами позже в Манчестере было уже около 50 прядилен, большинство которых имело паровые машины. Кругом них, образуя словно пояс вокруг старого города, тянулись рабочие кварталы, построенные наспех и слишком тесные для скучившегося в нем населения. В их почернелых от копоти и

⁴⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 489.

сырых улочках господствовали эндемические лихорадки. Напротив, центр, где были расположены магазины, стал красивее: в нем проложили широкие улицы, окаймленные с обеих сторон высокими каменными домами. Наконец, совсем за городом, в направлении к юго-востоку, появились изящные виллы, окруженные садами: там жила новая аристократия, вновь народившийся очень богатый класс «хлопчатобумажных лордов»⁴⁹.

Таким образом, внешний облик города отражает рост промышленного населения и его классовый состав, который становится все более ярко выраженным. Пройдитесь по улицам современных капиталистических городов и вы увидите в основных чертах ту же картину, но лишь в более завершенной форме.

Численность населения Манчестера поднялась с 10 тыс. в 1700 г. до 353 тыс. в 1841 г., т. е. за 141 год население выросло более чем в 35 раз. Ту же картину мы видим и в других крупных промышленных центрах.

Так, население Шеффилда с 20 тыс. в 1760 г. выросло до 111 тыс. в 1841 г., население Бирмингема поднялось с 30 тыс. в 1760 г. до 191 тыс. в 1841 г.

Абсолютный и относительный рост городского населения за счет деревенского становится общей тенденцией капиталистического развития.

Соотношение между городским и сельским населением в Англии изменилось за 30 лет (с 1861 по 1891 г.) следующим образом: городское население выросло с 62,3 в 1861 г. до 72,0% в 1891 г., сельское, наоборот, уменьшилось за это время с 38,7 до 28,0%.

Во Франции за 40 лет (с 1851 по 1891 г.) городское население выросло с 25 до 37,4%, а сельское сократилось с 75,0 до 62,6%.

В Германии за 15 лет (с 1875 по 1890 г.) городское население увеличилось с 32 до 47%, а сельское уменьшилось с 61 до 53%.

В отличие от средневековых городов, население которых не порывало окончательно связи с земледелием, подавляющее большинство рабочего населения капиталистических городов и крупных индустриальных центров совершенно порывает с земледелием.

Так, в России, по данным Е. М. Дементьева, охватившим 20 тыс. рабочих, лишь 14,1% уходит на сельские работы. Причем интересно отметить такую закономерность: ручное производство обычно сохраняет ту или иную связь с землей, механическое же производство окончательно ее разрывает.

Так, «...из ткачей ручных фабрик уходит на полевые работы около 63%, а из ткачей, работающих на самоткацких станках, не уходит никто, из рабочих в тех отделениях суконных фабрик, которые работают механической силой, уходит 3,3%»⁵⁰.

⁴⁹ П. Манту. Промышленная революция XVIII столетия в Англии, стр. 305.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 538.

Было бы ошибочно отсюда делать вывод, что только города являются почвой, на которой растет капитализм.

Как мы увидим в дальнейшем, капитализм последовательно и неуклонно развивается и в деревне, разрушая старую, прадедовскую технику, взрывая патриархальные отношения, усиливая конкурентную борьбу и дифференциацию в крестьянстве и порождая на одном полюсе буржуазию, а на другом — пролетариат за счет разорения средних слоев и бедноты.

Но в силу частной собственности на землю и ряда других причин в условиях капитализма земледелие по темпам своего развития резко отстает от промышленности.

Капиталистический город эксплуатирует крестьянство, бедняцкое и середняцкое, в самых разнообразных формах: фабрикант и торговец — посредством неэквивалентного обмена, банкир и ростовщик — посредством кредита, капиталистическое государство — посредством налогового пресса, чем еще в большей степени усугубляет отставание сельского хозяйства от капиталистической промышленности.

В результате, если города становятся культурными центрами, где сосредоточиваются научные учреждения, учебные заведения, театры, кино, картинные галереи, где входят в быт водопровод, электричество, радио, телефон и другие технические усовершенствования, то капиталистическая деревня живет так, как жила века и тысячелетия до капитализма. Ее уделом являются безграмотность, бескультурье, дикость, нищета, обилие докапиталистических пережитков, словом то, что Маркс назвал идиотизмом деревенской жизни.

Все это приводит к тому, что неуклонно развивающийся процесс расслоения деревни принимает затяжной и от этого более мучительный характер.

Как все это отражается на положении городских рабочих?

Все блага городской культуры и техники достаются главным образом на долю господствующих классов. Рабочие же, как мы видели, вынуждены жить на окраинах города, в условиях страшной скученности, нередко без водопровода и канализации, дышать отравленным копотью и всевозможными испарениями воздухом, ютиться в сырых подвалах и т. д. Все это разрушающе действует на их здоровье. Их дети растут хилыми и болезненными. Капитализм, по словам Маркса, разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и интеллектуальную жизнь сельских рабочих.

Рост внутреннего и внешнего рынка

Капиталистическое производство само в ходе своего развития создает себе рынок.

Бурный рост промышленности, рост крупных торгово-промышленных центров, рост наемного труда, процесс капиталистической дифференциации деревни, развитие целой сети шоссейных и

водных путей и в особенности железнодорожного транспорта — все это содействовало быстрому развитию внутреннего и мирового рынков.

Если мелкое производство, совершавшееся веками в одних и тех же формах посредством одних и тех же рутинных методов, нуждалось в узком местном рынке, то иное дело крупная капиталистическая промышленность. Она вызывает постоянные перевороты в технике производства.

«Буржуазия, — говорят Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», — не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства...»⁵¹.

Постоянные перевороты в орудиях производства, быстро растущие массы товаров, ищущих реализации, — все это заставляет капиталистов искать рынки, расширять безгранично рамки рыночных отношений, опережать спрос, видоизменять его и создавать заново. В свою очередь расширяющийся под давлением промышленности и средств сообщения рынок оказывает обратное влияние на производство.

Замкнутость и национальная ограниченность становятся все более и более несовместимыми с капиталистическим развитием.

В результате роста мировых связей возникло международное разделение труда. Старые отрасли промышленности вытесняются новыми, промышленность начинает пользоваться сырьем из самых отдаленных концов земного шара и забрасывать туда свою продукцию.

В орбиту мирового рынка втягиваются самые отдаленные колониальные и полуколониальные страны.

Крупные промышленные капиталистические державы, как, например, Англия, Франция, Германия, США и другие, в огромном количестве ввозят сырье: хлопок, шерсть, шелк, железную руду и т. д., перерабатывают на своих фабриках и заводах и наводящий рынки мира хлопчатобумажными, шелковыми и шерстяными материалами, машинами и всякого рода железными изделиями.

Они становятся могучими мастерскими мира и вместе со своими товарами насаждают капиталистические отношения, взрывают всюду докапиталистические формы хозяйства.

Рынком для капиталистической промышленности становится весь земной шар. Отсюда бурный рост мировой торговли. За 40-летие, с 1830 г. по 1870 г., мировая торговля выросла с 6440 млн. марок до 37 420 млн. марок, т. е. почти в 6 раз.

Развитие свободной конкуренции

Развитие капитализма с его открытиями и изобретениями, с его ростом производительности труда и снижением издержек произ-

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 427.

водства все более и более приходило в конфликт с политикой меркантилизма.

Мы уже говорили о том, что нарождавшаяся промышленность нуждалась в костылях таможенных пошлин, государственных субсидий и т. д.

Но в результате промышленного переворота положение коренным образом изменилось. Открытия и изобретения революционизировали технику производства, повысилась производительность труда, снизились издержки производства. Молодая растущая капиталистическая промышленность: текстильная, металлургическая и другие, не нуждалась больше ни в каких костылях. Она чувствовала себя достаточно сильной, чтобы на основе свободной торговли, ничем и никем не стесняемой конкуренции начать завоевание мирового рынка.

Кроме того, меркантильная политика с ее регламентацией, вмешательством в самые мелочи производства представляла собой излишнюю опеку. Естественно, родиной идей свободной торговли и экономического либерализма явилась Англия. Здесь вразрез с интересами развития промышленности сохранились за некоторыми отраслями промышленности такие привилегии, как протекционизм и хлебные законы, запрещавшие ввоз хлеба в страну, что создавало возможность искусственно в интересах лендлордов поддерживать высокий уровень цен на хлеб.

Капиталисты начали борьбу за свободу торговли, за неограниченную конкуренцию, за свободную борьбу экономических сил.

Старую, отжившую меркантильную систему поддерживали лишь землевладельцы и представители старых отраслей промышленности, выросших, как тепличные растения, под опекой государственной власти.

Для примера можно сослаться на шерстяную промышленность, где процветали рутинная, боязнь иностранной конкуренции и вера в спасительность таможенных барьеров, воздвигаемых государством в ее защиту.

Ее полным антиподом явилась хлопчатобумажная промышленность, которая, как мы видели, не надеясь на покровительство, стала на путь изобретений, открывших новую эру в развитии капитализма.

Один из сторонников свободы торговли, Артур Юнг, писал по поводу шерстяной промышленности Англии: «Тщетно вы станете искать здесь (т. е. в шерстяной индустрии) ту пылкую предприимчивость, ту энергию, тот дух инициативы, которые составляют благородную черту английского промышленного гения, когда он направляет свои усилия на железо, на хлопок, стекло или фарфор. Здесь все сонно, инертно, мертво... Таковы губительные действия монополии. Хотите вы, чтобы над все увеличивающимся процветанием Манчестера нависла черная туча? Дайте ему монополию хлопчатобумажного производства. Или, быть может, глаз ваш коробит изумительное развитие Бирмин-

гема? В таком случае монополия подобно эпидемии обезлюдит его улицы...»⁵²

Языком Юнга говорила передовая буржуазия периода бури и натиска, опьяненная промышленными успехами, верящая в свои силы.

Ее теоретическими глашатаями явились великие экономисты, классики буржуазной политической экономии Адам Смит и Давид Рикардо, провозвестники идей свободной конкуренции, идей экономического либерализма.

Началась борьба против всяких стеснений и ограничений промышленности и торговли, против таможенных и других барьеров, которая окончилась полной победой в Англии примерно в 40-х годах XIX в.

Были отменены пошлины на сырье: хлопок, шерсть, лен, шелк и т. д., а также на товары, вывозимые из Англии, и сильно понижены пошлины на промышленные изделия, ввозимые в Англию из других стран, а в 1849 г. был разрешен свободный ввоз хлеба в Англию.

Вслед за Англией к свободной торговле начали переходить Швеция, Франция, Бельгия, Голландия, Пруссия и другие страны.

Капитализм вступил в эру свободной конкуренции, в эру свободной торговли.

«Дешевые цены...товаров» стали в руках буржуазии, по образному выражению «Манифеста Коммунистической партии», той тяжелой артиллерией, «с помощью которой она разрушает все китайские стены...»⁵³. А за низкими ценами скрывались рост производительных сил, погоня за добавочной прибавочной стоимостью, все возрастающая эксплуатация рабочего класса.

Основное противоречие капитализма. Обострение классовой борьбы

Капитализм, как мы видели, поднимается и растет на костях мелкотоварного производства. Мелкий товаропроизводитель владеет, на правах частной собственности, средствами производства, и поэтому продукт труда этого мелкого производителя был его частной собственностью: свой продукт он выносил на рынок и обменивал на необходимые ему товары. Таким образом, мелкому товарному производству соответствовало и частное присвоение. Капитализм в своем развитии все более и более обобществляет производство.

«...Характеристические черты, — говорит Ленин, — отличающие крупную машинную индустрию от предыдущих форм промышленности, можно резюмировать словами: обобществление труда. В самом деле, и производство на громадный национальный

⁵² П. Манту. Промышленная революция XVIII столетия в Англии, стр. 59.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 428.

и интернациональный рынок, и развитие тесных коммерческих связей с различными районами страны и с разными странами по закупке сырых и вспомогательных материалов, и громадный технический прогресс, и концентрация производства и населения колоссальными предприятиями, и разрушение обветшалых традиций патриархального быта, и создание подвижности населения, и повышение уровня потребностей и развития работника, — все это элементы того капиталистического процесса, который все более и более обобществляет производство страны, а вместе с тем и участников производства»⁵⁴.

Капиталистическое производство и продукт этого производства по существу стали общественными. Однако форма присвоения осталась по-прежнему частной. Орудия и средства производства находятся здесь в монопольной собственности капиталистов, в силу чего продукт, созданный общественным трудом рабочих, присваивается капиталистом.

Отсюда основным противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения находит свое выражение в антагонизме между пролетариатом и буржуазией и вытекающей отсюда классовой борьбе.

Прогресс капиталистического развития полон неустрашимых противоречивых тенденций. С одной стороны, капиталистическая система эксплуатации, как мы видим, обобществляет процесс производства, развивает производительные силы, а с другой — она содержит в себе факторы, тормозящие это развитие. Эти факторы порождаются частнокапиталистическим присвоением.

Громадные общественные производительные силы все более становятся несовместимыми с частнособственнической формой присвоения. Вместе с тем растет и углубляется противоположность буржуазии и пролетариата и обостряются классовые противоречия и классовая борьба.

Противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением лежит в основе развития капитализма. Оно возникает с его зарождением, так как первой предпосылкой капитализма является известная концентрация средств производства и рабочей силы в руках капиталиста. Оно лежит в основе капиталистического развития в эпоху промышленного капитализма, оно лежит в основе крайнего обострения всех капиталистических противоречий на стадии империализма, и оно в конечном счете ведет капитализм к его гибели, создавая предпосылки для революционного низвержения буржуазии пролетариатом.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 550—551.

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ¹

Возникновение капиталистического сельского хозяйства. Феодальная земельная рента и ее формы

В распределении прибавочной стоимости наряду с фабрикантом, купцом и банкиром участвует и землевладелец.

Основой участия землевладельца в распределении прибавочной стоимости является его собственность на землю. Доход, получаемый землевладельцем при распределении прибавочной стоимости, носит название земельной ренты.

Капиталистическая земельная собственность выросла из феодальной. Поэтому, чтобы понять производственные отношения капиталистического земледелия и роль земельной ренты, необходимо уяснить историю превращения феодальной земельной собственности в капиталистическую.

Земля в руках феодалов была орудием присвоения прибавочного продукта труда крепостного крестьянина в форме феодальной земельной ренты. Крепостной крестьянин был придатком к земле. Феодальная рента включала весь прибавочный продукт труда крепостного крестьянина, а нередко — и значительную часть необходимого продукта.

Феодальная рента прошла три стадии своего развития: отработочную ренту, ренту продуктами и денежную ренту.

Отработочная рента означает непосредственное присвоение помещиком прибавочного труда крепостных крестьян в форме обработки барской земли и выполнения ряда других работ.

Рента продуктами представляет собой превращенную форму отработочной ренты. Если при отработочной ренте феодал присваивает ренту непосредственно в форме прибавочного труда крепостного крестьянина, то при продуктовой ренте — непосредственно в форме прибавочного продукта. При ренте продуктами крепостной крестьянин сам распределяет свое время и труд, работая на земле, предоставленной в его пользование помещиком. Однако большую часть произведенного продукта крестьянин вынужден отдавать натурой в пользу помещика. Эта часть продукта называлась натуральным оброком. Нередко оброк достигал $\frac{2}{3}$ и даже $\frac{4}{5}$ урожая. Рента продуктами по сравнению с отработочной

¹ ВПШ при ЦК КПСС. М., 1955.

рентой открывает большие возможности для расслоения крепостного крестьянства.

Немногие крестьянские семьи, имеющие большое число рабочих рук, лучшие орудия, скот и т. д., получают возможность создавать некоторый излишек сверх того количества продуктов, которое удовлетворяет их необходимые потребности. Таким образом, еще при господстве натуральных отношений имеют место зачатки расслоения крестьянства.

Расслоение крестьянства получает свое дальнейшее развитие, когда разнообразные натуральные повинности крепостного крестьянина заменяются денежными. Денежная форма ренты предполагает уже значительное развитие товарного производства и денежных отношений. Денежная рента есть превращенная форма ренты продуктами. При этой форме ренты крепостной крестьянин должен не только произвести прибавочный продукт, но и реализовать его на рынке и затем уже в денежной форме уплатить помещику.

При денежной ренте традиционные отношения между помещиком и крепостными крестьянами, покоящиеся на внеэкономическом принуждении, меняются, все более превращаясь в денежные отношения. Денежная рента является последней формой феодальной ренты, свидетельствующей о ее разложении.

Превращение натуральной ренты в денежную ведет к образованию в феодальной деревне кулацкой верхушки, которая откупается от помещика, арендует или покупает землю и начинает жить эксплуатацией крестьянства. Основная же масса крестьянства все более и более нищает и разоряется, выделяя из своей среды лишенных средств производства и средств существования пролетариев.

Такова общая тенденция превращения феодальной земельной собственности в капиталистическую.

Возникновение капиталистических отношений в сельском хозяйстве

Процесс превращения феодальной земельной собственности и феодальной земельной ренты в капиталистическую совершался в различных конкретных формах в зависимости от исторических условий развития капитализма в отдельных странах.

Наиболее беспощадная ломка докапиталистических порядков в области сельского хозяйства имела место в Англии. Из истории первоначального накопления капитала известно, что эта ломка была проведена методами жестокого насилия над крестьянством.

Насильственными методами ограбления крестьянства были огораживание и очистка земель. Капитализм беспощадно разрушал все сложившиеся условия производства и создавал новые, отвечавшие требованиям наиболее выгодного приложения капитала.

Маркс писал, что капиталистическое производство нигде так беспощадно не расправлялось со старыми традиционными отношениями в земледелии, как в Англии. «Все исторически унаследованные распорядки, там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены сами эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельскохозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства, но и само это хозяйство»². Стоявшие у власти, по выражению Маркса, «наживалы из землевладельцев и капиталистов» стали неограниченными собственниками разграбленных ими церковных, государственных и общинных земель.

Английская буржуазия стремилась превратить землю в предмет свободной торговли и была заинтересована в экспроприации мелких производителей, так как благодаря этой экспроприации увеличивается приток рабочей силы из деревни в город, а в руках буржуазии все в больших размерах сосредоточивались средства производства.

Процесс разорения и экспроприации основной массы крестьянства сопровождался обогащением фермеров, снимавших землю в аренду у помещиков и обрабатывавших ее при помощи наемного труда.

Большую роль в обогащении фермеров сыграло развитие суконных мануфактур, вызвавшее усиленный спрос на шерсть, а также падение стоимости денег, явившееся результатом притока более дешевых благородных металлов из вновь открытых стран. Захват общинных пастбищ крупными землевладельцами позволил фермерам значительно расширить размеры скотоводства и увеличить производство шерсти. Падение стоимости денег вызвало рост цен на хлеб, шерсть, мясо и другие сельскохозяйственные продукты. Вместе с тем росла и земельная рента, которую фермеру приходилось выплачивать землевладельцу. Однако рост земельной ренты не поспевал за ростом цен, так как фермеру приходилось выплачивать ренту на основе старых договоров, заключенных исходя из прежней стоимости денег. Важнейшим источником обогащения фермера было также снижение реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих вследствие снижения стоимости денег.

Все это содействовало образованию в Англии приблизительно к концу XVI столетия класса капиталистических фермеров. Растущая дифференциация основных масс крестьянства и их экспроприация крупными землевладельцами создали многочисленный пролетариат как для развивающейся промышленности, так и для капиталистического сельского хозяйства.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. II, стр. 256—257.

Землевладельцы Англии превратились в класс людей, живущих исключительно за счет ренты с земли, сдаваемой в аренду капиталистическим фермерам, которые обрабатывали ее при помощи наемного труда. Так возникли аграрные отношения, наиболее соответствующие капиталистическому способу производства. Однако во всех буржуазных странах, за исключением Англии, численно преобладающей формой хозяйства в земледелии и поныне выступает мелкотоварное крестьянское хозяйство.

Наиболее типичными для этих стран являются два пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

В работе «Развитие капитализма в России» Ленин следующим образом характеризует эти два пути:

«Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества»³.

В Пруссии превращение феодальных земельных отношений в капиталистические шло путем медленного, постепенного превращения феодальных поместий в крупные юнкерские капиталистические латифундии. Этот путь был связан с сохранением крепостнических пережитков. После революции 1848 г. в Пруссии были изданы законы об отмене ряда помещичьих привилегий, о переводе натуральных повинностей в денежные и о выкупе земли крестьянами у помещиков. В результате крестьяне потеряли от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ своей наделной земли, которая перешла к помещикам. За землю, переданную в собственность крестьян, последние должны были выплачивать огромные выкупные платежи.

Благодаря этой реформе помещики «округлили» и расширили свои имения за счет обезземеливания крестьянства и сконцентрировали вокруг этих огромных латифундий многочисленное крестьянство, превратившееся фактически в батраков с наделом, вынужденных идти в кабалу к помещику и на самых тяжелых условиях обрабатывать его землю. В Германии 412 помещиков владели более чем 2,5 млн. га. Некоторые помещичьи имения достигали нескольких десятков тысяч гектаров. Между тем 2,5 млн.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 15.

мелких крестьян, имевших участки земли до 5 га, владели почти такой же земельной площадью, как 412 помещиков. До самого последнего времени в Германии сохранились полукрепостнические формы эксплуатации крестьянства в виде отработок, натуральной платы и т. д.

В России усиленный рост капиталистических отношений в сельском хозяйстве начался после реформы 1861 г. В. И. Ленин указывал, что сущность реформы 1861 г. состояла в экспроприации крестьян в пользу помещиков. В результате этой реформы громадное количество земель, находившихся ранее в пользовании крестьян, как, например, выгоны, леса, водопой, было отрезано в пользу помещиков, а за наделную землю крестьяне должны были платить огромные выкупные платежи, во много раз превышавшие рыночные цены на землю.

В конце XIX и начале XX в. в России в среднем на одно помещичье хозяйство приходилось 2 333 десятины земли, на одно кулацкое — 46,7, на одно середняцкое — 15 и на одно бедняцкое — 7 десятин земли.

Такое распределение земли поставило крестьянскую бедноту и значительную часть середняков в кабальную зависимость от помещика и кулака. Одной из форм этой кабалы была так называемая продовольственная аренда. Крестьянин-бедняк вследствие малоземелья вынужден был арендовать землю у помещика и кулака на самых тяжелых условиях. Продовольственная, или голодная, как ее еще иначе называл В. И. Ленин, аренда представляла собой сочетание капиталистической эксплуатации с феодально-крепостническими пережитками в виде отработочной и продуктовой ренты. Так, крестьянин, снимая землю у помещика исполу, обязывался обрабатывать часть помещичьей земли и выполнять ряд других работ в его пользу или отдавать ему значительную часть урожая. Эксплуатация при этих условиях принимала наиболее тяжелую форму. В результате каторжного труда крестьянин получал ничтожную долю урожая, которая позволяла ему поддерживать лишь нищенское, полуголодное существование.

Феодально-крепостнические пережитки задерживали развитие капитализма в сельском хозяйстве дореволюционной России. Тем не менее капитализм медленно, но неуклонно прокладывал себе дорогу. О развитии капитализма в сельском хозяйстве дореволюционной России свидетельствовали весьма ярко и убедительно такие факты, как рост применения помещиками и кулаками сельскохозяйственных машин, наемного труда, развитие торгового земледелия, специализация сельского хозяйства, усиление дифференциации крестьянства, разорение середняцких масс и образование на одном полюсе кулачества, а на другом — деревенской бедноты и батрачества. С одной стороны, помещики сами переходили в своих имениях от полукрепостнических форм ведения сельского хозяйства к организации капиталистических хозяйств, основанных в значительной степени на эксплуатации наемного труда и

применении более высокой техники. С другой стороны, широкое развитие получала предпринимательская аренда, т. е. аренда земли кулаками у помещиков и обработка ее при помощи наемного труда. Большая часть всей арендуемой крестьянами земли — от 50 до 83% — была сосредоточена у кулаков. Предпринимательская аренда являлась уже чисто капиталистической арендой, порождавшей капиталистическую ренту. Как видно, и в дореволюционной России развивались капиталистические отношения в сельском хозяйстве, но это развитие тормозилось феодально-крепостническими пережитками. Таким путем совершалась эволюция сельского хозяйства в Италии, Японии и ряде других стран.

Второй путь капиталистического развития сельского хозяйства, состоящий в революционной ломке помещичьих хозяйств и в освобождении крестьянского хозяйства от крепостнических пут, характерен для Франции. Во Франции буржуазная революция 1789—1794 гг. ликвидировала помещичье землевладение. Земли дворян и духовенства были конфискованы и подверглись распродаже. В стране преобладающее место заняло парцеллярное крестьянское хозяйство. Часть земли была скуплена буржуазией.

В США существовали большие различия в развитии капитализма в сельском хозяйстве отдельных районов. На юге Америки в период первоначального накопления были созданы огромные рабовладельческие латифундии, сосредоточившие у себя производство хлопка и табака. В результате гражданской войны рабовладельческие латифундии были уничтожены. Был издан закон о гомстедах, предоставлявший право каждому гражданину, достигшему 21 года и не участвовавшему в войне против правительства, получить за небольшую плату из фонда государственных земель 160 акров земли. Это положило начало широкому развитию фермерства, свободного от необходимости уплачивать абсолютную ренту, и создало условия для быстрого развития капитализма в сельском хозяйстве на юге Америки. Тем не менее на юге Америки все же всякими обходными путями крупным капиталистам удалось создать крупные земельные владения, которые они разбивали на участки и сдавали в аренду исполу.

В Америке быстрыми темпами идет процесс расслоения фермерства, растет небольшая кучка фермеров-капиталистов и организаций монополистического капитала, а основная масса мелких фермеров разоряется. Фонд свободных земель давным-давно исчерпан. В результате быстрого развития капитализма в сельском хозяйстве и дифференциации фермерства создан класс крупных капиталистов-землевладельцев, широкое развитие получила аренда земли. Все это привело к возникновению абсолютной ренты со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако в прошлом развитие капитализма в сельском хозяйстве США было облегчено отсутствием крепостнических пережитков и абсолютной ренты.

В результате преобразования докапиталистических форм

землевладения крупная феодальная и мелкокрестьянская собственность на землю все более уступает место буржуазной земельной собственности, капиталистическим отношениям в сельском хозяйстве. Предпосылками капиталистического способа производства в земледелии, указывает Маркс, является то, что 1) действительные земледельцы суть наемные рабочие, работающие на капиталиста, который помещает свой капитал в сельское хозяйство как особую отрасль применения капитала; 2) капиталист-фермер, эксплуатирующий чужую землю, уплачивает ее собственнику установленную договором сумму денег за разрешение применить свой капитал на этой земле, так же как заемщик капитала уплачивает проценты; 3) эта денежная сумма называется земельной рентой, независимо от того, за что она уплачивается, — за использование пахотной земли, эксплуатацию строительных участков, разработку рудников, использование рыбных угодий, лесов и т. д. «Следовательно, земельная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, приносит доход... Далее, мы имеем здесь перед собой все три класса, которые в совокупности и в отношении друг к другу составляют остов современного общества: наемный рабочий, промышленный капиталист, земельный собственник»⁴.

Таким образом, при капитализме происходит отделение земли как условия труда от земельного собственника, превращение землевладельца в получателя ренты.

Отличия капиталистической земельной ренты от феодальной

Общее между феодальной и капиталистической формами ренты состоит в том, что обе они являются экономической формой реализации земельной собственности.

Земельная рента в условиях феодализма и капитализма — особая форма эксплуатации человека человеком, связанная с землевладением. Однако капиталистическая земельная рента отличается от феодальной. Во-первых, капиталистическая земельная рента выражает собой отношения между тремя классами — землевладельцами, капиталистами и рабочими — в отличие от феодальной ренты, которая выражает отношения между двумя классами — феодалами и крестьянами. Во-вторых, капиталистическая земельная рента представляет собой не весь прибавочный продукт непосредственного производителя, как при феодализме, а лишь часть его, являющуюся излишком над средней прибылью. В-третьих, капиталистическая земельная рента в отличие от феодальной базируется не на отношениях внеэкономического принуждения, а на отношениях капиталистической эксплуатации.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 167—168.

Земельная рента уплачивается капиталистическим фермером землевладельцу в форме арендной платы за землю. Однако арендную плату нельзя отождествлять с земельной рентой. Земельная рента в своем чистом виде есть плата арендатором землевладельцу определенной суммы денег за предоставление права пользования землей. Арендная же плата, помимо земельной ренты, может включать в себя и другие элементы, не относящиеся непосредственно к оплате права пользования землей, как, например, амортизацию и процент на вложенный в землю капитал. Она может также включать денежные суммы, являющиеся вычетами из прибыли, заработной платы или из прибавочного и даже необходимого продукта мелкого производителя — крестьянина, являющегося арендатором земли.

Все эти элементы, входящие фактически в арендную плату, образуют доход землевладельца, хотя и не являются земельной рентой в экономическом смысле этого слова.

Рента в капиталистическом обществе, говорит Ленин, — «это вовсе не доход с земли вообще. Это — та часть прибавочной стоимости, которая остается за вычетом средней прибыли на капитал. Значит, рента предполагает наемный труд в земледелии, превращение земледельца в фермера, предпринимателя»⁵.

Земельная рента в условиях капитализма — излишек прибавочной стоимости над средней прибылью. Следовательно, капиталистическому фермеру, снимающему в аренду землю у землевладельца, не только удастся получить среднюю прибыль на вложенный им капитал, но еще и сверх этого излишек прибавочной стоимости, уплачиваемый в форме ренты землевладельцу.

Откуда может взяться этот излишек прибавочной стоимости у капиталистического фермера, где находится источник капиталистической земельной ренты, какова ее природа и роль в развитии сельского хозяйства?

Ответы на эти вопросы дает учение Маркса и Ленина о земельной ренте.

Теория капиталистической земельной ренты Дифференциальная рента I

Изучая производственные отношения в капиталистической промышленности, мы уже встречались с фактом получения некоторыми капиталистами избыточной прибавочной стоимости в виде сверхприбыли. Это имеет место в тех случаях, когда отдельный капиталист вводит у себя на предприятии какое-нибудь техническое усовершенствование, в результате которого повышается производительность труда и снижается индивидуальная стоимость производимого товара. Продает же капиталист свой товар не по индивидуальной, а по более высокой общественной стоимости.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 274.

Разница между индивидуальной и общественной стоимостью и составляет добавочную прибыль капиталиста.

Однако эта сверхприбыль, получаемая на отдельных предприятиях капиталистической промышленности, — явление временное. Она существует лишь до тех пор, пока введенные отдельными капиталистами технические усовершенствования не получают всеобщего распространения. Когда же они распространяются на большинстве предприятий, то произойдет снижение не только индивидуальной, но и общественной стоимости и сверхприбыль на данных предприятиях исчезнет.

Излишек прибавочной стоимости, который капиталистический фермер выплачивает землевладельцу в форме ренты, по своей природе представляет такую же сверхприбыль. Дифференциальная рента, пишет Маркс, «не представляет в теоретическом отношении никаких трудностей. Она — не что иное, как добавочная прибыль, существующая в любой сфере промышленного производства для любого капитала, действующего в условиях выше средних. Только в земледелии она упрочивается, так как имеет под собой такую солидную и (относительно) прочную основу, как различные степени естественного плодородия различных категорий земли»⁶. Следовательно, рента в отличие от сверхприбыли, получаемой в промышленности, представляет собой не временное, а относительно постоянное явление.

Различия в плодородии отдельных земельных участков при капиталистическом земледелии ведут к тому, что цены на продукты сельского хозяйства в отличие от цен на продукты промышленности определяются не средними условиями производства, а общественно необходимыми условиями производства на худших по плодородию и местоположению земельных участках. Это объясняется тем, что количество земли ограничено и вся доступная при данной технике производства земля занята капиталистическими хозяйствами. Вследствие этого создается своеобразная монополия на землю как на объект капиталистического хозяйства. Суть этой монополии заключается в следующем.

В промышленности можно неограниченно организовывать новые предприятия. Если бы на рынке создалось такое положение, что цены производства стали бы определяться издержками производства худших предприятий, то это повело бы к расширению производства средних и лучших предприятий, которые увеличили бы выпуск более дешевых товаров и вытеснили бы с рынка худшие предприятия.

В сельском хозяйстве количество лучших или средних земель ограничено и по произволу увеличено быть не может. Поэтому капиталистические фермеры, которые пользуются средними и лучшими земельными участками, имеют своего рода монополию на землю как на объект хозяйства.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 220.

А раз вся земля, годная для обработки, занята и со стороны рынка предъявляется спрос на сельскохозяйственные продукты, производимые не только на лучших и средних участках, но и на самых худших, то, естественно, цена производства этих продуктов будет определяться условиями производства на худших землях. Вследствие этого труд, приложенный к лучшим землям, будет давать добавочную прибыль, которая и образует дифференциальную земельную ренту по плодородию и по местоположению. Таким образом, дифференциальную ренту порождает капиталистическая монополия на землю как на объект хозяйства.

Дифференциальная рента, писал Ленин, развивая учение Маркса, «...есть результат ограниченности земли, занятости ее капиталистическими хозяйствами совершенно независимо от того, существует ли собственность на землю и какова форма землевладения. Между отдельными хозяйствами на земле неизбежны различия, проистекающие от различий в плодородии земли, в местоположении участков по отношению к рынку, в производительности добавочных вложений капитала в землю. Для краткости можно суммировать эти различия (не забывая, однако, неодинаковости источников тех или иных различий), как различия лучших и худших земель. Далее. Цену производства земледельческого продукта определяют условия производства не на средних, а на худших землях, так как продукт одних лучших земель недостаточен для покрытия спроса. Разница между индивидуальной ценой производства и высшей ценой производства и составляет дифференциальную ренту»⁷.

Отсюда следуют условия, необходимые для возникновения дифференциальной ренты: 1) различие в плодородии отдельных участков земли; 2) различие в местоположении участков по отношению к рынку; 3) различие в производительности добавочных вложений капитала в землю. Дифференциальную ренту, связанную с различиями в плодородии и местоположении отдельных земельных участков, Маркс называет дифференциальной рентой I, а дифференциальную ренту, связанную с добавочными вложениями капитала в землю, Маркс называет дифференциальной рентой II.

Рассмотрим сначала дифференциальную ренту I.

Известно, что земельные участки неодинаковы как по своему плодородию, так и по местоположению. На одних участках почва черноземная, на других — глинистая, на третьих — песчаная и т. д. При прочих равных условиях производительность труда на черноземном участке будет выше, чем на песчаном.

Различия в естественном плодородии почвы зависят от химического состава почвы, т. е. от содержания в ней веществ, необходимых для питания растений.

Различия в плодородии отдельных земельных участков ведут

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 274—275.

к тому, что труд, приложенный к более плодородному участку земли, дает при прочих равных условиях, при тех же затратах капитала, больший результат.

Возьмем три одинаковых по площади земельных участка с различным плодородием. Допустим, что при одинаковой затрате капитала в 100 долл. эти участки дадут хлеба: первый — 4 т, второй — 5, третий — 6 т.

Предположим, что средняя норма прибыли равна 20%. Чему же при этих условиях будет равна индивидуальная цена производства 1 т хлеба в отдельности на каждом из этих участков?

Как известно, цена производства определяется издержками производства плюс средняя прибыль. Для того чтобы определить индивидуальную цену производства 1 т хлеба по каждому участку в отдельности, необходимо цену производства всего собранного по каждому из участков хлеба разделить на количество тонн этого хлеба. В результате будем иметь следующую картину:

Участки земли, разные по плодородию	Произведено хлеба, т	Издержки производства всего хлеба, долл.	Средняя прибыль, долл.	Цена производства всего хлеба, долл.	Цена производства 1 т хлеба, долл.
Первый	4	100	20	120	$120 : 4 = 30$
Второй	5	100	20	120	$120 : 5 = 24$
Третий	6	100	20	120	$120 : 6 = 20$
	15	300		360	

Итак, индивидуальная цена производства 1 т хлеба на первом участке будет равна 30 долл., на втором — 24 долл., и на третьем — 20 долл.

Как же в данном случае определится общественная цена производства 1 т хлеба?

Общественная цена производства будет определяться условиями производства на самом худшем из всех участков — первом и, следовательно, будет равна 30 долл. По этой цене и будет продаваться на рынке хлеб, полученный со всех участков. Таким образом, арендатор первого участка, собравший 4 т хлеба, получит за него 120 долл.; арендатор второго участка за свои 5 т хлеба получит 150 долл.; арендатор третьего участка получит за свои 6 т 180 долл. В результате получается следующее:

Участки земли, разные по плодородию	Выручено от продажи произведенного хлеба, долл.	В том числе пошло		Излишек над средней прибылью, долл.
		на возмещение потребленного капитала, долл.	на среднюю прибыль, долл.	
Первый	120	100	20	—
Второй	150	100	20	30
Третий	180	100	20	60

Таким образом, относительно большая производительность труда, применяемого на более плодородных участках, приведет

вследствие ограниченности земли и занятости ее капиталистическими фермерами к тому, что второй участок даст на 30 долл., а третий — на 60 долл. больше дохода, чем первый.

Поскольку приложение капитала к этим участкам, кроме того, обеспечивает получение средней нормы прибыли в 20 %, то совершенно ясно, что собственники этих участков потребуют от арендаторов-фермеров весь тот излишек, который возникает вследствие большей производительности труда, применяемого на более плодородных землях. В свою очередь арендаторы уплатят этот излишек, так как у них останется еще средняя прибыль на затраченный ими капитал.

Дифференциальная рента возникает также вследствие различий между земельными участками по их местоположению.

Возьмем земельные участки, находящиеся, допустим, в 20 и 50 км от Парижа. Капиталистический фермер, доставляющий на парижский рынок овощи с участка, находящегося в 20 км, будет нести гораздо меньше транспортных расходов по сравнению с фермером, живущим в 50 км от Парижа. В результате первый фермер при продаже своих овощей получит известный излишек стоимости по сравнению со вторым. Этот излишек и образует дифференциальную ренту по положению.

Дифференциальная рента II

Изучая дифференциальную ренту I, мы предполагали, что в земельные участки различного плодородия и местоположения вкладываются одинаковые капиталы.

Дифференциальная рента II в отличие от дифференциальной ренты I предполагает последовательные затраты капитала на одном и том же участке земли. Если дифференциальная рента I связана с экстенсивным ведением сельского хозяйства, при котором всякое новое вложение капитала требует расширения возделываемой площади, то дифференциальная рента II связана с интенсивным земледелием, которое предполагает «... концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения его между земельными участками, находящимися один возле другого...»⁸ и потому не требуют расширения возделываемой площади. Дело в том, что плодородие не есть какое-то неизменное свойство почвы — оно изменяется вместе с развитием химии и механики. Так, применением искусственных химических и органических удобрений можно в огромной степени повысить плодородие почвы. Тот же результат может быть достигнут применением усовершенствованных механических средств обработки почвы, более глубокой вспашкой тракторным плугом, орошением, дренажированием и осушением болотистой почвы и т. д.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 227.

Рассматривая дифференциальную ренту I, мы брали в качестве примера три участка, различных по плодородию и местоположению. Предположим, что на третьем участке, лучшем по плодородию, сделано дополнительное вложение капитала: внесены химические удобрения, улучшена обработка земли, применены сельскохозяйственные машины и т. п. — всего на сумму 100 долл. Предположим также, что производительность добавочной затраты капитала выше по сравнению с прежней затратой.

Если первая затрата капитала в 100 долл. принесла урожай в 6 т, то вторая дает больший урожай, предположим, в 7 т. При прежней цене урожай от дополнительной затраты будет продан за $7 \times 30 = 210$ долл. После вычета цены производства (120 долл.) дифференциальная рента II составит 90 долл., в то время как первая затрата капитала принесла 60 долл. ренты. В данном случае дифференциальная рента II возникла в результате большей производительности второй затраты капитала на третьем, лучшем, участке земли по сравнению с той же затратой капитала на первом, худшем, участке земли, не приносящем дифференциальной ренты, но регулирующем цену производства. Добавочные затраты капитала делаются, как правило, на лучших землях. Это объясняется тем, что лучшая земля благодаря естественному плодородию дает больше шансов на получение дифференциальной ренты II. Так, например, в Англии после отмены хлебных законов худшие земли, на которых раньше возделывалась пшеница, были превращены в пастбища. Зато на лучших землях стала развиваться интенсивная культура пшеницы, был вложен дополнительный капитал, проведены дренажные работы и т. д.

Но дифференциальная рента может возникнуть и на худшем участке земли, не приносящем до того никакой дифференциальной ренты. Это возможно в том случае, когда на продукцию сельского хозяйства возрастает спрос, который ведет к дополнительной затрате капитала на лучшем участке земли, в результате чего будет произведена необходимая дополнительная продукция. Однако производительность этой дополнительной затраты капитала, приложенной к лучшей земле, ниже производительности первой затраты капитала на худшей земле, регулировавшей прежде цену производства.

В результате худшая земля принесет дифференциальную ренту в размере разницы между индивидуальной ценой производства продукта, произведенного на этой земле, и более высокой ценой производства продукта, возникшей благодаря добавочному, менее производительному, но необходимому вложению капитала на лучшей земле.

Каким же образом сверхприбыль, возникающая вследствие добавочного приложения капитала к одним и тем же участкам земли, превращается в дифференциальную ренту II? Это происходит следующим образом. Земля сдается арендатору на опреде-

ленный срок, например на пять лет. В течение этих пяти лет арендатор, вложивший добавочный капитал в землю, произведший, допустим, дренажные работы или применивший химические удобрения и т. д., будет получать известную сверхприбыль. Когда же истечет срок аренды и нужно будет заключать новый договор, то землевладелец учтет доход от добавочных вложений капитала и повысит арендную плату. Таким образом, добавочная прибыль капиталистического фермера превратится в дифференциальную ренту II, поступающую в карман землевладельца.

Землевладелец использует, таким образом, не только естественное плодородие почвы, но и агротехнический прогресс в земледелии, чтобы обложить капиталистическое общество своеобразным налогом в виде земельной ренты I и II. Поэтому между землевладельцами и капиталистическими фермерами-арендаторами идет борьба из-за сроков аренды. В то время как арендаторы земли стремятся удлинить сроки аренды, землевладельцы, наоборот, стараются их сократить. Вместе с тем землевладельцы в арендном договоре стараются предусмотреть необходимость определенных капитальных затрат со стороны арендатора. Иначе говоря, землевладельцы стремятся в известной мере предвосхитить прогресс капиталистического земледелия. «Так они кладут в свой частный карман то, что является результатом общественного развития, получающимся без содействия с их стороны...»⁹.

Дифференциальная рента II возникает на основе дифференциальной ренты I. Добавочные вложения капитала в одни и те же участки выгодно производить в том случае, если эти вложения будут не менее производительны, чем на худших землях. или если возрастает спрос на продукцию сельского хозяйства настолько, что он не может быть покрыт без дополнительных вложений капитала в те же участки земли. Если при этом дополнительная затрата капитала на лучшем участке оказывается менее производительной по сравнению с затратами на худшем участке, то она может стать затратой, регулирующей цену производства.

Далее, различие плодородия при дифференциальной ренте I обнаруживается в том, что одинаковые капиталы, вложенные в участки различного плодородия, дают различное количество сельскохозяйственного продукта. Но тот же результат получается и при дифференциальной ренте II — только при последовательных затратах капитала на один и тот же участок земли, дающих различное количество продукта.

Значит, и в этом случае, по словам Маркса: «По-прежнему при равных затратах капитала земля обнаруживает различное плодородие, но только в данном случае одна и та же земля при последовательных затратах различных по величине частей капитала дает такие же результаты, какие при дифференциальной

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 169.

ренте I дают различные категории почвы при затрате одинаковой величины частей общественного капитала»¹⁰.

Таким образом, дифференциальная рента II является иным выражением дифференциальной ренты I. Однако это не исключает глубокого различия между этими двумя видами ренты. Дифференциальная рента I знаменует собой более низкую историческую ступень, а дифференциальная рента II — более высокую ступень капиталистического развития земледелия. Дифференциальная рента I исторически предшествует дифференциальной ренте II. Как известно, капиталистический способ производства развивается из мелкотоварного хозяйства, при котором средства производства принадлежат непосредственно самому производителю и производство базируется на ремесленной технике. Овладевая земледелием, капитал на первых порах лишь расширяет размеры предприятия, не изменяя техники производства. Вначале отличие капиталистического земледелия от мелкого крестьянского земледелия проявляется не в концентрации капитала на относительно небольшой площади земли, а в производстве в большем масштабе. Производство в большем масштабе дает экономию капиталистическому фермеру на издержках производства и ведет к повышению нормы прибыли. В этом заключается преимущество крупного производства в сельском хозяйстве перед мелким.

Необходимо также принять во внимание и то обстоятельство, что при переходе от докапиталистических способов производства к капиталистическому земля еще не была истощена и что имелось еще значительное количество невозделанных земель. Вот почему на первых порах развитие капитализма в сельском хозяйстве идет, по выражению Маркса, путем экстенсивной затраты капитала на земельной площади большего протяжения.

Итак, основой образования дифференциальной земельной ренты (и I и II) является монополия на землю как на объект хозяйства, а ее источником — прибавочная стоимость, создаваемая трудом сельскохозяйственных рабочих. Труд, применяемый к обработке лучших земель, производительнее труда рабочих, обрабатывающих худшие земли. Между тем стоимость продуктов сельского хозяйства определяется условиями производства на худших землях или наименее производительной затратой капитала в одни и те же участки земли.

Критика так называемого «закона» убывающего плодородия почвы

Впервые «закон» убывающего плодородия почвы был сформулирован физиократом Тюрго. Сторонниками этого «закона» были Мальтус и многие позднейшие буржуазные защитники капитализма.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 230.

Сущность этого «закона» сводится к тому, что добавочные вложения капитала в землю за известным пределом сопровождаются уменьшением количества добываемой продукции.

Если бы последующие вложения труда и капитала в землю, говорят сторонники указанного «закона», не сопровождалась падающей производительностью, то не было бы никакой нужды в расширении запашек. Можно было бы на одном гектаре производить все продукты, необходимые для существования всего человечества.

С этим мнимым законом было связано учение Рикардо о дифференциальной ренте. Различные земли, по теории Рикардо, отличаются различным плодородием. Это приводит к тому, что одинаковые затраты капитала, вложенные в земельные участки различного плодородия, дают различное количество продукта. В противоположность Смиту, утверждавшему, что стоимость продуктов сельского хозяйства регулируется лучшими землями, Рикардо считал, что она регулируется худшими землями. Если Смит рассматривал ренту как результат щедрости природы, то Рикардо, наоборот, доказывал, что она есть результат скудости природы. Природе платят, утверждал Рикардо, не за то, что она производит много, а за то, что она производит мало. Он считал, что рост ренты выгоден только одним землевладельцам и противоречит интересам общества. Поскольку стоимость продуктов сельского хозяйства регулируется худшими землями, постольку средние и лучшие земли приносят добавочную прибыль, которая образует дифференциальную ренту, достаемую землевладельцу. Рикардо считал, что по мере развития общества совершенствуется переход от обработки лучших земель к худшим, в результате чего земельная рента растет. Еще более растет земельная рента вследствие увеличения стоимости продуктов сельского хозяйства. Этот рост вызывается переходом от лучших участков к худшим, так как производство сельскохозяйственных продуктов на худших землях требует больше труда и капитала.

Коренным пороком учения классиков буржуазной политической экономии о земельной ренте является непонимание того, что капиталистическая земельная рента есть лишь особая форма прибавочной стоимости. Следовательно, они не понимали, что капиталистическая земельная рента выражает собой специфические отношения эксплуатации.

Промышленная буржуазия использовала учение Рикардо о ренте в борьбе против землевладельцев. Последующие буржуазные экономисты, ярые защитники капитализма, при помощи «закона» убывающего плодородия почвы пытались объяснить и оправдать все противоречия капиталистического строя и прежде всего нищету рабочего класса и трудящихся масс.

Так, Булгаков, бывший «легальный марксист», а впоследствии реакционер, писал, что прошлое оставляет в наследие буду-

щему хлебный вопрос, более страшный и более трудный, чем вопрос социальный.

«Закон» убывающего плодородия почвы до сих пор пользуется широким распространением среди буржуазных экономистов как средство обмана трудящихся и защиты капиталистического способа производства. Например, Дж. М. Кейнс в работе «Экономические последствия Версальского мирного договора» считал главной причиной неустойчивости Европы накануне первой империалистической войны то, что общественный пирог был мал по сравнению с массой appetites и потому никто от раздела этого пирога не мог бы получить большой выгоды. Малые размеры пирога Кейнс связывает с «законом» убывающего плодородия почвы, который называет «злым духом». До XVIII в., утверждает Кейнс, человечество прекрасно видело этот «злой дух» и не строило себе иллюзий насчет будущего, но затем его «посадили на цепь и скрыли от взоров общества». Теперь его снова выпустили на свободу. Около 1900 г. стало обнаруживаться, что природа все меньше вознаграждает человеческий труд. Хотя количество хлеба не уменьшилось, но за него приходится платить все дороже. Здесь, по мнению Кейнса, и сказывается действие «закона» убывающего плодородия почвы. По Кейнсу, в растущем обнищании трудящихся виновата природа, а не капитализм.

Маркс и Энгельс неоднократно выступали с критикой этого так называемого «закона». В письме к Энгельсу от 7 января 1851 г. Маркс подвергает критике три положения Рикардо: 1) о переходе по мере развития общества к участкам все более худшего качества; 2) о повышении ренты при повышении хлебных цен и ее падении при их понижении; 3) об объяснении роста ренты всей страны переходом к обработке очень значительного количества земли плохого качества¹¹.

Величайшая заслуга Маркса, по словам Ленина, заключалась в том, что он «освободил теорию дифференциальной ренты от всякой связи с пресловутым «законом» убывающего плодородия почвы»¹².

Практика показывает, что дифференциальная рента не связана с той или иной последовательностью в переходе от одних участков к другим. Важно только, чтобы имелись различия в плодородии, местоположении земель и в производительности добавочных затрат капитала. Все, что увеличивает эти различия в условиях капиталистического земледелия, при прочих равных условиях увеличивает дифференциальную ренту.

Ленин в работах, посвященных аграрному вопросу, много внимания уделял критике «закона» убывающего плодородия почвы.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, стр. 149.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 109.

Главный довод сторонников этого «закона», сводящийся к тому, что если бы не было «закона» убывающего плодородия почвы, то земледелие всего земного шара можно было бы уместить на одном гектаре, Ленин называл бессодержательной абстракцией. Сторонники «закона» убывающего плодородия почвы, выдвигая этот довод, игнорируют самое главное — развитие производительных сил. Конечно, существует известный оптимальный предел для эффективности вложений капитала в землю при данном неизменном уровне производительных сил, неизменном уровне развития техники сельскохозяйственного производства. За этим пределом производительность добавочных вложений капитала будет снижаться. Однако это обстоятельство не является особенностью сельского хозяйства, оно приложимо и к промышленности. Но эта оптимальная граница преодолевается развитием производительных сил.

Каждый шаг вперед в развитии техники, в развитии производительных сил расширяет возможности эффективных вложений капитала как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Это особенно видно на успехах крупнейшего в мире социалистического сельского хозяйства, развитие которого сопровождается непрерывным ростом производительных сил, повышением урожайности, ростом сельскохозяйственной продукции. Но и в капиталистических странах происходит развитие производительных сил в области сельского хозяйства, хотя и более медленными темпами. Однако сторонники «закона» убывающего плодородия почвы — Булгаков и другие апологеты капитализма — считали, что технический прогресс есть временная тенденция, а убывающее плодородие почвы — универсальный закон. Временная тенденция к техническому прогрессу, по мнению Булгакова, не может устранить действие универсального «закона» убывающего плодородия почвы.

«Не правда ли, как это глубокомысленно?» — иронически спрашивает Ленин и продолжает:

«Технический прогресс — «временная» тенденция, а закон убывающего плодородия почвы, т. е. уменьшающейся (да и то не всегда) производительности добавочных вложений капитала на базе неизменной техники, «имеет универсальное значение»! Это совершенно все равно, что сказать: остановки поездов на станциях представляют из себя универсальный закон парового транспорта, а движение поездов между станциями — временная тенденция, парализующая действие универсального закона стояния»¹³.

В. И. Ленин делает вывод, что и практика земледелия, и теоретическое ее обобщение показывают, что ни о каком универсальном «законе» убывающего плодородия не может быть и речи. Люди подлинной науки о нем не говорят. Его провозгла-

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 104.

шают и о нем кричат лишь защитники капитализма, используя обветшалые догмы и предрассудки старой буржуазной политической экономии с ее вечными, абстрактными и естественными законами. Они и сочинили этот «закон» и проповедуют его потому, что он дает им возможность во всех бедствиях, нищете, голоде, на которые капитализм обрекает рабочий класс и трудящиеся массы, винить не капиталистические порядки, а вечные и неизменные законы природы, устранить которые не во власти человека.

Между тем на деле введение машин и улучшенных способов производства в невиданной степени облегчило человеку борьбу с природой и, в частности, добывание пищи. «Увеличилась, — говорит Ленин, — не трудность производства пищи, а трудность получения пищи для рабочего — увеличилась потому, что капиталистическое развитие вздуло земельную ренту и земельную цену...»¹⁴.

Абсолютная рента

При изучении дифференциальной ренты предполагалось, что худший из обрабатываемых земельных участков, или наименее производительная затрата капитала, регулирующая цены на продукты сельского хозяйства, как правило, ренты не дает.

Между тем практика капиталистического сельского хозяйства показывает, что землевладельцы, владеющие самыми худшими земельными участками, даром этих участков в аренду не отдают, а взимают за них ренту. Землевладелец предпочтет, чтобы земля его пустовала, но не отдаст ее бесплатно в пользование арендатору, как бы она ни была малопродуктивна или удалена от рынка.

«Что касается существования абсолютной земельной ренты, — пишет Маркс Энгельсу 9 августа 1862 г., — то это такой вопрос, который следовало бы разрешать для каждой страны на основании статистики. Но важность чисто теоретического решения явствует из того, что вот уже в течение 35 лет статистики и вообще практики отстаивают наличие абсолютной земельной ренты, а (рикардовские) теоретики путем весьма искусственных и теоретически слабых абстракций пытаются ее отрицать. До сих пор я всегда убеждался, что в подобного рода спорах теоретики постоянно оказываются неправыми»¹⁵.

Итак, практика капиталистического сельского хозяйства доказывает, что и владельцы худших участков земли получают земельную ренту. Эта рента носит название абсолютной ренты. Она отличается от дифференциальной.

Во-первых, абсолютная рента не зависит ни от различий

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 103—104.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 226.

в плодородии и местоположении отдельных участков, ни от различий в производительности добавочных вложений капитала в один и тот же участок земли. Ее приносят абсолютно все обрабатываемые земельные участки.

Во-вторых, в отличие от дифференциальной ренты, представляющей собой разницу между индивидуальной и общественной ценой производства, абсолютная рента является излишком стоимости над общественной ценой производства.

Рикардо отрицал существование абсолютной ренты, так как признание последней противоречило его теории стоимости, которую он отождествлял с ценой производства. Величайшая историческая заслуга Маркса заключается в том, что он доказал возможность существования абсолютной ренты без нарушения закона стоимости.

«Единственное, что я должен *теоретически* доказать, — писал Маркс Энгельсу 9 августа 1862 г., — это *возможность* абсолютной ренты без нарушения закона стоимости. Это тот пункт, вокруг которого вертится *теоретический* спор со времени физиократов и до наших дней. Рикардо отрицает эту возможность; я ее утверждаю. Я утверждаю вместе с тем, что его отрицание основывается на теоретически ложной, перенятой от А. Смита догме — на предполагаемом тождестве *цены издержек* и *стоимости товаров*. Я утверждаю далее, что во всех тех случаях, когда Рикардо иллюстрирует вопрос *примерами*, он постоянно предполагает такие условия, при которых либо не существует капиталистического производства, либо не существует — фактически или юридически — *земельной собственности*. А ведь речь идет именно о том, чтобы исследовать закон при наличии этих вещей»¹⁶.

Каким же образом Маркс теоретически доказал возможность абсолютной ренты без нарушения закона стоимости? Маркс смог это сделать исходя из своего учения о цене производства и факта существования частной собственности на землю, что как раз игнорировал Рикардо. Маркс доказал, что излишек стоимости над ценой производства, образующий абсолютную ренту, создается в земледелии благодаря более низкому, по сравнению с промышленностью, органическому составу капитала.

Известно, что прибавочная стоимость создается не всем капиталом, а лишь его переменной частью, которая представляет собой стоимость рабочей силы. В составе земледельческого капитала удельный вес переменного капитала значительно больше, чем в промышленности, а удельный вес постоянного капитала соответственно меньше. Следовательно, в сельском хозяйстве на каждые, допустим, 100 долл. капитала создается больше прибавочной стоимости, чем в промышленности.

В разных отраслях промышленности также существуют раз-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 225—226.

личные нормы прибыли в зависимости от органического состава капитала. Однако в результате перелива капиталов из отраслей с низкой нормой прибыли в отрасли с высокой нормой эти различия в индивидуальных нормах прибыли выравниваются, и в конце концов устанавливается одинаковая средняя норма прибыли.

Иное положение в земледелии. Частная собственность на землю затрудняет перелив капиталов из промышленности в земледелие. Вследствие этого излишек прибавочной стоимости над средней прибылью остается в земледелии и присваивается землевладельцем в виде абсолютной ренты. Не будь частной собственности на землю, этот излишек прибавочной стоимости пошел бы в распределение между капиталистами, повысив среднюю норму прибыли.

Наглядно процесс образования абсолютной ренты может быть представлен в следующей таблице ($m' = 50\%$):

Органический состав капи- тала по от- раслям, $c + v$	Прибавоч- ная стои- мость при $m' = 50\%$	Стои- мость про- дукта	Норма при- были, %	Выравнивание прибыли в общую среднюю	Сред- няя норма прибы- ли	Цена произ- вод- ства	Абсо- лют- ная рента
Промышлен- ность							
$70c + 30v$	15	115	15	$p = \frac{30m}{240c + 60v} = 10$	$\left\{ \begin{array}{cc} 10 & 110 \\ 10 & 110 \\ 10 & 110 \end{array} \right.$	110	10
$80c + 20v$	10	110	10				
$90c + 10v$	5	105	5				
Сумма							
$240c + 60v$	30	330					
Сельское хозяйство							
$60c + 40v$	20	120	20		10	110	10

Маркс именно частную собственность на землю считает причиной абсолютной земельной ренты.

«Дифференциальная рента имеет ту особенность, что земельная собственность здесь лишь просто улавливает ту добавочную прибыль, которую иначе захватил бы и, при известных обстоятельствах, пока не истечет срок его арендного договора, действительно захватывает арендатор... Напротив, если наихудшая земля категории А не может возделываться, — хотя возделывание ее принесло бы цену производства, — пока она не принесит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то земельная собственность является причиной, создающей это повышение цены. Собственность на землю сама создала ренту»¹⁷.

Таким образом, источником и абсолютной ренты является при-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 314.

бавочная стоимость, создаваемая трудом сельскохозяйственных рабочих. Абсолютная рента представляет собой излишек стоимости сельскохозяйственных продуктов над их общественной ценой производства. Этот излишек возникает в силу более низкого органического состава капитала в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью и остается в сельском хозяйстве вследствие частной собственности на землю. Итак, причиной абсолютной ренты является частная собственность на землю.

Сопоставим дифференциальную и абсолютную ренту.

Как было указано выше, дифференциальная рента есть результат капиталистической монополии на землю как на объект хозяйства. Абсолютная рента есть результат монополии частной собственности на землю. Если дифференциальная рента представляет собой разницу между индивидуальной и более высокой, общественной, регулирующей ценой производства, определяемой условиями производства на худших землях, то абсолютная рента представляет собой излишек стоимости над общественной ценой производства. Стоимость продуктов сельского хозяйства выше, чем их общественная цена производства, что объясняется относительно низким органическим строением капитала в земледелии. Частная собственность на землю мешает создаваемому в земледелии излишку прибавочной стоимости над средней прибылью участвовать в образовании общей нормы прибыли.

Все это приводит к тому, что цены на продукты сельского хозяйства поднимаются до их стоимости. Цена продуктов сельского хозяйства определяется наивысшими издержками производства на худшем из обрабатываемых участков земли или при наименее производительной затрате капитала плюс средняя прибыль и плюс еще абсолютная рента.

Выходит, что землевладельцы пользуются всяким повышением производительности труда в сельском хозяйстве, чем бы оно ни вызывалось, — естественным ли плодородием почвы или добавочным вложением капитала для повышения дифференциальной ренты. С другой стороны, они с таким же успехом эксплуатируют отсталость сельского хозяйства с его более низким органическим составом капитала, чтобы вздуть абсолютную ренту.

Опираясь на частную собственность на землю, землевладельцы облагают своеобразной данью в виде земельной ренты все капиталистическое общество, а в конечном счете расплачиваться за это приходится трудящимся массам: они вынуждены покупать по чрезмерно дорогим ценам продукты сельского хозяйства.

Дифференциальную и абсолютную ренту Маркс считал нормальными формами капиталистической ренты в земледелии.

Но кроме этих форм ренты в сельском хозяйстве, Маркс указывал еще на существование монопольной ренты. Отличие монопольной ренты от абсолютной состоит в том, что монопольная рента покоится на монопольной цене, «... которая определяется

только стремлением купить и платежеспособностью покупателей, независимо от цены, определяемой как общей ценой производства, так и стоимостью продуктов»¹⁸. Маркс далее замечает, что анализ этого вида ренты относится к учению о конкуренции, где исследуется действительное движение рыночных цен.

Абсолютная рента закрепляет и упрочивает повышенную цену на сельскохозяйственные продукты. Монопольная рента, наоборот, создается монопольной ценой. Для иллюстрации того, что представляет собой монопольная земельная рента, Маркс приводит в качестве примера вино крайне редкого качества, которое можно выделять лишь в исключительно благоприятных естественных условиях и в ограниченном количестве. Такое вино будет продаваться уже не по цене производства и не по стоимости его, а по монопольной цене, определяемой только лишь платежеспособностью потребителей вина.

Сверхприбыль, вытекающая из монопольной цены, превращается в монопольную ренту и достается собственнику земли.

Рента в добывающей промышленности.

Рента за строительные участки

Земельная рента существует не только в сельском хозяйстве. Ее получают собственники земельных участков, из недр которых добываются полезные ископаемые (железная, медная и другая руда, нефть, каменный уголь и т. д.), а также собственники земли, на которой возводятся постройки (жилые дома, здания промышленных и торговых предприятий и т. д.).

Рента в добывающей промышленности образуется совершенно так же, как и земледельческая рента. Рудники и шахты, месторождения нефти, природного газа различаются по богатству запасов, глубине залегания, по расстоянию от рынков сбыта. Индивидуальная цена производства продукции, добываемой из недр земли, различна, но на рынке она продается по общей цене производства, определяемой худшими условиями производства. Добавочная прибыль, получаемая вследствие этого на лучших и средних рудниках, шахтах, нефтепромыслах и т. д., образует дифференциальную ренту, которую получает собственник земли.

Кроме того, владельцы этих участков земли получают, независимо от содержащихся в них ископаемых богатств, еще абсолютную ренту — плату за право использования богатств природы другими лицами, не являющимися собственниками земли. Абсолютная рента составляет излишек стоимости над общей ценой производства. Существование этого излишка объясняется тем, что в добывающей промышленности органический состав капитала ниже, чем в среднем по промышленности в целом, вследствие сравнительно низкого уровня механизации и отсутствия затрат

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 336.

на покупаемое сырье. Абсолютная рента повышает цены на руду, уголь, нефть и т. д.

Земельная рента, взимаемая крупными землевладельцами с рудников, шахт, нефтяных промыслов, препятствует рациональному использованию богатств, тающихся в земле. Частная собственность на землю является условием раздробленности предприятий добывающей промышленности, что крайне ухудшает возможности механизации, затрудняет транспортные перевозки, сортировку ископаемых и т. д. Все это ведет к громадному удорожанию производства и его продукции.

Рента за строительные участки уплачивается владельцу земли как за аренду земли, используемой для постройки жилых домов, промышленных, торговых и других предприятий. Основную массу земельной ренты в городах составляет рента с земель под жилыми зданиями. Огромное влияние на величину дифференциальной ренты за строительные участки оказывает их местоположение. За участки, ближе расположенные к центру города и к промышленным предприятиям, взимается наиболее высокая рента.

Различия по местоположению строительных участков в особенности дают себя знать в современных крупных капиталистических городах.

Земельные участки, расположенные в центрах капиталистических городов, где сосредоточены банки, конторы, магазины, ценятся буквально на вес золота. Между прочим, одной из причин строительства небоскребов в Нью-Йорке и других американских городах является дороговизна земельных участков вследствие вздутия дифференциальной ренты по местоположению. Так, например, в Нью-Йорке в 1853—1873 гг. площадь для парка в 310 десятин стоила 10 млн. руб., а в 1905 г. для расширения парка куплены за 10 млн. руб. 4 десятины земли. Аналогичное положение имеет место и в других капиталистических городах. За 1868—1877 гг. цены на городские земли в Берлине возросли от 50 до 106%. В Дрездене прирост цены за 1900—1910 гг. составил более 100%. В Париже, в квартале Триумфальной арки, цена 1 м² земли увеличилась с 400 франков в 1881 г. до 800 франков в 1904 г. На окраинах Лондона 1 га земли в 1949 г. стоил 150 тыс. фунтов стерлингов. В Москве в 1911 г. цена одной квадратной сажени земли была у Земляного вала 150 руб., а у Ильинских ворот — 1600 руб.

Кроме дифференциальной и абсолютной ренты, собственники земли в городах и промышленных центрах получают монопольную ренту. Для вздувания монопольной ренты землевладельцы используют острый недостаток земельных участков, связанный с быстрым ростом городского населения, или же наличие в недрах земли исключительно редких ископаемых. Резко повышая ренту за строительные участки, землевладельцы тем самым тормозят жилищное строительство. Трудящийся люд в городах вынужден ютиться в трущобах. Растущая в громадных размерах квартирная

плата значительно понижает реальную заработную плату рабочих и других тружеников.

Все это говорит о том, что дань, которую вынуждено платить капиталистическое общество собственникам земли, становится все более и более обременительной.

Монополия частной собственности на землю тормозит развитие промышленности. Чтобы построить промышленное предприятие, капиталист должен непроизводительно затратить большие средства на покупку земли или на аренду ее. Земельная рента составляет крупную статью расходов в обрабатывающей промышленности. Насколько велики размеры земельной ренты со строительных участков, показывает тот факт, что из общей суммы ренты в 155 млн. фунтов стерлингов, ежегодно получаемой английскими лендлордами в 30-х годах XX в., 100 млн. приходилось на ренту с городских земель.

Цены на землю в больших городах растут значительно быстрее, нежели цены на землю, используемую для сельскохозяйственного производства.

Земельная рента в мелком крестьянском хозяйстве

Маркс свое понимание дифференциальной ренты не ограничивал только условиями капиталистического способа производства. Он указывал на существование дифференциальной ренты в условиях мелкого крестьянского хозяйства, т. е. при отсутствии капиталистических отношений.

Маркс писал: «... сами производители, крестьяне, должны потреблять здесь преобладающую долю сельскохозяйственного продукта как непосредственное средство существования, и лишь избыток над этой долей может как товар входить в торговлю с городами. Как бы ни регулировалась здесь средняя рыночная цена земельного продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же, как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует на такой ступени общественного развития, когда еще вообще не развилась общая рыночная цена, существует эта дифференциальная рента; она тогда выступает в виде избыточного прибавочного продукта. Но попадает она в карман того крестьянина, труд которого совершается при более благоприятных естественных условиях»¹⁹.

Отсюда следует, что 1) дифференциальная рента существует и в мелком крестьянском хозяйстве; 2) здесь она представляет собой не излишек прибавочной стоимости над средней прибылью, а избыточную часть рыночной цены или стоимости товара с лучших или лучше расположенных земель по сравнению с худшими;

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 369.

3) возможно существование дифференциальной ренты и при отсутствии общей цены на продукты сельского хозяйства, т. е. в том случае, когда товарное производство еще не развилось настолько, чтобы сложилась общая рыночная цена на продукты сельскохозяйственного производства.

Это говорит о том, что категория дифференциальной ренты не только чисто капиталистическая категория. Она может существовать и в условиях мелкого крестьянского хозяйства. Однако этой категории нет в условиях докапиталистических формаций, потому что там рента включает весь прибавочный труд или весь прибавочный продукт раба или крепостного крестьянина.

Что касается существования абсолютной земельной ренты в условиях мелкого крестьянского хозяйства, то на этот вопрос Маркс дал отрицательный ответ.

«... Как раз при этой форме, — говорит Маркс, — приходится в общем предполагать, что абсолютной ренты не существует и что, следовательно, наихудшая земля не приносит никакой ренты; потому, что абсолютная рента или предполагает, что реализуется избыток стоимости продукта над его ценой производства, или предполагает избыточную монопольную цену, превышающую стоимость продукта... Пределом эксплуатации для парцеллярного крестьянина не является, с одной стороны, ни средняя прибыль на капитал, поскольку сам этот крестьянин мелкий капиталист, ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку сам он земельный собственник. Абсолютной границей для него как для мелкого капиталиста является лишь заработная плата, которую он, за вычетом собственно издержек, уплачивает сам себе»²⁰.

В условиях капиталистического земледелия, когда землевладелец сдает землю в аренду капиталистическому арендатору, он стремится получить за нее не менее чем абсолютную ренту. В противном случае он предпочтет, чтобы земля пустовала.

Иное в условиях мелкого крестьянского хозяйства.

Владея жалким клочком земли и примитивными средствами производства, мелкий крестьянин возделывает землю своим личным трудом. Там, где капиталист не станет вкладывать свои капиталы в землю, поскольку он не получит хотя бы средней нормы прибыли, мелкий крестьянин будет обрабатывать землю, поскольку это обеспечит ему и его семье хотя бы полуголодное существование.

Следовательно, мелкий крестьянин имеет возможность присвоить только необходимый продукт своего труда, который можно приравнять к заработной плате, получаемой рабочим, да и то в значительно урезанном виде. Прибавочный продукт, создаваемый мелким крестьянином, присваивается в различных формах помещиком, кулаком, торговцем, ростовщиком и т. д.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 370.

Итак, мелкие крестьяне не получают абсолютной земельной ренты, хотя они и являются частными собственниками земли.

Так обстоит дело с земельной рентой в условиях мелкого крестьянского хозяйства.

Цена земли. Рост земельной ренты и цен на землю

В условиях капитализма земля является объектом купли и продажи. Обладание землей дает твердый и обеспеченный доход в виде земельной ренты. Владение землей во всех капиталистических странах до сих пор создает ряд привилегий и преимуществ, например, в смысле избирательных прав, занятия административных постов и т. д. Отсюда стремление буржуазии приобрести землю. Возникает вопрос: как же определяется цена земли?

Цена земли не может определяться ее стоимостью. Земля не имеет стоимости, поскольку на ее производство не затрачивается никакого труда. Цена земли — это не что иное, как капитализированная рента, т. е. рента, превращенная в денежный капитал, приносящий доход в виде процента.

Землевладелец при установлении цены земли исходит прежде всего из суммы ренты, которую она ежегодно ему приносит.

Предположим, что данный земельный участок ежегодно приносит своему владельцу ренту в 1000 долл. Продавая этот участок, землевладелец захочет сохранить ежегодный доход в 1000 долл. Для этого он должен продать свою землю за такую сумму, которая, будучи положена в банк, будет приносить ему ежегодно 1000 долл., но не в виде ренты, а в виде процентов. Допустим, что банк платит по вкладам 5%. При этих условиях земельный участок будет продан за $\frac{1000 \times 100}{5} = 20$ тыс. долл. Отсюда следует,

что цена земли зависит: 1) от размера земельной ренты и 2) от высоты ссудного процента. Чем больше земельная рента, тем выше и цена земли. И, наоборот, чем выше уровень процента, тем ниже цена земли, так как тем меньше должна быть сумма, которая, будучи положена в банк, обеспечит землевладельцу тот же доход, какой раньше он получал в виде ренты.

Цена земли все более растет по мере развития капитализма. Объясняется это прежде всего ростом ренты, как дифференциальной, так и абсолютной. Развитие капитализма сопровождается увеличением спроса на продукцию сельского хозяйства. Развивающаяся капиталистическая индустрия предъявляет возрастающий спрос на сырье: зерно, хлопок, лен и т. д. В огромной степени повышается спрос и на талящиеся в недрах земли естественные богатства: железную руду, каменный уголь, медь, олово и т. д. Водная энергия используется для создания электростанций. Вследствие роста абсолютного количества рабочих и населения вообще, несмотря на все усиливающееся обнищание трудящихся масс, растет спрос на предметы потребления: хлеб, мясо, масло, овощи,

молоко, фрукты и т. д. Развиваются крупные индустриальные центры, где земля, необходимая для застройки, ценится очень высоко.

Этот возрастающий спрос на продукцию сельского хозяйства и на естественные богатства земли ведет к росту земельной ренты во всех ее видах.

Земельная рента по плодородию растет потому, что расширяется площадь обрабатываемой земли и увеличивается ее дифференциация. В еще большей степени растет рента по местоположению. Для рентабельности производства продуктов сельского хозяйства очень большое значение имеет расстояние от рынка. Многие богатейшие сельскохозяйственные районы не могут принять участия в мировой торговле исключительно вследствие дальности расстояния. Возрастающий спрос на продукцию сельского хозяйства, сопровождающийся ростом цен, приводит к тому, что и самые отдаленные страны начинают вовлекаться в сферу мировой торговли сельскохозяйственными продуктами. Тенденции к росту дифференциальной ренты по местоположению противодействует развитие путей сообщения и вызываемое им удешевление транспортных расходов. Известно, что в 70-х годах прошлого столетия конкуренция более дешевого хлеба из США, дореволюционной России и других стран породила кризис сельского хозяйства и привела к временному падению земельной ренты в Западной Европе. Однако это лишь на время приостановило, но не устранило тенденцию земельной ренты к повышению. В особенности быстрый рост обнаруживает земельная рента по местоположению в городах и вообще в крупных индустриальных и торговых центрах.

Наряду с ростом дифференциальной ренты I растет дифференциальная рента II. Спрос на сельскохозяйственную продукцию, сопровождающийся повышением цен, приводит к увеличению добавочных вложений капитала в одни и те же участки земли. В частности, уже упоминавшийся нами аграрный кризис, имевший место в последней четверти прошлого столетия, дал толчок к интенсификации сельского хозяйства в Западной Европе.

С развитием капитализма возрастает также и абсолютная рента.

Это объясняется тем, что промышленность по темпам роста органического состава капитала обгоняет сельское хозяйство. В результате различия в органическом составе капитала между промышленностью и сельским хозяйством не только не уменьшаются, а возрастают, что ведет к повышению абсолютной земельной ренты.

Итак, развитие капитализма сопровождается ростом как дифференциальной, так и абсолютной ренты, вследствие чего растут цены на землю. В том же направлении действует и тенденция ссудного процента к понижению.

Так, средняя цена десятины земли в России возросла с 69,1 руб. в 1891 г. до 132,4 руб. в 1910 г., т. е. почти вдвое²¹.

В США цена всей собственности ферм выросла с 1900 по 1910 г. на 20,5 млрд. долл., из них 15,5 млрд. долл. составляет возросшая цена земли. С 1910 по 1920 г. цена этой собственности выросла на 36,9 млрд. долл., из них 26,4 млрд. долл. составляет рост цены земли. Аграрный кризис привел к разорению массы фермеров и к падению цены всей собственности ферм. С 1920 по 1930 г. она снизилась на 20,9 млрд. долл., в том числе цена земли — на 19,9 млрд. долл., с 1930 по 1940 г. — на 15,7 млрд. долл., в том числе цена земли — на 11,7 млрд. долл.

Однако при общем снижении цен на землю в США за десятилетие (1920—1930 гг.), в особенности на крупные участки земли, цена мелких участков (до 20 акров) повысилась на 12,8%.

Это показывает, что и в период аграрного кризиса землевладельцы усиленно эксплуатируют малоземельное и безземельное крестьянство, получая с него высокую цену за землю.

В период второй мировой войны и послевоенного развития в США цены на землю резко возросли. Это показывает рост индекса цены акра земли на 1 марта (1912—1914 гг. = 100):

Год	Индекс цен	Год	Индекс цен
1935—1939 (средний) . . .	83	1947	159
1941	85	1951	193
1943	99	1953	211
1945	126		

Наши данные свидетельствуют о том, что дань, уплачиваемая обществом, и прежде всего трудящимися массами, паразитам-землевладельцам, по мере развития капитализма становится все более тяжелой и обременительной.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Борьба крупного производства с мелким в сельском хозяйстве и разорение крестьянства

Установленные Марксом законы концентрации и централизации капитала и производства, разорения и гибели мелкого производства в промышленности применимы также и к сельскому хозяйству. И в сельском хозяйстве, так же как и в промышленности, происходят концентрация и централизация производства, сопровождаемые разорением основной массы крестьянства.

Крупное капиталистическое производство в сельском хозяйстве имеет решающее преимущество перед мелким в отношении применения сельскохозяйственных машин, химических удобрений, получения более высокой урожайности и снижения издержек производства продуктов сельского хозяйства.

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 21.

Крупное производство дает большую экономию расходов на помещениях, отоплении, освещении, обслуживании и т. д. Там, где десять мелких хозяйств должны построить десять домов для жилья, десять сараев и т. д., одно крупное хозяйство может обойтись одним большим домом, одним сараем. Постройка же одного большого дома стоит гораздо дешевле, чем постройка десяти маленьких.

Не меньшее преимущество имеет крупное сельскохозяйственное производство в области торговли и кредита. Мелкий производитель — крестьянин, продавая свою продукцию мелкими порциями, попадает в сети к многочисленным скупщикам-торговцам, которые его эксплуатируют. Кредит он получает у ростовщика-кулака на кабальных условиях. В ином положении находится крупный землевладелец: он ведет торговлю в крупном масштабе и обходится без многочисленных торговых посредников. Кредит он получает в банке на более льготных условиях, чем крестьянин.

Прогресс техники в условиях капиталистического сельского хозяйства доступен только крупным сельскохозяйственным предприятиям — помещичьим и кулацким хозяйствам — и недоступен основным массам крестьянства.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождается дифференциацией крестьянства, разорением бедняцко-средняцких масс деревни.

Ленин подверг глубокому марксистскому анализу происходивший в дореволюционной русской деревне процесс развития капитализма и разложения крестьянства. На основе этого анализа Ленин доказал, что хозяином русской дореволюционной деревни являлся кулак, словно паук высасывавший все соки из бедняцкого и середняцкого крестьянства.

В дореволюционной русской деревне 20% наиболее зажиточных дворов сосредоточивали у себя от 59, 7 до 99% всей купчей земли и от 49,2 до 83,7% всей арендуемой крестьянами земли. Что касается наделной земли, то 20% зажиточных элементов деревни владели таким же количеством этой земли, как и 50% беднейшего крестьянства. Та же картина получается и по другим показателям, в частности по распределению скота и инвентаря. Примерно у $\frac{1}{6}$ доли дворов имелось 50% всего скота и инвентаря.

Яркие данные дает Ленин о применении наемного труда. На 20% зажиточных дворов приходилось от 48 до 78% общего количества дворов с батраками.

Ленин в своих многочисленных трудах, посвященных аграрному вопросу, исследовал данные, относящиеся ко многим странам — Дании, Германии, США и т. д., и пришел к выводу, что и в промышленности и в земледелии мелкое производство вытесняется крупным.

Растет дифференциация крестьянства. Земля все более сосредоточивается в руках крупных земельных собственников. Так,

в 1945 г. 13% фермеров США владели двумя третями всей земли, в том числе 2% фермеров — крупных капиталистов, сосредоточили в своих руках 40% земли, 112 тыс. фермеров-капиталистов имели земли больше, чем примерно 5 млн. мелких и средних сельских хозяйств²².

В 14 странах Западной Европы (Австрия, Бельгия, Дания, Западная Германия, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, Норвегия, Швеция, Швейцария, Триест, Великобритания) в 1950 г. было крестьянских хозяйств:

	Число крестьянских хозяйств	%
Мелкие (0,4—5 га)	7 млн. 931 тыс.	62,3
Средние (5—20 га)	3 » 550 »	27,9
Крупные (свыше 20 га)	1 » 243 »	9,8
Всего	12 724	100
	Общая площадь (тыс. га)	%*
Мелкие	13 050	11,3
Средние	35 992	31,3
Крупные	65 988	57,4
Всего	115 030	100

* «Mechanisation of Small Farms in European Countries». Paris, 1950.

В Канаде, по данным переписи 1931 г., фермы размером в 80 га и выше составляли 30,6% всех ферм, а обладали 73,2% тракторов; 97,16% всех комбайнов и т. д.

В Германии в 1933 г. на каждые 100 хозяйств было в среднем тракторов, моторных плугов и жнеек: в хозяйствах до 5 га — 0,2 штуки, свыше 100 га — 38,4 штуки.

В Англии из числа хозяйств до 5 акров только 0,2% применяли тракторы, а из числа хозяйств свыше 300 акров — 35,3%.

В результате крупное производство и в области сельского хозяйства вытесняет мелкое, происходит экспроприация мелких земледельцев, так же как и в промышленности. Так, однородность эволюции в промышленности и земледелии в США можно проследить на данных 1899 и 1939 гг. Стоимость продукции в промышленности распределялась в 1899 г. между мелкими предприятиями, которые имели 6,3% всей продукции, предприятиями средними, дававшими 14,4% всей выпускаемой продукции, и предприятиями крупными, дававшими 79,3% всей промышленной продукции. В 1939 г., т. е. через 40 лет, между этими группами предприятий стоимость продукции распределялась иначе. Сократилась доля мелких предприятий более чем в 5 раз — с 6,3 до 1,2%; почти в 3 раза сократилась доля средних — с 14,4 до 5,6%; а доля крупных возросла до 93,2%. Аналогичный процесс происходит и в земледелии. В 1899 г. мелкие фермы давали 22,2% всей продукции земледелия, средние — 25,8, крупные — 52%. В 1939 г. доля мелких ферм упала более чем вдвое и со-

²² «Вопросы экономики», 1949, № 5, стр. 86.

ставляла всего 10,9 против 22,2% в 1899 г.; доля средних сократилась еще больше — с 25,8 до 10,5%, а доля крупных значительно возросла — с 52 до 78,6%.

Перепись 1940 г. показала, что в США мелкие и средние фермы составляли $\frac{2}{3}$ всех ферм, а производили товарной продукции всего 16%. Между тем крупные фермы, составлявшие $\frac{1}{3}$ всех ферм, производили 84% всей товарной продукции. За годы войны (1940—1945 гг.) усилился рост крупного производства в сельском хозяйстве США. Численность фермерского населения уменьшилась на 5 млн. человек (из них 2 млн. ушло в армию), а удельный вес его во всем населении страны снизился с 23% в 1940 г. до 18% в 1945 г.

Увеличились размеры крупных ферм, а уменьшение фермерского населения произошло главным образом за счет разорения мелких производителей.

Аналогичный процесс вытеснения мелкого производства крупным и разорения основных масс крестьянства имеет место и в других капиталистических странах.

В Германии, по данным 1933 г., крупные помещичьи хозяйства, составляя 0,6% всех сельских хозяйств, владели 37,5% земли, а 75,6% мелких и мельчайших хозяйств — 9,7% земли.

По переписи 1939 г., мельчайшие хозяйства с земельной площадью от 0,05 до 2 га составляли 66,4% всех хозяйств и владели 3,7% всей земельной площади, а крупные хозяйства с земельной площадью от 100 га и выше составляли 0,5% всех хозяйств и владели 36,4% всей земельной площади.

В Чехословакии в 1930 г. мелкие хозяйства до 5 га составляли 70,9% всех хозяйств и владели всего лишь 15,5% всей земли. Хозяйства же размером в 50 га и выше составляли 1% всех хозяйств и владели 43,4% всей земли.

В Венгрии хозяйства размером от 100 гектаров²³ и выше составляли 0,8% всех хозяйств, а владели 48% всей земли, в то время как 85% хозяйств размером менее 10 гектаров земли владели лишь 19,4% всей земли.

В Польше хозяйства до 5 га составляли, по переписи 1921 г., 64,6% всех хозяйств, а земли имели 14,8%; хозяйства же в 50 га и выше составляли 0,9% всех хозяйств и имели 47,3% всей земли. В Румынии, по переписи 1930 г., хозяйства до 5 га составляли 74,9% всех хозяйств, а имели 28% всей земли; хозяйства же в 50 га и выше составляли 0,8% всех хозяйств и имели 32,7% всей земли.

Рост производительных сил капиталистического земледелия и развитие техники несут с собой неисчислимые беды мелким фермерам и сельскохозяйственным рабочим. Вместе с расширением крупного производства в сельском хозяйстве и разорением основных масс крестьянства растет применение наемного труда.

²³ Один гектар равен 0,57 га.

В США полтора миллиона ферм не имеют ни лошадей, ни мулов, ни тракторов; более полумиллиона ферм имеют только по одной лошади или мулу на ферму. 1130 тыс. фермеров вынуждены работать на стороне более 100 дней в году, а 874 тыс. — более 200 дней в году. Следовательно, более половины всех фермеров существует за счет продажи своей рабочей силы, подвергаясь эксплуатации со стороны крупных капиталистов — землевладельцев²⁴.

Приведенные данные показывают рост капитализма в сельском хозяйстве, сопровождающийся разорением основных масс крестьянства. Положение основных масс крестьянства по мере развития капитализма становится все более и более неустойчивым и резко ухудшается. Таким образом, объективный ход капиталистического развития толкает бедняцко-середняцкие массы крестьянства на путь революционной борьбы за свое освобождение, на путь союза с пролетариатом, играющим руководящую роль в этой борьбе.

Отставание сельского хозяйства от промышленности. Противоположность между городом и деревней

Отличительной чертой капиталистического развития является резкое отставание сельского хозяйства от промышленности, растущая противоположность между городом и деревней. Это отставание выражается прежде всего в том, что сельское хозяйство по уровню производительных сил и, в частности, по уровню техники производства находится на гораздо более низкой ступени развития, чем капиталистическая промышленность.

Ленин отмечал, что земледелие в капиталистических странах значительно отстало от развития крупной индустрии, что в земледелии машины применяются лишь спорадически и отсутствует система машин, связанных в один производственный механизм.

Это подтверждается и позднейшими данными. В большинстве капиталистических стран современная сельскохозяйственная техника используется неполно и нерационально. Факторы, мешающие правильному использованию машин, по признанию официальных деятелей сельского хозяйства капиталистических стран, следующие: во-первых, это аграрная структура, характеризующаяся наличием большого числа мелких и мельчайших хозяйств; во-вторых, чрезмерная индивидуализация использованных машин; в-третьих, недостаток технического образования у тех, кто применяет машины. Например, 100 тыс. тракторов Франции использовались в 1950 г. всего лишь на 50%.

Капитализм неуклонно развивается в сельском хозяйстве, однако гораздо медленнее, чем в промышленности. Поэтому проти-

²⁴ «Northwestern Miller», March 1950.

воположность между городом и деревней не только не уменьшается, а все более и более возрастает.

Земледелие отстает от промышленности по степени концентрации производства. Мощность двигателей (всех видов) в США во всех отраслях хозяйства без земледелия составляла в 1923 г. 439% по отношению к 1899 г., а в земледелии — только 211%. Стоимость фермерского живого и мертвого инвентаря в 1900 г. составляла 40% капитала обрабатывающей промышленности, а в 1920 г. — только 25%.

Во Франции на 3 млн. крестьянских хозяйств имеется всего только 400 тыс. сеялок; на 10 ферм приходится 1 электромотор; число действующих тракторов равно 140 тыс., т. е. на каждую тысячу гектаров сельскохозяйственной площади приходится всего 8 тракторов²⁵.

Все это свидетельствует о растущем отставании сельского хозяйства от промышленности в капиталистических странах, о все более и более углубляющейся противоположности между городом и деревней.

Буржуазия города эксплуатирует основные массы середняцкого и бедняцкого крестьянства. Формы этой эксплуатации чрезвычайно разнообразны: заводчик, фабрикант и торговец эксплуатируют деревню посредством высоких цен на продукты промышленного производства и низких цен на продукты сельского хозяйства, банки и ростовщики — посредством кабального кредита. Ипотечная задолженность в США, например, составляла в 1910 г. 3208 тыс. долл., в 1940 г. — 6958 тыс., в 1954 году — 7660 тыс. долл.

Буржуазное государство эксплуатирует сельское хозяйство посредством всевозможных налогов. В целом буржуазия использует деревню как неисчерпаемый резерв дешевой рабочей силы.

Город все более усиливает эксплуатацию деревни посредством неэквивалентного обмена. «Ножницы» цен на сельскохозяйственные и промышленные товары все более возрастают. Так, доля фермера США в розничной цене сельскохозяйственных продуктов (по 58 товарам) снизилась с 53% в 1913 г. до 33% в 1932 г., а в 1938 г. составляла 40%. Остальные 60% остаются у монополистов-торговцев и т. д.

Разница между ценами на товары, продаваемые фермером, и на товары, покупаемые фермером в США (уровень цен 1909—1914 гг. — 100), была следующая²⁶:

Индекс цен	1930 г.	1940 г.	1950 г.	1954 г.
Получаемых	125	100	258	259
Уплачиваемых	151	124	256	282

²⁵ «Проблемы европейского сельского хозяйства». Женева, ООН, 1954, стр. 22.

²⁶ «Agricultural Finance Review», May 1954, vol. 16, p. 28.

Низкие цены на сельскохозяйственные товары, разоряя основные массы крестьянства, не облегчают в то же время тяжелого положения потребителя-пролетария, ибо разница в цене попадает в карманы перекупщиков, оптовых и розничных торговцев.

В Берлине за период 1909—1914 гг. разница между ценой на картофель у производителя и у розничного торговца составляла 52%, а в 1933—1934 гг. — 106%.

В огромной степени возрастает зависимость деревни от банков и монополий. Крестьянин-фермер, испытывая острую необходимость в деньгах, вынужден закладывать землю. В результате крестьянин сохраняет лишь номинальную собственность. Фактическим же собственником земли становится банк.

За период с 1920 по 1939 г. в США 91 270 ферм перешли в собственность банков и страховых компаний. Обремененные долгами мелкие и средние фермеры, заложившие земли, платят колоссальную дань банкам в виде процентов по ипотечным ссудам. Только с 1930 по 1940 г. стоимость недвижимого имущества ферм, перешедшего в собственность федеральных банков США, увеличилась с 29,5 млн. до 125,8 млн. долл., а перешедшего в собственность страховых компаний — со 107 млн. до 600 млн. долл. Скупка земли ипотечными банками наблюдается во всех капиталистических странах.

Рента несельскохозяйственных землевладельцев в США — преимущественно банков, промышленных и торговых капиталистов — составляла в 1935—1940 гг. в среднем 500 млн. долл. в год. За годы войны эта сумма удвоилась и достигла 1 млрд. долл.²⁷

Все это — разнообразные формы эксплуатации деревни городом в условиях капитализма. К этому присоединяется колоссальный рост налогов, которые всей своей тяжестью обрушиваются на основные массы крестьянства.

В то время как города являются экономическими, политическими и культурными центрами, деревня при капитализме прозябает в темноте и невежестве.

Причина отставания сельского хозяйства от промышленности в условиях капитализма

Основная причина все более усиливающегося отставания сельского хозяйства от промышленности в капиталистических странах, растущей противоположности между городом и деревней заключается в самом капиталистическом способе производства.

Капиталистический способ производства лишь в той мере освобождает земледелие от пут феодализма и выводит его на путь более быстрого роста производительных сил, в какой это согласуется с погоней капиталистов за максимальной прибылью. Капитализм не способен полностью ликвидировать докапиталисти-

²⁷ «Вопросы экономики», 1949, № 5, стр. 84, 85, 87.

ческие методы эксплуатации трудящихся в области сельского хозяйства, так как его основа — эксплуатация трудящихся масс. Более того, он воспроизводит эти методы в новой форме. «... Капитал, — писал Ленин, — не только не устранил давленности, эксплуатации, нищеты масс, а, напротив, он создает эти бедствия в новом виде и восстанавливает на «современной» базе их старые формы»²⁸.

Ленин указывает, что в сельском хозяйстве еще в довольно сильной степени сохраняется натуральный характер производства и что «сельскому хозяйству свойственна монополия, которая ... неустранима при капитализме; это — монополия землевладения»²⁹.

Сочетание капиталистических методов эксплуатации с феодально-крепостническими позволяет доводить эксплуатацию трудящихся масс до крайней степени и тем самым повышать норму прибыли. Это тормозит развитие производительных сил в сельском хозяйстве.

Вторая причина, указанная Лениным, «монополия землевладения», также вытекает из существа капитализма, базирующегося на частной собственности на средства производства. В самом деле, монополия землевладения в отличие от монополии частной собственности на землю не может быть уничтожена в условиях капитализма, — она связана с господством частнокапиталистического хозяйства на земле. Вследствие того что вся земля занята, «... увеличение числа сельскохозяйственных предприятий возможно, — говорил Ленин, — лишь при раздроблении имеющих уже предприятий; свободное создание новых предприятий наряду со старыми невозможно. Монополия землевладения создает тормоз развитию земледелия, который, в отличие от промышленности, задерживает развитие капитализма в сельском хозяйстве»³⁰.

Известно, что монополия на землю как на объект капиталистического хозяйства в условиях ограниченности земли приводит к тому, что цены производства сельскохозяйственных продуктов определяются условиями производства на худших землях или условиями наименее производительной затраты капитала, в результате чего и возникает дифференциальная рента. Все это ведет к тому, что «над земледелием все сильнее и сильнее тяготеет гнет капитала, который образуется главным образом в сфере торговли и промышленности»³¹.

Громадную роль в развитии противоположности между городом и деревней, а следовательно, в отставании сельского хозяйства от промышленности играет частная собственность на землю и порождаемая ею абсолютная рента. Частная собственность задерживает развитие производительных сил, подрывая у арендатора стимул к развитию техники на арендованной земле ввиду того,

²⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 219.

²⁹ Там же, стр. 218.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 219.

что результаты вложений капитала в землю, которые делает арендатор, по истечении срока аренды присваивает землевладелец, повышая ренту.

Частная собственность на землю тормозит организацию крупного производства в деревне. Чтобы организовать крупное сельскохозяйственное предприятие, надо закупить целый ряд земельных участков или уплатить большие суммы абсолютной земельной ренты собственникам этих участков. Все это обременяет производство громадными расходами.

Частная собственность на землю помогает сохранению полукрепостнических форм эксплуатации крестьянства. У помещика-землевладельца нет особого стимула заботиться о развитии техники, раз он получает колоссальные доходы от обложения крестьянства, арендующего землю ради получения продовольствия. У такого арендатора земельный собственник забирает часто не только весь прибавочный продукт, но и значительную часть необходимого.

Крупные помещики, владельцы громадных имений, нередко сами стараются поддерживать и насаждать мелкое, карликовое земледелие, так как оно является для них поставщиком дешевой рабочей силы.

Как известно, в условиях капитализма машина вводится только в том случае, если она обходится дешевле того количества рабочей силы, которое она заменяет. В сельском хозяйстве рост производительных сил сопровождается абсолютным сокращением спроса на рабочую силу. Отсюда в капиталистической деревне всегда существует скрытое перенаселение. Вследствие этого сельское хозяйство пользуется наиболее дешевой рабочей силой, что также затрудняет применение здесь машин. Так, в Италии батраки Миланской провинции получали в 1952 г. в качестве заработной платы всего лишь 30% прожиточного минимума, а поденщики — всего 10—12%.

Существование частной собственности и абсолютной земельной ренты ведет к искусственному повышению цен на продукты сельского хозяйства. От этого страдают прежде всего трудящиеся массы.

Капитализм хищнически эксплуатирует не только сельскохозяйственных рабочих и крестьян, но и производительные силы земли.

«... Всякий прогресс капиталистического земледелия, — говорит Маркс, — есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия»³².

Одной из важнейших причин этого является частная собственность на землю и абсолютная земельная рента. Арендатор земли

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 515.

заинтересован только в таких вложениях капитала в землю, которые могут дать эффект в самый короткий срок, во всяком случае до истечения срока аренды. Это не только задерживает развитие техники, но и толкает арендаторов на путь хищнической эксплуатации земли, вплоть до ее полного истощения. Хищническая эксплуатация земли — одна из причин широкого распространения эрозии почвы в США.

В том же направлении действует и наличие феодально-крепостнических методов эксплуатации, применение допотопных, нерациональных методов эксплуатации земли. Это в особенности относится к колониальным и полуколониальным странам.

Таким образом, отнюдь не в природных условиях земледелия, а в общественных отношениях и прежде всего в частной собственности на землю и в монополии на землю как на объект капиталистического хозяйства кроется основная причина отсталости сельского хозяйства, растущей и углубляющейся противоположности между городом и деревней при капитализме.

Критика «теории устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства

Из факта более медленного развития капитализма в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью буржуазные ученые и ревизионисты сделали выводы о так называемой «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства. Они утверждают, что законы концентрации и централизации капитала и производства, открытые Марксом в области промышленности, не применимы к сельскому хозяйству. Эту «теорию» защищали Бернштейн, Давид, Герц, Булгаков. На этой позиции стояли народники, эсеры. Эту же позицию отстаивают современные социал-демократы.

Каутский, некогда выступавший против Давида, проповедовавшего «теорию устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства, впоследствии заявил, что Давид оказался прав, что ему, Каутскому, пришлось отказаться от взглядов Маркса и Энгельса по аграрному вопросу, так как наблюдавшееся Марксом и Энгельсом развитие крупного производства в сельском хозяйстве будто бы приостановилось. Причину этого Каутский видел в естественных особенностях сельского хозяйства, которые якобы мешают внедрению техники в процесс сельскохозяйственного производства.

Ту же позицию в аграрном вопросе занимают многие буржуазные ученые. В доказательство «устойчивости» мелкого крестьянского производства они ссылаются обычно на абсолютные цифры о численном преобладании мелких крестьянских хозяйств в деревне и об абсолютном росте этих хозяйств.

Ленин показал, что цифры о численном преобладании мелких крестьянских хозяйств в деревне и об абсолютном росте этих хозяйств лишь затупевают те глубочайшие процессы разложения мелкого производства, которые происходят в сельском хозяй-

стве при капитализме. Ленин доказал, что в деревне господствует кулак, что основные массы крестьянства разоряются, выделяя из своей среды полупролетариев и пролетариев. Статистические данные о росте крупного капиталистического производства и его безраздельном господстве в современной деревне, приведенные выше, опровергают легенду о так называемой «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства.

Смертельный удар «теории устойчивости» наносит практика социалистического строительства в СССР. В Советском Союзе создано крупнейшее в мире социалистическое земледелие, вооруженное передовой техникой. Применение передовой техники в сельском хозяйстве в условиях социализма открывает неограниченный простор для развития производительных сил и подъема благосостояния трудящихся. Социалистическая техника облегчает труд колхозников и сильно повышает его производительность. Она предоставляет в распоряжение колхозного крестьянства огромное количество тракторов, комбайнов, автомобилей и других машин. Так, в 1937 г. фактические затраты труда, выполненного МТС по тракторным работам, составили 220,8 млн. человеко-дней при 1,9 млн. годовых работников. Выполнение этих работ вручную при конной тяге потребовало бы затраты 1070,6 млн. человеко-дней при наличии 9,1 млн. годовых работников. Для выполнения этих же работ в единоличных хозяйствах нужно было бы затратить 1505,8 млн. человеко-дней при 12,8 млн. годовых работников.

Этот пример из практики социалистического строительства разбивает «теорию» о каких-то естественных препятствиях, будто бы мешающих применению передовой современной техники в земледелии, о каких-то несуществующих преимуществах мелкого крестьянского хозяйства перед крупным.

Одно из «преимуществ» мелкого крестьянского хозяйства перед крупным ревизионисты видят в том, что крестьянин проявляет большое упорство, трудолюбие и выносливость в обработке своего клочка земли.

В многочисленных работах, посвященных анализу положения крестьянства в капиталистических странах, Ленин показал, что «мелкое земледелие держится всяческим хищничеством: расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением сил и качеств скота, расхищением производительных сил земли...»³³

Более медленные по сравнению с промышленностью темпы развития капитализма в сельском хозяйстве не означают ни в какой мере «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства. Они ведут только к тому, что вытеснение мелкого производства крупным в сельском хозяйстве приобретает затяжной и от этого еще более мучительный для трудящихся масс деревни характер.

По официальным данным, в сельском хозяйстве Италии в 1952 г. имелось 2,7 млн. «лишних» работников, которые заняты

³³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 176.

всего несколько дней в году и вынуждены искать работу вне сельского хозяйства или эмигрировать за границу.

В сельском хозяйстве Бельгии в январе 1948 г. было 16 132 безработных, а через год, в январе 1949 года, — 21 313; в сельском хозяйстве Дании в 1949 г. было 13 046 безработных.

Капиталистическая эксплуатация крестьянства переплетается с многочисленными пережитками феодально-крепостнических методов эксплуатации.

Ленин указывал, что основная и главная тенденция капитализма состоит в вытеснении мелкого производства крупным, и в промышленности и в земледелии, что вытеснение нельзя понимать *только* в смысле немедленной экспроприации. Это вытеснение может тянуться годами и десятилетиями и сопровождаться разорением, ухудшением условий хозяйства мелких земледельцев; это ухудшение проявляется и в чрезмерном труде, ухудшенном питании мелкого земледельца и в обременении его долгами, в ухудшении содержания скота, в ухудшении обработки земли, в застое техники хозяйства и т. д.³⁴

Рента и национализация земли

Частная собственность на землю наносит громадный вред земледельческому производству и земле как условию производства. Поэтому уже с давних пор появляются проекты уничтожения частной собственности на землю и передачи ее в распоряжение государства, т. е. проекты национализации земли. Такого рода проекты исходили также от представителей радикальной буржуазии.

Как отразилась бы национализация на различных видах земельной ренты?

Что касается дифференциальной ренты, то она сохраняется и при национализации земли. Так как земельная площадь ограничена и вся занята капиталистическими фермами и так как приходится обрабатывать не только лучшие, но и худшие участки, то и при национализации земли цена производства сельскохозяйственного продукта будет определяться условиями производства на худших участках, а производство на лучших участках будет давать некоторый излишек прибавочной стоимости над средней прибылью. Но вследствие национализации земли дифференциальная рента перейдет в руки капиталистического государства, которое будет сдавать землю в аренду капиталистам — фермерам и крестьянам.

Если дифференциальная рента при национализации земли сохраняется, то иначе обстоит дело с абсолютной рентой. Основой, порождающей абсолютную ренту, является монополия частной собственности на землю, а ее источником — излишек прибавочной

³⁴ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 193.

стоимости над средней прибылью, возникающий в земледелии вследствие более низкого органического строения капитала.

Национализация земли, ликвидируя частную собственность на землю, тем самым уничтожает абсолютную земельную ренту.

Национализация земли содействует более свободному развитию капитализма в сельском хозяйстве. Она освобождает арендаторов земли — капиталистов — от той части арендной платы, которую они вынуждены уплачивать землевладельцам в виде абсолютной ренты, освобождает для производительного потребления те капиталы, которые затрачиваются на покупку земли, приводит к понижению цен на продукты сельского хозяйства. Национализация земли уничтожает кабальные докапиталистические формы эксплуатации крестьян помещиками.

Мелкобуржуазные сторонники национализации земли рассматривали национализацию земли в условиях капитализма как социалистическое мероприятие, которое уничтожает все беды капитализма. На самом деле национализация земли в условиях буржуазного строя явилась бы прогрессивным капиталистическим мероприятием, которое освободило бы сельское хозяйство от пут частной собственности на землю и от феодально-крепостнических пережитков и открыло бы дорогу для более быстрого развития капитализма в сельском хозяйстве.

Тем не менее буржуазия не осмеливается напасть на частную собственность на землю, «...так как нападение на одну форму собственности — на одну форму частной собственности на условия труда — было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам себя территориализировал»³⁵.

В осуществлении идеи национализации земли в дореволюционной России были кровно заинтересованы пролетариат и крестьянство, несшее на своих плечах бремя феодальных пережитков.

Русская буржуазия была не способна на такое революционное мероприятие, как национализация земли, ибо она уже обзавелась землей и была контрреволюционна.

Добиться осуществления национализации земли крестьяне могли только под руководством пролетариата. Поэтому Ленин связывал осуществление национализации земли с революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, с доведением до конца буржуазно-демократической революции. Национализация земли в условиях победы буржуазно-демократической революции должна была явиться, по словам Ленина, естественным и необходимым шагом вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм, — другими словами, шагом по пути перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Национализация земли в СССР была осуществлена пролетарской социалистической революцией.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. II, стр. 39.

Но в этих условиях она явилась не только доведением до конца задач буржуазно-демократической революции, но и шагом к социализму, мероприятием, расчистившим путь для коллективизации мелкого крестьянского хозяйства.

Марксистско-ленинская теория земельной ренты является теоретическим обоснованием политики коммунистических и рабочих партий по аграрному вопросу. Борьба за эту программу имеет важнейшее значение для осуществления союза рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса, для освобождения трудящихся от ига капитала.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ

ВЕЛИКИЙ ПРОВИДЕЦ¹

Ленин захватил целиком мое воображение и увлек на путь революционной борьбы своей глубоко принципиальной интернационалистической позицией во время первой мировой войны.

Война разразилась в августе 1914 г. и вызвала полную переоценку ценностей со стороны всех социалистических партий, которые еще накануне клялись интернационалистическими лозунгами. Вопреки решениям Базельского (1912 г.) и более ранних конгрессов II Интернационала, подавляющее большинство социалистов стали на сторону своих буржуазных правительств и объявили империалистическую войну священной. Шовинистический угар охватил и те слои русского общества, которые до войны были в оппозиции к царскому режиму: в стенах высших учебных заведений раздавались звуки царского гимна, патриотической доблестью стала считаться измена знамени интернационализма. Люди усиленно жгли то, чему еще вчера поклонялись...

В такой обстановке всеобщей измены и предательства социалистических партий раздался из-за рубежа голос Ленина, призывавший объявить «войну войне». С какой страстью и непоколебимой уверенностью в правоте своего дела он призывал пролетариат, трудящиеся массы, рабочих и крестьян, одетых в серые шинели, повернуть оружие против внутренних врагов, превратить империалистическую войну в гражданскую. Как глубоко надо было понимать смысл совершающихся событий, чтобы за всей этой шовинистической шумихой первых лет войны разглядеть объективную основу неизбежности назревающей социалистической революции! Ленин был убежден в близости великой революции и с неукротимой энергией готовил к ней рабочий класс.

«Нас, — говорил он в январе 1917 г., — не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистической войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы — буржуазия, их приказчики — правительства, все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода»².

¹ «Наш Ильич». М., изд-во «Московский рабочий», 1960, стр. 9—16.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 327.

Эти слова звучат теперь как пророчество.

Можно себе представить, с каким трепетом и волнением мы ожидали всякой весточки от Ленина из Швейцарии, отделенной от России многочисленными фронтами и государственными границами. Но через все фронты и границы ленинское слово доходило до нашего партийного подполья. Мы получали время от времени напечатанные на очень тонкой бумаге, чуть ли не папиросной, газету «Социал-демократ», брошюры Ленина и воззвания против войны.

Связь с заграничным центром большевиков мы поддерживали через сестру Ленина — Марию Ильиничну Ульянову. Трудно назвать более скромного, стойкого и преданного делу Ленина большевика. А каким она была строгим конспиратором! Мария Ильинична во время войны работала в отделе беженцев Земско-городского союза в качестве делопроизводителя Бюро по розыску грузов беженцев. Я и несколько замоскворецких товарищей-большевиков в то время тоже работали в отделе беженцев. Мы каждый день имели возможность встречаться и видаться с Марией Ильиничной. Но не было случая, чтобы она на работе передала кому-либо из нас нелегальную листовку, или газету, или брошюру. Она посвящала нас, в то время молодых большевиков, в тайны конспирации лишь в той мере, в какой это было абсолютно необходимо для дела. И мы обычно старались не касаться вопросов, связанных с конспирацией.

Помню, для передачи нелегальной литературы Мария Ильинична назначала мне свидание в районе Красной Пресни в помещении Гоголевской библиотеки. Там, в отдельных комнатах, заставленных книжными полками, она вручала мне те самые нелегальные издания, полученные от Ленина, которые потом передавались из рук в руки, от одних подпольщиков к другим, зачитывались до дыр, перепечатывались и размножались. Только благодаря строжайшей конспирации сохранялись связи Марии Ильиничны с Лениным и возглавляемым им заграничным центром большевиков.

Недремлющее око царской охраны зорко следило за Марией Ильиничной. Вспоминается летний вечер. Только что окончилась работа в отделе беженцев. Я спешу на Рождественский бульвар, где назначено свидание с рабочим-подпольщиком Комаровым. Бродим по бульвару и разговариваем. Он все время переводит разговор на наши связи с заграничным центром, проявляет чрезмерное любопытство к технике получения литературы из-за границы и старается выяснить роль Марии Ильиничны в этом деле. Разумеется, такое чрезмерное любопытство сразу возбуждает подозрение, и, следуя примеру Марии Ильиничны, я ничего не сообщая из того немногого, что мне известно по этим вопросам. После революции Комаров был разоблачен как провокатор.

В середине 1916 г. Мария Ильинична уехала в Петроград, а я был переведен на ее место — делопроизводителем Бюро по

розыску грузов беженцев. После отъезда я получил от нее несколько открыток, где она сообщала о своем адресе и самые общие сведения о жизни в Петрограде.

Так в период мировой войны идеи Ленина проникали к нам, несмотря на все препятствия и строгости военного времени, и воодушевляли на борьбу за пролетарскую революцию.

Мне, как и многим его современникам, удалось много раз видеть и слышать В. И. Ленина. Я остановлюсь лишь на двух эпизодах, особенно запечатлевшихся в моей памяти.

Это прежде всего вечер, организованный Московским Комитетом РКП (большевиков) в связи с 50-летием В. И. Ленина.

Представление о любом собрании, организуемом в наши дни по поводу юбилея научного работника или общественного деятеля, связано с созданием оргкомитета по празднованию, рассылкой заранее многочисленных приглашений во все концы страны, обилием приветственных речей, традиционных папок, телеграмм и т. д.

Каким скромным покажется по сравнению с этими, ставшими традиционными, собраниями вечер, посвященный 50-летию Ленина в 1920 г.!

В зале Московского Комитета на Большой Дмитровке³ собрались члены ЦК, МК и московский партийный актив.

Вечер открыл секретарь МК Мясников. Выступили: Горький, Луначарский, Ольминский и др. Мне особенно запомнилось выступление Алексея Максимовича Горького. Оно отличалось какой-то особой искренностью, задушевностью и образностью. Горький в своем выступлении нарисовал образ Ленина как гиганта, который держит в руках рычаг и поворачивает нашу планету на революционный путь. Луначарский назвал Ленина человеком, отражающим в самом существе своем все черты коммунизма, огромное сердце и тончайший ум с массой знаний. Только пролетариат, говорил он, мог выдвинуть такого вождя, ибо все черты могущественного творчества революционной борьбы до конца во имя великих идеалов, которые составляют внутреннюю сущность пролетариата, выражены наиболее ярко в этой фигуре.

В выступлениях отмечалось, что Ленин был глубоко принципиальным человеком, провидцем, обладавшим замечательной способностью научного предвидения, опирающейся на глубокое знание законов общественного развития. На этой незыблемой основе покоилась его глубокая вера в пролетарскую революцию. Поэтому, когда нужно, он не боялся идти против течения и со страстью революционера-большевика боролся против всех видов оппортунизма и соглашательства. Так было, например, во время первой мировой войны.

Все выступавшие отмечали в то же время, что Ленин, этот гений пролетарской революции, гигант революционной мысли и

³ Ныне Пушкинская улица.

действия в то же время был чрезвычайно простым, скромным, душевным, отзывчивым человеком, проявлявшим большую заботу о людях и умевшим так заразительно смеяться, как никто.

Ольминский в своем слове, под громкие аплодисменты всего собрания, отметил большую роль Надежды Константиновны Крупской в жизни и революционной борьбе Владимира Ильича Ленина.

Кончились речи. Вдруг на сцену быстрой походкой вошел Ленин. Раздалась буря аплодисментов. Смущенный вид Владимира Ильича, стремление скорее прекратить овации говорили о том, что менее всего он думал о торжественности момента и поскорее хотел перевести заседание на деловые рельсы. В этом сказалась чрезвычайная скромность Ленина, которая составляла важнейшую черту его характера.

Свое выступление он начал с выражения благодарности за то, что его освободили от выслушивания юбилейных речей, передал товарищам, сидевшим в президиуме, полученную им по случаю юбилея карикатуру. Далее он перешел к тому, что блестящие победы, одержанные пролетарской революцией, не должны поставить нас в положение зазнавшейся партии. Нам предстоит, говорил он, решить задачи, составляющие сущность социалистического переворота, которые отодвигались вследствие необходимости решать военные задачи, и в заключение вновь предупредил об опасности зазнайства.

Вскоре после этого мне пришлось увидеть Ленина на митинге в Замоскворецком районе 1 Мая 1920 г. Я был там ответственным представителем Замоскворецкого райкома РКП (большевиков). Митинг был назначен в аудитории нынешнего Плехановского института. В этот день, утром, Ленин участвовал в первомайском субботнике в Кремле.

С волнением мы ждали приезда Ленина. Переполненная аудитория гудела, как громадный человеческий улей. А Ленин все не ехал. Прошло уже много времени, держать аудиторию в таком состоянии дольше было невозможно, и, посоветовавшись с товарищами, мы решили начать концерт.

Вскоре после этого приехал Ленин с Марией Ильиничной. Я извинился перед Владимиром Ильичем, что мы, не дождавшись его приезда, начали концерт, и предложил прервать концерт и провести митинг. Ленин категорически запротестовал. Он говорил, что это в высшей степени неудобно, виноват он, что опоздал, и отказался выступать, пока не наступит антракт. Все мои доводы разбивались о непреклонную решимость Ленина не прерывать концерта. Я вынужден был отвести Ленина и Марию Ильиничну в соседнюю аудиторию, дав негласное указание, чтобы поскорее устроили антракт.

Владимир Ильич сразу начал меня с пристрастием допрашивать о положении дел в районе, особенно он интересовался вопросом о том, как прошел в районе первомайский субботник. Я ста-

рался по мере возможности удовлетворить любознательность Владимира Ильича. Должен сознаться, что это было нелегко. Ленин умел ставить вопросы и требовал ясных и конкретных ответов. Он делал на основе ознакомления с работой партийных и советских организаций на местах, на фабриках и заводах, очень важные выводы и обобщения, которые широко использовал в руководстве партией и молодым Советским государством.

Беседа продолжалась минут тридцать. Я сказал Владимиру Ильичу, что заканчивается первая часть концерта и ему следует выступить с речью еще до того, как будет объявлен антракт. Тем более что аудитория с нетерпением жаждет услышать его речь. Но я опять натолкнулся на решительный отказ. Ленин соглашался выступить только после антракта.

Но вот антракт окончен, и я объявляю, что слово предоставляется Владимиру Ильичу. В аудитории показался Ленин. Его встретили бурными, долго не смолкающими аплодисментами.

Я много раз наблюдал за Лениным при подобных встречах, и мне всегда казалось, что такое выражение любви и преданности к своему вождю со стороны рабочих как-то смущало Ленина, и он все усилия направлял на то, чтобы остановить эту мощную волну приветствий по его адресу, поднимал руку, указывая на часы, и т. д.

Но вот взволнованное людское море успокоилось, овации стихли. Ленин начал говорить. В моей памяти стерлись подробности этой речи, а опубликована она не была, и я не помню, велась ли ее запись.

Вспоминаю только, что, как всегда, Ленин коснулся наиболее актуальных вопросов внутреннего и международного положения того периода. В то время его увлекала идея субботников как зародышей коммунистического труда. Поэтому, естественно, он остановился на Всероссийском субботнике-маевке, проведенном в этот день, показал его огромное принципиальное и перспективное значение с точки зрения воспитания коммунистического отношения к труду, борьбы со старым представлением о труде как тяжелой повинности, сложившимся в условиях капиталистической эксплуатации.

Далее Ленин остановился на международном положении и, в частности, на широком наступлении, которое панская Польша начала в то время по всему фронту при поддержке Антанты. Он подчеркнул, что Советская Россия ни в малейшей степени не угрожает независимости Польши, что эта война начата правительством против воли польских рабочих, и призвал подняться всех как один на защиту Советской России и Украины от польских захватчиков.

Речь Ленина была прослушана с огромным вниманием и не раз прерывалась бурными аплодисментами.

Я часто задавал себе вопрос, чем Ленин покорял аудиторию, почему его так любили слушать рабочие, красноармейцы, кре-

стьяне, почему ленинское слово не только убеждало слушателей, действовало на них своей неотразимой логикой, но всегда затрагивало и какие-то струны их сердец.

Все, кому довелось жить и бороться в первые годы революции, помнят, что это были годы митингов, какого-то словесного наводнения. Сколько разнообразных ораторов прошло перед нами, сколько представителей различных партий! Но Ленина отличало от всех самых блестящих ораторов то, что ему совершенно чуждо было стремление к красному словцу, к внешним эффектам, к демагогическим приемам. Он никогда не пытался подделаться под настроение отсталых масс или сыграть на их чувствах.

Ленин всю силу несокрушимой логики своего ума, всю страсть своего сердца подчинял задаче убедить слушателей в правоте отстаиваемых им идей. Он старался свои идеи обосновать с разных точек зрения, при помощи логических и фактических доказательств, прибегал к ярким и убедительным примерам, историческим сравнениям. Он говорил с массами простым, ясным, доходчивым языком. Его речь всегда дышала искренностью, исходила из глубин его души. Слушатели чувствовали, что он сам глубоко верит в те идеи, служению которым отдает всего себя, и поэтому, естественно, старается сделать слушателей убежденными сторонниками и проводниками этих идей. В этом, мне кажется, был секрет ораторского искусства Владимира Ильича и его исключительного влияния на массы. Поэтому в большинстве случаев каждый труженик уходил после его речи с таким настроением, что ему многое стало ясно и понятно в чрезвычайно сложных общественных классовых отношениях внутри страны и на мировой арене.

Хочется, чтобы все, кто не имел счастья слышать Ленина, в особенности молодежь, из этих отрывочных воспоминаний составили себе хотя бы маленькое представление о некоторых чертах этого большого человека — гения нашей эпохи.

ИДЕИ ЛЕНИНА ЖИВУТ И ПОБЕЖДАЮТ¹

Мы стоим на верном пути, который приведет нас к полной победе социализма.

В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)

Имя Ленина неразрывно связано с самым могучим и неодолимым движением современности, движением за освобождение трудящихся и угнетенных народов, за перестройку мира на началах научного коммунизма.

Идеолог и основатель Коммунистической партии Советского Союза, вдохновитель и организатор Великой Октябрьской социалистической революции, создатель первого в мире социалистического государства, вождь мирового революционного и национально-освободительного движения — таким вошел Ленин в историю XX столетия.

И несмотря на то что человечество все дальше и дальше уходит от того времени, когда идеи и дела Ильича начали овладевать умами и сердцами людей, образ его не меркнет, а, наоборот, все ярче и ярче встает перед нами.

Нет в современном мире более близкого и дорогого имени для трудящихся масс и всего прогрессивного человечества, чем имя Владимира Ильича Ленина. Всю жизнь Ленин был тесно связан с народом. Но особенно крепкие нити связали вождя с рабочим классом и трудящимися Москвы.

11 марта 1918 г. Совнарком во главе с Лениным переехал в Москву, которая стала столицей первого в мире социалистического государства. В Москве Ильич провел последние шесть лет жизни. Эти годы были наполнены величайшими событиями в истории нашей Родины.

На Советское государство обрушились голод, холод, хозяйственная разруха, внутренняя и внешняя контрреволюция. Молодому, не окрепшему еще государству угрожала смертельная опасность.

На партию большевиков и ее вождя историей было возложено решение задач неимоверной тяжести. Но Владимир Ильич ясно

¹ «По заветам вождя». М., изд-во «Московский рабочий», 1970 (последняя статья, написанная за две недели до кончины).

видел, какие огромные творческие силы и возможности дала нашему народу Октябрьская революция, Советский государственный и общественный строй.

Всегда, в течение всей своей революционной деятельности при решении сложных и трудных вопросов Ленин опирался на массы партийцев, революционных рабочих и беднейших крестьян. Он внимательно и глубоко изучал социальные процессы, происходящие среди рабочего класса и крестьянства, и в соответствии с этим строил стратегию и тактику революционной борьбы с жестоким и злобным врагом — мировым империализмом и с внутренней контрреволюцией.

Со дня приезда Советского правительства в Москву Ленин в первую очередь обращался к московским рабочим и всем трудящимся новой столицы Советской России, советовался с ними, прислушиваясь к ним, изучал их настроение.

Уже на другой день, 12 марта 1918 г., Ленин выступил на заседании Московского Совета и в Алексеевском манеже по текущему моменту. И в дальнейшем выступления Ильича на заводах и фабриках Москвы стали правилом, которое им строго соблюдалось. Эти выступления происходили обычно по пятницам.

Даже в тот день, когда был убит в Петрограде Урицкий и Московский Комитет обратился к Ильичу с просьбой не выступать, Ленин ответил: «Положение в стране серьезное, задачи стоят сложные, решать их надо вместе с массами и советоваться с массами». В. И. Ленин со всей прямоотой и искренностью говорил трудящимся о тяжелом внутреннем и международном положении молодой республики. Его выступления мобилизовывали массы на смелую и решительную борьбу с врагами, на преодоление голода и разрухи.

Все, кому довелось слушать Ильича в те тяжелые дни становления Страны Советов, обретали прилив сил и твердую веру в неминуемую победу социализма над капитализмом.

Еще шла гражданская война, еще враги за рубежом разрабатывали различные планы уничтожения Страны Советов, а мысль Ленина уже неустанно работала над тем, как перестроить экономику отсталой России на началах социализма, как приступить к созданию фундамента социалистических отношений.

Строительство социализма для нашей партии было делом новым, не имевшим примера в мировой практике. Каким путем идти вперед, чтобы отсталую Россию сделать передовой социалистической державой?

Весной 1918 г., сразу после заключения Брестского мира, Ленин выступает со своей замечательной работой «Очередные задачи Советской власти». Эта работа явилась своего рода программой приступа к социалистическому строительству. В ней ставится вопрос о восстановлении промышленности как фундамента социализма, о переходе от красногвардейской, лобовой атаки на капитал к учету и контролю над производством.

Это был единственно верный путь, указанный Лениным, — путь социалистической индустриализации страны. Только высоко-развитое производство, подчеркивал он, способно облегчить труд рабочих и крестьян, создать изобилие материальных благ. И только то строительство может заслужить название социалистического, которое будет осуществляться по крупному общему плану, при равномерном использовании экономических и хозяйственных ценностей.

По инициативе и под непосредственным руководством В. И. Ленина был разработан единый план, основу которого составляла электрификация страны. Ленин придавал исключительное значение электрификации в деле социалистической перестройки народного хозяйства и называл план ГОЭЛРО второй программой партии.

Те, кому довелось быть на VIII съезде Советов, не забудут того волнения, которое охватило всех присутствующих, когда они увидели карту с намеченными на ней точками будущих электростанций. Перед советским народом была поставлена поистине гигантская задача, которая поразила даже таких выдающихся людей западного мира, одаренных богатой фантазией, как Г. Уэллс.

Глубоко прав был Ильич, хорошо понимавший психологию народа, пришедшего впервые в истории к власти. Он предсказывал, что увлекательная перспектива, открываемая планом ГОЭЛРО, воодушевит строителей нового мира и сыграет огромную мобилизующую роль, послужит могучим стимулом выхода отсталого, полуразрушенного хозяйства на путь технического и социального прогресса.

В письме к Г. М. Кржижановскому В. И. Ленин писал, что государственный план — это задание пролетариату. Он должен увлечь массы «ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой. . .»²

Указание Владимира Ильича о том, что единственной материальной основой социализма может быть крупная промышленность, созданная по последнему слову науки и техники, партия точно и последовательно проводила и проводит в жизнь.

Индустриализация, развернувшаяся в нашей стране еще в годы первых пятилеток, была гигантской битвой советского народа за социализм. Она создала прочный фундамент для развития всех отраслей народного хозяйства и подъема благосостояния трудящихся, вывела нашу Родину на передовые рубежи научно-технического прогресса.

Неоднократно в своих устных и письменных выступлениях Ленин призывал к повышению производительности труда как решающему условию победы нового общественного строя над старым,

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 62.

капиталистическим. В связи с этим он требовал установления строгой дисциплины на производстве — неперемennого условия развития крупной промышленности, перешедшей в руки народа.

Вместе с тем Ленин уже в названной выше работе ставит вопрос и о социалистическом соревновании как новой движущей силе социалистического производства, освобожденного от эксплуатации капиталистов. Эта программа, открывавшая перспективу выхода из разрухи на путь социалистического возрождения страны, вызвала широкий отклик трудящихся.

В. И. Ленин всегда верил в силу, которую обрели трудящиеся массы, став хозяевами страны. Уже в те годы он усмотрел ростки коммунистического сознания, проявленные рабочими Москвы, которые взялись с энтузиазмом налаживать работу своих предприятий.

В том, что при социализме народ впервые будет работать на себя, на свое общество, а не на эксплуататоров, Ленин видел важный стимул подъема социалистического производства. И поэтому высоко оценил первый субботник на Казанской железной дороге 10 мая 1919 г., охарактеризовав его в работе «Великий почин» как пример коммунистического отношения к труду. Дав теоретический анализ этому почину, рожденному революционной энергией масс, Ильич указал на широкие перспективы, открывающиеся перед нами в социалистическом строительстве.

День 1 Мая 1920 г. был отмечен в стране организацией Всероссийского субботника, в котором Ленин принял непосредственное участие. В этот день он выступил в ряде районов Москвы. С большим интересом выслушивал сообщения о том, как проходят субботники в том или ином районе столицы.

Приехал в этот день Владимир Ильич и в Замоскворецкий район. Надо было видеть, с каким воодушевлением встретили его рабочие и коммунисты Замоскворечья. Слушая Ленина, его высокую оценку работы всех участников Всероссийского субботника, мы чувствовали, как среди нас утверждается вера в то великое и большое дело, участниками которого, по его словам, являлся каждый из нас.

Нам становилось понятнее всемирно-историческое значение коммунистических субботников. Слушая ясную речь Ильича, мы понимали, что новый строй должен создать более высокую производительность труда, чем капиталистический строй, и что производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общества.

Именно в сочетании коммунистического отношения к труду с материальной заинтересованностью в работе и хозяйственным расчетом Ленин видел залог наивысшей производительности труда и непрерывного роста всего общественного производства.

Но индустриализация была не единственной экономической проблемой социализма в нашей стране. Нужно было покончить с вековой отсталостью крестьянства, создать прочную экономиче-

скую основу социализма в деревне. А для этого требовалось осуществить глубочайшие социалистические преобразования в сельском хозяйстве.

И они были осуществлены на основе ленинского кооперативного плана. Полувековой опыт социализма в нашей стране подтвердил правильность ленинской политики создания крупной социалистической индустрии и социалистического переустройства сельского хозяйства.

Сложным и трудным оказался переход от войны к мирному социалистическому строительству. Против ленинского плана приступа к построению социализма выступили многие оппозиционные группы и группки во главе с троцкистами. В частности, на Московской губернской партийной конференции в ноябре 1920 г. с резкой критикой ленинского плана выступили «рабочая оппозиция» и так называемая группа «демократического централизма». Некоторая часть делегатов конференции поддерживала их. Вместо серьезного марксистского анализа сложившейся обстановки и объективных условий, вызвавших необходимость применения методов военного коммунизма, объединившиеся оппозиционные группы направили свои усилия на дискредитацию руководства Московского Комитета, на раздувание отдельных ошибок и недостатков его работы.

В. И. Ленин, глубоко разобравшись в обстановке, пришел на помощь Московской партийной организации. В выступлении на конференции он осудил платформу оппозиционеров, призывавших к «свободе критики» ради критики. Он указал Московской организации РКП(б) на необходимость дружной и слаженной работы, так как надо было «...приняться за настоящее хозяйственное строительство, за переделку всей партийной работы, чтобы она руководила советским хозяйственным строительством и практическими успехами, пропагандировала бы больше делом, чем словами»³, ибо теперь убедить рабочих и крестьян можно только примером.

Часто с этими, а также с другими вопросами, касающимися различных аспектов жизни и работы партии, В. И. Ленин выступал на московском и районных активах, собраниях рабочих.

Неоценимую услугу партии и Московской организации оказал Ленин, активно выступивший против троцкистской платформы о профсоюзах и платформы «рабочей оппозиции», сосредоточив внимание партии на роли профсоюзов как школы коммунизма. Эти дискуссии отражали в известной мере назревшую потребность перехода от политики военного коммунизма к новой экономической политике (нэп).

Гений Ленина, его способность глубоко анализировать происходящие социальные процессы и делать на этой основе широкие теоретические обобщения, намечать перспективы и пути дальней-

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 37.

шего развития особенно ярко проявились в научном обосновании и проведении новой экономической политики.

Последние годы жизни В. И. Ленина поражают исключительной плодотворностью, несмотря на то, что это время является периодом его тяжелого заболевания. Но как только наступало облегчение в ходе болезни, он снова и снова возвращался к мыслям о путях социалистического преобразования Республики Советов.

Именно тогда Ленин вооружил партию теорией построения социализма, разработал основные принципы и методы руководства социалистической экономикой, жизненность которых была доказана всем последующим развитием Советского Союза и других социалистических стран.

В последних работах В. И. Ленин творчески развил марксизм, разработал новые, не имевшие прецедента в прошлом пути к социализму.

Разрабатывая план строительства социализма, Ленин учил партию строжайшему учету своеобразия условий, в которых приходится применять те или иные тактические шаги в развитии экономики и политики страны, умению быть гибкими, не бояться признавать и исправлять ошибки, неизбежные в таком небывалом строительстве.

Им были разработаны методы руководства социалистическим хозяйством на основе принципа демократического централизма, сочетания централизованного планирования с предоставлением необходимой самостоятельности и инициативы предприятиям и их коллективам, с использованием товарно-денежных категорий.

Ленинский принцип строительства нового общества основывался «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете»⁴, он выдержал испытание временем и находится в настоящее время на вооружении строителей коммунизма в СССР.

Перестройка экономических и общественных отношений на началах социализма означает и перестройку ее на подлинно научной основе. Социализм и наука неотделимы. Ленин с первых дней существования Советской власти уделял большое внимание привлечению ученых к делу социалистического строительства. Он был убежден, что когда ученые поймут, что новый строй открывает самые широкие и увлекательные перспективы развития науки и ее применение в интересах народа, то они станут в ряды активных участников строительства новой жизни. То же самое относится к инженерам и другим специалистам различных отраслей народного хозяйства и культуры.

В. И. Ленин сам с большим вниманием и заботой относился к ученым и давал указания наркому просвещения А. В. Луначар-

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 151.

скому проводить гибкую политику, стремиться заинтересовать ученых и специалистов, увлечь их программой научных исследований, необходимых для подъема хозяйства и культуры. Он сам пишет «Набросок плана научно-технических работ», в котором предусматривает непосредственное участие Академии наук в его осуществлении.

Ленинский подход к ученым и специалистам полностью оправдался. Предубежденность и даже враждебное отношение к Советской власти со стороны части высококвалифицированных представителей старой интеллигенции были преодолены. Академия наук включилась в разработку ряда народнохозяйственных проблем. Многие ученые и инженеры приняли активное участие в разработке знаменитого плана электрификации страны.

Вместе с тем после победы Октябрьской революции перед Советской властью встала огромной важности задача пропаганды марксизма, внедрения метода материалистической диалектики во все отрасли знания. Возникла острая потребность в подготовке кадров новой, советской интеллигенции из среды рабочих и крестьян, свободной от пережитков и предрассудков идеалистического мировоззрения, способной решать вставшие перед молодой республикой сложные проблемы с позиций марксизма.

Научные кадры марксистов были объединены вокруг организованной в 1918 г. по предложению Ленина Социалистической академии, которая впоследствии была преобразована в Коммунистическую. Академия сыграла большую роль в применении марксистского метода в области общественных наук и естествознания, а также в подготовке марксистских научных кадров.

Подписанный Лениным декрет о свободном приеме в вузы рабочих и крестьян вызвал необходимость создания рабочих факультетов. Это широко распахнуло двери высшей школы перед представителями из народа. Все это — важные звенья той культурной революции, вдохновителем и провозвестником которой явился Владимир Ильич Ленин.

Свою научно обоснованную убежденность в конечном торжестве социализма и коммунизма Ленин связывал с воспитанием молодежи в духе научного коммунизма. Его речь на III съезде Коммунистического Союза Молодежи стала программным документом, определившим пути развития и задачи, стоящие перед молодым поколением страны — достойной сменой ветеранов партии.

«Вы должны построить коммунистическое общество»⁵, — обратился Ильич к присутствующим на съезде, и слова его прозвучали наказом для всей молодежи страны.

В последний раз Москва слушала своего вождя хмурым ноябрьским днем 1922 г. В Большом театре работал пленум Московского Совета. С радостью и волнением слушали депутаты

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 308.

Ильича. В его речи прозвучала непоколебимая уверенность в том, что усилиями советского народа страна наша покончит с вековой экономической отсталостью, станет могучей индустриальной державой с крупным, технически оснащенным сельским хозяйством, с передовой наукой и культурой.

Закончил он свою речь известными теперь уже всем словами: «...из России неповской будет Россия социалистическая»⁶.

Безгранична любовь трудящихся к Владимиру Ильичу Ленину, жизнь которого стала образцом служения партии и народу, борьбы за его освобождение, процветание и счастье. Глубокая вера народа в своего вождя, в его предначертания, устремленные в будущее, помогла отстоять в борьбе с врагами нашего государства и партии великий ленинский план создания светлого будущего.

Вспоминаются дни далекого 1923 года. В апреле собрался XII съезд партии. Из-за болезни Ленин не смог быть на заседании. Вопросы, стоящие на съезде, в тот момент для нашего государства были, пожалуй, самыми острыми: о подъеме промышленности. И опять, в который раз, подняли голову троцкисты, стараясь протащить свои идейки свертывания тяжелой индустрии, закрытия крупных заводов. Но, вооруженная твердыми ленинскими установками, партия выдержала бой. В резолюции съезда было записано, что партия направит все усилия на подъем промышленности, и прежде всего тяжелой, «которая одна только может явиться прочным фундаментом действительно социалистического строительства»⁷.

Съезд приходили приветствовать делегации московских рабочих. Они выражали свое полное одобрение решениям съезда, приносили подарки. Делегация завода «Динамо» преподнесла портрет Ильича и Красное знамя. Приветствуя съезд и передавая знамя, рабочие выразили пожелания всех трудящихся столицы:

— Держите его выше. Изучайте труды Ильича и продолжайте начатое им дело до конца!

Партия пошла по пути, указанному вождем, и под ее руководством советский народ действительно преобразил страну. Научной основой социалистического преобразования общества явились программные предначертания В. И. Ленина. Коммунистическая партия и Советское государство, теоретически развивая учение вождя, построили социализм и успешно идут дальше вперед, создавая материально-техническую базу коммунизма.

Наше поколение помнит первые шаги преобразования общества. И мы являемся живыми свидетелями того, что предвидения Ленина оправдались. Уже давным-давно наша страна пересела с лошади единоличной, крестьянской, мужицкой, обнищалой

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 309.

⁷ «КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. Госполитиздат, 1954, стр. 682.

на коллективный трактор крупной машинной индустрии, электрификации, о чем мечтал Ленин.

На передовые рубежи вышла советская наука, и теперь она удивляет мир своими достижениями в области мирного использования атомной энергии, завоевания космоса и др. Велики достигнутые успехи в повышении материального уровня и роста культуры трудящихся в нашей стране. В Советском Союзе осуществлена сплошная грамотность, многомиллионная интеллигенция является гордостью народа.

На земном шаре возникла мировая система социализма, которая развивается по пути, predetermined Лениным, и успешно соревнуется с капиталистическим миром. Советский Союз превратился в великую силу, активно воздействующую на международную обстановку, с которой империализм не может не считаться.

На развалинах колоний за последние годы возникли самостоятельные национальные государства, многие из которых идут по пути некапиталистического развития.

Чем далее неудержимый ход истории уносит нас от знаменательной победы Октябрьской революции, тем с большей яркостью раскрывается перед нами величие и всемирно-историческое значение подвига, совершенного в Октябре 1917 г. рабочими, солдатами и крестьянами под водительством Коммунистической партии и ее бессмертного вождя В. И. Ленина.

Имя Ленина стало символом пролетарских революций, социализма и прогресса, символом коммунистического преобразования мира.

В борьбе за победу коммунизма мы постоянно черпаем силы и вдохновение в ленинских идеях, в его бессмертных трудах.

Нет ничего более возвышенного и благородного, чем следовать Ленину, самоотверженно бороться за претворение в жизнь его заветов.

Хочется еще раз повторить слова из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина»: «Имя Владимира Ильича Ленина бессмертно, как бессмертны его идеи, бессмертны дела, которые он совершил. Всю свою жизнь посвятил он благородному делу служения пролетариату, трудящимся массам, революционному обновлению мира».

ПАМЯТИ В. И. ЛЕНИНА¹

Дорогие товарищи, друзья!

Есть нечто символическое в том, что мы открываем памятник Владимиру Ильичу Ленину в Московском Кремле, на древних башнях которого Великий Октябрь зажег красные звезды.

Воздвигнутый по решению Центрального Комитета партии и Советского правительства, по велению большого сердца нашего народа, всегда будет стоять этот памятник в самом центре Советской страны как проявление огромной людской любви к самому великому человеку Земли.

Ленин, его учение всегда были для нас, коммунистов, верным политическим компасом, нашей совестью, нашей путеводной звездой.

Несгибаемый революционер, гениальный мыслитель, Владимир Ильич Ленин всегда видел за множеством событий и фактов основные стержневые направления, по которым шагала история. На каждом крутом ее повороте ленинский ум вооружал нашу партию научной программой действия.

Нужно было обладать поистине ленинской прозорливостью, чтобы еще в 1912 г., накануне кровавой мировой бойни, сделать гениальный вывод о близости неминуемого торжества социализма.

Ленинские прогнозы оправдались. Его гениальные предначертания и планы претворились в Октябрьскую революцию, в построенный в нашей стране социализм.

Ленин — великий созидатель, творец нового мира, человек неиссякаемой энергии — поражал всех своей колоссальной работоспособностью.

Огромная загруженность в Совнарком и Центральном Комитете партии, всеобъемлющая работа по руководству страной, борьба против внутренних и внешних врагов Советского государства, встречи с народными ходоками, депутатская деятельность в Московском Совете, хлеб, топливо, транспорт — все было в поле зрения Ленина.

Все, кому довелось знать Ильича, помнят, с каким жадным интересом он расспрашивал о настроении рабочих, о фабриках и

¹ Речь на открытии памятника В. И. Ленину в Кремле. — «Правда», 3 ноября 1967 г.

заводах, о партийной работе в районах. Ленин всегда проникал в глубину явлений и процессов.

В последнем своем выступлении перед трудящимися — на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. — Ленин произнес пророческие слова «Из России неповской будет Россия социалистическая».

И наша Родина стала передовой могучей социалистической державой.

Сегодня советский народ — пионер общественного прогресса. Он первым на Земле, ведомый ленинской партией, успешно строит коммунизм.

Все мы видим, как наша партия, ее Центральный Комитет по-ленински руководят всей жизнью нашего общества.

Поистине революционные преобразования в области промышленности и сельского хозяйства, которые осуществляются на основе решений XXIII съезда партии и Пленумов ЦК КПСС, позволяют еще полнее использовать огромные преимущества социалистической системы хозяйства, обеспечивать неуклонный рост материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Ленинское идейное наследие — это не только достояние нашей партии, нашего народа. Оно принадлежит всему человечеству.

У Ленина ищут и находят ответы на важнейшие вопросы строители нового общества в социалистических странах, ленинские идеи вдохновляют борцов за дело рабочего класса в капиталистических государствах, идеи Ленина, идеи социализма являются путеводной звездой в борьбе народов за национальное и социальное освобождение.

Мы, ветераны, гордимся тем, что Коммунистическая партия, ее ленинский Центральный Комитет как зеницу ока берегут чистоту марксистско-ленинского учения, творчески развивают его применительно к современным условиям.

Советский народ по праву называет нашу партию ленинской. В ней он видит своего испытанного вождя, с партией он навсегда связал свою жизнь, свою судьбу.

Идут годы. На смену ветеранам революции приходят новые поколения. И нам радостно, что они живут по ленинским заветам, вместе со старшим поколением претворяют их в жизнь, несут в своих сердцах твердую ленинскую веру в светлое коммунистическое будущее всех народов нашей планеты.

- 1927** Воспоминания «столовца». — В кн. Красное Замоскворечье. Сборник революционных воспоминаний ко дню 10-летия Октябрьской революции. М., Замоскворец. райком ВКП(б) и Замоскворец. Сов. раб. и кр. деп., 1927, с. 41—55.
Ред.: Красное Замоскворечье. Сборник революционных воспоминаний ко дню 10-летия Октябрьской революции. М., Замоскворец. райком ВКП(б) и Замоскворец. Сов. раб. и кр. деп., 1927, 179.
Введение. — Здесь же, с. 6—10.
- 1928** Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.—Л., Госиздат, 1928, 413 с. [Совместно с И. А. Лапидусом].
То же. Изд. 2, стереотип. М.—Л., Госиздат, 1928, 413 с.
То же. Изд. 3, перераб. М.—Л., Госиздат, 1928, 491 с.
- 1929** Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. Изд. 4, стереотип. М.—Л., Госиздат, 1929, 491 с. [Совместно с И. А. Лапидусом].
То же. [London]; Lawrence, 1929, 546 p. На английском языке.
То же. Paris, Ed. Soc. Inter., 1929, 468 p. [Bibl. marx., № 8]. На французском языке.
К вопросу о земельной ренте в советском хозяйстве. М.—Л., Госиздат, 1929, 128 с. Литература в конце глав.
Итоги III съезда научных работников. — Научн. работник, 1929, № 4, с. 21—31.
О перспективах и методах дальнейшей работы Секции научных работников. (К итогам II пленума Центрального совета Секции). — Научн. работник, 1929, № 7—8, с. 3—10.
Задачи нового учебного года и уроки перевыборов [в высшей школе]. — Научн. работник, 1929, № 9, с. 3—7.
Подготовка кадров и научные работники. — Научн. работник, 1929, № 10, с. 3—8.
Как выполняются решения Июльского пленума в Азербайджане. — Научн. работник, 1929, № 11, с. 73—82.
Ноябрьский пленум о подготовке кадров и научные работники. — Научн. работник, 1929, № 12, с. 3—7.
Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. [Выступление на диспуте в Институте красной профессуры]. — Пробл. экон., 1929, № 4—5, с. 231—232.
Выступление по докладу В. Н. Познякова «Категория рыночной ценности и ее место в экономической системе Маркса». — Пробл. экон., 1929, № 6, с. 163—164.

Письмо в редакцию «Правды» о дискуссии [по вопросам теоретической экономики]. — Пробл. экон., 1929, 10—11, с. 236—239. [Совместно с другими].

1930

Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. Изд. 5, перераб. и доп., с приложением отдела «Методология политической экономики». М.—Л., Госиздат, 1930, 590 с. [Совместно с И. А. Лапидусом].

Метод политической экономики. М., Изд. КУТК, 1930, 300 с. [Совместно с И. А. Лапидусом]. На китайском языке.

К предстоящему пленуму Центрального совета [Секции научных работников]. — Научн. работник, 1930, № 1, с. 3—11.

За новые методы и быстрые темпы работы. [К итогам III пленума Центрального совета Секции научных работников]. — Научн. работник, 1930, № 2, с. 3—10.

Социалистическое соревнование, ударничество и научные работники. — Научн. работник, 1930, № 3, с. 3—9.

Союз труда и науки против мировой контрреволюции. — Научн. работник, 1930, № 4, с. 9—15.

За боевые темпы культурного строительства. — Научн. работник, 1930, № 5—6, с. 55—61.

О разногласиях на философском фронте. Заседание Президиума Комакадемии. [Выступление в прениях по докладом тт. Милютин и Деборина]. — Вестн. Комм. акад., 1930, № 42, с. 23—29.

1931

Политическая экономия. (Теория товарно-капиталистического хозяйства. Краткий очерк теории советского хозяйства). Вып. I. Изд. 6, перераб. и доп. М.—Л., «Моск. рабочий», 1931, 285 с. [Совместно с И. А. Лапидусом].

Очерк политической экономики. Политическая экономия и теория советской экономики. Токио, [Кибокаку], 1931, 627 с. На японском языке.

Поняття про предмет політичної економії. Харків. «Пролетар», 1931, 20 с.

Теория вартости. Харків, «Пролетар», 1931, 19 с.

Новый этап и план научной работы Комакадемии. — Вестн. Комм. акад., 1931, № 1, с. 3—14.

О перестройке работы Комакадемии. — Вестн. Комм. акад., 1931, № 4, с. 3—11.

План и стихи на разных этапах нэпа. — Пробл. экон., 1931, № 3, с. 21—46.

Ред.: Линецкая, Н. Е. Рабочая книга по политической экономике. Вып. 2. Госфиниздат, 1931, 120 с.

1932

Политическая экономия. Ч. I. Изд. 7-е, перераб. М., Партиздат, 1932, 443 с. [Совместно с И. А. Лапидусом].

Политическая экономия. Учебно-методическое пособие для заочных совпартшкол и комсомольских университетов. Вып. 2—6, 9. [М.], Партиздат, 1932. [Совместно с И. А. Лапидусом].

[Журнал-учебник. Политическая экономия. Ин-т массово-заоч. обуч. партактива при ЦК ВКП(б)].

Вып. 2, 95 с.; вып. 3, 84 с.; вып. 4, 73 с.; вып. 5, 96 с.; вып. 6, 105 с.; вып. 9, 113 с.

[Выступление по докладу т. Савельева «О пятилетнем плане научной работы Комакадемии», 14/II 1932 г.]. — Вестн. Комм. акад., 1932, № 1—2, с. 25—30.

1933

Политическая экономия. Ч. 2. Изд. 7-е, перераб. М., Парт-издат, 1933, 261, 2 с., диагр. [Совместно с И. А. Лapidусом].

Политическая экономия. Учебно-методическое пособие для заочных совпартшкол и комсомольских университетов. Вып. 7—8. (М.), Партиздат, 1933. [Совместно с И. А. Лapidусом]. [Журнал-учебник. Политическая экономия. Ин-т массово-заоч. обуч. партактива при ЦК ВКП(б)].

Вып. 7. 56 с.; вып. 8, 47 с.

К вопросу о развитии Лениным Марксовой политэкономии капитализма. — Вестн. Комм. акад., 1933, № 2—3, с. 53—92.

К вопросу об изучении закономерностей советской экономики. — Вестн. Комм. акад., 1933, № 4, с. 10—24.

Борьба за ленинизм на теоретическом фронте. [От XVI партсъезда к XVII]. — Вестн. Комм. акад., 1933, № 6, с. 3—22. [Без подписи].

Рец.: Сельскохозяйственная энциклопедия, т. I. — Вестн. Комм. акад., 1933, № 6, с. 107—119. [Совместно с другими].

1934

Политическая экономия. Ч. I. Изд. 8. Соцэкгиз, 1934, 328 с., черт. [Совместно с И. А. Лapidусом].

За конкретно-исторический подход к научной работе. — Вестн. Комм. акад., 1934, № 2, с. 3—17.

К итогам работы Комакадемии за 1934 г. — Вестн. Комм. акад., 1934, № 5—6, с. 5—14.

К вопросу о закономерностях развития докапиталистических формаций. — Там же, с. 99—126.

Первый рабфак. — За пром. кадры, 1934, № 5—6, с. 15—18. (К 15-летию Рабфака им. К. Маркса).

1936

Первобытный коммунизм. Стенограмма лекции, прочитанной 5 мая 1936 г. М., 1936, 24 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 2). На правах рукописи.

То же. Изд. 2. М., 1936, 24 с.

Феодално-крепостнический строй. Стенограмма лекции, прочитанной 11 мая 1936 г. М., 1936, 26 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 4). На правах рукописи.

То же. Изд. 2. М., 1936, 26 с.

Производство и присвоение прибавочной стоимости — основа капитализма. Стенограмма лекции, прочитанной 20—21 августа 1936 г. М., 1936, 47 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 8). На правах рукописи.

Три основные исторические стадии развития капитализма в промышленности. Стенограмма лекций, прочитанных 25, 28 и 31 августа 1936 г. М., 1936, 64 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 9). На правах рукописи.

Промышленный капитализм как стадия в развитии капиталистического общества. [Переработанная стенограмма доклада в Институте экономики АН СССР при обсуждении вопроса

о перестройке преподавания политической экономики]. — Пробл. экон., 1936, № 6, с. 49—63.

1937

Рабовладельческий строй. Стенограмма лекции, прочитанной 7 мая 1936 г. М., 1937, 32 с. (Высшая партийная школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 3). На правах рукописи.

1938

Первобытно-уравнительный коммунизм. Стенограмма лекции, прочитанной 13 апреля 1938 г. М., 1938, 22 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 2). На правах рукописи.

Рабовладельческий строй. Стенограмма лекции, прочитанной 16 апреля 1938 г. М., 1938, 24 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 3). На правах рукописи.

Феодальный строй. Стенограмма лекции, прочитанной 3 мая 1938 г. М., 1938, 22 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 4). На правах рукописи.

Производство и присвоение прибавочной стоимости — основа капитализма. Стенограмма лекции, прочитанной 26—27 мая 1938 г. М., 1938, 24 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 8). На правах рукописи.

Три стадии развития капитализма в промышленности. Стенограмма лекции, прочитанной 16 и 19 июня 1938 г. М., 1938, 52 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 9). На правах рукописи.

Заработная плата. Стенограмма лекции, прочитанной 28 июня 1938 г. М., 1938, 31 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 10). На правах рукописи.

Воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Стенограмма лекции, прочитанной 13 октября 1938 г. М., 1938, 27 с. (Высшая школа пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекция 18). На правах рукописи.

О крестьянской общине. — Комс. правда, 1938, 20/XI, № 266.

1939

Ленинский план построения социализма. — Вестн. АН СССР, 1939, № 1, с. 64—82.

Максимилиан Александрович Савельев. [Некролог]. — Вестн. АН СССР, 1939, № 8—9, с. 162—163.

Развитие Лениным экономического учения Маркса. — Пробл. экон., 1939, № 1, с. 71—91.

Об основных типах производственных отношений. — Пробл. экон., 1939, № 4, с. 159—175; № 5, с. 176—195.

Политика и экономика в социалистическом обществе. — Пробл. экон., 1939, № 6, с. 20—38.

Ред.: Реуэль, А. Л. «Капитал» Карла Маркса в России 1870-х гг. Соцэкгиз, 1939, 160 с.

1940

О полном соответствии производственных отношений производительным силам в социалистическом обществе. — Пробл. экон., 1940, № 3, с. 16—29.

Сила ленинского предвидения. [Переработанная стенограмма доклада на сессии Отделения экономики, философии и права АН СССР 26 апр. 1940 г., посвященной 70-летию со дня рождения В. И. Ленина]. — Пробл. экон., 1940, № 7, с. 22—35.

Ред.: Деборин, Г. Торговый капитал в эпоху империализма. М.—Л., АН СССР, 1940, 207 с.

1941

Феодалный строй. Стенограмма лекций, прочитанных в 1940/41 учебном году. М., 1941, 39 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 7—8). На правах рукописи.

То же на украинском языке.

Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. Стенограммы лекций, прочитанных в 1940/41 учебном году. М., 1941, 47 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 30—31). На правах рукописи.

1942

Фашизм под маской национал-социализма. Алма-Ата, Госиздат, 1942, 87 с.

Злейшие реакционеры под маской антикапиталистической демагогии. [Фашистская реакционная политика]. — Большевик Казах., 1942, № 15, с. 27—34.

1943

Колхозы Казахстана в борьбе за укрепление обороноспособности СССР. Алма-Ата, ОГИЗ, 1943, 24 с.

1944

Рабовладельческий строй. Стенограмма лекции, прочитанной 28 апреля 1944 г. М., 1944, 32 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекция 3). На правах рукописи.

Феодалный строй. Стенограмма лекции, прочитанной 8 мая 1944 г. М., 1944, 32 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекция 4). На правах рукописи.

Капитал и прибавочная стоимость. Стенограммы лекций, прочитанных 12 и 14 июня 1944 г. М., 1944, 36 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 10—11). На правах рукописи.

Социалистическая система хозяйства и законы ее развития. Сокращенная стенограмма лекции, прочитанной на лекторских курсах при Высшей партийной школе 23 октября 1944 г. М., Военмориздат, 1944, 20 с.

То же. — Пропагандист, 1944, № 18, с. 8—19.

Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства. — Большевик, 1944, № 23—24, с. 46—60.

1945

Очерки экономики докапиталистических формаций. Госполитиздат, 1945, 148 с.

То же. МГУ, 1945, 150 с. (Уч. зап. МГУ, вып. 84).

Докапиталистические формации. Стенограмма лекций. М., 1945, 104 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 3—8).

Заработная плата. Стенограмма лекции, прочитанной 23 июня 1944 г. М., 1945, 23 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекция 12).

Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. Стенограммы лекций, прочитанных 19 и 22 декабря 1944 г. М., 1945, 44 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 20—21). На правах рукописи.

Капиталистическое воспроизводство и экономические кризисы. Стенограммы лекций, прочитанных 19, 23 и 26 января 1945 г. М., 1945, 40 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 22—24). На правах рукописи.

Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. Стенограммы лекций. М., 1945, 50 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 31—33).

Социалистическая система народного хозяйства и характер ее экономических законов. Стенограммы лекций, прочитанных 3 и 4 апреля 1945 г. М., 1945, 28 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 33—34). На правах рукописи.

Социалистическая система народного хозяйства и законы ее развития. Сокращенная стенограмма лекции, прочитанной на лекторских курсах при Высшей партийной школе 23 октября 1944 г. М., Военмориздат, 1945, 20 с.

Legile de baza ale dezvoltării economiei socialiste.

[Основные закономерности развития социалистической экономики].

[București], Ed. Partidului comunist din România, 1945, 27 p. О методах преподавания политической экономии. — Вестн. высш. шк., 1945, № 3, с. 24—30.

1946

Рабовладельческий строй. Стенограмма лекции, прочитанной в 1945/46 учебном году. М., 1946, 36 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекция 3). На правах рукописи.

Феодалный строй. Стенограмма лекции, прочитанной в 1945/46 учебном году. М., 1946, 34 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекция 4). На правах рукописи.

Накопление капитала и обнищание пролетариата. Стенограммы лекций, прочитанных в 1944/45 учебном году. М., 1946, 40 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 13—14). На правах рукописи.

Прибыль и цена производства. Стенограммы лекций, прочитанных в 1944/45 учебном году. М., 1946, 24 с. (Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 16—17). На правах рукописи.

Феодалный строй. София. Изд. на Българ. работн. партия (комунисти), 1946, 81 с.

То же. Скопје, «Култура». 1946, 46 с. На македонском языке. Кратак преглед економије преткапиталистичких формација. Београд—Загреб, «Култура», 1946, 159 с. На сербском языке. То же. Београд—Загреб, «Kujtura», 1946, 143 p. На хорватском языке.

Товар [в советском хозяйстве]. — БСЭ, т. 54, 1946, стлб. 388—396.

Поднять уровень экономической науки. — Вестн. высш. шк., 1946, № 3—4, с. 17—18.

Поднять идейный уровень преподавания экономических дисциплин. — Вестн. высш. шк., 1946, № 11—12, с. 10—12. [Совместно с Ц. И. Гальпериным].

О работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Большевик, 1946, № 3, с. 34—49.

К вопросу о товаре в советском хозяйстве. — План. хоз., 1946, № 6, с. 53—65.

О роли экономических рычагов в организации социалистического производства и распределения. — Деньги и кредит, 1946, № 11—12, с. 14—24.

1947

Докапиталистические формации. Стенограммы лекций. М., 1947, 87 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 3—8).

То же на латышском, грузинском, украинском языках.

Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1947, 38 л. (Заочный статистический институт. Курс политической экономии). Стеклогр. изд.

То же на армянском, азербайджанском языках.

Тематический план и программа по политической экономии для высших военных и военно-морских учебных заведений. М., тип. ВПА, 1947, 47 с.

Программа по политической экономии для технических, педагогических, сельскохозяйственных, искусствоведческих высших учебных заведений и государственных университетов. М., «Сов. наука», 1947, 36 с. [Совместно с В. И. Сомовым и С. В. Юфревым].

То же. М., Всес. заоч. индустр. ин-т, 1947, 46 с.

Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства. [Консультация]. М., Мин. с. х. СССР, 1947, 32 с.

Социалистическая система хозяйства и ее преимущества перед капиталистической системой. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 10 марта 1947 г. в конференц-зале Политуправления ВВС Министерства Вооруженных Сил СССР. М., тип. газ. «Правда», 1947, 31 с.

То же. София, Центр. кооп. съюз, 1947, 48 с. На болгарском языке.

К вопросу о товаре в советском хозяйстве. М., 1947, 12 с. [Заочный статистический институт. Курс политэкономии].

То же. — Anal. Rom.-Sov., 1947, № 6, p. 962—975. На румынском языке.

Zarys ekonomiki przedkapitalistycznych formacji (Очерк экономики докапиталистических формаций). [Warszawa], «Książka» (1947), 184 s. [Bibl. ekon.].

Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства. — В кн. В помощь изучающим экономическую теорию. Сборник статей. Вып. I. [Харьков], Кн.-газ. изд., 1947, с. 48—68.

К вопросу о товаре в советском хозяйстве. — Там же, с. 118—135.

К вопросу об экономической роли Советского государства. —

В кн. Политическая экономия. МГУ, 1947, с. 4—36. [Уч. зап. МГУ, вып. 123].

Вопросы научной работы и преподавания политической экономии в вузах. — Вестн. высш. шк., 1947, № 4, с. 14—19.

[Выступления на дискуссии по книге Е. Варга «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны» 7, 14, 21 мая 1947 г. Стенографический отчет]. — Мир. хоз. и мир. полит., 1947, № 11, прилож., с. 1, 56—59.

Роль Советского государства в развитии социалистической экономики. — Большевик, 1947, № 21, с. 33—48.

Ред.: Политическая экономия. МГУ, 1947, 343 с. [Совместно с другими]. (Уч. зап. МГУ, вып. 123).

Отв. ред.: Политическая экономия (Сборник статей). М., ВПШ при ЦК КПСС, 1947.

1948

Докапиталистические формации. Стенограммы лекций. М., 1948, 87 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 3—8).

То же на армянском и литовском языках.

Средняя прибыль и цена производства. Стенограммы лекций. М., 1948, 27 с. [Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 23—24].

Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. Стенограммы лекций. М., 1948, 54 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 29—30).

То же. Београд—Загреб, «Култура» (1948), 62 с. На сербском языке.

То же. Warszawa, «Książka», 1948, 65 s. [Bibl. ekon. 9]. На польском языке.

Тематический план и программа по политической экономии для высших военных и военно-морских учебных заведений. М., Воениздат, 1948, 56 с. [Совместно с В. И. Сомовым и С. В. Юфревым].

Программа по политической экономии для технических, сельскохозяйственных, педагогических, медицинских, искусствоведческих высших учебных заведений и государственных университетов. М., Мин. высш. обр. СССР, 1948, 32 с. [Совместно с В. И. Сомовым и С. В. Юфревым].

То же. Челябинск, Обл. гос. изд., 1948, 48 с.

То же. Брянск, тип. Управл. полигр. и изд., 1948, 47 с.

То же. Львов, Гос. ун-т, 1948, 32 с.

То же. Алма-Ата, тип. изд. «Турксиб» [1948], 19 с.

Программа по политической экономии для экономических и юридических высших учебных заведений и факультетов. М., «Сов. наука», 1948, 56 с. [Совместно с Г. А. Козловым и А. Н. Сидоровым].

То же. Ереван, тип. Гос. ун-та, 1948, 62 с.

То же. М., тип. Всес. заоч. ин-та сов. торг., 1948, 51 с.

Очерки по экономике на докапиталистических формациях. [София], «Народна култура» (1948), 203 с.

То же. Warszawa, «Książka», 1948, 176 s. [Bibl. ekon. 2]. На польском языке.

Sistemul ekonomik socialist si superioritatea lui fata de siste-

mul capitalist. [Социалистическая система хозяйства и ее преимущества перед капиталистической системой]. [București] Ed. Partidului muncitoresc roman, 1948, 48 p.

Uloga sovjetske države u razvitku socijalističke privrede. [Роль Советского государства в развитии социалистической экономики]. Zagreb, Naprijed, 1948, 32 s. (Malá ekon. bibl. 6).

Роль Советского государства в социалистическом преобразовании экономики СССР. — В кн. О советском социалистическом обществе. Сборник статей. Под ред. Ф. Константинова, М. Камари и Г. Глезермана. Госполитиздат, 1948, с. 43—63.

То же. — В кн. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Доклады. М.—Л., АН СССР, 1948, с. 151—168.

То же. — Наука и жизнь, 1948, № 1, с. 4—11.

О строительстве коммунизма в СССР. — В кн. Народное хозяйство СССР. Сборник 2. Госпланиздат, 1948, с. 91—102.

Placa robocza i dzień roboczy. [Заработная плата и рабочий день]. — Kuzniecowa, A. Kapitał i wartość dodatkowa. — Ostrowitianow, K. W. Placa robocza i dzień roboczy. Warszawa, «Książka», 1948, s. 91—123.

[Обзор работ, выпущенных в свет Институтом экономики. Вводный доклад на расширенном заседании Редакционно-издательского совета АН СССР]. Вестн. АН СССР, 1948, № 6, с. 71—73.

Социалистическое планирование и закон стоимости. — Вопр. экон., 1948, № 1, с. 24—41.

Die sozialistische Planung und das Wertgesetz. — Sowjetwissenschaft, 1948, H. 2, S. 17—38.

Об итогах и направлении работы Института экономики Академии наук СССР. Сокращенная стенограмма доклада на заседании Ученого совета института 27 января 1947 г. — Вопр. экон., 1948, № 1, с. 86—92.

«Манифест Коммунистической партии» и строительство коммунизма в СССР. — Вопр. экон., 1948, № 2, с. 15—30.

То же. — Правда, 1948, 14/II, № 45.

То же. — Neue Welt, 1948, Jg. 3, H. 4, S. 46—54.

О недостатках и задачах научно-исследовательской работы в области экономики. [Доклад и заключительное слово на расширенной сессии Ученого совета Института экономики Академии наук СССР]. — Вопр. экон., 1948, № 8, с. 66—78; № 9, с. 93—102.

Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства. — Большевик, 1948, № 23—24, с. 46—60.

Рец.: Военная экономика страны социализма. [Вознесенский, Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Госполитиздат, 1947]. — План. хоз., 1948, № 1, с. 70—80.

Рец.: Книга о военной экономике СССР. [Вознесенский, Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны]. — Правда, 1948, 3/1, № 3. [Совместно с М. Галактионовым].

Докапиталистические формации. Стенограммы лекций. М., 1949, 86 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекции 3—8).

Средняя прибыль и цена производства. Стенограммы лекций. М., 1949, 27 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономики. Лекции 23—24).

Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. Стенограммы лекций. М., 1949, 52 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии. Лекции 29—30).

Тематический план и программа по политической экономии для высших военных и военно-морских учебных заведений. М., Воениздат, 1949, 63 с. [Совместно с В. И. Сомовым и Н. С. Спиридоновой].

Программа по политической экономии для экономических и юридических высших учебных заведений и факультетов. М., тип. МИД СССР, 1949, 60 с. [Совместно с А. И. Пашковым и А. Н. Сидоровым].

Программа по политической экономии для технических, сельскохозяйственных, педагогических, медицинских, искусствоведческих высших учебных заведений и государственных университетов. М., Науч.-метод. каб. по заочн. обуч. учит., 1949, 42 с. [Совместно с В. И. Сомовым и С. В. Юфревым].

Программа по политической экономии для технических, сельскохозяйственных, педагогических, медицинских, искусствоведческих высших учебных заведений и государственных университетов. МГУ, 1949, 36 с. [Совместно с В. И. Сомовым и Н. С. Спиридоновой].

То же. М., «Сов. наука», 1949, 32 с.

То же. Воронеж, Гос. ун-т, 1949, 36 с.

То же. Новосибирск, «Сов. наука», 1949, 36 с.

То же. Свердловск, [Уральск. политехн. ин-т], 1949, 36 с.

Социалистическата стопанска система и нейните предимства предкапиталистическата система. София. Изд. на Бълг. ком. партия, 1949, 53 с.

То же. Bratislava, Slovenský plán. úrad, 1949, 46 s. На словацком языке.

Přednosti socialistické hospodářské soustavy. [Преимущества социалистической системы хозяйства]. Praha, «Orbis», 1949, 54, (1) s. [Malá knihovna sovětské vědy. Sv. 5].

Социалистическото планиране и законът за стойността. София, «Народна култура», (1949), 41 с.

То же. — Etud. écon., (1949), № 12, p. 3—29. Стеклогр. изд. На французском языке.

Despre lucrarea lui V. I. Lenin «Desvoltarea capitalismului în Rusia». (О работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»). [București], Partidul muncitoresc roman, 1949, 31 p.

Rola państwa radzieckiego w socjalistycznym przeobrażeniu ekonomiki ZSRR. [Роль Советского государства в социалистическом преобразовании экономики СССР]. Warszawa, «Książka i wiedza», 1949, 24 s.

Idem. — Neue Welt, 1949, Jg. 4, H. 14, S. 61—74. На немецком языке.

Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства. — В кн. В помощь изучающим экономическую теорию. Сборник статей. Изд. 2, доп. [Харьков], Кн.-газ. изд., 1949, с. 94—116.

К вопросу о товаре в советском хозяйстве. — Там же, с. 180—199.

Ленин — теоретик научного коммунизма. — Вопр. экон., 1949, № 1, с. 3—23.

Des faiblesses et des tâches du travail de recherche scientifique dans le domaine économique. (Rapport introductif et discours de clôture à la Session élargie du Conseil scientifique de l'Institut d'économie de l'Académie des sciences de l'URSS). [О недостатках и задачах научно-исследовательской работы в области экономики. Доклад и заключительное слово на расширенной сессии Ученого совета Института экономики Академии наук СССР]. — Etud. écon., 1949, N 35, p. 1—27; № 39, p. 9—29. Стеклогр. изд.

1950

Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. Стенограммы лекций. М., 1950, 52 с. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс политической экономии). То же на литовском языке.

То же. Warszawa, «Książka i wiedza», 1950, 69 s. На польском языке.

Программа по политической экономии для технических, сельскохозяйственных, педагогических, медицинских, искусствоведческих высших учебных заведений и государственных университетов. (М.), МГУ, 1950, 39 с. [Совместно с В. И. Сомовым и Н. С. Спиридоновой].

То же. М., I Моск. мед. ин-т, 1950, 36 с.

То же. М., тип. ВЗПИ, 1950, 36 с.

То же. Москва—Ереван, «Сов. наука», 1950, 44 с.

То же. (Минск, тип. БГУ, 1950), 39 с.

То же. ЛГУ, 1950, 36 с.

Программа по политической экономии для экономических и юридических высших учебных заведений и факультетов. М., 1950, 48 с. [Совместно с А. Н. Пашковым и А. Н. Сидоровым].

То же. М., тип. ТСХА, 1950, 44 с.

То же. М., «Сов. наука», 1950, 44 с.

То же на грузинском и эстонском языках.

Przeciętny zysk i cena produkcji [Средняя прибыль и цена производства]. Warszawa, «Książka i wiedza», 1950, 38 s. (Bibl. ekon. 7a).

Socialistický systém hospodářství a jeho výhody před systémem kapitalistickým. [Социалистическая система хозяйства и ее преимущества перед системой капиталистической]. Stenogram veřejně přednásky z lo března 1947 přednesene v politickém vedení M-va branných sil SSSR. Praha, 1950, 35 s. Стеклогр. изд. Přednosti socialistické hospodářské soustavy. [Преимущества социалистической системы хозяйства]. Praha, «Orbis», 1950, 60 s. (Malá knihovna sovětské vědy. Sv. 5).

The role of the State in the socialist transformation of the economy of the USSR. [Роль государства в социалистическом преобразовании экономики СССР]. Moscow, For. lang. publ. house, 1950, 31 p. На английском языке.

Idem. Moscu, Ed. en leng. extr., 1950, 23 p. На испанском языке.

То же на французском языке.

Абстрактный труд. — БСЭ, изд. 2, т. I, 1950, с. 40—41. Литература 4 назв.

О задачах научно-исследовательской работы в области эко-

номики. — Изв. АН СССР, Отд. экон. и права, 1950, № 1, с. 27—35.

Экономическая роль Советского государства. — Правда, 31/III 1950, № 90.

Ред.: Агрессивная идеология и политика американского империализма. [Сборн. статей. Совместно с др.]. Госполитиздат, 1950, с. 488.

1951

Программа по политической экономии для технических, сельскохозяйственных, педагогических, медицинских, искусствоведческих высших учебных заведений и государственных университетов. [М.], МГУ, 1951, 39 с. [Совместно с В. И. Сомовым и Н. С. Спиридоновой].

То же. М., [Всес. заоч. политехн. ин-т], 1951, 36 с.

То же. Свердловск, Гос. мед. ин-т, Урал. гос. ун-т, Гос. пед. ин-т, 1951, 39 с.

Программа по политической экономии для экономических и юридических высших учебных заведений и факультетов. М., тип. Всес. заоч. ин-та сов. торг., 1951, 57 с. [Совместно с А. И. Пашковым и А. Н. Сидоровым].

То же. М., Всес. заоч. фин. ин-т, 1951, 46 с.

Nástin ekonomiky předkapitalistických formací. [Очерк экономики докапиталистических формаций]. Praha, «Svoboda», 1951, 173 s.

Idem. Warszawa, «Książka i wiedza», 1951, 159 s. (Bibl. ekon. 2). На польском языке.

Idem.-Wykłady z ekonomii politycznej. T. 1. Warszawa, «Książka i wiedza», 1951, s. 117—172. На польском языке.

A földjáraadik. A kapitalizmus fejlődése a mezőgazdaságban. [Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве]. Budapest, «Szikra», 1951, 96 ol.

O hlavních zákonitostech vývoje socialistického hospodářství. Socialistické plánování a zákon hodnoty. K otázce zboží v sovětském hospodářství. [Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства. Социалистическое планирование и закон стоимости. К вопросу о товаре в советском хозяйстве]. Praha, «Svoboda», 1951, 91 s.

Přednosti socialistické hospodářské soustavy. [Преимущества социалистической системы хозяйства]. Praha, «Orbis», 1951, 57 s.

Atlagprofit es termelesi ar. [Средняя прибыль и цена производства]. Budapest, «Szikra», 1951, 44 ol.

Über W. I. Lenins Arbeit «Die Entwicklung des Kapitalismus in Rußland». [О работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»]. Berlin, Dietz Verlag, 1951, 33 S.

The role of the State in the socialist transformation of the economy of the USSR [Роль государства в социалистическом преобразовании экономики СССР]. 2d ed. M., For. lang. publ. house, 1951, 31 p.

Idem. M., Ed. en lang. étr., 1951, 24 p. На французском языке.

Manifest komunistické strany a budování komunismu v SSSR. [«Манифест Коммунистической партии» и построение коммунизма в СССР]. — O manifestu komunistické strany. Sborník statí sovětských autorů. Praha, «Rovnost», 1951, s. 150—160. (Socialistická věda, 14).

O úkolech vědecko-výzkumné práce v oboru ekonomiky. [О задачах научно-исследовательской работы в области экономики]. — Sov. věda, Polit. ekon., 1951, N 1—2, s. 135—141.

La question de la marchandise dans l'économie soviétique. [К вопросу о товаре в советском хозяйстве]. — Etud. écon., 1951, N 50, p. 1—15.

1952

Хозрасчет и задачи экономической науки. — В кн. Внутриводской хозрасчет. Материалы научно-производственной конференции. Под ред. В. П. Дьяченко. М., АН СССР, 1952, с. 11—15.

Die Rolle des Sowjetstaates in der sozialistischen Umgestaltung der Wirtschaft der UdSSR. [Роль Советского государства в социалистическом преобразовании экономики СССР]. — Über die sowjetische sozialistische Gesellschaft. Sammlung von Aufsätzen. Berlin, Dietz Verlag, 1952, S. 44—63.

O hlavních zákonitostech rozvoje socialistického hospodářství. [Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства]. — Ke studiu ekonomie socialismu. Sborník statí sovětských ekonomů. Praha, «Svoboda», 1952, s. 155—172.

K otázce zboží v sovětském hospodářství. [К вопросу о товаре в советском хозяйстве]. — Ibidem, p. 173—187.

Socialistické plánování a zákon hodnoty. [Социалистическое планирование и закон стоимости]. — Ibidem, s. 205—223.

Ред.: Мацкевич, С. Роль электрификации в развитии материально-технической базы сельского хозяйства СССР. Госполитиздат, 1952, 208 с. [Совместно с В. Г. Венжером].

1953

A kapitalizmus előtti társadalmi formák. [Докапиталистические формации]. Budapest, «Szikra», 1953, 111 ol.

Idem. Praha, Rudé právo, 1953, 87 s. На чешском языке.

О производстве и потреблении при социализме. — Вопр. экон., 1953, № 12, с. 10—25.

Производство и потребление при социализме. — Правда, 1953, 28/VIII, № 240.

То же. Bukurești, Ed. pentru lit. polit., 1953, 14 p. На румынском языке.

1954

Политическая экономия. Учебник. К. В. Островитянов и др. Госполитиздат, 1954, 639 с.

То же на украинском, грузинском языках.

То же. София, Изд. на Бълг. ком. партия, 1954, 830 с. На болгарском языке.

То же. 1954, 812 стр. На новогреческом языке.

Научные основы планирования народного хозяйства в СССР. М., АН СССР, 1954, 39 с.

О предмете политической экономии. Госполитиздат, 1954, 36 с.

То же. М., тип. «Кр. пролетарий», 1954, 39 с.

То же. — Коммунист, 1954, № 4, с. 96—112.

То же. — Коммунист Эстонии, 1954, № 4, с. 42—58.

То же. — Рига, Латв. госиздат, 1954, 32 с., на латышском яз.

То же. — Вильнюс, Госиздат политич. и науч. литературы, 1954, 36 с. На литовском яз.

То же. [București], Ed. pentru lit. polit., 1954, 40 p. На румынском языке.

То же. — Econ. et polit., 1952, An. 1, N 2, p. 21—41. На французском языке.

То же. — Sowjetwiss., Gesellsch.-wiss. Abt., 1954, № 4, S. 471—490. На немецком языке.

Производство и потребление при социализме. М., «Знание», 1954, 32 с.

То же. Вильнюс, Госиздат. Полит. науч. литер., 1954, 35 с. На литовском языке.

То же. — Zeszyty ekonomiczne «Nowych dróg» (Przekłady). 7. Warszawa, 1954, s. 3—7. На польском языке.

То же. — Sowjetwiss., Gesellsch.-wiss. Abt., 1954, N 2, S. 145—162. На немецком языке.

То же. — Таллин, Eesti Riiklik kirjastus, 1954, 35 с. Всесоюз. общ. по распространению политич. и науч. знаний. На эстонском языке.

То же. — Věstn. ČAV, 1954, roč. 63, N 4—6, s. 178—186. На чешском языке.

К итогам дискуссии по статистике. — Вестн. АН СССР, 1954, № 8, с. 3—12.

То же. — Stat. obzor, 1954, N 11—12, s. 398—405. На чешском языке.

[О работе академических журналов. Доклад на совещании в Редакционно-издательском совете АН СССР. Краткое изложение]. — Вестн. АН СССР 1954, № 12, с. 67—70.

Die Statistik ist eine Gesellschaftswissenschaft. Ergebnisse einer wissenschaftlichen Konferenz zur Untersuchung des Gegenstandes und der Methode der Statistik in der Sowjetunion. [Статистика как общественная наука. Итоги научной конференции по исследованию предмета и метода статистики в Советском Союзе]. — Stat. Praxis, 1954, Jg. 9, H. 11, S. 157—162.

Was lehrt die politische Ökonomie. [Чему учит политическая экономия]. — Neue Welt, 1954, Jg. 9, H. 21, S. 2640—2650.

Idem. — Forum, Wissensch. Beil., 1954, N 42, S. 3—10. На немецком языке.

[О производстве и потреблении при социализме. Доклад на совещании по координации научных исследований в области экономики в Институте экономики АН СССР. Краткое изложение]. — Вестн. АН СССР, 1954, № 2, с. 107—108.

[Вступительное и заключительное слово на научном совещании по вопросам статистики. Краткое изложение]. — Вестн. стат., 1954, № 5, с. 39—40; 80—86.

Чему учит политическая экономия. — Правда, 1954, 27/IX, № 270.

1955

Политическая экономия. Учебник. К. В. Островитянов и др. Изд. 2, доп. Политиздат, 1955, 672 с.

То же. Политиздат, 1955, 640 с.

То же на украинском и узбекском языках.

То же. Пекин, Женьминь чубаньша, 1955, 677 с. На китайском языке.

То же. [Praha], Stát. nakl. polit. lit., 1955, 640, (11) s. На чешском языке.

То же. Budapest, «Szikra», 1955, 702 ol. На венгерском языке.

- То же. Berlin, Dietz Verlag, 1955, 720 S. На немецком языке.
- То же. [Bratislava], Slovenské vyd. polit. lit., 1955, 726 s. На словацком языке.
- То же. (Изд. 2). София, Изд. на Бълг. ком. партия, 1955, 829 с. На болгарском языке.
- То же. București, Ed. de stat pentru lit. polit., 1955, 766 p. На румынском языке.
- То же. Ч. 1—2. [Пхеньян], Чосон нодонтан чхульпханса, 1955. Ч. I, 411 с.; ч. 2, 397 с. На корейском языке.
- То же. [Warszawa], «Książka i wiedza», 1955, 839 s. На польском языке.
- Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. М., 1955, 46 с. (Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Курс политической экономии).
- Использование экономических законов социализма в практике коммунистического строительства. МГУ, 1955, 16 с. [Юбилейная научная сессия, посвященная 200-летию университета, 9—13 мая 1955 г.].
- То же. — *Вопр. филос.*, 1955, № 4, с. 3—16.
- То же. — *Zeszyty economiczne «Nowych drog»*. Warszawa, 1954, N 7, s. 3—7.
- То же. — Переводные статьи в журналах, изд. СЮЭСИ, 1955, № 11, с. 3—11, на китайском языке.
- Предмет политической экономии. Улан-Батор, [б. и.], 1955, 33 с. На монгольском языке.
- Чему учит политическая экономия. Пекин, Шидай чубаньше, 1955, 48 с. На китайском языке.
- Против вульгаризаторского понимания основного экономического закона социализма. — В кн. Ответы на вопросы трудящихся. Сборник. Вып. 57. М., «Моск. рабочий», 1955, с. 19—30.
- То же. — *Правда*, 1955, 27/III, № 86.
- Речь. — В кн. V Всесоюзная конференция сторонников мира. Москва, 10—12 мая 1955 г. Госполитиздат, 1955, с. 132—135.
- Поездка советских ученых в Индию. — *Вестн. АН СССР*, 1955, № 6, с. 62—67.
- Вступительное слово на научной сессии, посвященной 10-летию освобождения Венгрии. Докл. и сообщения Ин-та истории. Вып. 7, 1955, с. 5—6.
- O wynikach dyskusji dotyczacej statystyki. [Об итогах дискуссии по статистике]. *Przegl. stat.*, 1955, N I, s. 53—61.
- Scientific principles of planning the national economy of the USSR. [Научные основы планирования народного хозяйства СССР]. — *Sci. Cult.*, 1955, v. 20, N 8, p. 357—363.
- A propos de la loi économique fondamentale du socialisme. [Об основном экономическом законе социализма]. — *Econ. et polit.*, 1955, An. 2, N 12, p. 41—47.

1956

- Политическая экономия. Учебник. К. В. Островитянов и др. М., ИЛ, 1956, XV, 964 с. [Совместно с другими]. На корейском, узбекском, азербайджанском, казахском, латышском, туркменском, уйгурском языках.
- То же. Budapest, «Szikra», 1956, 738. На венгерском языке.

То же. Paris, Ed. Soc., 1956, 701 p. На французском языке.
То же на финском.

То же. Улан-Батор, М. А. Х. намын тов хороны дэргэдэх намын туухийн институтийн хэвлэл, 1956, 705 с. На монгольском языке.

Pozemková renta a vývoj kapitalismu v zemědělství [Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве]. Praha, Rudé právo, 1956, 45 s.

Стоимость. — БСЭ, изд. 2, т. 41, 1956, с. 17—21. Литература 5 назв.

Die Ausnutzung der ökonomischen Gesetze des Sozialismus in der Praxis des kommunistischen Aufbau. [Использование экономических законов социализма в практике коммунистического строительства]. — Sowjetwiss., Gesellsch.-wiss. Beitr., 1956, Н. 3, S. 255—272.

[Вступительное слово на заседании, посвященном шестилетию провозглашения Республики Индии. Краткое изложение]. — Вестн. АН СССР, 1956, № 3, с. 132.

Привет китайским ученым. — Женьминьжибао, 1956, 2/X. На китайском языке.

Производство и потребление при социализме. Алма-Ата. Новая жизнь, 1956, 59 с. На казахском языке.

1957

Большевики Замоскворечья в Октябрьской революции. — В кн. Октябрь в Замоскворечье. М.—Л., Гослесбумиздат, 1957, с. 19—46, илл., портр.

Всемирно-историческое значение Октябрьской революции и победы социализма в СССР. — Вестн. АН СССР, 1957, № 10, с. 11—20.

Торжество ленинской теории социалистической революции. [Доклад на Юбилейной сессии АН СССР, посвященной 40-летию Великой Октябрьской революции]. — Вестн. АН СССР, 1957, № 11, с. 5—17.

Победа социализма в СССР и образование социалистической системы мирового хозяйства. — Вопр. экон., 1957, № 10, с. 3—18.

Товарное производство и закон стоимости при социализме. — Коммунист, 1957, № 13, с. 84—100.

Idem. — Econ. et polit., 1957, N 40—41, p. 121—137. На французском языке.

Воспоминания о революционной Москве. — Вопр. ист. КПСС, 1957, № 3, с. 185—203. (Из пережитого.)

Дружба двух академий. [Академии наук СССР и Польской Академии наук]. Беседа. — Нов. время, 1957, № 15, с. 22—23.

[Выступление на торжественном собрании, посвященном 100-летию со дня рождения А. Н. Баха. Краткое изложение]. — Вестн. АН СССР, 1957, № 6, с. 118—119.

[Доклад и заключительное слово на заседании Ученого совета Института экономики АН СССР, посвященном подготовке к печати третьего издания учебника «Политическая экономия». Краткое изложение]. — Вопр. экон., 1957, № 11, с. 103—107; 110—111.

Выдающееся событие в культурной жизни страны. — Правда Вост., 1957, 25/IV, № 100. (Навстречу Всесоюзной конференции востоковедов).

Ленинские принципы планирования и перестройки управления промышленностью. — Правда, 1957, 26/IV, № 116.

Октябрьская революция и образование мировой социалистической системы. — Правда, 1957, 14/X, № 287.

Industry in Russia. How production has risen. [Увеличение уровня промышленного производства в России]. — Times, 1957, 7/XII, № 54, 018.

Ред.: Октябрь в Замоскворечье. М.—Л., Гослесбумиздат, 1957, 375 с.

От редакции. — Здесь же, с. 3—4.

1958

Политическая экономия. Учебник. К. В. Островитянов и др. Изд. 3, перераб. Политиздат, 1958, 680 с.

То же. София. Изд. на Бълг ком. партия, 1958, 878 с. На болгарском языке.

Товарное производство и закон стоимости при социализме. — В кн. Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. Политиздат, 1958, с. 208—230.

То же. — Новое время, 1958, № 11, с. 28—40. На болгарском языке.

То же. Sowjetwiss., Gesellsch.-wiss. Beitr., 1958, H. 1, S. 46—65. На немецком языке.

То же. — Polit ekon., 1958, рос. 6, N 1, s. 42—56. На чешском языке.

Значение победы социализма и строительства коммунизма в СССР для образования и развития мировой социалистической системы. — В кн. Мировая социалистическая система хозяйства. Госпланиздат, 1958, с. 7—36.

Великие идеи научного коммунизма. — В кн. Наука и молодежь. М., «Наука», 1958, с. 169—173. [К 40-летию Ленинского комсомола. 1918—1958].

З. Р. Неедлы — выдающийся ученый и общественный деятель Чехословакии. — Вестн. АН СССР, 1958, № 3, с. 48—53, 1 вкл. л. портр.

Социалистическая экономика Чехословакии. — Славяне, 1958, № 11, с. 16—19, 25.

Международная встреча социологов. Беседа. — Нов. время, 1958, № 5, с. 14, 15—16.

Письмо в редакцию «Новое время» о неточности в опубликовании беседы [Совместно с П. Н. Федосеевым]. — Нов. время, 1958, № 23, с. 25.

[Вступительное слово на Научной сессии отделений общественных наук АН СССР, посвященной 140-летию со дня рождения Карла Маркса. Краткое изложение]. — Вестн. АН СССР, 1958, № 7, с. 52—53.

То же. — Нов. и новейш. ист., 1958, № 4, с. 191—192.

[Борьба с современным ревизионизмом. Выступление на Научной сессии отделений общественных наук АН СССР, посвященной вопросам борьбы с современным ревизионизмом. Краткое изложение]. — Вестн. АН СССР, 1958, № 7, с. 58—59. То же. — Вопр. ист., 1958, № 7, с. 171.

[Выступление на IV Международном съезде славистов, проходившем в Москве в сентябре 1958 г. Краткое изложение]. — Славяне, 1958, № 10, с. 11—12, фото.

Верный друг Советского Союза. К 80-летию со дня рождения Зденека Неедлы. — Известия, 1958, 9/II, № 34, портр.

О двух формах социалистической собственности. [К всена-

родному обсуждению вопроса о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций]. — Комс. правда, 1958, 18/III, № 66.

Корифей науки. [К 140-летию со дня рождения Карла Маркса]. — Правда, 1958, 5/V, № 125.

Теоретические проблемы строительства коммунизма в СССР и задачи общественных наук. — Правда, 1958, 27/VII, № 178. То же. Forum, Wissensch. Beil., 1958, N 34, 1 Bl. zwischen 8 und 11 S. На немецком языке.

То же. — Marxism today, 1958, v. 2, N 8, p. 245—250. На английском языке.

Ред.: История Академии наук СССР, т. I. М.—Л., «Наука», 1958, 483 с.

1959

Политическая экономия. Учебник. К. В. Островитянов и др. Изд. 3, перераб. и доп. Госполитиздат, 1959, 708 с.

То же на литовском, эстонском, украинском и таджикском языках.

То же. Пекин, Женьминь чубаньшэ, 1959, 680 с. На китайском языке.

То же. [Bratislava], Sloveské vyd. polit. lit., 1959, 709, 9 s. На словацком языке.

То же. [Warszawa], «Książka i wiedza», 1959, 912 s. На польском языке.

То же. Berlin. Dietz, 1959, 791 S. На немецком языке.

То же. [Praha], Stát. nakl. polit. lit., 1959, 703 s. На чешском языке.

То же. București, Ed. de stat pentru lit. polit., 1959, 814 p. На румынском языке.

[Речь на XXI съезде КПСС]. — В кн. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. Т. 2. Госполитиздат, 1959, с. 372—379.

То же. — Правда, 1959, 6/II, № 37.

Против антиисторического, догматического подхода к проблеме товарного производства при социализме. — В кн. Закон стоимости и его роль при социализме. Госпланиздат, 1959, с. 64—77.

[О задачах Всесоюзного совещания по философским проблемам естествознания]. Речь. — В кн. Философские проблемы современного естествознания. Труды Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. М., АН СССР, 1959, с. 9—11.

Товарное производство и его особенности в условиях социализма. [Доклад и заключительное слово на научном совещании по вопросу о законе стоимости и его использовании в народном хозяйстве СССР]. — В кн. Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР. Под ред. Я. А. Кронрода. Госполитиздат, 1959, с. 7—30; 483—499.

Некоторые проблемы строительства коммунизма в СССР и задачи общественных наук. [Доклад и заключительное слово]. — В кн. Вопросы строительства коммунизма в СССР. Материалы Научной сессии отделений общественных наук АН СССР. М., «Наука», 1959, с. 10—44, 417—428.

То же. — В кн. Вопросы строительства коммунизма в СССР. Материалы Научной сессии отделений общественных наук

АН СССР. Пекин. Кэсюе чубаньшэ, 1959, с. 7—39; 407—417. На китайском языке.

На благо всего человечества. [Приветствие ко дню десятилетия Китайской Народной Республики]. — Совр. Вост., 1959, № 10, с. 7.

Наш общий праздник. [К 16-й годовщине подписания договора с Чехословацкой Республикой]. Беседа. — Труд, 1959, 12/XII, № 288.

То же. — Литер. газета, 1959, № 52.

Глав. ред.: — Вопросы строительства коммунизма. Материалы Научной сессии отделений общественных наук АН СССР. М., «Наука», 1959, с. 434.

1960

Политическая экономия. Учебник. К. В. Островитянов и др. Изд. 3, перераб. и доп. Госполитиздат, 1960, 708 с.

То же на армянском, грузинском, киргизском, литовском, молдавском, татарском, узбекском языках.

То же. Berlin, Dietzverlag, 1960, 835 S. На немецком языке. То же. (Warszawa), «Książka i wiedza», 1960, 986 s. На польском языке.

То же. На новогреческом языке, 1960, 936 Q.

То же. [Praha], Stát. nakl. polit. lit., 1960, 740 s. На чешском языке.

То же на финском языке.

Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. — В кн. Капиталистический способ производства, ч. 2. М., ВПП и АОН при ЦК КПСС, 1960, с. 212—263, табл.

В. И. Ленин о закономерностях перехода к коммунизму. [Доклад на Сессии Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР, посвященной 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. 19—20/IV 1960 г.]. — В кн. Ленин и наука. М., АН СССР, 1960, с. 63—85.

Братская дружба советского и чехословацкого народов. — В кн. 15 лет свободной Чехословакии. М., ИМО, 1960, с. 11—22.

Великий провидец. — В кн. Наш Ильич. Сборник воспоминаний старых большевиков Замоскворечья о встречах с В. И. Лениным. (М.) «Моск. рабочий», 1960, с. 9—16, илл. [Приветственная речь на IV Международном съезде славистов]. — В кн. IV Международный съезд славистов. Отчет. М., АН СССР, 1960, с. 22—25.

Выступление [по докладу Н. С. Тихонова «Советский народ за всеобщее и полное разоружение»]. — В кн. Конференция советской общественности за разоружение. Москва, 15—16 февраля 1960 г. Сборник материалов и документов. Госполитиздат, 1960, с. 70—74.

То же. — Conférence de l'opinion soviétique pour le désarmement. Moscou, les 15—16 février 1960. Discours et textes adoptés. M., Ed. en lang. étr., 1960, p. 84—89. На французском языке.

O proizvodji i potrosnji u socijalizmu. [О производстве и потреблении при социализме]. — Savremeni problemi privrednog razvoja u socijalizmu. Zbornik radova. 2 Deo. Beograd, Naučna knjiga, 1960, s. 26—46.

[Выступление по докладу Е. К. Федорова «Об итогах научной деятельности и внедрения законченных научных работ

Академии наук СССР за 1959 г.» на Годичном собрании АН СССР 24—26 февраля 1960 г.]. — Вестн. АН СССР, 1960, № 4, с. 93—94.

Использование государством экономических законов в период развернутого строительства коммунизма. [Выступление на дискуссии «Экономическая роль государства при социализме», проведенной в апреле 1960 г. редакцией журнала «Проблемы мира и социализма» и Институтом экономики Академии наук Чехословацкой Социалистической Республики в Праге]. — Пробл. мира и соц., 1960, № 7, с. 63—68.

[Воспоминания об А. В. Луначарском]. — Нар. образ., 1960, № 11, с. 88. [Совместно с другими].

Митинг в Замоскворечье. [В. И. Ленин в день 1 Мая 1920 г. Воспоминания]. — Правда, 1960, 29/IV, № 120.

Экономическая наука должна идти вперед. Беседа. — Экон. газ., 1960, 26/IV, № 23.

1961

Политическая экономия. Учебник. [Редактор К. В. Островитянов и др.] Изд. 3, переработ. и доп. [Совместно с др.]. Таллин, 1961. На эстонском языке.

Politická ekonomie. Učebnice [Политическая экономия. Учебник]. (Praha, Stát. nakl. polit. lit., 1961, 738, (10) s.

Программа построения коммунистического общества. — Вестн. АН СССР, 1961, № 8, с. 3—16.

Строительство коммунизма и товарное производство. — Вопр. экон., 1961, № 10, с. 13—28.

Вступительное слово. — В кн. Социально-экономические проблемы технического прогресса. Материалы научной сессии Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР. М., АН СССР, 1961, с. 3—8.

Академику Отто Вильгельмовичу Куусинену. [Поздравление в связи с 80-летием со дня рождения]. — Вестн. АН СССР, 1961, № 11, с. 17. [Совместно с другими].

Исторические этапы. [Обсуждение проекта Программы КПСС. Беседа]. — Веч. Москва, 1961, 1/VIII, № 180.

1962

За творческое содружество экономистов и математиков. — Вестн. высш. шк., 1962, с. 22—23.

Der Aufbau des Kommunismus und die Warenproduktion. [Строительство коммунизма и товарное производство]. — So-wjetwiss. Gesellsch.-wiss. Beitr., 1962, N 2, S. 126—144.

Idem. — Közgazdasági szemle, 1962, N 1, ol. 36—51. На венгерском языке.

Projev na pohřbeby soudruha Zr. Nejedlého. [Речь на похоронах З. Неэдлы]. — Rudé právo, 1962, 15/III, N 73.

Строительство коммунизма и товарно-денежные отношения. Госполитиздат, 1962, 151 с.

То же. Таллин, Eesti Ruklik Kirjastus, 1962, 124 с. На эстонском языке.

Роль товарного производства в строительстве коммунизма. — В кн. От социализма к коммунизму (Сборник статей). М., «Наука», 1962, с. 168—193.

О координации научно-исследовательских работ. — В кн. XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. [Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений 30 января—2 февраля 1962 г.]. Госполитиздат, 1962, с. 110—115.

Широким фронтом. [Актуальные проблемы, стоящие перед экономистами]. — Сов. Латвия, 1962, 18/1, № 15.

Рец.: Сила экономических знаний. [Политическая экономия. Учебник. Изд. 4. Госполитиздат, 1962]. — Сов. Россия, 1962, 8/XII, № 287.

1963

Политическая экономия. Учебник. К. В. Островитянов и др. Пер. с 4-го, перераб. и доп., рус. изд. Киев, 1963, 623 с. На украинском языке.

То же. Тбилиси, «Цодна», 1963, 884 с. На грузинском языке.

То же. Баку, Азеручпедгиз, 1963, 720 с. На азербайджанском языке.

То же на армянском, латышском, украинском, эстонском языках.

Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. — В кн. Политическая экономия. Т. I. М., ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963, с. 624—664.

Основной экономический закон социализма и вопросы методологии политической экономии. — Вопр. экон., 1963, № 1, с. 98—113.

Общественная собственность — основа нового мира. — Моск. правда, 1963, 28/VIII, № 202.

Товарно-денежные отношения в период строительства коммунизма. Будапешт, 1963, с. 206. На венгерском языке.

Рец.: Политическая экономия. [Новое издание учебника]. — Полит. самообразование, 1963, № 1, с. 132—135.

1964

Политическая экономия. Учебник. К. В. Островитянов и др. Изд. 2. Кишинев, «Картя молдовеняскэ», 1964, 750 с. На молдавском языке.

Методологические проблемы экономической теории. [Выступление на заседании Президиума Академии наук СССР]. — В кн. Методологические проблемы науки. М., АН СССР, 1964, с. 272—276.

Методологические вопросы политической экономии социализма. — Вопр. экономики, 1964, № 9, с. 111—128.

Ред.: Князев Г. А. и Кольцов А. В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. Изд. 3, доп. М.—Л., «Наука», 1964, 226 с.

Глав. ред.: История АН СССР в 3-х томах [Ленинградское отделение]. М.—Л., «Наука», 1964, с. 772 (том II).

1965

Памяти В. С. Немчинова. — Вестн. АН СССР, 1965, № 1, с. 122—123. [Совместно с другими].

Наше идейное оружие. Заметки пропагандиста. — Моск. правда, 1965, 18/VIII.

То же. — Литер. газета, 1965, № 9.

Вопросы экономического развития социалистических стран Европы. [О Международной экономической конференции в Болгарии. Пловдив, 30 ноября—5 декабря 1964 г.]. — Вопр. экономики, 1965, № 5, с. 151—155.

На конференции экономистов в Болгарии. — Вестн. АН СССР, 1965, № 5, с. 89—93.

Ученые о науке. — В мире книг, 1965, № 4, с. 20—21, рис.

Рец.: Распространение марксистских идей в грузинской публицистике XIX в. Гугушвили П. В. Карл Маркс в грузинской публицистике и общественности до 1898 г. АН Грузинской ССР, 1963, 287 с. — Вопр. экономики, 1965, № 4, с. 127—129.

Рец.: Подляшук, П. Партийная кличка — Лунный. Документальная повесть. Политиздат, 1964, 248 с. — Нов. мир, 1965, № 3, с. 280—281.

Ред.: Краткий очерк истории АН СССР (изд. 3-е) М.—Л., «Наука», 1964, 225 с.

1966

Политическая экономия социализма, специальные и отраслевые экономики. [К вопросу о классификации экономических наук]. — Вопр. экон., 1966, № 9, с. 56—65.

Выступление на обсуждении докладов по вопросам ценообразования. [Общее собрание АН СССР 14 декабря 1965 г.]. — Вестн. АН СССР, 1966, № 2, с. 81—82.

Экономические заметки. Перспективы развития экономики СССР в свете решений XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза). [Совместно с Г. Тарасовым]. Знамя, 1966, № 5, с. 171—187.

«Ленинские чтения» по актуальным проблемам экономики [интервью]. Вопр. экон., 1966 г., № 11, с. 155—157.

Сохраним документы истории Советского государства. [Обращение к гражданам, имеющим в личных архивах уникальные документы по истории СССР]. — Сов. фото, 1966, № 2, с. 1. [Совместно с другими].

Рец.: Исследование экономических проблем социалистической системы. [Мировая социалистическая система хозяйства. Т. I. Ставление мировой социалистической системы хозяйства. М., «Мысль», 1966, 511 с.]. — Вопр. экон., 1966, № 10, с. 137—141. [Совместно с Л. Левшиным].

1967

Думы о прошлом. Из истории русской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве. М., «Наука», 1967, 315 с., илл.

Программа курса политической экономии. Для высших учебных заведений. [100 и 140 часов]. М., 1967, 46 с. [Совместно с другими].

Программа курса политической экономии. Для высших учебных заведений. [250 и 300 часов]. М., «Мысль», 1967, 46 с. [Совместно с другими].

Перспективы исследований в области политэкономии социализма. — Вопр. экономики, 1967, № 1, с. 150—151.

Нужны постоянные творческие поиски. Задачи развития экономической науки в свете Постановления ЦК КПСС о развитии общественных наук. Беседа. — Вопр. экономики, 1967, № 11, с. 148—150.

Вступительное слово [на расширенном пленуме Комитета Советского национального объединения историков естествознания и техники, Москва, 1965]. — Вопросы истории естествознания и техники, 1967, вып. 21, с. 3—5.

Крупный ученый-экономист. [К 90-летию со дня рождения академика С. Г. Струмилина]. — Эконом. газета, 1967, № 4, с. 34.

Шаги в революцию. [Рассказывает К. В. Островитянов, член КПСС с 1914 года, академик]. — Веч. Москва, 1967, 30/I, № 25, с. 2, портреты.

Гениальный провидец. [Воспоминания о встрече с В. И. Лениным]. — Сов. торг., 1967, 22/IV, № 48.

Готовы служить революции. [О деятельности АН СССР]. — Сов. Молдавия, 1967, 30/V, № 125; Казахстан. правда, 1967, 29/VII, № 175.

Речь на митинге, посвященном открытию памятника Владимиру Ильичу Ленину. — Правда, 1967, 3/XI, № 307; Известия, 1967, 2/XI, № 260.

Рец.: «Октябрь в Москве». М., 1967, 432 с. — Правда, 1967, 16/XI, № 320. [Совместно с В. Кондратьевым].

1968

Политическая экономия социализма, специальные и отраслевые экономики. [К вопросу о классификации экономических наук]. — В кн. Система экономических наук. М., «Наука», 1968, с. 9—34.

Вступительное, заключительное слово. Дискуссия в Научном совете «Экономические закономерности развития социализма и его перерастания в коммунизм». — В кн. Дискуссия об оптимальном планировании. М., «Экономика», 1968, с. 3—6; 153—161; 161—174.

Важная черта социалистической экономики. — Эконом. газ., 1968, 12/V, № 20, с. 17—18.

Экономическая реформа и вопросы на теорията. Иконом. живот, София, 1968, 15/II, № 7, с. 6—7.

Рец.: Экономические науки и социализм. [О книге «Система экономических наук»]. — Книжное обозрение, 1968, 3/VIII, № 31, с. 2—3.

Рец.: [Пятницкий О. А. «Октябрь в Москве». М., «Московск. рабочий», 1967, 432 с.]. — Вопросы истории КПСС, 1968, № 6, с. 105—108. [Совместно с В. А. Кондратьевым].

Ответ ред.: Дискуссия об оптимальном планировании. М., «Экономика», 1968, 192 с. [Совместно с другими].

Ред.: Организация науки в первые годы Советской власти. (1917—1925). Сборник документов. Л., «Наука», 1968, 419 с.

Глав. ред.: Система экономических наук. М., «Наука», 1968, 462 с.

1969

Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. — В кн. Политическая экономия. Т. 1 (изд. 2, доп.)

М., «Мысль», 1969, стр. 591—627. (Глав. ред. уч. лит. ВПША АОН при ЦК КПСС).

Идеи Ленина живут и побеждают. — В кн. «По заветам вождя» Сборник. М., Моск. рабочий, 1969, стр. 6—19.

За исторический подход к теории товарного производства при социализме. — Вопр. эконом., 1969 г., № 1, стр. 3—13.

1970

Программа курса политической экономии для высших учебных заведений (250—300 часов). М., «Мысль», 1970, 64 с. [Совместно с другими].

Вступительное слово при открытии совещания. — В кн. «Против буржуазной и ревизионистской идеологии в экономической науке». Материалы Всесоюзного совещания. Октябрь 1968. М., «Экономика», 1970, с. 10—11.

В. И. Ленин о роли товарных отношений в строительстве социализма и коммунизма. — В кн. «В. И. Ленин и проблемы политической экономии социализма». М., «Мысль», 1970, с. 102—124.

Ред.: Против буржуазной и ревизионистской идеологии в экономической науке. Материалы Всесоюзного совещания. [Совместно с другими]. М., Экономика, 1970, 231 стр.

1971

К вопросу о товарном производстве при социализме. М., «Наука», 1971, с. 67.

Константин Васильевич Островитянов. Материалы к библиографии ученых СССР. Вступительная статья Т. С. Хачатурова и И. В. Маевского. — Библиография трудов. «Наука», 1962, стр. 64 (портрет).

Приветствие Президиума Академии наук СССР. Юбилейное заседание, посвященное 70-летию академика К. В. Островитянова. — Вестн. АН СССР, 1962, № 3, с. 103.

Хачатуров Т. Выдающийся ученый-коммунист. (К 70-летию академика К. В. Островитянова.) — Вопр. эконо., 1962, № 5, с. 154—159.

Кандидаты в действительные члены Академии наук СССР. — Известия, 1949, 1/VI, № 127.

Островитянов, Константин Васильевич. — БСЭ, изд. 2, т. 31, 1955, с. 337 (портр.).

Островитянов, Константин Васильевич. — Академики, избранные Общим собранием Академии наук СССР 23 окт. 1953 г. Краткие биографии. — Вестн. АН СССР, 1953, № 12, с. 73, портр.

Островитянов, Константин Васильевич. — МСЭ, изд. 3, т. 6, 1959, с. 1022.

Островитянов, Константин Васильевич. — Энци. сл. т. 2, 1954, с. 572, портр.

Академик К. Островитянов в Тбилиси. — Сакартвелос экономисти, 1963, № 12, с. 81—83. На грузинском языке.

Островитянов, Константин Васильевич. — Укр. рад. енци., т. 10, 1962, с. 412.

Косимуро С. Беседа с академиком К. В. Островитяновым. — Кайдзай хё, рон, 1960, № 2, с. 147—148, портр. На японском языке.

Румянцев А. М. Предисловие. — К. В. Островитянов. К вопросу о товарном производстве при социализме. «Наука», 1971, стр. 3—8 (портрет).

Румянцев А., Левшин Л., Островитянов Ю. Ученый-коммунист (к 80-летию со дня рождения академика К. В. Островитянова). — «Вопросы экономики», 1972, № 5, стр. 102—109.

*

Якубовский Д. — Островитянов К. К вопросу о земельной ренте в советском хозяйстве. М.—Л., ГИЗ, 1929, 128 с.

[Библиотека рабочего пропагандиста]. — Кн. и рев., 1929, № 10, с. 46—47 (рецензия).

Гальперин Ц. И. Островитянов К. В. Очерки экономики докапиталистических формаций (МГУ), 1945, 151 с.— (Уч. зап. МГУ. Вып. 84). — Вестн. высш. шк., 1946, № 7, с. 62—63. (рецензия).

Рейхардт В. В. Островитянов К. В. Очерки экономики докапиталистических формаций. М., 1945, 151 с.— Вестн. ЛГУ, 1947, № 9, с. 165—170 (рецензия).

Островитянов К. Социалистическая система народного хозяйства и законы ее развития. — Хроника экон. наук в СССР, 1946, № 6, с. 7 (рецензия).

Козлов Г. и Саков М. Марксистский учебник политической экономии. — Коммунист, 1954, № 18, с. 78—93 (рецензия).

О пропаганде экономических знаний. (К выходу учебника политической экономии). — Вопр. экон., 1954, № 10, с. 3—14.

Жуковский Я. и Морозов А. Ценный труд по политической экономии. [К выходу в свет нового учебника по политэкономии] — Известия, 1954, 10/X, № 241.

Тяпкин Н. Ценное пособие для изучения политической экономии. [К выходу в свет нового учебника по политической экономии]. — Моск. правда, 1954, 16/X, № 246.

Ширинский И. Новый учебник марксистской политической экономии. — Пропаг. и агит., 1954, № 21, с. 21—30.

Травников А. Марксистский учебник политической экономии (Политическая экономия. Госполитиздат, 1954, 640 с). — Пропагандист, 1954, № 11, с. 70—79.

Сергеев С. В., Пирогова З. А. и Ольсевич Ю. Я. Год работы с новым учебником (по политэкономии). — Вестн. высш. шк., 1955, № 9, с. 36—39.

Павлов П. За глубокое изучение марксистско-ленинской политической экономии [Политическая экономия. Учебник. Изд. 3. Госполитиздат, 1958]. — Пропагандист, 1958, № 11, с. 40—44.

Дукельский С. О третьем издании учебника по политической экономии. Заметки пропагандиста. — Моск. проп., 1959, № 7, с. 68—74.

Зинченко Г. и Сдобнов С. Об освещении некоторых вопросов экономической теории в учебнике «Политическая экономия». — В помощь политич. самообраз., 1959, № 2, с. 130—135.

Алладатов Д. и Рахманов А. Некоторые замечания к переводу учебника политической экономии. Островитянов К. В., Леонтьев Л. А. и др. Политическая экономия. Пер. с 2 изд. Ашхабад. Туркмениздат, 1956. На туркмен. яз. — Коммунист Туркменистана, 1957, № 4, с. 71—74 (рецензия).

Рыбаков М. В. Академик К. В. Островитянов. Думы о прошлом. М., «Наука», 1967, 316 с. — Вопросы истории КПСС, 1967, № 7, с. 119—122 (рецензия).

*

Академик Константин Васильевич Островитянов. [Некролог]. — Правда, 1969, 11/II, № 42. Портрет; Комсом. правда, 1969, 11/II, № 35; Известия, Моск. вечер. вып., 1969, 11/II, № 36, портр.; Экономич. газета, 1969, 10/II, № 7, два портр.

Академик Константин Васильевич Островитянов. [Некролог]. — Вопросы экономики, 1969, № 3, стр. 159.

Константин Васильевич Островитянов. — Мировая экономика и международные отношения, 1969, № 3, стр. 156—157 (портр.)

Константин Васильевич Островитянов. [Некролог]. — Вестн. АН СССР, 1969, № 3, стр. 87—88 (портр.)

Похороны К. В. Островитянова. Правда, 1969, 13/II, № 44.

Кольдов, Академик К. В. Островитянов. — В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2 (31). М., «Наука», 1970, стр. 114—115.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Выдающийся советский экономист	4
Основные даты жизни и деятельности академика К. В. Островитянова	15
Раздел первый.	
РАЗВИТИЕ ЛЕНИНЫМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАПИ- ТАЛИЗМА	22
К вопросу о развитии Лениным Марксовой политэкономии капитализма	22
Развитие Лениным экономического учения Маркса	68
О работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»	90
Раздел второй.	
ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	111
Предмет политической экономии	111
Чему учит политическая экономия	136
Раздел третий.	
ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ	146
Докапиталистические формации	146
Раздел четвертый.	
ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАПИТАЛИЗМА	259
Три стадии развития капитализма в промышленности	259
Земельная рента и развитие капитализма в сельском хо- зяйстве	309
	393

Раздел пятый.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ	351
Великий провидец	351
Идеи Ленина живут и побеждают	357
Памяти В. И. Ленина	366
Библиография трудов	368
Литература о жизни и трудах К. В. Островитянова	391

Константин Васильевич Островитянов
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

Политическая экономия
досоциалистических формаций

*Утверждено к печати
Отделением экономики АН СССР
Институтом экономики АН СССР*

Редакторы издательства Н. Я. Маркович, В. С. Баковецкая
Художественный редактор А. Н. Жданов
Технический редактор Т. Д. Панасюк

Сдано в набор 28/VIII-1972 г. Подписано к печати 24/XI-1972 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 24.75. Уч.-изд. 28.0.
Тираж 7000 экз. Бумага № 1. Тип. зак. 1268.
Цена 2 р. 03 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука»
199034. Ленинград, 9 линия, 12

